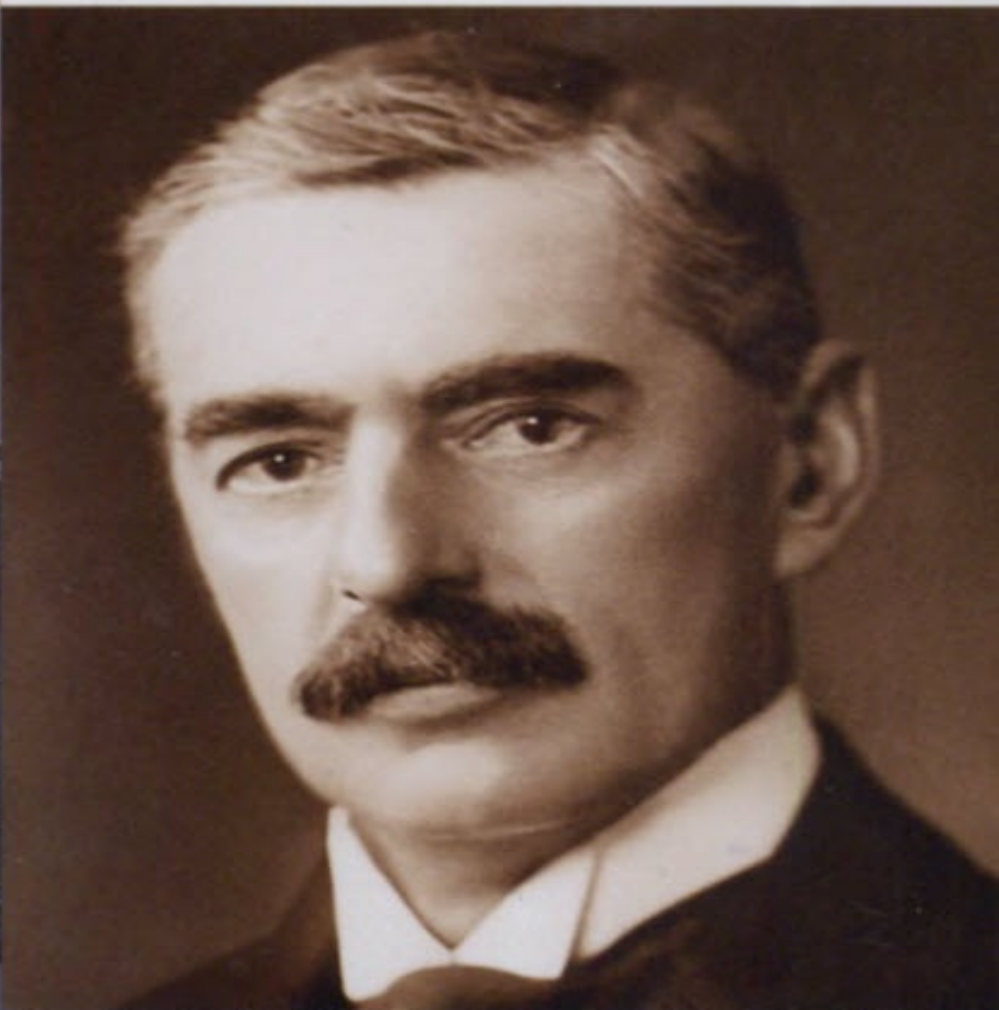

НЕВИЛЛ ЧЕМБЕРЛЕН

Моргана
Деблин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Фамилия Чемберлен известна у нас почти всем благодаря популярному в 1920-е годы флешмобу «Наш ответ Чемберлену!», ставшему поговоркой (кому и за что требовался ответ, читатель узнает по ходу повествования). В книге речь идет о младшем из знаменитой династии Чемберленов — Невилле (1869–1940), которому удалось взойти на вершину власти Британской империи — стать премьер-министром. Именно этот Чемберлен, получивший прозвище «Джентльмен с зонтиком», трижды летал к Гитлеру в сентябре 1938 года и по сути убедил его подписать Мюнхенское соглашение, полагая при этом, что гарантирует «мир для нашего поколения». И именно этот Чемберлен спустя 11 месяцев превратит германо-польский конфликт во Вторую мировую войну. Историк Моргана Девлин, много лет занимающаяся исследованием политики Британской империи, представляет принципиально новую для российского читателя книгу — первое жизнеописание Н. Чемберлена на русском языке, основанное на его дневниках, личных письмах, записях и мемуарах его окружения... Чемберлен, чье имя и в СССР, и в современной России — синоним «предательства», предстает в неожиданном свете, оставляя вопрос: «Нужно ли политику быть джентльменом?» — и раскрывает печальные последствия ответа «Да».

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Моргана Девлин](#)
    -
    - [НЕСКОЛЬКО ВСТУПИТЕЛЬНЫХ СЛОВ](#)
    - [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)

- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)

- [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ](#)
- [INFO](#)
- [СЕРИЯ](#)
- [СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)

- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)

- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)

- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)

- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)

- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)

- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)

- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)

- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)

- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)

- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)

- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)

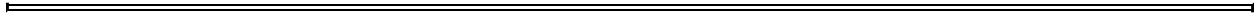

- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)

- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)

- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)

- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1976

(1776)

Моргана Девлин

**НЕВИЛЛ ЧЕМБЕРЛЕН:
ДЖЕНТЛЬМЕН С ЗОНТИКОМ**

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Девлин М. А., 2019
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2019

НЕСКОЛЬКО ВСТУПИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Фамилия Чемберлен сегодня известна, пожалуй, каждому российскому читателю. Даже далекие от истории люди оперируют расхожим выражением «Наш ответ Чемберлену!», хотя и не всегда имеют достаточное представление о том, что это за джентльмен и почему он нуждается в ответе.

Чтобы никого не вводить в заблуждение, сразу оговорюсь: в этой книге речь пойдет не о том самом Остине Чемберлене^[1], который, будучи министром иностранных дел Британской империи, в 1927 году разорвал дипломатические отношения с Советским Союзом, по поводу чего ему и порывались отвечать. Речь пойдет о его брате Невилле, который добился больших карьерных высот. Единственный из династии Чемберленов он стал премьер-министром Великобритании, в сентябре 1938 года трижды летал в Германию, а точнее сказать, в рейх на переговоры с Гитлером (и ценой именно его усилий было подписано знаменитейшее Мюнхенское соглашение), в сентябре 1939-го объявил о вступлении Британии в германопольский конфликт, тем самым начав Вторую мировую войну, и по сей день считается одной из самых спорных и противоречивых исторических фигур XX века.

Тогда как на Западе выпущена далеко не одна биография Невилла Чемберлена^[2], в Советском Союзе и позже, в постсоветской России ни одной книги о нем написано не было. Была издана монография Л. Е. Кертмана «Джозеф Чемберлен и сыновья»^[3], но в ней львиная доля внимания уделена отцу-основателю этой политической династии; о Невилле, младшем сыне, говорится лишь в последней главе. Вероятно, причиной тому явилось однозначное восприятие его советской историографией, в которой премьер-министр Невилл Чемберлен — олицетворение мирового зла. Причем зла недалекого, неумного, не столь остроумного, как, например, Уинстон Черчилль, русскоязычной литературы о котором — огромное количество. (Правда, качество ее оставляет желать лучшего, и со времени появления знаменитой «зеленой книги» Труханове ко го^[4] оно только ухудшается. Вышедшая в этой же серии «ЖЗЛ» книга Франсуа Бедариды^[5] — редкий пример противоположного.)

«Акула империализма», «кровожадный болван» — так характеризовали бывшего британского премьер-министра Невилла

Чемберлена в СССР; даже сегодня в России появляются книги, где можно встретить утверждение, что «Н. Чемберлен был попросту сошедшим с ума человеком»^[6]. Как сумасшедшему старику удавалось почти три года, причем решающих года не только для его родины, но и для всего мира, управлять Британской империей, остается тайной, на которую настоящее жизнеописание Невилла Чемберлена и пытается пролить свет.

Существенную роль в демонизации Чемберлена в глазах советских читателей сыграл Иван Михайлович Майский — дипломат, бывший полпредом в Лондоне порядка тринадцати лет^[7]. Майский неоднократно лично встречался с Чемберленом — и в период, когда тот был министром финансов, и позже, когда он стал премьер-министром. В объемном литературном наследии бывшего полпреда^[8] превалирует мысль, что «в памяти человечества (именно человечества, а не только Великобритании) он <Н. Чемберлен> остался зловецим монстром, которого оно долго не забудет». Впрочем, доставалось от Майского всем. Даже его любимцы Черчилль и Ллойд Джордж тут же получали уничижительные характеристики, стоило им только сказать что-либо вразрез с его мнением. Майский совершенно по-бунински ядовит и беспощаден. И если читателей, интересующихся тем историческим периодом, не пугает откровенно ангажированная литература, то из всех объемных произведений Майского они могут не без пользы уделить время недавно увидевшему свет трехтомному «Дневнику дипломата»^[9].

Ценна эта подборка дневниковых записей Ивана Михайловича тем, что, несмотря на общий тон, в ней много интересных деталей, позволяющих лучше разглядеть тех далеких, странных государственных деятелей с черно-белых фотографий, которые «отказывались от водки, но не возражали против глинтвейна» в советском полпредстве, «закидывали одну на другую свои длинные тощие ноги», слушали фокстроты, «крыли матом правительство»... Словом, представить их живыми людьми со всеми недостатками (о достоинствах Майский писать, как говорится, не спешил).

Однако воспринимать Невилла Чемберлена и его окружение только через призму советской исторической литературы ныне было бы нечестно и, более того, недальновидно в смысле исторических уроков. Западные ученые до сих пор о премьер-министре не забывают, исследования о его жизни и деятельности появляются с завидной регулярностью^[10]. Новая книга о нем выходит в свет практически каждое десятилетие начиная еще с 1938 года, когда в самый разгар премьерства Чемберлена вышла его биография, написанная Ходжсоном^[11]. В большинстве новых исследований

основная мысль заключается в том, что Невилл Чемберлен — фигура трагическая.

В чем же состоял его трагизм? В первую очередь в том, что он не умел выбирать международных партнеров для ведения дел. Как выразительно заметил однажды британский посол в Германии Гендерсон: «Невозможно играть в шахматы с человеком, который слоном пытается ходить так же, как конем»^[12]. Посол это говорил конкретно о германском рейхсминистре фон Риббентропе, и говорил не совсем справедливо. У этих двоих, Гендерсона и Риббентропа, была стойкая взаимная антипатия. Тем не менее общий посыл выражает и отношение большинства западных историков к переговорам Чемберлена с рейхом и лично с Адольфом Гитлером.

Все историки сходятся в том, что если бы в 1937 году Невилл Чемберлен неожиданно умер, он несомненно вошел бы в историю как величайший британский премьер. Три сентябрьские встречи премьер-министра с фюрером в следующем году, завершившиеся подписанием Мюнхенского соглашения 30 сентября 1938 года и триумфальной фразой о «мире для нашего поколения», фактически подвели черту под всей предыдущей деятельностью Чемберлена. То, что было сделано им на поприще политики внутренней (а это он восстанавливал страну после Первой мировой, занимаясь социальными реформами; он пытался спасти подорванную экономику в годы мирового кризиса, будучи министром финансов), блекнет и теряется на поприще его внешнеполитических деяний.

Переговоры с Гитлером осенью 1938 года, последующее предоставление гарантий Польше в марте 1939-го, наконец, объявление войны рейху в сентябре того же 1939-го...

Однако ряд фактов, которые будут представлены в этой книге, позволяет говорить, что основная трагедия «джентльмена с зонтиком» заключается не только в том, что он пожимал руки таким людям, как Адольф Гитлер, но и в том, что он верил своим же соратникам, друзьям, империалистам, «побившим рекорд по утонченности своего отвратительного лицемерия», — как писал когда-то, на заре XX века, о британских политиках В. И. Ульянов-Ленин.

Окружение Чемберлена оставило огромный пласт мемуарной литературы^[13]. Пожалуй, единственный, кто не посчитал нужным обнародовать свою точку зрения на все происходившее тогда, был сэр Хорас Уилсон^[14]. О нем будет сказано в книге особо, поскольку многие считали этого человека «злым гением» Чемберлена и его политики. А сэр

Кингсли Вуд^[15], до определенного момента один из самых близких друзей премьер-министра, просто не успел оставить мемуары ввиду скорострительной смерти.

Подавляющее же большинство остальных участников тех далеких событий выпускали иной раз и не одну, а несколько книг, что, безусловно, также позволяет увидеть до крайности субъективные, но тем и интересные оценки и мнения. К примеру, дневники^[16] сэра Александра Кэдогана^[17] порой даже увлекательнее дневников Майского, но, к сожалению, они не были переведены на русский, поэтому доступны читателям только в оригинале. Зато была переведена, причем еще в 1950-е годы, большая часть из трехтомных мемуаров Леопольда Эмери^[18] «Моя политическая жизнь»^[19]. Очевидно, советским издателям показалось важным обнародовать в СССР мнение человека, который основных государственных постов никогда не занимал, но не без оснований похвалялся тем, что именно он сверг правительство Чемберлена.

В общем и целом коллеги и подчиненные Невилла Чемберлена откровенно не «клевали» его в своих воспоминаниях. Достаточно было и того, что практически все они его предали в мае 1940 года. Только «барон прессы» лорд Бивербрук (впрочем, не самостоятельно, а с помощью коллектива нанятых авторов) еще при жизни премьера выпустил разгромную брошюру «Винные люди»^[20], в которой клеймил позором и своего друга, и всех других. Остальные мемуарные рассуждения в основном сводятся к мудрости задним числом и доказательству справедливости своих же собственных действий и суждений; взять на себя ответственность за политику всей Британской империи, как сделал это Чемберлен, его коллеги и друзья, что называется, не спешили.

Сам премьер-министр ни о каких мемуарах не помышлял. В конце сентября 1940-го покинув Кабинет и уйдя с поста лидера Консервативной партии, Невилл Чемберлен продолжал по мере сил вникать в государственные дела, просматривал правительственные бумаги по специальному разрешению Его Величества Георга VI, что и стало его официальной наградой (от иных, в том числе от любых титулов, Чемберлен отказался).

Однако, на счастье историков, Чемберлен на протяжении почти всей жизни вел переписку со своими сестрами, особенно с Идой и Хильдой, с которыми был очень близок с самого детства. Письма эти были изданы под редакцией американского «чемберленоведа» и архивиста Роберта Селфа четырьмя томами^[21]. Переписка начинается с марта 1915 года, когда

Чемберлен еще готовился стать лорд-мэром своего родного Бирмингема, и оканчивается сентябрем 1940 года. Селф, комментируя одно из последних писем Невилла Чемберлена, в котором тот говорит, что не заботится о собственной репутации и историки смогут сделать правильные выводы о его политике и о нем самом^[22], приходит к выводу, что данное утверждение стало одним из самых впечатляющих заблуждений экс-премьер-министра.

Выдержками из дневников богато дополнена и официальная биография Невилла Чемберлена, так называемый «Лайф»^[23], которую написал Кит Фейлинг в 1944 году. Книга не раз переиздавалась и по сей день является одной из лучших и полных книг о Чемберлене.

Особенность же настоящего жизнеописания не только в уникальности героя и политических событий вокруг него, о которых горячо спорят до сих пор, но и в том, что герой в основном будет говорить сам — посредством своих писем и дневниковых записей. Его переписка не подвергалась никакой редактуре, сестры бережно сохраняли полученную корреспонденцию и после смерти Чемберлена передали ее в архив Бирмингемского университета. Дневники свои он также не правил (в отличие от Лео Эмери, который перед публикацией мемуаров в 1955 году дневник за 1917 год просто заново написал). Единственная цензура, которую проходили мысли Невилла Чемберлена перед тем, как лечь на бумагу, — его личные сиюминутные ощущения.

До сих пор российскому читателю в основном предлагалась одна точка зрения на те далекие события — Уинстона Черчилля. С книгой Эмери, по тону мало отличающейся от трудов «английского бульдога», мало кто знаком. В настоящей же книге помимо главного героя говорить будут и другие участники событий, мнение Черчилля зачастую опровергая, как, например, это делал его верный паладин министр иностранных дел Энтони Иден в своих мемуарах. Основой для этого послужат их письма, дневники и воспоминания (правда, уже весьма подредактированные авторами, в отличие от эпистолярия и записок Чемберлена).

И все же читатель вправе спросить: чем сегодня, в XXI веке, может быть нам интересен этот джентльмен с зонтиком и хищным профилем, считающийся одним из самых грандиозных неудачников XX века? Пожалуй, тем, что он кардинально отличался и от своих предшественников, и от своих преемников, и от коллег. Отличался образом мышления, тем, что ненавидел войну всем своим существом, хотя ни в каких военных действиях участия никогда не принимал, в отличие от многих бывших фронтовиков Первой мировой, то и дело подталкивающих мир к новой

страшной катастрофе. Отличался сферой политических интересов, социальной, человеческой направленностью своих чаяний. Отличался происхождением, отличался образованием, точнее сказать — отсутствием классического для политиков «Оксбриджа». Отличался смелостью, из-за которой его считали трусом. Отличался тем, что в таком грязном деле, как политика, оставался джентльменом. Джентльменом с зонтиком. Это прозвище приклеилось к нему еще в 1920-е и умерло вместе с ним 9 ноября 1940 года.

Несмотря на то, что Чемберлен вполне органично встраивался в первую половину XX века, его взгляды, его намерения, его идеи — главная из которых: «не допустить войны в целом, навсегда» — тогда не прижились. Британской империи нужны были полководцы, а не миротворцы, но ее жители хотели одного — мира. Этим и объясняется популярность премьер-министра среди простых граждан вплоть до его смерти. Даже в марте 1940-го Невилл Чемберлен имел 57 процентов поддержки населения, что для демократического государства — весьма высокий уровень, тем более в военный период.

И сегодня, когда планета сталкивается с новыми угрозами, когда даже отъявленные «ястребы» признают, что в войне не бывает победителей, что война — это поражение^[24], стремление Чемберлена к такому опошленному, но такому необходимому миру во всем мире все же заслуживает пересмотра. Да и сам он, однозначно поданный когда-то как «сумасшедший зловещий монстр», может быть представлен читателю более объективно, без прикрас и идеологических подоплек, со всеми своими мыслями, чувствами, деяниями. Ведь Невилл Чемберлен все-таки в первую очередь был человеком, а уж замечательным или нет, в этом читатели смогут разобраться самостоятельно, прочитав эту книгу.

Сентябрь 2018, Москва

Глава 1

«ХУДШИЙ ИЗ СЫНОВЕЙ» (1869–1916)

Несмотря на все трудности, которые ты переносишь, я должен признаться, что завидую твоей возможности продемонстрировать все свое мужество [\[25\]](#).

Джозеф Чемберлен

Удивительно, но один из самых ярких миротворцев XX века родился в семье, которая войнам всегда симпатизировала. Бизнес Чемберленов, будь то производство обуви, чем они занимались изначально, с XVIII века, или походных железных коек, производство которых появилось куда позже и дало благодатную почву для острословов вроде Дэвида Ллойд Джорджа, в военный период расцветал. На момент рождения Невилла (18 марта 1869 года) Чемберлены были уже известными промышленниками Бирмингема и вместе со своими родственниками по фамилии Неттл-фолд имели крупное производство, специализирующееся на винтах, шурупах и прочих запчастях для машин. Бизнес был прибыльным, успешным, что позволяло семье вести весьма обеспеченную жизнь.

Джозеф Чемберлен, будущий «строитель империи» и отец двух видных политиков — Остина и Невилла — был первым из девяти детей в семье. Родители имели возможность дать ему прекрасное образование, какое требовалось человеку практического рода занятий, то есть бизнесмену. Он окончил престижную школу в Камберуэлле и Университетский колледж Лондона. Разумеется, это не Итон, не Оксфорд и не Кембридж — подобные учебные заведения предназначались для людей иного класса, которые через пару десятков лет будут искренне удивляться, обнаружив Джозефа Чемберлена на одной скамье с собой в палате общин. А поначалу он поступил на фабрику отца как простой рабочий, который делает башмаки.

Вскоре, конечно, Джозефа перевели в бухгалтерию, но приобретенный опыт нахождения в рабочей среде он запомнит на всю жизнь, и первые его шаги в политике будут связаны именно с помощью тем людям, которые

работали на его фабриках. Для таких людей очень скоро из руководителя и фабриканта Джозеф Чемберлен превратится в «нашего Джо».

Его интерес к политике был отчасти следствием интересов бизнесмена. Он замечал, что сокращение рабочего дня (а в тот период работали по 12–15 часов) благотворно сказывается на производительности труда и что рабочий, который умеет хотя бы читать и писать, работает лучше безграмотного. С этим и были связаны его первые инициативы в политической и административной деятельности в родном Бирмингеме, где в 1869 году он основал Национальную лигу образования^[26]. В этом же году родился его второй сын от второго брака — Невилл. Первый брак Джозефа трагически оборвался в 1863 году, когда при родах первого сына — Остина — скончалась его жена Гарриетт.

И Гарриетт, и вторая жена Флоренс, мать Невилла, происходили из многочисленной семьи Кенриков, весьма известной и уважаемой в Бирмингеме. Семья эта довольно давно переехала в Бирмингем из Уэльса. В религии Кенрики придерживались унитариянства с оттенками ранней приверженности к гугенотству (одно из направлений протестантизма). Сам же Джозеф, несмотря на формальную причастность к унитариям, был едва ли не атеистом, причем в определенном смысле даже «воинствующим», что проявлялось в его борьбе за отделение церкви от школьного образования, а в более смелых планах — и от государства^[27]. В конце 60-х — начале 70-х годов XIX века подобные «передовые взгляды» были не то что нетипичны для британского подданного, а считались вызывающе революционными. Если уж Чемберлен во что-то истово и верил, так это в свою страну и в ее людей, о чем он позже скажет в своей знаменитой речи: «Во-первых, я верю в Британскую империю; во-вторых, я верю в британскую расу. Я верю, что британцы — величайшая из имперских рас, какие когда-нибудь знавал мир»^[28].

В духе свободного вероисповедания воспитывались и его дети; ни псалмами, ни религиозными поэмами вроде «Христианского года» Джона Кибла их не изнуряли. Окончательно же разувериться в Господе Джозефа Чемберлена заставила вторая трагедия, постигшая его семью. Так же, при родах следующего ребенка, скончалась и Флоренс, а мальчик, появившийся на свет, прожил всего несколько часов.

Сам Невилл практически не помнил своей матери, ему не исполнилось еще и шести лет, когда она умерла. О том, что он никогда больше не увидит мать, ранним февральским утром ему сообщила «тетя Луи» — Луиза Кенрик, младшая сестра Флоренс. Это стало одним из самых первых и

ярких воспоминаний мальчика. Все, что у него осталось на память о матери, — медальон и несколько книг. И ему, и Остину, хотя он ввиду возраста уже чуть меньше в этом нуждался, каким-то образом заменить маму старалась их старшая сестра Беатрис. С отцом же после этой трагедии отношения Невилла как-то странно разладились, точнее, приобрели отчужденный, ледяной характер, как будет он вспоминать впоследствии: «В течение многих лет я, скорее, уважал и боялся, нежели любил его»^[29].

Уважать Джозефа Чемберлена действительно было за что. На тот момент (февраль 1875 года) он был уже более полутора лет лорд-мэром Бирмингема и за этот небольшой период сделал для города столько, сколько до него никто не делал. В первую очередь наладил газо-и водоснабжение, сосредоточив коммунальное хозяйство в руках администрации города, а не частных компаний, которые до этого распоряжались ресурсами. Это значительно снизило расходы на газ и воду для всех слоев населения, а Бирмингему помогало развиваться со стремительной скоростью. Он боролся с трущобами в центре города, строил больницы, школы, дороги, повышая привлекательность Брама^[30] для инвестиций.

Но главное, с чем боролся будущий ярый империалист Чемберлен, — это классовое неравенство. «Классовость», абсолютно органичную, неотъемлемую даже до сих пор часть британского естества, Чемберлен открыто презирал. Как презирал и правящий класс: «Что касается «респектабельных», то я не ожидаю и не желаю их поддержки. Если я что-нибудь значу, то только как представитель рабочих, и я хочу попасть в парламент главным образом для того, чтобы обеспечить справедливый учет их требований»^[31], — говорил Чемберлен в начале 1870-х годов и своей политической карьеры. Его речи звучали абсолютно социалистским образом, в рассуждениях он замахивался даже на британскую святая святых — монархию, подчеркивая: «Я не испытываю большого ужаса при мысли о возможном становлении республики в нашей стране... рано или поздно это случится»^[32].

Так усиленно и самозабвенно Джозеф Чемберлен работал, чтобы отвлечься от невеселых мыслей, которые после пережитых им смертей двух жен неизменно его посещали. Себе он уже отказал в праве на счастье, да и вообще эдакое «мещанское» личное счастье для него было неприемлемо. «Никто не имеет права быть счастливым в этом жестоком мире»^[33], — как-то обронил он в тот период. Но в счастье общественное он верил и стремился обществу это счастье обеспечить.

На таком своеобразном фоне прошло детство Невилла. Остин тогда учился в школе Регби, а после получал образование в Кембридже, поэтому он частенько был далек от дома и во всей этой атмосфере не варился. Невилл же, как и любой ребенок, впитывал все это как губка. Вероятно, именно в этом и кроются дальнейшие социальные устремления младшего Чемберлена, хотя сам он о политике даже не помышлял, не говоря уже об отце, который для этого поприща готовил старшего сына. Более того, политическая деятельность вызывала у Невилла отторжение. В школе он признавался товарищу, что никогда не будет связывать свою жизнь с политикой, мотивируя это тем, что видит, как тяжело его отцу даются подготовки к выступлениям в парламенте и во что превращается их дом в это время.

Но все-таки детство Невилла Чемберлена нельзя однозначно назвать несчастным, несмотря на постигшие семью трагедии. Он жил в прекрасном имении в пригороде Бирмингема Эджбастон, у него было четверо замечательных сестер, дружбу с которыми он пронес через всю свою жизнь, и даже имелся собственный шетландский пони по имени Том Тамб (имя фольклорного персонажа Мальчика-с-пальчика), на котором он с удовольствием катался.

Безмятежность детства, правда, довольно скоро осталась позади, когда Невилл отправился учиться в привилегированную школу Регби. Остин в то время ее уже оканчивал, но мог создать определенную протекцию своему младшему брату, хотя и поучал его с высоты своих восемнадцати лет. Учился поначалу младший Чемберлен плохо, в школе ему вообще не нравилось. Но когда табели с неудовлетворительными оценками попали к отцу и тот был этим весьма раздосадован, Невилл решил более его не огорчать и успеваемость подтянул. Довольно легко ему давалась математика, но сам он больше всего тяготел к естествознанию. Предложения присоединиться к дискуссионному клубу, какие тогда были неизменным атрибутом привилегированных школ (а именно в таких клубах будущие политики делали свои первые политические шаги, оттачивая на одноклассниках полемические навыки перед парламентом), решительно отвергал.

Школьные годы чудесные закончились для младшего Чемберлена в 1887-м. О том, чтобы он, как и Остин, продолжил образование в Кембридже, не могло идти и речи. Во-первых, и сам Невилл туда не рвался, все-таки это была прежде всего кузница политических кадров, да и к высшим наукам он не тяготел. Во-вторых, учеба там была слишком дорогостоящим делом, а Джозеф Чемберлен официально оставил бизнес

еще в 1874 году, готовя себя к политике. Состояние его на тот момент насчитывало от 100^[34] до 120^[35] тысяч фунтов по разным источникам, что в сегодняшнем эквиваленте соответствовало бы порядка пяти миллионам американских долларов^[36]. Сумма немалая, но за эти годы и она истощилась. К тому же Джозеф уже был видным политиком, а расходы, в том числе и на избирательные кампании во Всеобщих выборах, только увеличивались. Так что младшего Чемберлена ждал бизнес. «Если юность Остина была максимально облегчена, то про Невилла можно сказать с точностью наоборот»^[37].

Для изучения наук практического применения его определили в Мейсоновский колледж Бирмингема. Колледж сам по себе был очень неплох, более того, на его основе именно стараниями Джозефа в 1900 году наконец-то учредили Бирмингемский университет. Одновременно с его младшим сыном в колледже изучал курс лекций по металлургии и юный Стенли Болдуин, будущий предшественник Невилла на посту премьер-министра, лидер консерваторов (который оставит после себя довольно своеобразное политическое наследство).

В колледже Невиллу понравилось значительно больше, нежели в школе. Возможно потому, что там не было крикета, который он невзлюбил, к тому же в нем проснулся интерес к учебе и познанию. Он с удовольствием изучал теорию Дарвина (впоследствии будет даже преподавать дарвинизм в воскресной школе), испытывал интерес к трудам популяризатора науки Томаса Гексли. В этот период Невилл был практически предоставлен сам себе. Сестры его учились в школах и домой возвращались только на каникулы, отец все время проводил в Лондоне, будучи уже видным политическим деятелем, а Остин покорял Кембридж. Возможно, это вынужденное одиночество отразилось на характере Невилла, который, по свидетельству его учителя, был «скромным, даже склонным к застенчивости»^[38].

В это время Невилл продолжает увлекаться естествознанием и особенно орнитологией. Он встает еще до рассвета, чтобы послушать пение птиц, научиться различать их голоса, вполне соответствуя общему представлению о склонном к романтизму викторианском юноше. На двадцатилетие ему подарили первую лошадь, и он с восторгом на ней охотился в сопровождении своего любимого пса.

На его мачеху Мэри — третью и последнюю жену Джозефа — Невилл, несмотря на свой уже взрослый возраст, произвел впечатление юноши незрелого. Отчасти из-за того, что был не слишком разговорчив, особенно с

гостями дома, которые с удовольствием стали приезжать на приемы Чемберленов. Младшего Чемберлена куда больше интересовали жуки и птицы, нежели беседы о политике за сигарой и бренди. Действительно, многие сверстники Невилла из его круга уже осознанно готовили себя к парламентской деятельности, живо интересовались происходящим и в Империи, и за ее границами, а также вовсю отдавались романтическим приключениям. Младшему Чемберлену это все было чуждо, он был несколько замкнут, склонен скорее к созерцательной деятельности, хотя обладал ясным и живым умом. Но все-таки благодаря именно Мэри, ее появлению в жизни Джозефа, ее молодости, легкости, прелести в общении отношения отца и сына заметно потеплели.

Тогда же Невилл Чемберлен впервые побывал в Париже, Венеции и Египте. Французский он знал еще очень плохо, что помешало ему в полной мере насладиться Францией. Зато в Египте он познакомился за обедом у премьер-министра с тогда еще полковником Китченером^[39] (с которым они все время проговорили о цветах, тот оказался таким же страстным поклонником природы). Сам Египет впечатлил молодого человека настолько, насколько может впечатлить абсолютно другая, чуждая, неблизкая культура. Все-таки Невилл был Чемберленом, а не Жаном Франсуа Шампольоном, знаменитым египтологом, расшифровавшим древнеегипетские иероглифы. Как Невилл охарактеризовал танец дервишей: «Интересно, но не очень приятно»^[40] — так в целом можно охарактеризовать и его впечатление об этой стране. Домой он возвращался, не скрывая радости, однако долго оставаться в Бирмингеме ему было не суждено.

Осенью 1890 года в Монреале Джозеф Чемберлен встретился с губернатором Багамских островов сэром Амбросом Ши. Встреча эта стала роковой для него, но особенно для его младшего сына. Губернатор Ши горел идеей выращивания сизаля, специфического растения, из которого изготавливают корабельные канаты. Это дело, по словам Ши, сулило огромнейшие прибыли, 30 процентов годовых, что существенно поправило бы оскудевший бюджет Чемберленов. Джозеф, вдохновленный словоохотливым губернатором, тут же принимает решение о резервировании 30 тысяч акров под плантации сизаля. Для исследования возможностей этого предприятия он отправляет двух своих сыновей (Остин находился с ним в поездке, через океан перебираться пришлось Невиллу, срочно вызванному телеграммой).

Братья Чемберлены прибыли в Нассау, столицу Багамских островов, под Рождество. Их приезд, безусловно, стал событием местного масштаба, встречали их бурно, «даже чересчур, это было слишком преувеличенно. Дальний конец зала был украшен нашими инициалами в зеленых листьях»^[41]. Но праздники праздниками, а Джозеф передал им смету, по которой они должны были сравнить расходы и возможные прибыли. Братья объехали несколько островов, причем младший держался куда более стойко, чем старший: у Остина развилась морская болезнь, «он все время стонал и искал свой плащ». Невилл же и здесь наслаждался созерцанием природы, особое впечатление на него произвели фламинго, «плывущие, подобно розовым лебедям». Братья разговаривали с плантаторами, среди которых были и цветные, общались с туземцами, последним островом их посещения стал довольно болотистый Андрос. Только к февралю они наконец-то вернулись в родной Бирмингем.

Слаженного отчета представить отцу братья не смогли, но все-таки описали перспективы по выращиванию сизаля как довольно благоприятные. Остин полагал, что Невиллу достаточно будет раз в год бывать на плантациях, чтобы контролировать там работу, однако Джозеф рассудил иначе: бизнес должен находиться под постоянным контролем. И в мае 1891 года младший Чемберлен прибыл в Нассау. Для начала он заново объехал острова, подыскивая место для разбивки плантаций. Острова были еще практически девственными, и будущему плантатору пришлось продирается сквозь густые кустарники. Из всех представленных локаций более всего подошел Андрос, где и было решено начинать предприятие. 6 июня Невилл написал отцу письмо, в котором «с чувством глубокого удовлетворения» сообщал, «что первая часть дела с успехом завершена. Я выкупил землю, подписал соглашение с губернатором. <...> Я уверен, что нашел лучшее место на Багамах»^[42].

И все же Багамы сами по себе острова весьма специфичные, а в конце XIX века природа там распорядилась куда увереннее, нежели человек. Население Андроса составляло около трех тысяч туземцев, поселения их были разрозненны, ни о какой инфраструктуре говорить не приходилось. Чемберлену нужно было построить не только производственное предприятие для сборки урожая и обработки растений, но и жилище для себя. В первые пять месяцев он жил в хижине, работал по 12 часов в день, при этом лично зачищая остров от растительности топором или мачете и не всегда успевая даже поесть. Для человека двадцати одного года это была очень серьезная школа жизни.

К тому же тропический климат Багам давал о себе знать. Помимо тысяч moskitov и других насекомых, которые кусались и обеспечивали бессонницу, опасными для человека были и деревья с кустарниками. Ожегшись о листья одного из них, ядовитого, Чемберлен мрачно записывал в дневнике, что ноги его «покрылись черными волдырями, многие из которых уже полопались»^[43]. Джозеф из-за океана писал сыну, что «этот опыт, безусловно, сформирует твой характер. <...> Несмотря на все трудности, которые ты переносишь, я должен признаться, что завидую твоей возможности продемонстрировать все свое мужество»^[44]. Отец добавлял, что выше всего ценит здоровье Невилла и что он не должен рисковать им, но младший Чемберлен в первый год своего пребывания на острове не мог и подумать о том, чтобы отказаться отличного присутствия там.

Кроме бытовых и физических трудностей Невилл столкнулся еще и с тягостью одиночества. У него было несколько друзей в Нассау, но он не часто мог позволить себе навещать столицу Багам. Ближайшим же белым его соседом на острове был рыжебородый шотландец сомнительной репутации, который жил в трех милях от него, но эти три мили (пять километров) приходилось продирается сквозь заросли кустарников, карабкаться по холмам, одна дорога занимала половину дня, и только за первые полгода юный Чемберлен стер десять пар башмаков. Так что всего себя он посвящал переписке, в первую очередь с сестрами, особенно со старшей Беатрис. Правда, письма доставлялись на остров раз в две недели, зато неизменно приносили огромную радость. «Получил 13 писем, все утро их поглощаю»^[45], — хвастался он Беатрис, а позже писал: «...каждую ночь я мечтаю, что вернусь, и мы с тобой будем прогуливаться вокруг дома, в саду, на конюшне... Но я не тоскую, мне тут есть, чем себя занять»^[46].

Помимо работы, которой не уменьшалось, Невилл в основном читал и изучал природные особенности острова. К 1893 году островная жизнь наконец стала как-то обустроиваться. Его дом был достроен, он сажал в саду кокосовые и фиговые деревья. За тем, чтобы он нормально питался, был здоров и не переутомлялся, присматривала супруга его белого управляющего плантациями миссис Ноулс, хотя Невилл, как капризный ребенок, от заботы уклонялся: «...если она вздумает нянчиться со мной, то об этом пожалеет». Но, к сожалению, через некоторое время она скончалась от тропической болезни прямо у него на руках. Удачи чередовались с неудачами так часто и так причудливо, что пребывание Чемберлена на острове было сродни опасному аттракциону, где

захватывающий дух взлет перемежается с головокружительно пугающим падением.

Таким же противоречивым становился и его характер. Из-за отсутствия собеседников его круга он огрубел, ведь большую часть времени он проводил среди туземцев, а лучшими его друзьями стали кубинские собаки, Дон Жуан и Чип. Первого кто-то отравил, а второй, по выражению Невилла, был «страшен, как смертный грех», но все равно — хороший пес. Однако при всей этой наносной грубости, в основном проявлявшейся в его переписке, он лично лечил заболевших негритят средствами из своей домашней аптечки. Для них же он выстроил школу, а их родителей, его рабочих, отучивал от пристрастия к самогону, который гнали все подряд из подручных растений. В 1944 году Фейлинг писал^[47], что дети тех туземцев, которые работали у мистера Чемберлена, до сих пор вспоминают его имя с благословением. Да и заезжавшие на Андрос гости отмечали изменения в поведении местных аборигенов^[48].

С уверенностью можно констатировать, что социальная деятельность на Андросе удалась 25-летнему Невиллу Чемберлену лучше, чем бизнес. Если первый урожай сизаля все-таки появился, то рабочие, срезавшие листья машинами, привезенными из Британии, срезали их слишком коротко, и для переработки в волокно листья эти не годились. Ту же небольшую часть, что все-таки удалось переработать, американские покупатели приобретать отказывались, так как волокно было слишком толстым и коротким. Ко всему прочему остатки первого урожая уничтожил пожар в конце 1895 года, из-за которого чуть не сошел с ума управляющий мистер Ноулс, и без того тяжело переживающий смерть жены.

Чемберлен на чудо уже не надеялся и честно писал отцу в январе 1896-го о том, что, скорее всего, новый урожай будет ничтожным, если вообще будет. Джозеф же отступать от своего плана не хотел и напоминал сыну девиз их семьи «*Je tiens ferme*» («Я стою твердо»; *фр.*). Но твердо стоять на земле, которая в принципе не предназначалась под выращивание сизаля, было очень трудно. К лету 1896 года это стало совершенно очевидным. Чемберлены потеряли порядка 50 тысяч фунтов в этой аванюре. Невилл предложил провести на Багамах еще десять лет, чтобы все-таки добиться результата, но старший Чемберлен наконец внял голосу рассудка и такой жертвы от сына не принял. В марте 1897-го младший Чемберлен прощался с Андросом, жители рыдали, по его собственному признанию, благодаря его за школу, банк, их новую жизнь. Сам же Невилл был опечален не только провалом своей миссии и огромными убытками, которые понесла семья, но

и тем, что «мои люди снова вернутся к их прежней безрадостной жизни».

Тем не менее подобные колониальные проблемы теперь должны были куда больше занимать Джозефа Чемберлена, который получил портфель министра по делам колоний. И первое, что сделал старший Чемберлен, учредил, в том числе и на собственные деньги (а не только на средства из бюджета), Лондонскую школу гигиены и тропической медицины, вдохновленный рассказами Невилла, на собственной коже испытавшего, что такое укусы багамских насекомых и ожоги ядовитых растений. Белые колонисты гибли от малярии и других местных заболеваний, к тому же царившая в колониях антисанитария не способствовала повышению уровня жизни. Джозеф перенес свой опыт лорд-мэра Бирмингема в данных вопросах на новое колониальное поле игры и выиграл. Даже его противники признавали, что он знал, как эффективно улучшить здравоохранение, и ему это удалось^[49]. И теперь из «нашего Джо» регионального масштаба он стал «нашим Джо» для всей Британской империи.

Невилл же прибыл домой мрачный, но не смирившийся. Можно только предполагать, каких внутренних усилий и ран ему стоило все это, но воспитанное в столь сложных условиях чувство долга и ответственности не давало ему опускать руки. Чтобы как-то отыгаться за Андрос и финансовые потери, он начал вникать в дела семейных фабрик, следил за жизнью рабочих и, как в начале карьеры его отец, стал понимать все эти тяготы и заботы, лично их наблюдая. Он не только занимался семейным бизнесом, но и приобрел свой в 1897 году, присоединив к фабрикам семьи фирму «Хоскинс», занимающуюся выпуском металлических каркасов для кроватей. «Таким образом, из колониалиста я снова превращусь в провинциала»^[50], — писал Невилл. И здесь его усилия дали наконец-то свои плоды, бизнес стал приносить доход, а сам он легко вжился в роль управляющего уже белыми рабочими. Он знал многих из них по именам, учредил им пенсионные выплаты, стал оплачивать больничные. И за те годы, что были посвящены бизнесу, младший Чемберлен оказался одним из немногих фабрикантов того времени, кто ни разу не столкнулся с рабочими забастовками.

Если еще в 1900 году в письме своему багамскому другу Альфреду Гринвуду Невилл замечал, что «не начал думать о политике, как о возможной для меня карьерной перспективе»^[51], то все-таки социальное

реформаторство его, очевидно, привлекало. Он стал изучать и муниципальные проблемы своего родного города, с которыми так или иначе сталкивался, в первую очередь как фабрикант. Все те же проблемы образования, здравоохранения, продолжительности трудового дня рабочих, их пенсий, социальных выплат были еще актуальны. К тому же заложенные Джозефом основы городских преобразований уже практически себя исчерпали, и к 10-м годам XX века в городе нарастало социальное недовольство. С 70-х годов XIX века население Бирмингема увеличилось практически вдвое, и это бросало новые социальные вызовы администрации города. Невилл, пока еще в качестве неофициального лица, субсидировал строительство больниц в Бrame, вместе со своей сестрой Идой он специально посещал больницы Лондона, чтобы перенять опыт по их устройству, в том числе разбирался и в вопросах финансирования.

Политика же не муниципального, а имперского масштаба затрагивала младшего Чемберлена в тот период косвенно — через отца и старшего брата (Остин уже был младшим министром), а также через бизнес. Во время второй Англо-бурской войны (1899–1902) — главным идеологом которой считался Джозеф, министр по делам колоний, — Чемберленов и Неттфолдов, чьи фабрики занимались металлургическим производством, обвиняли в коррупции и в том, что они наживаются на войне. Обвинения эти удалось отбить, но старший Чемберлен все же вынужден был выйти из Кабинета министров, хотя и не этот фактор стал решающим.

Выйдя из Кабинета, Джозеф Чемберлен развязал себе руки и начал жесткую агитацию за введение «тарифной реформы» в Британии. Его доводы в поддержку протекционизма (временное ограничение ввоза импортных товаров с целью развития внутреннего производства) были убедительны, но были убедительны и доводы сторонников фритредерства (свободная торговля) — в условиях свободной торговли цены всегда будут ниже, а лишиться дешевого хлеба было не в интересах рабочих. В мае 1903 года старший Чемберлен произнес свою знаменитую речь о том, что необходимо создать экономические «договоры предпочтения и взаимности» с колониями и ответные тарифы в отношении стран, которые угрожали британским имперским интересам. Невилл начал активно вникать в эти политические разночтения и по вопросу протекционизма твердо занял позицию своего отца. Теперь он уже с готовностью выступал в дискуссионных клубах, защищая «тарифную реформу» Джозефа. Он видел и политический раскол тори, отмечая, что «старые консерваторы никогда не поддержат отца, даже если он возглавит партию»^[52]. Но Джозеф Чемберлен уже не смог бы этого сделать.

К великому сожалению, вскоре его политическая карьера, блестящие перспективы которой уже были буквально в дюйме от него, прервалась. В июле 1906 года, когда праздновался его семидесятилетний юбилей, Джозеф перенес инсульт, поставивший крест на его занятиях политикой. В одной из последних речей старший Чемберлен презрительно произнес: «Англия без империи будет страной пятого ранга^[53], существующей исключительно ввиду снисходительности ее более влиятельных соседей»^[54]. Мир вступал в эпоху пышного расцвета империализма, что Джозеф наблюдал еще восемь лет, но не мог принять в этом участия, хотя и заложил основы для его становления. Ни Джозеф, ни сам Невилл, ни кто-либо другой в то время не могли даже предположить, что спустя пару десятилетий «тарифную реформу» завершит младший Чемберлен и что именно он возглавит Консервативную партию. В тот период старший сын Остин сочетался узами брака, и именно его невесте Айви Джозеф напишет о том, что «безусловно, Остин был лучшим из сыновей».

И все же Невилл осенью 1910 года собирался сделать свой первый шаг в официальной политической жизни. «Я думаю, что следующей осенью войду в городской совет, поскольку мы только что получили временный заказ от правительственного департамента самоуправления, расширяющий наши границы. Это позволит нам стать «вторым городом в Империи», и если все это будет одобрено парламентом, я не хотел бы быть вне администрации»^[55], — напишет он своему другу Альфреду Гринвуду на Багамы. И действительно, 1911 год стал для Невилла Чемберлена поворотным в его жизни.

Во-первых, он уже официально вошел в городской совет Бирмингема, до этого немало времени и сил уделяя социальным реформам и заботе об уровне жизни простых граждан. Когда он был избран, о нем даже говорили, что из-за таких своих взглядов он должен принадлежать к Лейбористской партии. Сам же Невилл заявлял в выступлениях: «Я намереваюсь продолжать традиции, в которых был воспитан»^[56]. Толпа зрителей видела в нем достойного наследника своего великого отца: «Закройте глаза и вы услышите Джозефа».

Во-вторых, Невилл Чемберлен наконец женился. До этого подходящей партии ему не встретилось, да и сам он не увлекался ее поисками. Ему было почти 42 года, для него это был поздний брак, а его женой стала 28-летняя Энн де Вере Кол, с которой он познакомился годом ранее. Энни, как называл ее мистер Чемберлен, всегда поддерживала мужа в любых его начинаниях, будь то избрание Невилла лорд-мэром Брама, которое

состоялось в 1915 году, первые выборы в палату общин от округа Ледивуд, полеты в Германию с миротворческой миссией... «Всем, чего я сумел достичь, я обязан Энни», — скажет Чемберлен за несколько дней до того, как станет премьер-министром. Брак этот был счастливым, а внешне и вовсе идеальным. В течение следующих трех лет у четы Чемберлен родились дочь и сын — Дороти и Френсис.

Тем временем планета приближалась к первой в ее истории мировой войне. Невилл Чемберлен видел слабость Кабинета министров, который возглавлял либерал Герберт Генри Асквит, и без обиняков в своих выступлениях в Бирмингеме называл Кабинет «проклятым вредным трусливым правительством»^[57]. Видел он и то, что Британская империя истощена колониальными и внутренними конфликтами и что война будет для нее губительной. Однако летом 1914 года его занимали другие проблемы. 2 июля по делам профсоюзов он был вызван в Лондон, и в эту же ночь умер его отец после продолжительной болезни. Невилл вернулся в Бирмингем только 6-го числа, в день похорон, увидев заполненный толпами людей город. С «нашим Джо» спешил попрощаться каждый. Его похоронили на кладбище Кей-Хилл рядом с двумя его женами и дочерью Этель, которая трагически умерла в 1905 году.

2 августа, когда Германия уже объявила войну России и готовилась объявить ее Франции, оккупировав Люксембург, младший Чемберлен заметил в дневнике, что «если сейчас мы не поддержим наших друзей, мы никогда не сможем посмотреть Европе в глаза»^[58]. Говорило в нем прежде всего чувство долга, невозможность оставаться в стороне, когда «друзья» ввязались в драку, а вовсе не милитаризм и банальная жажда зрелищ, какие, например, руководили Уинстоном Черчиллем, который предвкусил катастрофу и с алчным интересом ждал начала войны^[59]. У Чемберлена же вообще представления о дружбе были классическими и по-джентльменски благородными, даже о дружбе между государствами (напомним, что Россия, Великобритания и Франция входили в один военно-политический блок Антанта, созданный в противовес Тройственному союзу Германии, Австро-Венгрии и Италии). Он всерьез считал, что и в политике есть место настоящим, прочным дружеским отношениям, и многих будущих коллег искренне называл своими друзьями. О том, чем это для него обернется, речь пойдет ниже. А пока его друзья, ученики Джозефа, Леопольд Эмери и Джордж Ллойд, а также старший брат Остин, которые входили в теневой Кабинет, давили на правительство Асквита, чтобы оно объявило войну

Германии. Эти старания увенчались успехом, и «вечный позор» из-за того, что Британская империя осталась в стороне, ей уже не грозил.

Бирмингем, — лорд-мэром которого Невилл Чемберлен был избран в 1915 году, — как и любой другой город, войну переносил тяжело. Университет был превращен в военный госпиталь, на химическом факультете готовили взрывчатые вещества для фронта, из континентальной Европы потянулись беженцы, в частности бельгийцы, даже обычной питьевой воды хватало не всем кварталам города. Серьезные проблемы были связаны и с мобилизацией, которая забирала фабричных рабочих на фронт, а сами фабрики были перепрофилированы на изготовление боеприпасов: «Чем больше я обдумываю текущую ситуацию, которая стремительно становится невыносимой, тем больше я убеждаюсь в том, что только создание Национальной службы способно урегулировать отношения рабочих на фабриках и их владельцев. Это должно, однако, сопровождаться или дополнительным налогом, или ограничением прибыли, потому что рабочие никогда не согласятся на урезание заработных плат, тогда как их работодатели продолжали бы греть руки. Лично я ненавижу саму идею обогащения посредством войны, которая забирает жизни и ломает судьбы. Я надеюсь и молюсь, чтобы новое правительство имело мужество и воображение справиться с ситуацией быстро и правильно»^[60].

Руководить городом в военный период и в мирное время, конечно, как говорится, две большие разницы, хотя Чемберлена более тяготило то, что маленькие Дороти и Френсис остаются без его должного внимания, а вовсе не хлопоты, связанные с войной. Работы он не боялся. Заниматься ему пришлось фактически тем же, чем на Андросе, только в совсем ином масштабе — бороться с пьянством (а оно достигало в то время такого размаха, что даже Ллойд Джордж констатировал: «...мы боремся с немцами, австрийцами и алкоголем, и насколько я вижу, самым главным смертельным врагом является алкоголь»^[61]), к которому пристрастилось население и особенно солдатские жены, ввиду «пивных распродаж», а также устраивать судьбы брошенных детей, заниматься здравоохранением и т. д. Себе он первым же постановлением урезал вдвое жалованье, чтобы не отнимать у города столь необходимые ему средства.

И все же такие атрибуты довоенного периода, как торжественный прием лорд-мэра по случаю его вступления в должность, сохранялись и теперь. «Как мне сказали, последним мэром, который организовал такой прекрасный ужин, был отец. Ну и славно, видимо, я перенял это по наследству»^[62], — хвастался Невилл в письме сестре после приема. В это

же время в печать готовился «Лайф», то есть официальная биография Джозефа Чемберлена. Невилл помогал ее составлять и собирал «истории и воспоминания, которые нам могут показаться тривиальными, как ты говоришь, — писал он сестре, — но это те самые мелочи, какие и делают человека настоящим. В биографиях этого обычно не бывает... <...> а я хотел сделать эти примечания для детей. В тех записях, что я отослал (автору Джеймсу Гарвину. — М. Д.), я попытался описать его внешность, рост, цвет волос, манеру одеваться и другие личные особенности, которые я мог вспомнить. Я также отметил проникающий характер его взгляда и то, что немногие могли его выдержать. <...> Я уверен, однажды эти вещи вызовут немалый интерес и будут оценены его потомками»^[63]. Бирмингемская элита принимала своего нового главу хорошо, так как уже давно знала его как старательного, исполнительного управляющего. Вместе с тем Брам сталкивался со все новыми, ранее неизвестными городу проблемами.

В январе 1916 года Бирмингем подвергся первому за всю его историю (и, к сожалению, не последнему) авиационному налету. Горожане да и сам лорд-мэр были в ужасе от появления германской авиации, поскольку ни бомбоубежищ, ни оповещения, ни даже подходящих прожекторов в Бrame на тот момент не было. Технический прогресс наделил войну новыми чудовищными средствами разрушения. На эти вызовы нужно было отвечать, и уже через три дня после случившегося Невилл Чемберлен представил министру внутренних дел свой план создания противовоздушной обороны, включавший зону воздушного наблюдения, предварительное оповещение, городскую сигнализацию (сирены) и затемнение огней.

Инициативы лорд-мэра Бирмингема и эффективное управление городом создавали младшему Чемберлену определенную славу, а шумиха в прессе подогревала интерес ко второму городу Империи. Как заметил Невилл в письме сестре: «...один человек из почтового ведомства передал мне, что лондонцы обезумели от ревности и хотят меня прикончить! Ха! Ха!»^[64] На волне этой популярности Бирмингем посетили члены королевской семьи.

А лорд-мэр тем временем продолжал свою работу. Он начал активно продвигать идею создания муниципального сберегательного банка, но этот проект наткнулся на «эгоизм частных банкиров и апатию казначейства» и успехом не увенчался, хотя молодая Лейбористская партия и обещала его

всячески поддерживать. Лейбористы обещания не сдержали. Чемберлен писал: «...неприятный итог пятимесячной работы, но я о нем не жалею, хотя это и стало моей неудачей, так или иначе я приложил все усилия...»^[65] Правда, надежды Невилл все-таки не оставлял и теперь уже подключил личные связи. Через Остина он все-таки сломал сопротивление правительства и министерства финансов, и сберегательный банк был учрежден.

Но Кабинет Асквита летом 1916 года был в первую очередь озабочен внутренними противоречиями. Дэвид Ллойд Джордж рвался к власти, устраняя на своем пути любые преграды. Одной из главных преград был знаменитый генерал Китченер, давний знакомец Чемберлена и в то время военный министр, который указующим перстом призывал британцев воевать. Однако Китченер в июне утонул. Поминальную службу кроме Лондона провели еще только в Бирмингеме по инициативе Чемберлена. Так Империя просталась со своим героем. Положение же правительства лишь усугубилось этой трагедией.

А вот положение лорд-мэра Бирмингема было прочно. И хотя Невилл Чемберлен уже выходил за рамки муниципальной политики, главным его стремлением, по собственным словам, осталось признать Брам «первым из провинциальных городов, и я чувствую, что могу сделать для этого больше, чем кто-либо из моих предшественников»^[66]. И старался делать. На благотворительных вечерах он рассказывал патриотичные истории, к примеру, что «носит один сюртук 12 лет, и хотя тот уже рваный и лоснится», но лорд-мэр не хочет, «чтобы портной шил сюртук ему, когда может шить одежду нашим солдатам»^[67]. В Лондоне отстаивал стипендии для студентов, договаривался с молочниками о допустимой цене на молоко, выбивал ссуды для Гражданской лиги отдыха, назначал пособия кормящим матерям, создавал ясли для детей военных и рабочих. Словом, вникал во всевозможные проблемы. И в ноябре 1916-го Невилла Чемберлена вновь избрали лорд-мэром без малейших колебаний.

Тем временем противостояние Ллойд Джорджа и Асквита в правительстве вступило в финальную фазу, и первый наконец-то одержал победу. Асквит подал в отставку, а Ллойд Джордж формировал новый Кабинет, куда вошел и Остин Чемберлен, сохранивший портфель министра по делам Индии. «Новое правительство внушает мне уверенность. <...> Я впервые чувствую, что Кабинет действительно проявит внимание к постановке дела ведения войны, продумает решения и проведет в жизнь их на местах»^[68], - писал Невилл сестре, следя за формированием Кабинета

Ллойд Джорджа. Национальная служба, о необходимости которой Чемберлен писал жене почти полтора года назад, теперь наконец-то должна быть учреждена, и премьер-министр хотел поскорее представить парламенту главу этой службы, но для начала следовало найти того, кто захочет возглавить такое совершенно новое ведомство.

Когда Невилл Чемберлен в первый раз был избран лорд-мэром Бирмингема, старший брат отнесся к этой его инициативе скептически и «был единственным, кто не поздравил меня с избранием на этот пост», — писал младший Чемберлен сестре. «Хотя это может быть потому, что он занят своими собственными делами, а не потому, что не одобряет меня»^[69]. Проблем у Остина действительно на тот момент хватало. Но позднее старший брат все же заметил административные успехи младшего. И именно Остин Чемберлен порекомендовал Ллойд Джорджу Невилла на пост главы Национальной службы.

Сам Невилл еще ни о чем не догадывался в начале декабря 1916 года, он готовился к Рождеству. «Дороти теперь достаточно подросла, чтобы оценить Рождество, и всякий раз пристаёт ко мне, чтобы узнать, сколько осталось недель до этого счастливого дня. В детстве я также его всегда ждал, но теперь могу только простонать при мысли о больницах^[70]»^[71], — писал он сестре. Кроме того, он провожал на фронт своего кузена Нормана, с которым они были очень близки и дружили, несмотря на пятнадцатилетнюю разницу в возрасте. Невилл практически считал его младшим братом.

Но привычный ход жизни был нарушен, когда лорд-мэр отправился в Лондон по делам, которые вскоре уладил, и ожидал бирмингемского поезда на вокзале Паддингтон. Там его и отыскал секретарь Остина и потребовал немедленно явиться к Ллойд Джорджу. Младший Чемберлен был заинтригован; при встрече с братом тот попросил его «не фыркать», а выслушать предложение до конца. На пост главы Национальной службы предлагались и другие кандидатуры: лорда Керзона^[72] и лорда Милнера^[73]. После краткого собеседования Ллойд Джорджа с Невиллом Чемберленом на размышление ему дали лишь десять минут, девять из которых он думал о том, что «это — ужасная ответственность. Если бы это была только моя собственная карьера, которой что-то угрожало, я бы не раздумывал, но теперь результат войны может зависеть от того, что я буду делать»^[74]. А на десятой минуте Невилл послал Остина к премьер-министру, чтобы тот ответил за него «да».

Однако более всего младший Чемберлен боялся не новой

ответственности, не той огромнейшей работы, которая ему предстояла. Прежде всего он переживал за Бирмингем, ведь пост лорд-мэра приходилось оставить. «Я просто ужасно себя чувствую при мысли обо всех тех людях, которые полагались на меня. <...> Несчастный управляющий банком прислал мне странно сформулированное, но жалостливое письмо, что «фигурально выражаясь, готов отдать жизнь за Ваше Превосходительство»^[75]. Но жизни отбирал не Невилл Чемберлен, а Первая мировая война, и чтобы отдать войне этих жизней как можно меньше, он ехал в Лондон. Он ехал работать.

Глава 2

«МОЗГ РАЗМЕРОМ С БУЛАВОЧНУЮ ГОЛОВКУ»: НАЦИОНАЛЬНАЯ СЛУЖБА, ЗАДНЯЯ СКАМЬЯ ПАРЛАМЕНТА (1916–1923)

У него никогда не было справедливого шанса преодолеть все препятствия^[76].

Кристофер Аддисон

«В пятницу я имел две встречи с премьер-министром, он требует схему (создания промышленной армии. — *М. Д.*) ко вторнику или среде! <...> Пресса единодушна в моем одобрении...<...> но я действительно чувствовал себя ужасно в ту пятницу! <...> У меня нет даже клочка бумаги, который бы объяснял, где мои обязанности начинаются и где заканчиваются, есть ли в моем распоряжении Ирландия и Шотландия, и даже Англия, могу ли я распоряжаться волонтерами. <...> Вероятно, мне положено жалованье, но какое — я тоже не знаю»^[77], — писал Невилл Чемберлен сестре, получив назначение.

Ллойд Джорджу Чемберлен не понравился сразу, первый валлиец-премьер тут же отметил, что «мозг у него размером с булавочную головку»^[78]. Тем не менее посмотреть, как этот «не худший лорд-мэр Бирмингема в не лучший год» будет разбираться в том хаосе, который был вызван не только созданием нового ведомства, но и всей реорганизацией правительства, ему было интересно. А лорд-мэру предстояло еще передать дела своему преемнику, найти жилье в Лондоне и перевезти туда свою семью. К тому же у Энни недавно случился выкидыш, и она еще была очень слаба.

Зато из Бирмингема Чемберлен перевез в Лондон не только семью, но и свою команду для работы в Национальной службе, что моментально вызвало недовольство Уайт-холла (как именуют британское правительство

по названию улицы). Многие считали это главным промахом и главной его ошибкой. Ллойд Джордж позже подробно описывал в своих «Военных мемуарах»^[79], как Чемберлен отвергал кандидатуры на пост своего заместителя — Окленда Геддеса или Джеймса Стивенсона, предпочтя им Эрнеста Хили, своего давнего коллегу. Чемберлен же, выросший в семье политиков, прекрасно сознавал, что такое люди Уайт-холла и что вместо добросовестной работы они начнут развивать политические интриги. Интриги и всякого рода политические игры, эту неотъемлемую часть британской политики, Чемберлен ненавидел и презирал уже тогда. Именно этим объясняется то, что он не стал настаивать на своем месте в парламенте, какое имелось у всех министров, и на своей прямой отчетности перед палатой общин, но как раз именно это и стало его промахом. Чемберлен хотел работать, не отвлекаясь на такие мелочи, как согласование с палатой своих инициатив. Однако, увы, это было совершенно невозможно^[80].

Британская военная система все еще базировалась на реалиях XIX столетия, но XX век нес в себе совершенно новые и угрозы, и способы ведения войны. Первым бороться с устаревшими представлениями начал все тот же генерал Китченер. В августе 1914 года британская армия насчитывала порядка 700 тысяч солдат, тогда как германская — более четырех миллионов. Китченер вдвое увеличил количество военных, но оказалось мало и этого. Всеобщая воинская повинность была введена только к январю 1916 года, и то поначалу касалась холостых мужчин в возрасте от 18 до 41 года. Помимо прочего, солдаты требовались не только для непосредственно боевых действий. Необходима была и так называемая «промышленная армия», то есть рабочие для военных заводов, выпускающие боеприпасы и пр. Над созданием всего этого и предстояло работать младшему Чемберлену.

В январе 1917 года только что назначенный глава Национальной службы направил премьер-министру отчет, в котором настаивал на трудовой повинности для мужчин с 22 лет и на перераспределении призванных на фронт солдат. Но здесь в дело вмешалось военное министерство, которое категорически отказывалось делиться людьми. Национальную службу вообще обошли в решении этого вопроса, когда главы военного министерства и министерства боеприпасов договорились между собой и заключили двустороннее соглашение о распределении рабочих и военных.

Делиться контролем над работоспособным населением абсолютно не

желало и министерство труда, в результате чего между ним и ведомством Чемберлена возник устойчивый конфликт. С одной стороны, все признавали необходимость существования Национальной службы, с другой — не только не помогали, но и прямо противодействовали ее эффективной работе. Не говоря уже о том, что против трудовой повинности горячо выступали лейбористы и, разумеется, профсоюзы. Сам Ллойд Джордж также не торопился вводить «трудовую военную повинность». Он мыслил масштабными идеями, одной из которых была его «тотальная война», но что под этим подразумевалось, что должно было включать в себя и каким образом могло быть реализовано — премьер-министра уже не волновало.

Чемберлен же мыслил предметно, практически обдумывал каждый шаг, выдвигал инициативы, раз за разом предлагая правительству новые схемы увеличения рабочей силы за счет трудовых обязательств. Он хотел иметь контроль над трудовыми биржами, полномочия инспектировать фабрики и заводы, чтобы удостовериться в правильном распределении рабочих, но во всем этом ему было отказано, в лучшем случае некоторые его идеи принимались частично. Все, что оставалось Чемберлену, — это агитировать на митингах трудоспособное население идти работать на заводы, чем он небезуспешно и занимался. Но успехи эти были до крайности малы, а Империи требовались все большие и большие силы для победы.

Силы эти — ввиду множества противодействий как внутри Кабинета министров (Кристофер Аддисон, министр боеприпасов, вообще грозил выходом в отставку, если идея трудовых обязательств будет поддержана), так и в других ведомствах — Чемберлен предоставить не мог.

Остин также ничем не мог брату помочь, как помог когда-то в случае с учреждением сберегательного банка. Во-первых, вопрос был слишком масштабным. Во-вторых, отношения между братьями становились все более отстраненными; хотя оба они теперь жили в Лондоне, но виделись редко. В-третьих, и у самого Остина Чемберлена, который был министром по делам Индии, в то время существовало множество своих проблем. В апреле Невилл писал о нем сестре: «Он нечасто говорит о своей работе... <...> но вчера немного открылся. Проблемы индийских реформ теперь выходят на первый план. Факт в том, что русская революция, которая по мрачной иронии была встречена криками одобрения у наших людей, как будто это поможет выиграть войну, отразится на всех неустойчивых умах, и никто не сможет предвидеть ее результат. <...> В Индии уже взволнованы разговорами о «свободе стран», «защите слабых от сильных» и думают, что если русские смогли свергнуть царя, индийцы могли бы «пробудиться» и

сбросить «английский хомут». <...> Кто его знает, как это все закончится». На тот момент закончилось это проектом реформ Монтегю-Челмсфорда, согласно которому Индии был бы гарантирован статус доминиона после ряда преобразований. Но Индию ждали в дальнейшем интересные годы, а Остина — отставка. Из-за расследования провала Месопотамской кампании (войны британской стороны, в основном силами индусов, с Османской империей) он как министр вынужден был взять на себя всю ответственность за эту неудачную операцию и в июле оставил Кабинет.

Невилл, как мог, поддерживал брата, хотя и иронизировал в письме сестре: «Миссис Дундас (мать Айви, жены Остина. — М. Д.) рассказала мне, что встретила трех малышей на улице, они с гордостью продемонстрировали ей три шестипенсовика, которые им дал «какой-то мужчина». «Но за что он вам их дал?» — «За то, что мы поприветствовали его!» Миссис Дундас тут же узнала в этом мужчине Остина... <...> я, услышав об этом, придумал сюжет для карикатуры в вечернюю газету: пусть изобразят министра в отставке. В глубоком унынии он идет по одинокой дороге, руки за спиной, голова поникла, он бормочет «если бы я только служил Асквиту, он хотя бы прислал мне благодарственное письмо!». И тут появляются трое оборванных ребятишек, они узнают его, шепчут: «Это он! Уважайте его горе!», тихо и почтительно приветствуют его жалкую, но все же достойную фигуру сломленного человека. Человек распрямляет плечи, его прекрасные глаза наполняются слезами, он восклицает: «Слава Богу! Обо мне еще не забывают!», бросает детям кошелек с золотом и уходит, вдохновленный новой надеждой. Эффектно, не правда ли? Энни сказала, что иногда я умею быть очень противным»^[81].

Однако после отставки Остина точно такой же сломленной фигурой стал и младший Чемберлен. Хотя постепенно его «промышленная армия» наводняла страну и 100 тысяч рабочих все-таки поступили на заводы — этого было недостаточно. После провала его десятой схемы, представленной правительству в июле 1917 года, Невилл указывает Ллойд Джорджу на свое «невыносимое положение» и просит либо «дать ему глоток воздуха или принять его отставку»^[82]. Окленд Геддес предлагает схему, по которой трудовую повинность следует вводить не по возрасту, а по роду занятий, с чем Чемберлен скрепя сердце соглашается. Ллойд Джордж все же отказывает ему в отставке, сам уже намереваясь вводить всеобщую трудовую повинность вместе с военной. Чемберлен решительно возражает против слияния промышленной повинности и военного призыва, так как подобное «будет означать лишь то, что Национальная служба

превратится в филиал военного министерства».

Это в итоге ставит точку всему бесконечному кошмару и дает Ллойд Джорджу возможность не просто отказаться от услуг Чемберлена, но сделать его отставку максимально позорной. Премьер с нескрываемым удовольствием этой возможностью пользуется, пресса упивается поражением Чемберлена. Между тем даже Аддисон, ранее так резко настроенный против инициатив директора Национальной службы, позже признает, что «у него <Невилла Чемберлена> никогда не было справедливого шанса преодолеть все препятствия»^[83]. Это являлось очевидным и для самого Чемберлена, который, передав прошение об отставке премьер-министру в августе 1917 года, заметил: «Для успеха любой новой схемы важно, чтобы у главы ведомства была полная поддержка всего Кабинета, в особенности в его деловых контактах с другими трудовыми ведомствами»^[84].

Такая поддержка была гарантирована его преемнику — генералу Окленду Геддесу. Помимо прочего тот сразу же получил место и в Кабинете министров, и в палате общин. Правда, поначалу и этого было недостаточно, лишь к апрелю 1918-го стало возможно говорить о каких-то успехах Национальной службы. «Вижу, как Черчилль хвастается, что выпуск боеприпасов увеличился, несмотря на перераспределение рабочих. Я всегда знал, что именно так и произойдет! А Аддисон с Ллойд Джорджем не хотели рисковать»^[85], — отмечал Чемберлен в дневнике, уже успокоившись после этого «значительного фиаско», над которым многим его критикам было «заманчиво глумиться»^[86]. Действительно, победы забываются быстро, но поражения не прощаются никогда.

Невилл Чемберлен оставался все тем же, мрачным, но не смирившимся: «Я задавался вопросом, что я сделаю, когда обрету свободу. Моя муниципальная карьера (обязанности лорд-мэра Бирмингема. — М. Д.) окончена, и я полагаю трудным, если не невозможным, ее возобновить. Моя деловая карьера была прервана сначала административными обязанностями, а теперь и практически полностью. <...> Я думаю, было бы мудро удалиться во мрак на несколько недель. <...> Я пытаюсь отнестись ко всему этому философски, но трудно не чувствовать горечи, что не удалось «внести свою лепту»»^[87].

За все неудавшиеся усилия Ллойд Джордж милостиво предложил Невиллу Чемберлену рыцарское звание, но он отказался, как когда-то от титулов отказывался и его отец Джозеф. В самом деле, решение это было не только заслуживающим уважения (ведь получать награду за

проваленную работу весьма странно), но и верным ввиду того, что скоро Ллойд Джорджа будут обвинять в торговле этими самыми титулами, и обвинять совершенно справедливо.

Лучшим уроком, какой получил Невилл Чемберлен, был тот, что сотрудничество со столь беспринципным человеком, как Дэвид Ллойд Джордж, не может кончиться ничем хорошим. «Мне очень не хочется бросать начатую работу, тем более после всех неудач. Но при существующих условиях, то есть под началом Л. Д. продолжать что-либо безнадежно. С ним действительно невозможно работать, и я думаю, что при таком стиле руководства он скоро попадет в беду»^[88]. Премьер-министру же просто нужен был «козел отпущения», который в случае чего примет на себя всю тяжесть общественного мнения за неудачи новых инициатив. Как заметил один из лейбористов в ходе слушаний этого вопроса в палате общин: «Если один человек, да еще и не член этой палаты, терпит неудачу в своей миссии... правительство переложит всю ответственность на этого человека, чтобы уберечь себя»^[89]. Именно так и произошло в августе 1917 года.

Кроме того, Невилл Чемберлен понял, что, если он хочет продолжать какую-либо общественную деятельность не в муниципальном, а в общенациональном масштабе, ему необходимо начинать с самых нижних ступеней, а точнее — с задней скамьи палаты общин. «Недавние мои приключения произвели очень сильное впечатление на мое сознание и открыли мне все трудности административной работы, когда ты не член парламента. Кабинет очень чувствителен к мнению палаты общин, и министр за ее пределами не только не может оказать на это мнение какое-то влияние, но еще и обращает это против себя»^[90], — писал он другу 22 августа 1917-го после своей отставки.

Так или иначе, разговоры о том, чтобы пройти в палату общин, отражены в переписке Невилла Чемберлена сразу же после отставки из правительства, и в августе, и в сентябре, и в октябре 1917 года. Хотя, надо сказать, первая политическая неудача заметно пошатнула его веру в себя: «Между тем я должен очень упорно бороться с растущей депрессией и желанием сунуть голову в петлю. Время от времени меня посещает чувство почти непреодолимой тошноты и отвращения при мысли обо всей той тяжелой работе, унижениях, подлости и мелочности подобной жизни, а также о безнадежной невозможности добиться своей цели»^[91]. Его ранило даже сочувствие друзей. Но более всего ранили «ложь, несправедливость и

созданная легенда», которые о нем и бывшем его ведомстве распускали пресса и Ллойд Джордж.

На тот момент младшему Чемберлену было 48 лет, тогда как в парламенте начинали карьеру люди двадцатилетние, и он знал, что будет слишком стар для «новичка». Помимо прочего, окунувшись во все перипетии политической жизни теперь уже лично, а не посредством отца или брата, он понимал, что мир этот органически ему неприятен. Это был мир интриг, утонченных игр, лицемерия, странных дружеских отношений. В его «голове неправильной формы» (определение продолжавшего глумиться над Чемберленом Ллойд Джорджа) не укладывалось, как можно оставаться друзьями и нападать друг на друга в палате общин, подставлять друг другу подножки, стравливать других, выдумывать изощренный ряд оскорблений и т. д. Он не поймет подобных правил игры до конца своей жизни, хотя те друзья, что у него появятся в том числе и в Парламенте, продемонстрируют ему восхитительный пример, как все это возможно. «Этого он никогда не понимал до конца»^[92], — запишет в мемуарах Эдвард Вуд, один из таких друзей.

Невилл Чемберлен был человеком деловым и порядочным. Идея его возвращения в национальную политику, да еще и в виде начинающего депутата палаты общин, к декабрю 1917 года становилась все более призрачной. Хотя он и продолжал следить за политической жизнью, более того, его старый «добрый» друг Аддисон вроде бы собирался создавать комитет по речным каналам и пригласить Чемберлена на пост его главы, но пока не торопился. Все это терзало Чемберлена неопределенностью его положения, «...ну, почему, почему, я не удалюсь из общественной жизни окончательно. Я буквально болеваю при мысли об интригах, ревности и подлости всего этого»^[93], — причитал он в письме сестре.

И чтобы отвлечься и не чувствовать себя подвешенным на ниточке жуком, он вновь главным своим занятием сделал такой простой и понятный ему бизнес — оживил свое присутствие в фирме «Хоскинс» и стал заниматься проблемами рабочих. Если не в масштабах страны, то хотя бы в масштабах своего производства он мог обеспечивать им сносное положение и в военное время, чтобы «показать нашим людям, что они не рассматриваются нами как бездушные рабочие машины и что Совет проявляет человеческий интерес к ним и их развлечениям»^[94]. Но что говорить о простых рабочих, если даже самим Чемберленам, семье очень обеспеченной, приходилось в тот период достаточно туго. Вплоть до того, что они приобрели корову, а потом еще и двух кроликов ввиду угрозы

голода зимой 1917/18 года. Идея домашнего зверинца принадлежала Энни, и она с успехом ее реализовывала.

В Городском совете Бирмингема началось определенное движение — просить Чемберлена вновь стать лорд-мэром города. Эту возможность он решительно отверг, а вот от поста заместителя мэра не отказался и вошел в комитет по градостроительству. Снова он начал активно заниматься тем же, чем и до своего отъезда в Лондон, тем, что знал, любил и умел, как мало кто в Англии и практически никто в Бирмингеме. Включился в проблему здравоохранения, которая с притоком раненых с фронта, а также беженцев стояла очень остро. Его старшая сестра Беатрис работала в организации Красного Креста и, заразившись там тяжелой формой пневмонии и проболев всего несколько дней, умерла в ноябре 1918 года. Ей было 56 лет. И хотя их отношения с Невиллом были уже не такими близкими, как в детстве, он тяжело переживал эту утрату: «Огромным удовлетворением мне служит только то, что она дожила до этого момента и смогла увидеть окончание войны. Ее патриотизм был так горяч, и сама она так упорно работала, чтобы помочь конец войны приблизить, что я думаю, для нее это означало даже куда больше, чем для большинства из нас»^[95].

В ноябре же предыдущего, 1917 года с фронта пришла другая трагическая новость: любимый кузен Норман пропал без вести. До этого, весной, погиб еще один его кузен — Джон. Поначалу Чемберлены надеялись, что Норман попал в плен, но надежды на это таяли с каждым днем. Командир его роты прислал письмо, где рассказал о последней атаке, в которой участвовал Норман Чемберлен, и сообщил, что ни живого, ни мертвого его не нашли. Нашли тело Нормана только в феврале 1918 года, ошарашив всю семью этим известием. Чемберлен был «ужасно подавлен его утратой... <...> невозможно думать, что такая яркая, такая сильная индивидуальность должна была выгореть как свеча»^[96]. Чтобы увековечить память Нормана, «самого близкого друга, который у меня был», Чемберлен даже написал и издал его небольшую биографию, «думая о том, чтобы будущие поколения нашей семьи поняли, насколько Норман способствовал фамильной известности»^[97]. Так высоко оценить простого солдата — это было со стороны сына «строителя Империи» и брата «великого джентльмена» не только трогательно, но и благородно.

Эти утраты, безусловно, наложили серьезный отпечаток на характер и образ мышления Невилла Чемберлена. Сам он никогда участия в боевых действиях не принимал, но он видел бомбежки Бирмингема и Лондона, видел гибель мирных людей, и, возможно, именно это не позволило ему

позже рассматривать «людей с улицы» в качестве пешек в своих партиях, заставляло ценить каждую человеческую жизнь. Хотя, казалось бы, в первую очередь этому должны были научиться фронтовики, своими глазами видевшие все ужасы войны, однако же немногие из них эти уроки усвоили. Многих эта первая война нового типа, нового характера и масштаба ожесточила, привила им цинизм и лишила милосердия.

Чемберлену на тот момент война внушала лишь одну мысль, что он должен продолжать пытаться что-то сделать для своей Империи в столь нелегкий для нее период. Еще в декабре 1917 года он отметил в дневнике: «Я не думал бы повторно войти в политическую жизнь, если бы не военное положение нашей страны. Но я не могу быть удовлетворен своим эгоистичным интересом к бизнесу»^[98]. В феврале 1918-го после поминальной службы по Норману Невилл напишет: «Его жизнь была посвящена другим, я чувствую себя презренным в сравнении с ним»^[99]. Однако всеобщие выборы, традиционно проводившиеся в мае, на военный период обычно откладываются, поэтому ему ничего не оставалось, кроме как работать и ждать окончания войны.

Победу Бирмингем встречал с выстраданной радостью. Городу и его жителям, не говоря уже о бывшем лорд-мэре, за время войны серьезно досталось. «Как только официальные новости объявили (о подписании перемирия. — М. Д.), было приблизительно 10.30 утра. Все население буквально потекло на улицы. Конечно, больше в этот день никто не работал, но, вообще говоря, люди были замечательно организованны и сдержанны. Несомненно, то, что столь многие потеряли родственников и близких, сдерживало общее настроение... Лорд-мэр вышел на Викториа-сквер^[100] и обратился к людям; вдохновленный, он попросил, чтобы наступила минута молчания в знак уважения к погибшим и раненым. Как и тебе, мне сперва было трудно все это осознать. Это сознание только теперь начинает приходить, как солнце каждое утро, и я благодарен, что больше не будет ежедневных жертв»^[101].

После Компьенского перемирия между Германией и странами Антанты, подписанного 11 ноября 1918 года, всеобщие выборы были назначены на 14 декабря. Бирмингем в то время после расширения избирательных прав насчитывал порядка 450 тысяч избирателей и 12 избирательных округов. Баллотировался Невилл Чемберлен в парламент от Ледивуда, центрального округа старого Бирмингема. Сам он был не в восторге от предстоящих избирательных мероприятий: «Приехал Лео

Эмери, и мы все время выступали, проводя предвыборную кампанию. Между нами, я ненавижу это дело, и уж ни в коем случае не с нетерпением жду следующих нескольких недель»^[102].

В его быстротечной избирательной кампании главным стал следующий тезис: «Лучше всего показать нашу благодарность тем, кто боролся и умер за Англию, мы могли бы, сделав нашу страну лучшим местом для жизни. Моей единственной причиной войти в парламент является желание помочь осуществить эти преобразования». Его основными идеями оставались социальные реформы: установление порядочной минимальной заработной платы, сокращение продолжительности рабочего дня, налаживание отдыха и досуга рабочих, их образование, пенсии по старости, а также пособия для вдов и сирот. Иными словами, это было прекрасное социалистическое направление. Хотя и баллотировался Чемберлен от партии юнионистской, которая была объединена с консерваторами, а не от лейбористов или вигов. Не забывал, кстати, он и о тарифной реформе, за которую так долго боролся его отец.

В то время как многие люди входили в палату общин, как в дом родной, Невилл Чемберлен шел туда, как на Голгофу. Привитое в детстве чувство ответственности и развитое с возрастом до крайности чувство долга не позволяли ему оставаться в стороне от общественной жизни. Хотя он вполне мог бы оставаться бизнесменом, зарабатывать отличные деньги и совершенно не задумываться ни о чем другом. Но он никогда не был «человеком потребления», ему всегда требовалась общественно значимая работа. В этом смысле на него здорово повлиял Андрос: во время его пятилетнего отшельничества там он лишь раз возвращался в Бирмингем на два месяца и просто не мог найти, чем себя занять.

Если бы Чемберлен не прошел в парламент, скорбь его, скорее всего, была бы невелика, но не пройти в палату общин он не мог. Баллотируйся он от какого-то округа в Лондоне — это было бы вполне возможно. Но в Бирмингеме, в его центральном районе Ледивуд, который преимущественно населяли бедняки, отлично знавшие и Невилла и помнящие еще «нашего Джо», поддержали его решительно, несмотря на все удары прессы по репутации младшего Чемберлена.

Невилл Чемберлен был избран 9405 голосами, против 2572, отданных за кандидата от Лейбористской партии, и 1552 за кандидата вигов. Такое беспрецедентное лидерство далось ему относительно легко, хотя для многих, уже имевших места в палате, выборы эти были чрезвычайно тяжелыми. Не всем удалось сохранить своих избирателей, натерпевшихся лишений за время войны. К тому же теперь избирательное право было

предоставлено максимальному электорату: голосовать могли все мужчины с 21-летнего возраста и женщины — с тридцатилетнего. В связи с этим Бонар Лоу, лидер Консервативной партии, и Ллойд Джордж, лидер Либеральной, выпустили так называемые «купоны», которые должны были помочь кандидатам, одобренным правительством.

Такой «купон» направили и Чемберлену, но тот от подобной помощи решительно отказался, проводя кампанию самостоятельно и пользуясь поддержкой лишь друзей, вроде Леопольда Эмери и своей жены Энни, отчаянно агитировавшей голосовать за мужа. Она заслужила уважение бирмингемцев, будучи еще супругой лорд-мэра, когда проводила благотворительные мероприятия, теперь же она с воодушевлением участвовала в избирательной кампании. Хотя еще в марте у нее вновь был выкидыш, очень огорчивший и ее, и Невилла, который детей любил и всегда мечтал о немалом их количестве. Но больше детей у них не будет. Поэтому Чемберлен наряжался Санта-Клаусом для дочери и сына и изумлялся в переписке, почему же Дороти не узнала его под маской.

Когда Чемберлен писал сестрам о том, что «ненавидит все это дело», имея в виду политику, он, конечно, несколько лукавил, суеверно опасаясь неудачи при прохождении в палату общин. Память о предыдущих поражениях все-таки еще была сильна. Однако парламентская деятельность захватила его практически мгновенно, как и любая другая. Он был человеком дела, а дел в стране, только-только окончившей тяжелейшую войну, хватало.

Нельзя сказать, что почти пятидесятилетний Невилл Чемберлен был абсолютным новичком на задней скамье парламента. Он отличался от большинства депутатов, о которых Стенли Болдуин выразительно заметил, что «парламент состоит из людей с жесткими лицами, которые выглядят так, будто они неплохо заработали на войне»^[103]. Все же Чемберлен был экс-министром, к тому же братом на тот момент второго человека в Консервативной партии Остина Чемберлена. Старший брат, как когда-то и в Регби, младшего опекать вовсе не собирался, он сам был «очень истощен и физически, и морально», — писал Невилл сестре. «Я всегда говорил, что, если я войду в палату, мы с ним станем сильно разниться. Мы обязаны разниться, потому что наши мозги работают совершенно по-разному. Он считает меня диким, я его считаю непрогрессивным и предвзятым»^[104].

Остин получил пост канцлера казначейства и занимался теперь финансами поствоенной Британии, а младший Чемберлен тут же ввязался в проект Билля о жилье, который разрабатывал Аддисон и курировал Геддес,

его старые коллеги по Национальной службе. Личных обид у них не было, поэтому теперь, без довлеющего фактора в лице Ллойд Джорджа, который был озабочен совсем другими делами, сотрудничество у них наладилось. «Жилье — одна из самых срочных проблем, которая должна быть решена. И если людям не показать, что для ее решения делается что-то существенное, это может вызвать серьезные трудности». Уже имеющий за плечами опыт лорд-мэра, а также уникальные энциклопедические знания, потрясающую память и невероятную способность к тяжелой работе, Чемберлен начал разрабатывать новые схемы строительства и жилищной аренды. Своим коллегам-депутатам довольно скоро он стал напоминать «машину», «статистический аппарат», настолько кропотлива и быстра была его работа над очередными поправками к Биллю. Помимо этого Чемберлен вошел еще во многие парламентские комитеты социальной и административной направленности (по речным каналам, электроснабжению, военным и гражданским пенсиям и т. д.) и весьма прочно вписался в административную работу палаты общин.

Но палата общин — это не только старательная работа над законопроектами, это еще и полная определенных ритуалов атмосфера. Одним из таких ритуалов было, конечно, посещение курительной комнаты, где в основном судьбы Британской империи и вершились. Еще Джозеф Чемберлен в начале своей парламентской карьеры восклицал: «Если бы не курительная комната, это место было бы невыносимым!»^[105] В курительной комнате спорили иной раз жарче и жестче, чем в самом зале заседаний, там же устанавливались личные связи, заключались союзы, плелись интриги. Если какой-либо член палаты общин редко проводил там время, он тут же слыл «не своим», получал репутацию отчужденного и высокомерного человека.

Так случилось и с Невиллом Чемберленом. В привычном понимании, то есть регулярно, он не курил, в редких случаях мог выкурить сигару или трубку, поэтому почти и не заглядывал в курительную комнату. Ему просто в голову не приходило, что ее посещение является одним из правил многовековой утонченной британской игры. Куда больше времени он проводил на своей задней скамье в палате или в комитетах, задерживаясь порой до поздней ночи. Как писали о нем в конце 1920-х годов: «Мистер Чемберлен — простой человек в политике, его «да» — это да, и его «нет» — нет. Его политическая деятельность организована также по-деловому, как и бизнес»^[106]. Гарольд МакМиллан, будущий премьер-министр, а тогда начинающий молодой политик, вспоминал о том времени в палате общин:

«...разговор с Черчиллем, щедро сопровождаемый алкоголем и сигарами, был похож на спор молодых людей в Оксфорде. Быть вызванным в комнату Невилла Чемберлена, напротив, было больше похоже на вызов к директору»^[107].

Чемберлен же полагал, что прошел в палату общин не для того, чтобы вести застольные споры, а для того, чтобы работать. Первую свою сессию он считал удачной: «Не сделал сенсации, но полагаю, что я приобрел определенное положение в палате, поскольку мои выступления хорошо принимались»^[108]. Он нарабатывал деловые связи, например сблизился с Сэмом Хором^[109] в комитете по жилищным вопросам. Они так и останутся друзьями и коллегами до конца жизни Чемберлена, и Хор будет единственным членом Кабинета министров, который поддержит его в мае 1940 года в момент его отставки, за что, безусловно, расплатится.

Вражда с Ллойд Джорджем временно утихла, в письмах сестрам Невилл даже иной раз хвалил его и его политику, хотя и подчеркивал, что тот «ловок, как стая обезьян». Так, весной 1919-го он писал Хильде: «Я, признаюсь, был благодарен услышать, что Л<лойд> Д<жордж> настолько решительно против любой военной интервенции в Россию. Я боялся, что Уинстон мог бы жаждать подобного»^[110]. Будущее беспрецедентное неприятие войны Невилла Чемберлена в целом еще только формировалось. Слишком свежа была память, как немцы бомбили Бирмингем, не выбирая целей, убивая женщин и детей, все это он видел своими глазами и не в силах был забыть. В августе он побывал во Франции, где осуществил экскурсию «по местам боевой славы», в частности, отправился на берега реки Соммы, где с 1 июля по 18 ноября 1916 года проходило сражение армий Великобритании и Франции против войск Германии (эта битва считается одной из самых кровопролитных Первой мировой войны). Там Чемберлен обнаружил «только сорняки, развороченные снарядами ямы, могилы и мертвые пни деревьев» и немецких военнопленных, которые «возвращались в их клетки колючей проволоки вечером... оскорбительное зрелище для человечества, они были похожи на рабов, но я не чувствовал сочувствия к ним»^[111].

Сочувствие его было направлено в первую очередь на своих соотечественников. Поэтому, вернувшись вместе с остальными депутатами после каникул в палату общин осенью 1919 года, Невилл Чемберлен вошел в комитет по нездоровым районам (трущобам) и начал подготавливать для министерства здравоохранения соответствующие программы. Он посетил Лидс, Ливерпуль и Южный Уэльс с инспекцией, и увиденные там условия

жизни в трущобах «справедливо заставили мои волосы встать дыбом»^[112]. Также Чемберлен занялся усовершенствованием закона о детях, рожденных вне брака, который до той поры был «наказанием для невинных детей за ошибки их родителей, что восстает против человечества и противоречит интересам государства»^[113].

Этой своей деятельностью он обратил на себя внимание Эндрю Бонара Лоу, лидера Консервативной партии и члена Кабинета министров. В марте 1920-го Бонар Лоу даже говорил с Чемберленом о возможности возвращения в правительство, но тот резко возразил, что пока «козел» (а именно такое прозвище среди тори закрепилось за Ллойд Джорджем) возглавляет Кабинет, это будет невозможно.

Не забывал Чемберлен и о Бирмингеме. У него были три основные инициативы: расширение сберегательного банка, создание городского оркестра и его Гражданская лига отдыха. «Если я выживу, я это сделаю», — отмечал он в дневнике. Несмотря на то, что музыку он любил страстно, говорил, что «для меня Бетховен — фигура куда интереснее и значимее Наполеона», все же последнюю инициативу — создание здорового досуга для всех слоев населения — он считал более важным делом. В биографии своего кузена Нормана, над которой Невилл в то же время работал, он выскажется о трагедии «городской молодежи», не лучшим образом образованной, не знающей, чем себя занять, и в итоге оказывающейся в многочисленных пабах.

Также, будучи преданным сыном своего великого отца, Невилл Чемберлен продолжал заниматься тарифной реформой. Послевоенная экономика Британской империи находилась, понятно, не в лучшем состоянии, политика фритредерства не способствовала ее оздоровлению. Парламентские комитеты отнимали у Чемберлена практически все время, дети его «огорчались, что папа утром дает интервью газетчикам, а не гуляет с ними и рассказывает про испанских пиратов»^[114]. Сам он иной раз даже и не помышлял об отдыхе: «Во вторник я спал четыре часа, в среду — шесть, в четверг — два»^[115]. Чемберлен был феноменально работоспособен, что впоследствии позволит многим его коллегам перекладывать на него свои обязанности. Правда, однажды он таки свалился в обморок во время очередного делового обеда и наконец разрешил себе короткий отдых в Харрогейте.

Тем временем у тори и всего правительства начались проблемы, вызванные ухудшением здоровья Бонар Лоу. Наследовать лидерство партии должен был Остин Чемберлен, Невилл взирал на все это с мрачным

настроением: «Это большое препятствие — быть сыном моего отца и братом моего брата, поскольку всяческие успехи будут обесценены, а за каждую неудачу спросят вдвойне. Кроме того, когда брат — лидер, ни о какой независимости не может идти речи, если каждый из нас не готов ссориться, а я недостаточно увлечен политикой для подобного...»^[116] Ссориться все же приходилось, так как старший Чемберлен попал под влияние «валлийского волшебника» Дэвида Ллойд Джорджа (как называли премьер-министра за его валлийское происхождение) и готов был согласиться с его планом по созданию новой партии, в которую вошли бы и юнионисты, поддерживающие до этого консерваторов. Естественно, для тори это означало бы очередной партийный кризис. Младший Чемберлен всем своим существом подобной идее противился, равно как и любой партии, во главе которой стоит Ллойд Джордж.

Однако же премьер-министр был убежден, что Британская империя у его ног и безусловно поддерживает его, поэтому уже в январе 1922-го хотел провести очередные всеобщие выборы. Чемберлен писал сестре о предполагавшихся выборах и о самом Ллойд Джордже с нескрываемым раздражением: «Этот грязный маленький адвокат из Уэльса и его подхалимы думают, что они могут продиктовать политику целой юнионистской партии. Я никак не могу понять, почему они считают, что извлекли бы пользу из выборов, разве что уповают на деньги, которые получили от продаж такого количества «почестей»»^[117]. Раздражен был подобной перспективой далеко не один Невилл Чемберлен, но и многие другие.

Что в Консервативной, что в Либеральной, что в Лейбористской партии мнения на этот счет разделились и вылились в длительные противостояния. Парламент превратился в растревоженный улей. Продажа титулов, которую активно ввели Ллойд Джордж и некоторые его коллеги, теперь уже стала достоянием прессы. В июле Чемберлен с Лесли Уилсоном и Сэмом Хором обсуждали создание парламентского комитета по расследованию этого дела, чтобы «не прикрывать преступлений правительства»^[118]. Занималась расследованием и Королевская комиссия. На дебатах по этому вопросу Ллойд Джордж произнес не самую выдающуюся свою речь и видно было, что палата, бывшая некогда в восторге от «бритвы парламента», уже не находится во власти его очарования. Валлийский премьер становился непопулярен в стране, шахтеры говорили, что он принес безработицу, недовольство росло.

Невилл Чемберлен же помимо политических забот был обременен и

семейными. Он уже четвертый год жил в Лондоне на заработанные ранее деньги и не мог заниматься бизнесом в той мере, какая обеспечивала бы прежний уровень дохода, а политика — дело дорогостоящее. Дети его подрастали, Френсис готовился к школе: «Увы, приближается пора, когда наш счастливый дом будет опечален отъездом Фрэнка в школу... Дороти еще не поняла, что это означает, и сам Фрэнк открыто радуется этой перспективе! Я помню, как я хотел скорее пойти учиться и как горевала Ида. Но у нее были другие сестры, чтобы с ними играть, а у бедной Дороти нет ни одной»^[119].

Тем временем оправившийся от болезни Бонар Лоу вернулся в ряды тори и начал уже откровенно работать на свержение коалиционного правительства во главе с Ллойд Джорджем, хотя это было значительно затруднено Остином Чемберленом, который с «козлом» расставаться не спешил. Младший Чемберлен оказался буквально меж двух огней. С одной стороны, он страстно желал отставки правительства, с другой — в таком случае он вынужден был идти против собственного брата. В тот же период начинают складываться отношения между Невиллом Чемберленом и Стенли Болдуином (или С. Б., как его сокращенно все обычно называли), сподвижником Бонара Лоу. Раскол тори был уже слишком очевиден, Остин поддерживал существующее правительство и «козла», Невилл, связанный благородством и родственными узами, не мог открыто поддержать ни ту, ни другую сторону.

Осенью он отправился в тур по Канаде, чтобы самоустраниться из погрязшего в интригах Лондона, а заодно прозондировать почву для проведения Имперской экономической конференции с доминионами. Поэтому 22 октября 1922 года, когда наконец-то правительство Ллойд Джорджа пало, присутствовать при этом эпохальном событии Невилл не мог. Но, получив об этом известия, младший Чемберлен писал: это стало «провидением, что мы избавились от козла». Радость его омрачалась лишь судьбой Остина, который оказался в трагическом положении, и хотя заявлял прессе, что конфликта между ним и Бонаром Лоу нет, однако в новом Кабинете министров (который формировал Лоу) для Остина места не нашлось.

Зато отыскалось место для Невилла — Бонар Лоу предложил ему портфель министра почтовых связей. Эта должность младшего министра вне Кабинета являлась традиционной первой ступенью в правительственной карьере. Старший брат категорически заявил: «Если ты примешь это назначение, между нами прекращается всякое родство!»^[120]

Хотя Невилл и убеждал брата, что вхождение его в правительство не разведет их по враждующим лагерям, а, напротив, будет служить мостиком между Остином и новым Кабинетом. Все аргументы не имели эффекта. Тогда младший Чемберлен сказал, что готов отказаться от поста, так как его «заботят куда больше наши личные отношения, чем политика»^[121]. Остин ответил, что не готов взять на себя такую ответственность, и наконец-то смягчился. Назначение было принято, хотя Невилл Чемберлен и не видел блестящих и долгосрочных перспектив этого правительства, но с чего-то же нужно было начинать.

Всеобщие выборы все-таки были назначены на ноябрь 1922 года. Чемберлен не сомневался в своей победе в Ледивуде, хотя ширящаяся безработица, подорванная экономика и как следствие непрерывно растущие цены сделали свое дело с электоратом. Энни с оранжевым пером на шляпе колесила на велосипеде, призывая голосовать за ее мужа, и одна «стоила целой армии» в этой избирательной кампании. Тем не менее кандидат от Лейбористской партии набрал всего лишь на две тысячи голосов меньше, чем бывший лорд-мэр, хотя последнему и удалось одержать победу. Это сигнализировало о действительно бедственном положении в стране. Лейбористы и социалисты, спекулируя на чувствах бедняков, отнимали голоса, Уинстон Черчилль, например, в палату общин в тот год не прошел вообще. «Я сожалею о Черчилле, хотя я не представляю себе достоверной историю, что он плакал (после поражения. — М. Д.)^[122]» — писал Невилл по прошествии выборов сестре.

До этих выборов младший Чемберлен с лейбористами зачастую сотрудничал, так как многие высказывания по социальным реформам у них роднились. Но ноябрь 1922 года заставил его по-иному взглянуть на «рабочую партию» (как называли партию лейбористов), которая рвалась к власти путем зачастую популистских обещаний. Во время предвыборной кампании он даже заявил, что как лорд-мэр сделал больше для Лейбористской партии, чем все их ораторы^[123]. Эта зарождавшаяся вражда с лейбористами будет иметь свои последствия и для Чемберлена, и для Британской империи.

Пока же один из немногих лейбористов, кто внушал Невиллу доверие, был будущий первый премьер-лейборист МакДональд. «В целом я должен сказать, что Рэмзи МакДональд очень хорош. Несколько раз он показывал свое неудовольствие манерами его последователей и соратников по партии к их замешательству и нашей радости»^[124], — писал он сестре о ситуации в

переформированном после Всеобщих выборов парламенте. Лейбористы стали в нем второй партией после тори, но пока не умели достойно себя вести. Они вскакивали, кричали, не давали спикеру говорить, в общем, больше напоминали расшалившихся детей, хотя потом опять же по-детски пытались объяснить, что не хотели выказать непочтительность. В то время Чемберлен закрывал глаза на их выходки, оправдывая это тем, что они, лейбористы, просто «должны пройти этап обучения, палата общин как католическая церковь — «наковальня, о которую сломалось очень много молотов»»^[125]. Но позже лейбористы уже начали злиться на то, что он взирает на их выходки с высоты своего опыта, считая его высокомерным и заносчивым. Им казалось, что Чемберлен «глумится над ними», его хищная внешность вызывала у них ассоциации с вороном, и они никогда не смогли ему простить снисходительных насмешек^[126].

Новая же должность министра почтовых связей, главного почтмейстера, была относительно спокойной и по сути имела обучающий характер. Несмотря на то, что Чемберлен в прошлом несколько месяцев был главой Национальной службы, то ведомство было абсолютно новым и четких функций ни у него, ни у его главы не было. Министерство почт было уже устоявшейся организацией, и Чемберлен выполнял требуемую от него работу министра вполне уверенно. Хотя, надо сказать, не все были согласны с таким распределением портфелей. «Нэнси Астор^[127] сеет смуту и уже кричит, <что> я нахожусь на неправильном месте и что я — единственный, кто должен быть министром здравоохранения»^[128].

Этого назначения пришлось ждать совсем недолго, уже в марте 1923-го Чемберлен в первый раз получил эту должность. Последующие два года будут отмечены чередой Всеобщих выборов и бесконечным тасованием министерских портфелей, но, так или иначе, Невилл Чемберлен с задней скамьи палаты общин пересел на переднюю и не покинет ее до 1940 года.

Глава 3

«МИНИСТР СМЕРТИ»: ОТ ЗАВЕЩАНИЯ ОТЦА К «ВЬЮЧНОЙ ЛОШАДИ» ПРАВИТЕЛЬСТВА (1923–1937)

И почему я не уйду теперь с лаврами моих успешных четырех лет вместо того, чтобы остаться и быть проклятым и вышвырнутым неблагодарным британским народом?^[129]

Невилл Чемберлен

«Я признаюсь, что потрясен объемом работы, который стоит передо мной. <...> Но, видимо, это моя судьба — оказываться на самом опасном и ответственном участке фронта, и, вероятно, судьба правительства будет теперь зависеть от бедного меня»^[130], — писал сестре «бедный» мистер Чемберлен, получив портфель министра здравоохранения. Нельзя сказать, что он слишком преувеличивал в своем письме и масштаб предстоящей работы, и ее влияние на участь нового правительства. На тот момент количество английских безработных подходило к полутора миллионам, отчаянно недоставало жилья, большинство населения гнило в «трущобах», за которые с арендаторов брали еще и очень приличные деньги. Муниципальные казначейства были опустошены войной, а Болдуин подписал в Вашингтоне обременительное соглашение для оплаты внешнего долга. Неудивительно, что на таком фоне лейбористская риторика выглядела убедительной.

Для создания приемлемых жилищных условий необходимо было построить около 800 тысяч новых зданий. 11 апреля Чемберлен внес в палату общин законопроект о правительственных субсидиях на жилищное строительство. После слушаний палата его одобрила, и Закон о жилье 1923 года стал ориентиром для правительственной политики в этой области на

следующие 40 лет. Ежегодные правительственные субсидии поощряли и частный сектор строить недорогое, доступное жилье, и муниципальные власти заниматься градостроительством. 20 мая он представил Кабинету законопроект об ограничении арендной платы и процента по ипотечному кредиту, который являлся своего рода «равноправным компромиссом» между арендаторами и владельцами жилья. Законопроект был в тот же день внесен в парламент и в итоге действовал до 1933 года.

22 мая 1923 года смертельно больной Бонар Лоу снова вынужден был уйти в отставку, на этот раз окончательно. Чемберлен за эти несколько месяцев до того замечательно с ним сработался, что Бонар назвал его имя первым при обсуждении своего возможного преемника. Впрочем, с политической точки зрения младший Чемберлен был для этого еще слишком молод: в национальной политике, если даже считать вместе с перерывами, он участвовал только шестой год. Поэтому лидерство вполне справедливо и заслуженно получил Стенли Болдуин, он и сменил Бонара Лоу на посту премьер-министра. Как Невилл во время правительственного кризиса в октябре 1922-го отсутствовал в Лондоне, так в мае 1923-го в столице не было Остина Чемберлена, который тоже мог бы претендовать на лидерство.

Младший брат раздумывал о предложении кандидатуры Остина, но все же больше склонялся к Болдуину, мотивируя это тем, что «в конце концов, он такой же бизнесмен»^[131]. Люди подобного склада были ему куда ближе, проще и понятнее, с ними можно было делать дела. Возвратившийся же из Парижа Остин вовсе не был так оптимистичен насчет С. Б., у него была своя «группировка» с лордом Биркенхедом^[132] и лордом Керзоном. Вместе с ними он смотрел сквозь монокль на всех остальных как на «низших людей»^[133]. Между тем на партийное лидерство претендовал и сам Керзон, в то время министр иностранных дел и председатель палаты лордов. Но именно последний фактор и стал официальной причиной, почему ему не суждено было стать премьер-министром, так как премьеру в первую очередь необходим контакт с палатой общин. Этот эпизод стоит запомнить, так как он найдет свое отражение в мае 1940 года.

Действительной же причиной несостоятельности Керзона была его непопулярность в стране. На тот период слава Керзона как блистательного вице-короля Индии, убивающего зашедшего к нему на обед тигра, поблекла. Его внешнеполитические инициативы, в частности интервенционного характера, не вызвали живой поддержки

населения Великобритании. Империи предстоял огромный путь восстановления от ударов, нанесенных Первой мировой войной, поэтому популярность завоевывали люди, производящие впечатление не утонченных аристократов, а практиков, — Стенли Болдуин, Рэмзи МакДональд, Невилл Чемберлен. «Болдуин сказал мне, что получил огромное количество писем, в которых было сказано: «Слава Богу, не Керзон». На самом деле, у него (Керзона. — М. Д.) нет глубоких познаний или интереса к внутренним вопросам, но я думаю, что он был бы готов дать определенную свободу своим министрам. Мне говорили, что он был вне себя от досады и разочарования, но я надеюсь, что он немного утешится прессой, которая так широко расписывает его положительные стороны. Он, конечно, проявил себя очень хорошо»^[134], — писал Невилл сестре.

Правительство Болдуина чувствовало себя уже куда увереннее, нежели правительство Бонара Лоу. Уверенность эта была достигнута не без помощи Невилла Чемберлена как министра здравоохранения, который своей деятельностью демонстрировал, что Кабинет работает, и работает на благо граждан. Болдуин не желал останавливаться на достигнутом и решил сделать младшего Чемберлена министром финансов уже в августе, когда два его основных законопроекта по жилищному вопросу прошли все поправки.

Сам Чемберлен скептически отнесся к такой затее, он не чувствовал в себе способностей стать канцлером Казначейства и предпочел бы остаться на своем месте в министерстве здравоохранения, но у С. Б. других вариантов просто не было: «У Эмери нет никаких идей, у Ллойда Грема недостаточно опыта, а отцу Вуда уже 85 лет, и в любой момент ему придется перейти в палату лордов»^[135]^[136]. Поэтому Чемберлену ничего не оставалось, как впервые стать министром финансов Британской империи. Это, безусловно, было небывалым карьерным скачком человека, который всего лишь пять лет назад пришел в палату общин рядовым заднескамеечником. Пресса осуждала решение премьера, но у С. Б. между тем был свой план.

Продолжающийся, несмотря на все правительственные усилия, рост безработицы, а также ослабленная экономика, которая все еще находилась даже ниже довоенного уровня, и негодование доминионов заставляли Стенли Болдуина думать о том, чтобы заменить политику фритредерства протекционизмом. Именно поэтому он и пригласил младшего сына Джозефа Чемберлена, отца не только Невилла и Остина, но и «тарифной

реформы», стать канцлером Казначейства, зная его приверженность этой политике.

Однако далеко не все члены Кабинета, а также рядовые консерваторы, не говоря уже о других партиях, разделяли приверженность протекционистской модели. Споры между сторонниками «свободной торговли» и сторонниками «тарифов» были столь же горячи, как споры по ирландскому или индийскому вопросам. Тарифную реформу поддерживали «изгнанники»-тори — лорд Биркенхед и Остин Чемберлен. Для усиления своей позиции Болдуин вознамерился ввести их в Кабинет, но если кандидатура Остина еще не вызывала такого негодования, то Биркенхеда тори просто-напросто отказывались даже видеть рядом с Даунинг-стрит. Неприятие было вызвано уже набившим оскомину поведением Биркенхеда, который кардинально отличался от политиков нового типа вроде Болдуина, оставаясь карикатурным изображением британского империалиста со всеми прилагающимися пороками — зашкаливающим высокомерием, алкоголизмом, содомией и т. п. Трое младших министров пригрозили уйти в отставку, если Биркенхед будет включен в состав Кабинета. Разгорелся очередной партийный кризис, грозивший расколом.

Тогда Болдуин решил сделать непредсказуемый ход и провести очередные Всеобщие выборы с целью не только испросить поддержку населения своим инициативам, но еще и перетасовать ряды парламентариев, да и своих непосредственных коллег. К тому же пока партия была связана обещаниями, данными Бонаром Лоу перед предыдущими выборами, что никаких решительных изменений финансовая политика претерпевать не будет.

Точно так же Ллойд Джордж год назад был абсолютно уверен в том, что все будет именно так, как ему нужно. Болдуин повторил ту же ошибку. И так же, как Ллойд Джордж, Стенли Болдуин просчитался. «Эта скотская избирательная кампания»^[137], как злобно охарактеризовал ее Невилл Чемберлен, принесла такие плоды, о которых никто и догадываться не мог.

Номинально консерваторы одержали победу и получили 258 мест в палате общин, но лейбористы получили беспрецедентное 191 место, а либералы (виги), к которым еще на предыдущих выборах вернулся Асквит, — 158. Таким образом, возможная коалиция вигов и лейбористов имела бы перевес голосов и значительно затрудняла бы работу правительства. Тори, имеющие до выборов 6 декабря 1923 года устойчивое большинство в 344 места, оказались буквально посреди руин. Учитывая, что необходимости как таковой в выборах однозначно не было и консерваторы могли бы уверенно держать власть еще четыре года, они обрушили свой гнев на

Болдуина, а также и на младшего Чемберлена, которого наряду с Эмери и К⁰ называли «злыми гениями» тарифной политики^[138].

Чемберлен же, напротив, Болдуина от выборов только отговаривал, а также всячески жалел и поддерживал, наблюдая, как тому нелегко нести бремя премьер-министра. «У него не хватает времени, чтобы что-то обдумать. Его день — одна сплошная последовательность тревожных проблем, каждая из которых должна быть немедленно решена, и ежедневная череда выступлений, которые зачастую принимаются в штыки. <...> Действительно, это — ад»^[139], — писал Невилл сестре. Но пока в ад новой избирательной кампании стараниями Болдуина оказались ввергнуты все остальные. Лейбористы развернули знамена классовой войны, либералы пугали население налогами на масло, хлеб, бекон и другие продукты. Энни «работала как 40 бобров!»^[140], чтобы ее муж одержал победу. Чемберлен действительно выиграл, но с еще меньшим преимуществом, чем в предыдущем году — лишь на полторы тысячи голосов он опережал кандидата от Лейбористской партии.

Формирование Кабинета министров в условиях отсутствия уверенного большинства в палате для консерваторов и Болдуина было не лучшей идеей. Подогревал мысли о роспуске правительства и сам Чемберлен, справедливо предполагая, что, если Кабинет будет формировать лидер лейбористов МакДональд, ему будет еще тяжелее, ведь четких договоренностей с либералами, третьей по силе партии, у него нет. Действительно, Асквит совсем не торопился создавать коалицию с кем-либо: с одной стороны, опасаясь социалистического правительства, с другой — не желая потворствовать тори. В январе МакДональд заявил о вотуме недоверия правительству, и Кабинет Стенли Болдуина был распущен. Таким образом, наступал исторический момент — впервые формировать правительство поручено было лейбористу.

Тори же перешли в оппозицию. Первое, что решил сделать младший Чемберлен, это примирить своего брата Остина с Болдуином. И уже в начале февраля, пригласив в гости С. Б. (а он жил в доме напротив чемберленовского на Итон-сквер), ему это удалось. «Таким образом, воссоединение наконец произошло, думаю, что «спасибо» за это можно сказать мне»^[141], — писал Невилл сестре, явно довольный собой. Вместе с братом они оказались в одном Кабинете, но пока еще только — теновом. Правда, теперь Болдуин куда более симпатизировал старшему Чемберлену и сделал его своим партийным заместителем. Стратегически такой ход был оправдан — с точки зрения примирения враждующих группировок, но с

точки зрения человеческой, безусловно, был несколько некорректным по отношению к младшему Чемберлену.

Тот, впрочем, совсем не расстраивался, он оттачивал остроумие на лейбористах в палате общин, за что они окончательно его возненавидели. Невилл Чемберлен не сомневался в том, что новое правительство МакДональда продержится очень недолго, хотя и признавал безусловные личные достоинства Рэмзи. Особенно от Чемберлена страдал нынешний министр здравоохранения — Джон Уитли, планы и схемы которого бывший министр громил в палате общин раз за разом. МакДональду еще в апреле он предлагал любую помощь, которая может понадобиться по этому вопросу, но МакДональд этим щедрым предложением воспользоваться не спешил. Более того, в ноябре, когда его правительство было уже распущено, он обвинил тори в черствости и равнодушии к его проблемам, «что заставило меня усомниться в его искренности в первый, но далеко не в последний раз»^[142], — запишет в дневнике Чемберлен.

Консерваторы действительно значительно осложняли жизнь первого в истории лейбористского правительства, так что падение его было вопросом времени. Но в стране позиции партии были сильны. И в январе — феврале Невилл Чемберлен рассуждал в переписке о том, что, если бы Всеобщие выборы вновь были объявлены теперь, в Ледивуде ему пришлось бы нелегко тягаться с противниками. Менять свой избирательный округ Чемберлен все же не торопился, считая подобное «дезертирством»^[143].

Но не только политинтригами едиными жив был в тот период Невилл Чемберлен. В марте он предложил Стенли Болдуину схему по созданию обязательного «комбинированного страхования», которая гарантировала бы помощь в первую очередь безработным, больным, старикам, а также вдовам и сиротам. Помогал ему в создании этого проекта Сэм Хор, «он и я — единственные социалисты в покойном правительстве»^[144]. Но Болдуин не спешил заниматься рассмотрением этой инициативы, после поражения на выборах он вообще стал склонен к депрессии, бесцветно выступал в палате общин и явно был удручен. Зато блистали в нижней палате братья Чемберлены.

Уход в оппозицию и вынужденная передышка в управлении Империей перегруппировали консерваторов и постепенно начали сводить их воедино. Внутренние противоречия отходили на задний план, основным противником стало новое правительство. Невилл Чемберлен немного отдалился от Болдуина, зато сблизился с Эдвардом Вудом, «с которым я

всегда себя чувствую наиболее уютно, чем с почти любым другим из наших коллег»^[145]. Это было началом многообещающего сотрудничества и дружбы. Их обоих волновала перспектива возвращения в ряды Консервативной партии Уинстона Черчилля, который по-прежнему не имел места в палате и считался на тот момент либералом, но теперь активно намекал на возможное присоединение к тори, то есть к консерваторам. Все это привело бы к интригам в борьбе за лидирующие позиции, что и так весьма и весьма ослабило партию.

В апреле 1924 года для укрепления партийного духа консерваторы решили провести конференцию, на которой собирались принять программу партии, так называемую доктрину «нового консерватизма». После того как программы Эмери, Керзона, Вуда и Хора были отвергнуты, младший Чемберлен составил свою, которую с некоторыми коррективами приняли. Во внешней политике предполагалось усиливать Империю, способствовать постепенному получению Индией самоуправления, защищать ирландских лоялистов и британские интересы в Египте и Судане; во внутренней — развивать промышленность и экономику, отменить политический налог, увеличить субсидии на развитие сельского хозяйства, жилья, пенсий и т. д. В целом документ был достаточно «водянист», но обширностью формулировок устраивал все внутрипартийные группировки.

С этой программой в качестве основы консерваторы и подошли ко Всеобщим выборам в октябре 1924 года. Как ни старался младший Чемберлен доказать несостоятельность социальных инициатив лейбористского правительства, прикончила лейбористов все же внешняя политика, на которую активно нападали уже старший Чемберлен. МакДональд признал-таки существование «молодой Советской республики» (Великобритания официально признала СССР как государство 1 февраля 1924 года), но англо-советское соглашение не устроило теперь уже не только тори, но и вигов, чаша терпения которых была к октябрю переполнена. Либералы вынесли правительству вотум недоверия, который поддержали консерваторы, тем самым с лейбористским Кабинетом министров было покончено.

Но вместо того чтобы уйти в отставку и порекомендовать королю Болдуина (а это обязательный ритуал для премьер-министра — в порядке совета Его или Ее Величеству назвать кандидатуру своего возможного преемника), таким образом сохранив шаткое положение консерваторов в палате общин и возможность для перегруппировки собственных сил, Рэмзи МакДональд назначил очередные Всеобщие выборы. Ничему не научил его пример сначала либерала Ллойд Джорджа, потом консерватора Стенли

Болдуина, которые уповали на лояльность избирателей и благоволение судьбы. Жесток был к ним британский избиратель, жесток он был и к лейбористам в 1924 году.

Консерваторы одержали, как говорится, сокрушительную победу, выиграв 412 мест в палате общин. Теперь им были уже не страшны ни либералы Асквита, которые потеряли почти 120 мест и остались всего лишь с сорока, ни лейбористы, получившие только 151 мандат. На время можно было забыть о Всеобщих выборах, которые наносили удары не только по Кабинетам министров, но и по собственным их карманам. Младший Чемберлен к моменту третьей за три года избирательной кампании был уже едва ли не на грани разорения и всерьез намеревался продать дом на Итон-сквер, перебравшись в квартиру^[146], до того подорвали его бюджет бесконечные выборы.

Однако даже не денежные расходы стали для него главной опасностью в избирательной кампании 1924 года. Его старый и основной противник-лейборист Дунстан в этом году не стал выдвигаться в Ледивуде, побоявшись опять ему проиграть. Вместо него конкуренцию Невиллу Чемберлену должен был составить сам Освальд Мосли^[147]. Материальное положение Мосли было куда лучше, чем у Чемберлена, и кампания того велась с положенной помпой. С таким серьезным конкурентом борьба Чемберлену давалась очень нелегко. Результаты выборов считали пять раз за ночь, пока не объявили, что Невилл Чемберлен все-таки одержал победу. «Первый подсчет дал мне большинство в 30 голосов, потом перевес был в 15, потом — 7, потом я проиграл 2 голоса, и наконец в 4.30 лорд-мэр объявил, что я был избран с 77 голосами в перевесе. Галереи ратуши были заполнены социалистами, которые кричали, топали ногами и вопили оскорбления... Я ненавижу самую мысль быть побежденным, особенно таким гадом»^[148], — писал он сестре.

Стенли Болдуин формировал свое второе правительство, в котором, безусловно, были уготованы места и братьям Чемберлен. Старшему достался Форин Оффис (как называют внешнеполитическое ведомство Великобритании), и Керзон плакал, когда ему сообщили, что он не станет министром иностранных дел^[149]. Впрочем, лорд Керзон в скором времени скончался. А младший Чемберлен писал сестре о своей судьбе следующее: «Я знаю, что С. Б. хотел бы меня вернуть назад в Казначейство... <...> я, конечно, отдам себя полностью в его руки, но я остаюсь убежденным, что я мог бы стать великим министром здравоохранения, но вряд ли стану больше, чем второсортным канцлером (Казначейства. — М. Д.). Я

предполагаю, что мои друзья были бы разочарованы и думали бы, что я съехал по карьерной лестнице, если я возвращусь в министерство здравоохранения. Но это чувство вскоре бы прошло, и я буду очень рад оказаться там снова. <...> Еще я взял бы колонии и полагаю, что я могу быть также полезен в этом деле»^[150].

Но повторить судьбу отца, который был великим министром по делам колоний, Невиллу Чемберлену не было суждено. Он действительно получил портфель министра здравоохранения в новом Кабинете, однако перед этим Болдуин, как и предполагалось, предложил ему снова стать министром финансов. Практически сразу после отказа С. Б. предложил пост канцлера Казначейства Уинстону Черчиллю, к величайшему неудовольствию Чемберлена. Он был до такой степени опечален этой новостью, что писал сестре: «Я нахожусь в отчаянии и вижу массу возможностей для своей отставки если не немедленно, то в ближайшем будущем. Как раз в то самое время, когда все выглядело настолько хорошо»^[151]. Невилл Чемберлен предполагал, что Черчилль внесет смуту в Кабинет, который состоял из хорошо сработавшихся людей, но долго горевать он не имел привычки и тут же ударился в дела.

6 ноября 1924 года получив портфель, уже 19-го числа он представил правительству схему инициатив, состоящую из 25 пунктов социальных изменений по всевозможным направлениям его ведомства — от жилищного строительства до строительства роддомов, от пенсий военным до пособий сиротам. К концу его ведомственных полномочий, в 1929 году, Невилл Чемберлен провел в жизнь 21 пункт, что позволило ему приобрести заслуженную славу «самого эффективного социального реформатора межвоенного времени»^[152].

Министерство здравоохранения образца 1920-х годов занималось не только здоровьем народонаселения, в его юрисдикции были также пенсионные выплаты, градостроительство, муниципалитеты и т. д., иными словами, министерство охватывало все сферы так называемого «социального развития». Сколотив крепкую команду из своих помощников — парламентского секретаря Кингсли Вуда, постоянного секретаря Артура Робинсона и основного медицинского советника Джорджа Ньюмана, — Чемберлен горячо взялся за осуществление своих двадцати пяти пунктов. «Мне нравится то, что я встретил Невилла Чемберлена, — в 1926 году отмечал один заднескамеечник-тори. — Он кажется простым и непритязательным, но не скучным, несмотря на его удивительную эффективность и полную компетентность по предметам, которые у меня

вызывают зевоту»^[153]. Энергии 55-летнему министру действительно было не занимать.

Страх того, что Уинстон Черчилль начнет баламутить Кабинет, в скором времени отступил. Более того, Черчилль и Чемберлен теперь вдвоем, тайно, чтобы никакая информация не просочилась раньше времени в прессу и к оппозиции, готовили проект пенсионной реформы. Чемберлен планировал провести ее к 1926 году, но Черчилль, жаждущий сенсации и доказательств собственной эффективной работы, настоял на том, чтобы реформа была сопряжена с его первым бюджетом, то есть к маю 1925 года. К тому же внимание к реформе должно было отвлечь малоимущую публику от планируемого снижения подоходного налога для среднего класса.

В соответствии с этой реформой пенсии по старости для застрахованных мужчин и их жен, достигших шестидесяти пяти лет, составляли 50 пенсов в неделю, или приблизительно 2 фунта стерлингов в месяц. Столько же получали вдовы, плюс пособие для старшего ребенка — 25 пенсов в неделю, и 15 пенсов для каждого из остальных детей, если таковые были. Сироты получали пособие в 37,5 пенса в неделю старшему ребенку и 30 пенсов каждому из остальных. «Я работал как раб над ним (проектом реформы. — М. Д.) каждую ночь до часу или двух и два часа утром так, чтобы, когда время настало, я действительно чувствовал, что справился, и я полагаю, что разоружил оппозицию»^[154], — писал Чемберлен сестре. Сегодняшний эквивалент стандартной месячной выплаты по той пенсионной реформе Чемберлена — примерно сотня долларов. На тот момент для Британской империи такие выплаты были весьма прогрессивными. «Триумф, но не такой уж захватывающий», — в том же письме скромно отмечал министр здравоохранения. Тем не менее и этот триумф Черчилль попытался приписать себе, представляя бюджет, к возмущению многих коллег из ведомства Чемберлена. Сам же Невилл отмечал, что «по-моему, он (Черчилль. — М. Д.) действительно заслуживает личной похвалы за свою инициативу». Политическое тщеславие Невиллу Чемберлену всегда было чуждо, ему был важен успех дела, а если при этом он получил еще какое-то народное одобрение, что ж, это было приятным дополнением.

Оппозиция же пыталась наносить удар за ударом. Учитывая, что страну уже начинала охватывать эпоха стачек и забастовок и лейбористы, как могли, старались раскачивать лодку, осуществлять пенсионную реформу было нелегко. Однако к ноябрю 1925-го палата общин

подчинилась железной воле Чемберлена, подкрепленного поддержкой Болдуина и Черчилля. Реформа была проведена и вступила в силу 1 января 1926 года.

Теперь людям было не о чем жить, но не было — где. Ситуация с трущобами по-прежнему оставляла желать лучшего. Люди ютились в неотапливаемых грязных коробках, которые гордо назывались «меблированными комнатами». Пятьдесят процентов новобранцев, поступающих на военную службу Его Величества, отклонялись медицинской комиссией из-за туберкулеза, венерических заболеваний, других болезней, которые в таких условиях проживания заполучить было легко. Еще хуже ситуация обстояла в сельской местности.

Принципиально нового жилищного законодательства Чемберлен вводить не собирался. Его двухлетний план, утвержденный еще в 1923 году, когда он впервые получил портфель министра здравоохранения, работал. Работал, конечно, не так быстро, как этого ожидали нуждающиеся, но тем не менее около 130 тысяч новых зданий к 1925 году были построены, а к 1928-му — еще 240 тысяч, причем 60 тысяч зданий были построены без государственных субсидий.

Сам же Чемберлен два года регулярно инспектировал трущобы и объехал с этими инспекциями практически всю страну — Бристоль, Ливерпуль, Манчестер и Блэкберн; Шеффилд, Галифакс и Брэдфорд; Данди и Ньюкасл, Ковентри и Кардифф; графства Ланкашир, Уилтшир, Девон и Норфолк. О каждой из инспекций он составлял подробнейший отчет, принимая во внимание все детали: «председатель популярен по достоинству, но слишком стар», «здесь превосходная медсестра», «а здесь худшие трущобы, с которыми я сталкивался в своей жизни» и т. д. ^[155] Педантичность Чемберлена тогда уже начинала входить в легенды. Не было в Кабинете, а то и во всей палате общин более точного человека, внимательного к каждой детали, что во многих умах закрепило его образ «больше машины, чем человека» ^[156].

В каждой местности он инспектировал не только больницы, роддома и жилищные условия, он посещал еще и так называемые «опекунские дома», то есть дома для нищих, которые согласно Закону о бедняках оказывали малоимущим материальную помощь. Находились эти дома в ведомстве местного самоуправления и постоянно требовали от казны чрезвычайных сумм. Как, например, графство Ланкашир, которому для выплат беднякам требовалось полмиллиона фунтов стерлингов. Чемберлен в такой субсидии муниципалитету графства отказал, поскольку до этого им уже было

предоставлено около полутора миллионов.

Все это наталкивало его на мысль о необходимости коренного пересмотра, а то и вообще отмены Закона о бедняках, который лишь позволяет греть руки муниципалитетам (в одном только Лондонском опекунском совете было арестовано 30 человек за хищение средств), а самим беднякам ни помощи, ни пользы не приносит. Поддержал его мысль и Уинстон Черчилль, который намеревался сделать Казначейство «активным инструментом правительственной социальной политики»^[157].

Но отменять Закон о бедняках в тех условиях было равносильно объявлению гражданской войны, и Чемберлен предложил схему единовременного фиксированного финансирования муниципалитетов. Кабинетом министров такая схема была одобрена, но в палате общин, разумеется, встретила жесткий отпор лейбористов. Тогда-то у Невилла Чемберлена и появилось это звание «министр смерти» (по аналогии «health» — «death»). Не стесняясь, они называли Чемберлена хулиганом, убийцей и прочими лестными для благообразного министра определениями.

«Их грубые преувеличения, их непорядочность в нечленораздельной речи и факты, которые говорят против них, их категорическая неспособность оценить разумный аргумент действительно иногда озлобляют мою душу, и если я кажусь твердым и неприятным им, это — реакция, вызванная их собственным отношением»^[158], - заметил Чемберлен в дневнике. Он стал уже практически откровенно огрызаться на выпады лейбористов, которые тормозили прохождение его реформ. Сглаживал парламентские конфликты все тот же Черчилль. «Все его улыбки и его примирительное поведение противопоставлены отвратительным манерам министра здравоохранения!» — негодовал Чемберлен в письме сестре. С лейбористами ему порядком надоело считаться: «Я уже исчерпал примирение и терпимость, которые не встречают ни малейшего ответа»^[159].

А вот в стране старания министра здравоохранения, его личное общение с людьми, его рвение изменить существующее положение вещей стали вызывать отклик. Влюбленные «сумасшедшие леди» писали стихи о его зонтике^[160], который именно тогда стал неизменным атрибутом Невилла.

Но самому Чемберлену подобное признание оптимизма не добавляло, равно как и Всеобщая стачка, начавшаяся в мае 1926 года. Шахтеры и сочувствующие им саботировали промышленность, не один раз их

делегаты посещали резиденцию премьер-министра на Даунинг-стрит, 10, для выработки какого-то единого решения и удовлетворения их требований, и не раз уходили ни с чем. К середине мая угольщиков удалось обуздать, к тому же руководители стачки погрязли во внутренних противоречиях, о чем Чемберлен писал сестре: «Единственная вещь, с которой они соглашаются, состоит в том, что правительство — ряд дураков во власти плутов... <...>, и что я — один из плутов, которые угрожали миролюбивому Болдуину отставкой, если переговоры не будут немедленно прерваны!»^[161] Никакой отставкой Чемберлен, разумеется, не угрожал. Но правительство и в самом деле находилось в очень опасном положении. «Если бы мы потерпели неудачу, это была бы революция»^[162], — писал он позже.

Впрочем, иной раз даже Чемберлену удавалось находить общий язык со здравомыслящими лейбористскими людьми, которые поддержали, например, его Закон о государственном медицинском страховании в 1928 году. Закон гарантировал возвращение льгот для безработных, расширялся круг людей, которые должны были быть застрахованы, а дополнительные опции предполагали помощь специалистов.

Разладились у Чемберлена отношения с Рэмзи МакДональдом, который начал припоминать ему старые обиды и сетовать на прошлые обвинения в коррупции, а именно в получении автомобиля для личного пользования, о чем даже сам министр здравоохранения не сразу мог вспомнить. В письме сестре Чемберлен припомнил, о чем шла речь, и удивлялся «чувствительности Рэмзи»: «...я сказал тогда «премьер-министр, нравственные чувства которого оскорбляет даже слово ‘капитализм’ (это было выдержкой из его статьи), не видит ничего непоследовательного в том, чтобы принять от капиталиста тридцать тысяч фунтов и остаток своих дней проездить в барском легковом автомобиле»... <...> к тому же, сам он незадолго до этого сравнил тори с «паршивыми собаками, фыркающими вокруг кучи мусора»^[163]. Иными словами, в парламенте царил обычная рабочая атмосфера.

Уинстон Черчилль же не только старался очаровать палату общин, но также продолжал и бурную деятельность на посту канцлера Казначейства. Его схема фиксированного финансирования опекунских советов предлагала сократить расходы правительства сразу на 30 миллионов фунтов. Такие меры были расценены Чемберленом с опаской, так как подобное вызовет и однозначно положительную, и однозначно отрицательную реакцию. «Уинстон действовал сгоряча и в бешеной спешке, и я опасюсь его

фантастического плана... У него есть плодородный ум, но мне действительно жаль, что он не слишком заботится о надежности его стремлений. Я боюсь, в преследовании своих летящих образов он потеряет интерес к действительно практичным предложениям»^[164], — записал он в дневнике.

Черчилль повторял ту же ошибку, что и Ллойд Джордж в свое время, он был охвачен общей идеей, мало понимая, как все это будет выглядеть на практике и к каким последствиям приведет. Однако вопреки распространенному мнению, будто Чемберлен и Черчилль друг друга ненавидели, на деле это было не так. В 1920-х годах они сотрудничали, выполняли каждый свою работу, слышали и слушали друг друга, хотя и не стали близкими друзьями. «Есть слишком глубокое различие между нашими характерами, чтобы я чувствовал себя уютно с ним или был слишком привязан к нему»^[165], — говорил Чемберлен.

Черчилль жаждал эффектных мер, которые выведут его на первый план, и он, как говорится, держал «кошелек», куда Чемберлен не мог запустить руку сам по себе. Зато Черчилль подсунил ему почитать свою книгу «Мировой кризис»^[166], которую Чемберлен оценил достаточно высоко, правда, обнаружив там слишком много ненужных деталей: «Он (Уинстон. — М. Д.) сказал, что, возможно, провел бы еще два года, с пользой пересматривая ее. Я мог бы ее пересмотреть с пользой за два часа, вооружившись ножницами»^[167]. Занятно, что подобное замечание исходило от человека, которому не было равных в дотошности при рассмотрении тех или иных вопросов.

Подружился же Невилл Чемберлен тогда с другим членом Кабинета — молодым министром образования, а затем сельского хозяйства — Эдвардом Вудом. В марте 1926-го Чемберлен писал сестре: «Я думаю, что он без исключения самый восхитительный человек, которого я знаю. Полный здравого смысла, лукавого юмора и высочайших принципов, которые он никогда не выставляет напоказ, но вы чувствуете, что они есть внутри. Он рассказал мне восхитительную историю про Нэнси Астор <...>^[168]. Я смеялся просто до слез»^[169]. Очарованы Вудом в ту пору были многие, тот же Стенли Болдуин восклицал: «Если когда-нибудь наступит такое время, что партия, лидером которой я являюсь, перестанет привлекать к себе людей типа Эдварда Вуда, то я порву связи с такой партией!»^[170]

К сожалению, в мае 1926 года Эдварда Вуда не стало, а только что получивший титул лорд Ирвин отправлялся в Дели в блеске имперского величия, чтобы стать вице-королем Индии. Стоит добавить, что это были

впечатляющие пять лет и для Ирвина, и для Индии, и для Британской империи: щедро украшенные массовыми репрессиями, казнями, «соляным походом», арестом махатмы Ганди (одного из руководителей движения за независимость Индии от Великобритании), затем его освобождением и последующими «переговорами круглого стола».

Тем временем старший из Чемберленов, Остин, в качестве министра иностранных дел Британской империи успешно провел переговоры в Локарно с Муссолини, Брианом и Штреземанном в конце 1925 года^[171], за что был удостоен ордена Подвязки. Невилл искренне радовался такому успеху, но горевал, что Остин отказался от пэрства: «У звания пэра было бы большое практическое преимущество освобождения Остина от беспокойства (и расходов) избирательного округа»^[172]. Действительно, избирательные кампании предыдущих трех лет с постоянными Всеобщими выборами, как уже говорилось, изрядно ударили по карманам Чемберленов. Правда, Остин поправил материальное положение благодаря Нобелевской премии мира, полученной им в конце следующего, 1926 года. Внешнеполитические успехи его были весомы, хотя он был «очень усталым, но очень счастливым и мурлыкал, как кот»^[173].

В мае 1927 года, продолжая довольно мурлыкать, Остин Чемберлен разорвал дипломатические отношения с Советским Союзом, что послужило стартом знаменитейшему, выражаясь современным языком, флешмобу «Наш ответ Чемберлену!», который и сегодня необычайно популярен. Но в 1928 году старший Чемберлен едва не умер от пневмонии; младший просил сестер сказать тому, чтобы он сократил количество выкуриваемых сигарет и алкоголя, поскольку его он вряд ли послушается^[174].

А тем временем некоторые чиновники Форин Оффиса говорили о том, что если уж кто и должен стать следующим министром иностранных дел, так это Невилл Чемберлен. За внешней политикой он следил все это время, не так пристально и вдумчиво, чтобы прослыть великим дипломатом, но достаточно для того, чтобы подарить своему брату формулировку о «почти невыносимых провокациях» большевистской власти, из-за чего тот отношения с СССР и разрывал. Надо сказать, ярым «антисоветчиком» младший Чемберлен не был, гораздо сильнее, нежели «молодая советская республика», его раздражали собственные британские лейбористы, которые отчасти переняли большевистскую риторику и своими бесконечными выпадами мешали его правительству работать. Чемберлен в палате общин

уже не щадил никого: раз они считали его «убийцей, хамом, самым черствым и жестоким министром, который когда-либо сидел на министерской скамье»^[175], он и реагировал на их нападки с должной резкостью. Например, перебил «красную Эллен» Уилкинсон^[176], когда она просила прощения за свою «каверзную критику тори», переспросив: «Какую критику?» — «Каверзную». — «О, я подумал, что вы сказали кошачью критику»^[177], — пояснял он под взрыв хохота даже с лейбористской скамьи^[178].

Но все же основной деятельностью Невилла Чемберлена на тот момент была политика внутренняя, он был увлечен огромным проектом Закона о местном самоуправлении. Над этим проектом он работал четыре года, и ему удалось преодолеть все препятствия — а они возникали не только в палате общин, но и в Кабинете — только к 1929 году. Подготавливая почву для коренных преобразований муниципальной власти, Чемберлен ввел Билль об оценках и рейтингах, который был утвержден. Оценивать предполагалось советы графств и правительственные гранты, которые они получали из казны Его Величества и которые в основном не подвергались никакому пересмотру с 1888 года.

Еще инспектируя страну, Чемберлен заметил колоссальную разницу в делах муниципалитетов. Так, процветающий Оксфорд, например, получал из казны 102 пенса на душу, а голодному графству Мертир-Тидвилу полагалось всего 44 пенса. Все это необходимо было пересчитать и пересмотреть. Труд, который взяли на себя Чемберлен и его ведомство, был поистине геракловым, но выполнить его было необходимо. «Это будет моим выдающимся произведением, о котором скажут в моем некрологе»^[179], - говорил Чемберлен об этой работе. Реформа пересматривала Закон о бедняках, с тем чтобы теперь выплаты осуществляли муниципалитеты всем категориям граждан; предполагалось провести фундаментальную реструктуризацию системы финансов местного органа власти, то есть муниципалитета, пересмотр налогообложения областей, а также непосредственное расширение полномочий самих органов самоуправления, в частности в плане медицинского обслуживания населения.

Каждую из этих мер Чемберлен скрупулезно обдумывал, а после не менее скрупулезно согласовывал с Уинстоном Черчиллем, воюя за каждый шиллинг из бюджета. Черчилль раз за разом предлагал безумные планы, вроде того, чтобы вырезать из бюджета три миллиона и раздать каждому безработному по пять фунтов, но Чемберлен такие утопические идеи на

корню отметал.

Болдуина и других членов Кабинета министров беспокоили будущие выборы, которые могли быть затруднены столь объемными и малопонятными населению инициативами. Электорат, не без помощи лейбористских ораторов, мог вообразить, что правительство собирается вообще прекратить какие-либо выплаты, а это не сулило ничего хорошего. Дошло до того, что Невилл Чемберлен грозил своей отставкой, если ему продолжат связывать руки, но Болдуин его успокоил. Наконец-то Чемберлен и правительство достигли соглашения. «Грандиозная победа, и я чувствую себя подобно человеку, который выдерживал осаду в течение многих месяцев, а теперь, наконец, преуспел в том, чтобы отогнать врага!»^[180] — записал он в дневнике. Но осаду предстояло еще держать в палате общин. Пресса поддерживала ажиотаж, выпуская статьи с заголовками типа «Сокрушительный удар для Невилла Чемберлена»^[181] после первых, традиционно неблагоприятных слушаний и предлагая министру здравоохранения начать всю работу заново. Только после второго чтения законопроекта Чемберлен отметит в дневнике 1 декабря 1928 года: «...речь продлилась 2 1/2 часа... Когда я сел, палата приветствовала меня непрерывно в течение нескольких минут... то, что особенно поразило и тронуло меня, это что либералы и члены Лейбористской партии... присоединились с самой большой сердечностью»^[182].

Все-таки Невиллу Чемберлену удалось победить и Кабинет, и палату общин. Планы по благоустройству Империи у него не истощались, да и проблемы не заканчивались. «Я очень хотел бы искоренить трущобы, увеличить льготы за материнство, разобраться со школой последипломного образования и реформой о психически нездоровых»^[183], — писал Чемберлен. Впереди маячила перспектива новых Всеобщих выборов. Понятно, что министр здравоохранения был от этой перспективы не в восторге: «Я нахожу удовольствие в администрировании, а не в политической игре... если бы мне сказали, что я никогда не смогу исполнять свои обязанности снова, я бы предпочел уйти из политики теперь»^[184].

Выборы же обострили внутрипартийную борьбу. Кабинет вновь стал разбиваться на группировки. Черчилль предлагал объединиться с Ллойд Джорджем, чтобы гарантированно выиграть выборы, это его стремление поддерживал и старший Чемберлен. Для младшего же такой союз был смерти подобен (отношения с «валлийским волшебником» у него так и не

наладились). Стенли Болдуин был до крайности утомлен всеми этими обстоятельствами, к тому же в Лондоне не было лорда Ирвина, на гарантированную поддержку которого они могли бы рассчитывать.

Усталость Болдуина замечали многие, и уже вслух обсуждался вопрос, кто же станет его преемником. Кандидатур было несколько, основными из них, естественно, считались Черчилль и Невилл Чемберлен. Последний не чувствовал себя счастливым по этому поводу. «Я не уверен, что все согласятся служить под моим началом. В любом случае у меня нет желания лидерства; я не уклонился бы, если бы чувствовал, что это моя обязанность, но сам я не пошевелю и пальцем, чтобы стать лидером. Я знаю, что это будет фатальным для моего душевного спокойствия»^[185], — отметил он в дневнике. Черчилль же, напротив, с удовольствием бы возглавил и партию, и Кабинет, но для этого было слишком много препятствий, хотя бы то, что далеко не все консерваторы простили ему уход к либералам.

На Рождество 1928 года Болдуин и Чемберлен обсуждали возможные кадровые перестановки, сам Чемберлен подумывал о том, чтобы уйти в министерство сельского хозяйства, но перспектива невысокой зарплаты, а также положение младшего министра вне Кабинета его смущали. Болдуин думал предложить этот пост и Черчиллю, от энтузиазма которого устал, но Чемберлен отсоветовал ему это делать, мотивируя подобный шаг теми же соображениями, какими и собственную несговорчивость^[186].

Осложнялась ситуация с состоянием здоровья Его Величества Георга V, которое все больше ухудшалось. Не вызывал воодушевления и его наследник — Дэвид, принц Уэльский. «Мне не понравилось лицо принца Уэльского. Он, кажется, становится похож на распутника»^[187], — писал сестре еще в ноябре 1925 года Невилл Чемберлен, увидев Его Высочество на поминальной службе в Вестминстере. До появления в жизни будущего монарха дважды разведенной американки Уоллис Симпсон оставалось еще несколько лет, которые стали очень трудными и для мира, и для Британской империи.

Несмотря на то, что к 1929 году время стачек, казалось, было уже в прошлом, дымок от того костра народного волнения все еще не рассеивался. Всеобщие выборы, которые были проведены 30 мая, по количеству голосов отдавали победу консерваторам. Но при мажоритарной избирательной системе, то есть при окружном голосовании, большее количество мест в парламенте оказалось у лейбористов, и правительство

вновь должен был формировать Рэмзи МакДональд. К этому времени он заметно сдал, часто болел и даже как-то сказал Чемберлену: «На самом деле, я скоро уйду и оставлю вас самих разбираться»^[188]. Консерваторы получили всего на 17 мест меньше, чем лейбористы, поэтому могли «подвешивать» парламент.

Но это было слабым утешением, ведь настроение Империи, подогреваемое неизменной и бесконечной лейбористской пропагандой среди рабочих, было обозначено предельно четко. Даже Невилл Чемберлен не рискнул вновь биться за Ледивуд, ставший для него уже родным избирательным округом, опасаясь того, что населявшие округ бедняки и рабочие мало понимали его работу в правительстве и вряд ли могли оценить ее плоды, ведь реформа всей системы здравоохранения дело далеко не одного года. Младший Чемберлен баллотировался от Эджбастона, юго-западного района Бирмингема, и одержал победу с легкостью. Но в целом Брам был охвачен смутой: из двенадцати избирательных округов, которые испокон веку держали за собой консерваторы, шесть, то есть половину, получили лейбористы. Единственное, на что надеялся Чемберлен, как и в 1923 году, что очарование народных масс Лейбористской партией скоро сменится пониманием ее несостоятельности в деле реального управления Империей. «Самые неожиданные вещи могут произойти, и мы можем возвратиться в Кабинет раньше, чем кажется теперь возможным»^[189], — писал он сестре.

Летом 1929 года, когда шум выборов утих, Чемберлен подумывал, стоит ли ему вообще оставаться в политике. «Мне уже поступило предложение руководства новой компанией с зарплатой, далеко превышающей жалование министра здравоохранения... Но я боюсь, что такая большая прибыль предвещает опасную сделку, а я не могу позволить себе продать свою репутацию», — отмечал он в дневнике 9 июня. Если лейбористы за два года смогут сделать чудо и продемонстрировать эффективный бюджет стране, то они смогли бы объявить новые Всеобщие выборы, на которых получили бы власть еще на пять лет. Невиллу Чемберлену к тому моменту было бы уже 67 лет, «и если я буду жив, я осмеливаюсь сказать, что политика прекратит интересовать меня. С другой стороны, новое правительство может сделать такие грубые ошибки за эти два года, что страна будет рада избавиться от него»^[190]. В любом случае предпринимать что-то немедленно Чемберлен не хотел. Ему нужен был отдых. Поэтому он с удовольствием отправился заниматься своим любимым делом — рыбалкой, взяв с собой уже подростка для таких

мероприятий Фрэнка.

Однако долго отдыхать ни Чемберлену, ни всем остальным не пришлось. На арену выходил уже давно рвавшийся к власти лорд Бивербрук^[191]: вооружившись огромной армией своих таблоидов, он начал вести решительную борьбу за тарифную реформу, которая так и не была в полном виде реализована правительствами Болдуина и МакДональда. Проблема «тарифов» заключалась в том, что их приверженцев, как и их противников-«фритредеров» было практически поровну во всех партиях, что в Либеральной, которая получила порядка полусотни мест в палате, что в лидирующих — Консервативной и Лейбористской. Так или иначе, введение тарифов означало в первую очередь обострение внутривнутрипартийных разногласий, не говоря уже о хаосе и в стране, и в парламенте.

В дневнике Чемберлен писал об инициативах «барона прессы»: «Бивербрук, вероятно, искренен в его имперских стремлениях, но смешивает с ними желание «опустить» С. Б. Его конкретная политика устарела, невыполнима и вредна. Мой план состоит в том, чтобы сделать тарифы или таможенные пошлины только большей частью имперской торговой политики»^[192]. Тарифная реформа была одним из политических пунктов завещания его отца, Джозефа Чемберлена. Первый пункт — пенсионную реформу — младшему Чемберлену уже исполнить удалось. Хотя пришедшие в министерство здравоохранения лейбористы старались его планы перекраивать, и он «улавливал как собака» на слушаниях их поправок в палате общин, какие длились иной раз всю ночь, до самого утра^[193].

Бивербрук же с его неутомимой деятельностью совершенно не играл на руку Чемберлену и другим сторонникам тарифной реформы, в основном потому, что он жесточайшим образом громил «старую шайку» тори с Болдуином во главе. А большинство из членов этой «шайки», тот же Остин, который уже стремительно терял популярность в стране, поддерживали именно протекционизм. Болдуин, без того уставший от политики, от нападков враждебной прессы, и вовсе приуныл. На скамье оппозиции в палате общин он не блистал и, что еще хуже, сам понимал это. «Кроме того, это столь неприятно ему, что он мог бы очевидно отказаться от своего лидерства, — писал Невилл Чемберлен сестре. — В этом случае преемником стал бы или Уинстон, или я, и я не знаю, какое из этих решений мне больше всего не нравится!»^[194]

Не добавляла Болдуину популярности и деятельность индийского вице-короля лорда Ирвина, который неожиданно заговорил о том, что

Индии будет предоставлен статус доминиона едва ли не к декабрю; во всяком случае, министерство по делам Индии выпустило именно такое заявление. Ошалевший от столь резкого поворота событий премьер-министр МакДональд тут же вызвал Стенли Болдуина, чтобы спросить, что вообще происходит и поддерживают ли тори такие странные заявления. Болдуин, пожав плечами, ответил: «...я ничего не знаю об этом, но если Эдвард поддерживает это (заявление. — М. Д.), оно должно быть в порядке»^[195]. Дело в том, что Ирвин говорил о *возможном* предоставлении Индии статуса доминиона, которое было запланировано в ходе продолжающихся реформ Монтегю-Челмсфорда. В министерстве же официальное заявление неправильно трактовали, так как способ выражения мыслей лорда Ирвина был весьма затейлив. Но все это произвело ошеломляющий эффект. Джон Саймон, либерал (однокурсник Ирвина по Оксфорду), который должен был возглавлять специальную комиссию для инспекции и решения индийского вопроса, грозил отставкой. Против Болдуина ополчилась уже практически вся его собственная партия, которая вовсе не собиралась делать столь шикарный подарок к Рождеству свободолюбивому индийскому народу.

На этом фоне младшему Чемберлену посыпались предложения от его коллег ускорить уход Стенли Болдуина и возглавить партию. Но всем им он отвечал твердое «нет». «Это все очень угнетает и особенно смущает меня... С. Б. — мой друг, а также мой лидер, и я ни при каких обстоятельствах не стану вести игры, какие вел Ллойд Джордж по отношению к Асквиту»^[196]. Болдуину он честно рассказал о том, какие настроения царят в партии и насколько возросла критика его лидерства, а также просил того продемонстрировать силу — стать более напористым в деле объединения своих сторонников.

Эта профилактическая беседа возымела действие, и С. Б. согласился провести переговоры с Бивербруком, в конце концов, цель — установление протекционизма — у них была общая. В порядке подготовки переговоров Чемберлен в компании Сэма Хора, давнего их с С. Б. друга и соратника, отправился обедать с «бароном прессы». В итоге Бивербрук обещал забыть о своей личной «вендетте» (его основная претензия к Болдуину заключалась в том, что тот не предложил ему министерского портфеля, будучи премьер-министром) и объединить усилия. Воодушевленный Чемберлен устроил Бивербруку и Болдуину личную встречу, которая прошла хорошо и даже в определенной степени дружелюбно. Сам Невилл Чемберлен в скором времени уехал в турне по Восточной Африке, радуясь

возможности отдохнуть от всего этого политического хаоса, однако в его отсутствие хрупкий мир между тори и «баронами прессы» (а лорд Ротермир — владелец *Daily Mail* — разумеется, играл на стороне Бивербрука) рухнул окончательно.

Отдых был нужен не только Невиллу, но в первую очередь Энни, которая часто находилась теперь в состоянии, близком к нервному срыву, все-таки и она не молодела, ей было уже за сорок. В этом турне Чемберлен и отдыхал, и занимался своего рода инспекцией колониальных владений Британской империи, составляя подробные отчеты не только о птицах, которые кружили над Нилом (страсть к орнитологии не утихала в нем до конца жизни), но записывал данные о положении туземцев, продовольственных рынках, санитарных институтах, даже о «заросшем полуслепом крупном рогатом скоте», а также и о плантациях сизаля, которые он попросил ему показать (очевидно, вспоминая свой опыт знакомства с этим своенравным растением на Андросе). Впрочем, в его восточноафриканском дневнике никаких комментариев, кроме фиксации факта осмотра плантаций, нет.

А в это время на его родном острове Бивербрук и Ротермир решили нанести окончательный удар по Болдуину. Они основали 18 февраля 1930 года свою Объединенную имперскую партию, намереваясь бороться за избирательные округа не только на возможных в отдаленной перспективе Всеобщих выборах, но и на дополнительных, которые намечались в ноябре 1930-го и в марте 1931 года. 24 февраля Невилл, получив с запозданием эти новости, поскольку находился еще в плавании, отметил в письме сестре: «Daily Mail, которую мы получаем на борту, дает аляповатый отчет! <...> Читая между строк, я прихожу к выводу, что он (Бивербрук. — М. Д.) действительно не произвел предназначенного впечатления и, возможно, даже усилил положение С. Б.»^[197].

Таким образом, Чемберлен попал с корабля сразу в омут политических игр, вновь став арбитром между Бивербруком и Болдуином, с переменным успехом увещевая то одного, то другого. К их переговорам был подключен и Остин, но раз за разом обострялась их личная вражда, и кончилось все это тем, что на дополнительных выборах по округу Сент-Джордж в марте 1931 года Болдуин заявил, что будет лично баллотироваться против кандидата от партии «баронов прессы». Такое решение было не только смелым, но и в определенной степени грозящим последствиями: ведь в случае поражения Болдуина положение его преемника стало бы совершенно «невыносимым». Когда младший Чемберлен на конфиденциальной встрече высказал ему эти соображения, Болдуин заявил,

что ему «наплевать на преемника»^[198]. Он был разозлен «заговором», который якобы готовили против него Эмери, Хор, Хейлишем, лорд Суинтон и даже старший Чемберлен. Невилл не был в числе основных «заговорщиков». В действительности же «старая шайка» готовила не заговор, а меморандум Болдуину, где говорилось о том, что с его лидерством партия на Всеобщих выборах не сможет одержать победы. О меморандуме ему и сообщил младший Чемберлен на этой встрече, хотя он к нему имел опосредованное отношение и к лидерству отнюдь не стремился. В результате Невилл принял весь удар на себя, выслушав упрек Болдуина в том, что «не поддержал его еще более решительно»^[199]. Это уже вызвало справедливое негодование Чемберлена. Буквально в последний момент Болдуина отговорили от затеи с выборами в Сент-Джордже, а сражаться с кандидатом Бивербрука отправился молодой Дафф Купер, который победил с убедительным перевесом голосов^[200].

Зато не наплевать было Стенли Болдуину на своего вице-короля, лорда Ирвина, который устал нянчиться с индусами, а после «соляного похода»^[201] показал, что такое истинная христианская добродетель (лорд Ирвин был англокатоликом, чья набожность чрезвычайно импонировала С. Б.), и посадил в тюрьму Махатму Ганди, попутно казнив несколько десятков тысяч его сторонников. Очков среди консерваторов ни Болдуину, ни Ирвину это не прибавляло. По индийскому вопросу особенно нагнетал обстановку Уинстон Черчилль, который ни за что на свете не желал самостоятельности для Индии, даже в бесконечно отдаленной перспективе. Все это продолжало расшатывать Консервативную партию до марта 1931-го, когда Ирвин все-таки выпустил Ганди из тюрьмы и вынужден был сесть с ним за стол переговоров. В знак протеста против этого Черчилль вышел из теневого кабинета. Однако не одни только тори были раздраемы внутренними противоречиями.

Рэмзи МакДональд к октябрю 1930 года неоднократно подвергался нападкам со стороны Лейбористской партии. В октябре он участвовал в Имперской экономической конференции, где премьер-министр Канады предложил ему создать систему внутриимперских договоренностей о торговле. Фактически такая мера отвечала все той же «тарифной реформе» и протекционизму. Невилл Чемберлен вцепился в эту «посланную небом возможность»^[202] стальной хваткой. «В данный момент прибыли речи Беннетта (премьер-министра Канады. — М. Д.) и других министров доминионов с Имперской конференции. <...> Я понял, что у нас появилась неожиданная возможность перехватить лидерство. Я провел целый день за

составлением спроектированного заявления, и оно было вручено прессе от имени С. Б.»^[203]. Болдуин, который наконец-то начал выходить из депрессии, вызванной его травлей «баронами прессы», одобрил данный план. Документ получил название «несанкционированной программы», предполагающей реорганизацию консервативной тарифной политики, которая дала свои плоды в 1931–1932 годах. Болдуин с успехом представил эту программу консерваторам на партийном съезде тори, тем самым возвращая себе уважение коллег и авторитет. Консерваторы начинали оживать.

А вот либералы окончательно потеряли какие-либо ориентиры. Их лидер Джон Саймон вышел в отставку, и это ставило само существование партии вигов под угрозу. Но работать с Ллойд Джорджем Саймону было тяжело, он намекнул, что при случае может сотрудничать и с консерваторами, и с лейбористами. Саймон давно обратил на себя внимание Невилла Чемберлена не только как точный и честный оратор в палате общин, но и как порядочный человек и джентльмен, который представлял собой яркий контраст с «валлийским волшебником» или, как именовал Дэвида Ллойд Джорджа Чемберлен, «грязным валлийским адвокатом».

Правительству лейбористов в тот момент можно было только искренне посочувствовать. В Соединенных Штатах началась Великая депрессия, оставившая пять миллионов человек без работы. В 1930 году в Великобритании количество безработных с одного миллиона (цифра, которую так или иначе удавалось стабильно удерживать десять лет после войны) подошло к 1 миллиону 600 тысячам перед Пасхой и перевалило за два миллиона к Рождеству. К 1931 году три пятых всего мирового золотого запаса было сосредоточено в Соединенных Штатах и Франции, но государственные лидеры вели переговоры о бартерном обмене пшеницей, как будто жили в первобытном обществе. Бюджет Британской империи имел 100 миллионов дефицита, к лету национальная валюта начала стремительно обесцениваться, в итоге Чемберлен вынужден был обратиться к министру финансов Сноудену^[204], сделавшему фритредерство буквально своей религией, с речью: «Быть верным Англии — это не значит закрывать глаза на неприятные факты»^[205]. И хотя всем было известно, что Сноудену палец в рот класть не стоило, этот упрек он проглотил.

Основной удар кризиса по стране ожидался осенью. Чемберлен прогнозировал увеличение безработицы до трех миллионов человек,

перемещение кризиса в города с сопутствующими ему пустыми прилавками и прочими непривлекательными в таких ситуациях атрибутами. Британское золото теряло цену. Понятно, что Невилла Чемберлена эти мрачные перспективы не радовали, радовало его только возвращение из Индии старого друга лорда Ирвина, чей срок вице-королевских полномочий истек; «несмотря на все критические замечания, я сохраняю свою веру в него»^[206]. Все это, разумеется, видели и лейбористы, поэтому уже в июле начали вести переговоры с Болдуином о возможности создания коалиционного правительства. Проведя начальную стадию переговоров, С. Б. отправился продолжать прерванный отпуск во Францию, предоставляя Чемберлену возможность окончательно договориться со Сноуденом и МакДональдом о формировании будущего правительства.

Долгое время принято было считать, что Чемберлен коварно предложил МакДональду свои планы по будущему устройству правительства, чтобы в перспективе Лейбористская партия была фактически уничтожена^[207]. Подогревала эту точку зрения не только нелюбовь Чемберлена к лейбористам, но и то, что действительно после создания коалиционного правительства МакДональда его самого исключили из Лейбористской партии «за предательство». На выборы он уже вынужден был пойти со своей новой Национал-лейбористской партией. Эта точка зрения в академических кругах сегодня считается неверной и «очевидно абсурдной»^[208].

Основным стремлением Невилла Чемберлена было уравновесить бюджет в основном за счет отказа от системы страхования безработных. Эта популистская мера, принятая правительством МакДональда еще в 1929 году, стала ахиллесовой пятой Кабинета министров, и по большей части именно она создавала эти зияющие бреши в бюджете, так как количество безработных увеличивалось в геометрической прогрессии. Нью-Йорк и Париж, на чьи ссуды рассчитывали лейбористы, чтобы залатать бюджет, предоставлять кредиты Британской империи отказывались, покуда Лейбористская партия не заручится поддержкой других партий и не пересмотрит свою экономическую политику. Таким образом, заложником оппозиции Рэмзи МакДональда делал не персонально Чемберлен, а совсем другие обстоятельства. Действительно, первому премьеру-лейбористу пришлось совсем нелегко, он оказался в максимально зависимом положении и хотел вовсе выйти в отставку, но Чемберлен уговорил его этого не делать, ввиду его популярности в стране.

Переговоры длились около месяца, и только 27 августа Чемберлен

напишет сестре: «Я снова в правительстве»^[209]. В августовском правительственном кризисе он проявил себя не только как лидер тори, он выступал как лидер общей оппозиции, заручившись поддержкой либералов (Ллойд Джордж, на счастье всех участников истории, тогда был болен). Эти переговоры упрочили репутацию Невилла Чемберлена, а также уверенность в своем деле, которой ему не всегда хватало, но некую застенчивость он прекрасно скрывал. Вновь получив портфель министра здравоохранения, Невилл Чемберлен заметил в письме сестре, что «нам предстоит ужасная работа»^[210]. Основной костяк правительства был сформирован из четырех консерваторов, четырех лейбористов и двух либералов. Наиболее разочарован подобным итогом был Остин Чемберлен. Он ожидал, что ему вновь предложат возглавить Форин Оффис, но ему пришлось довольствоваться Адмиралтейством. С внешней политикой пока неплохо справлялся и сам МакДональд, к тому же перед правительством пока стояли иные приоритеты.

Основной задачей Кабинета была провозглашена экономика, поэтому над бюджетом трудились все министры по изначальной схеме Чемберлена, сумев все-таки уравновесить его за счет налогов и сокращения расходов, под которые попадали и зарплаты министров. К сожалению, меры были приняты слишком поздно, и 21 сентября 1931 года золотой стандарт фунта стерлингов, введенный в бытность Уинстона Черчилля министром финансов, был отменен.

Эти «ужасные недели» показали, что в таком составе и Кабинета министров, и палаты общин сделать что-то принципиально иное представляется затруднительным. «Премьер-министр утомлен и кажется неспособным принимать решения, С. Б. бесполезен, и все теперь валится на меня. <...> Наша идиотическая партия думает, что ведет эту игру, и мы должны за нее сражаться на передовой. <...> Не успокаивай меня перспективой выходных, это мне больше недоступно»^[211], — писал сестре Невилл Чемберлен. Оставаясь министром здравоохранения, хотя МакДональд и поручил ему курировать Билль об экономике, он не мог полноценно вести борьбу со Сноуденом, который остался канцлером Казначейства.

Для эффективной работы необходима была реорганизация правительства, а для этого требовались выборы, которые бы обеспечили полноценную поддержку Национальному правительству, к тому же показали бы людям, что их мнение имеет значение. Британия осенью 1931 года погружалась в хаос: из-за сокращения заработных плат бунтовал флот,

выходили на демонстрации учителя, безработные устраивали потасовки, обстановка была едва ли не революционной. На срочных Всеобщих выборах настаивали и консерваторы, и лейбористы, а вот либералы им противились, зная, что в такой ситуации осколки их партии уже будет не склеить в единую чашу виггов. Но к октябрю сдались и они.

Всеобщие выборы были проведены 27 октября 1931 года. Консерваторы, национал-лейбористы МакДональда и национал-либералы Саймона шли на выборы под знаменами Национального правительства и взяли 558 мест в палате общин, из которых тори досталось подавляющее большинство — 471 место. «Каково было бы удивление руководителя-социалиста, если бы он подслушал руководителя-консерватора, который согласился бы позволить человеку, всю свою жизнь активно выступавшему против его партии и взглядов, теперь руководить его собственной политикой»^[212], — писал Невилл Чемберлен в дневнике о переформировании правительства и судьбе лидера тори Болдуина. МакДональд остался премьер-министром, а Чемберлен возглавил Казначейство и стал фактически главной определяющей экономической политикой фигурой. В противовес ему министром торговли был назначен либерал Уолтер Рансимен, сторонник фритредерства. Но, несмотря на ожидания остановить Невилла Чемберлена и тарифную реформу, они, Рансимен и Чемберлен, прекрасно сработались: Рансимен был готов идти на уступки. Вернувшись на Даунинг-стрит, 11^[213], Чемберлен, при всей предстоящей огромной работе, не унывал, о чем свидетельствует одно из его писем: «1932 год будет годом возможности. <...> Откровенно говоря, хотя бремя тяжело, я радуюсь его наступлению. Получить шанс устройства таких великих дел... <...> — привилегия, на которую не каждый может надеяться; и я намереваюсь максимально использовать ее»^[214].

Возможность эту он видел, разумеется, в тарифной реформе, которую почти 30 лет назад еще задумывал его великий отец. Но если для Невилла Чемберлена необходимость введения протекционизма была ясна как белый день, то премьер-министра МакДональда убедить в этом было не так просто. Премьер в тот период взялся устраивать встречи с банкирами, Кейнсом^[215], Стемпом, Солтером и К°, где свободно обсуждал вопросы национальной экономической политики, внешнего долга и прочую конфиденциальную правительственную информацию. На одну из таких встреч пригласили и Чемберлена как министра финансов, но он не смог присутствовать ввиду срочной работы и отправил туда Болдуина, вернувшегося с таким отчетом, «который заставил мои волосы встать

дыбом»^[216]. Оказывается, премьер-министр бесхитростно делился с банковской элитой всеми секретами Кабинета министров. В итоге Чемберлен понял, что действовать нужно еще более срочно, иначе банкиры недоумят МакДональда на что-нибудь экстраординарное или попросту вредное.

Невиллу Чемберлену необходимо было найти в Кабинете сторонника своих мер, который был бы «не-тори». Таким, вопреки всем прогнозам, неожиданно стал именно Рансимен, который после разной степени уговоров и разъяснений в итоге согласился с Чемберленом в том, что «придется сделать много чрезвычайных шагов, как мы делали во время войны». В декабре 1931 года ими был создан комитет по торговому балансу, который также был призван показать расчет эффективности мер, предлагаемых министром финансов, что с успехом к февралю и было исполнено. Это отвредило социалиста МакДональда от приятных посиделок с «акулами капитализма».

4 февраля 1932 года в палате общин Невилл Чемберлен, обычно жесткий, строгий, похожий на ледяную скульптуру с орлиным (или вороновым, как считали лейбористы) профилем, представлял тарифную реформу чуть дрогнувшим голосом: «В надежде, что меня извинят, я хотел бы затронуть сугубо личное. За всю нашу долгую политическую историю было мало случаев, когда сын государственного деятеля, пользовавшегося влиянием на поколение людей его времени, был бы удостоен чести завершить дело, начатое отцом, но прерванное волей обстоятельств. <...> Его усилия не были напрасны. Время и бедствия, постигшие нашу страну, переубедили многих, кто не хотел соглашаться с ним тогда. <...> Он нашел бы утешение горечи его разочарования, если бы предвидел, что эти предложения, которые являются прямым и законным наследием его собственной концепции, будут представлены палате общин <...> в присутствии одного и с помощью другого непосредственных преемников его имени и крови»^[217].

Почти 20 лет прошло со дня смерти Джозефа Чемберлена. Он не мог и предположить, что младший сын станет политиком и исполнит его завещание. А палата общин, видевшая Невилла Чемберлена всегда собранным, деловым, порой даже беспощадным, не могла предположить, что его жесткий воротник-стойка скрывает нечто человеческое и сентиментальное. «Такое проявление чувств было удивительно редким, я никогда не видел от него никакой эмоциональной реакции вообще, кроме

раздраженного подергивания усов»^[218], — вспоминал один из лидеров Лейбористской партии Герберт Моррисон. Протестовать после таких не только трогательных, но и убедительных с точки зрения представленных расчетов инициатив депутаты не могли, хотя либералы и делали попытки. Законопроект о тарифах прошел на удивление гладко.

На этом фоне было принято решение о возобновлении практики Имперских экономических конференций в столице Канады Оттаве: последняя такая конференция проводилась в 1930 году, будущую решено было провести в июле 1932-го. Помимо своего первого бюджета (когда Невилл Чемберлен впервые возглавлял Казначейство в 1923-м, он не успел представить бюджет и стал одним из четырех канцлеров, не создавших главного финансового документа страны) Чемберлен теперь занимался еще и организацией конференции, подготовкой не только пакета документов, но и состава делегации. Возглавлять британское представительство порывался министр по делам доминионов — Дж. Х. Томас, но он имел не лучшую репутацию у премьер-министра Канады^[219], да к тому же перед решающим обсуждением, изрядно напившись, учинил неприятный инцидент. Поэтому британскую делегацию возглавлял Стенли Болдуин, который в сопровождении Чемберлена, а также еще нескольких министров и советников прибыл в Оттаву к 20 июля 1932-го, когда и состоялось первое заседание.

Конференция длилась 30 дней, до 20 августа, и основная тяжесть работы опять-таки легла на плечи Невилла Чемберлена^[220]. Было проведено 112 встреч и выпущено более полутора сотен документов. Чемберлен, привыкший к тяжелой работе, несмотря даже на физическое недомогание (у него обострились подагрические боли в ноге и возникли проблемы со зрением, хотя в письмах он успокаивал сестер: «держусь как огурчик»^[221]), признавал, что для него «удовольствие работать с такой командой... в которой нет места трудностям и ревности. Даже Томас значительно улучшил свою репутацию»^[222].

В результате было выработано семь главных торговых соглашений, которые стали основой нового британского протекционизма. Лучшим свидетельством успеха введения политики «имперских преференций» является тот факт, что после этого промышленное производство Империи выросло на 51 процент. Оттавская конференция послужила и рычагом для окончательного прощания со сторонниками свободной торговли: в сентябре 1932-го двое либералов-фритредеров, Самуэл и Синклер, а также сам Сноуден наконец-то покинули Кабинет министров, к великой радости

Чемберлена. Как ни странно это может показаться, но немаловажным результатом этой конференции было и то, что главным советником на ней был человек Болдуина — сэр Хорас Уилсон, с которым Чемберлен также очень быстро сошелся^[223]. В будущем Уилсон станет постоянным советником Чемберлена и даже, по утверждению многих, «злым гением».

Урегулировав первоначально вопрос о тарифной системе Британской империи, канцлер Казначейства теперь должен был урегулировать вопрос о военных долгах, а также о получении репараций от Германии за Первую мировую войну. Платил рейх деньгами, занятыми в американских банках, но Соединенные Штаты, охваченные Великой депрессией, в преддверии собственных выборов летом 1932-го наложили мораторий на кредитование. По такому случаю вставал вопрос вообще о целесообразности всей долговой политики.

В июне же 1932 года в Лозанне проводилась конференция по вопросу военных выплат, на которой Чемберлен появлялся эпизодически, занятый подготовкой к конференции в Оттаве, а также отсутствовал и по болезни (все те же проблемы с ногами, на которую иной раз даже не мог надеть ботинок). Но все же появлялся, чтобы вести переговоры с Эррио и заменять МакДональда, который периодически тоже болел, к тому же по-французски не понимал ни слова, а министр финансов хоть скудно, но владел языком Вольтера. Июньские его инициативы окончились резолюцией от 16 июня, по которой все европейские военные выплаты приостанавливались, а Германия обязывалась сделать единовременный платеж в фонд европейской реконструкции^[224].

Соединенные Штаты, которые в этой конференции не принимали участия, но пристально за ней наблюдали, естественно, были категорически против прекращения англо-французских выплат. В декабре, через месяц после американских выборов, которые привели к власти Франклина Рузвельта, а следовательно, меняли и всю администрацию Белого дома, Великобритания должна была выплатить очередную часть долга. «Платить или не платить, вот в чем вопрос»^[225] — такова была шекспировская драма Невилла Чемберлена в тот момент.

Полная выплата долга грозила подорвать процесс восстановления экономики Британии, который только-только наметился и, как слабый весенний росток, пробивался сквозь землю. С другой стороны, если уж Великобритания не платит долгов, тогда и другие страны могли себе позволить подобное фривольное обращение с межправительственными

финансовыми договоренностями. Задача существенно осложнялась тем, что американцы не хотели идти ни на малейшие уступки об отсрочке уплаты, сами находясь в условиях чудовищного кризиса.

К концу ноября Чемберлену передали хитроумный план американского министра финансов Огдена Миллза, который предлагал схему выведения английского долга из общих американских долговых обязательств с возможностью отсрочки, а также погашения задолженности в форме облигаций на трехлетний период. Схема эта прельщала особым статусом британских кредитов, но когда Чемберлен предложил расширить ее и для французской стороны тоже, американцы, ведущие эти тайные переговоры от лица министра финансов, категорически отказались. Таким образом, Франция, с которой были достигнуты и закреплены договоренности, а также заключено «джентльменское соглашение» в Лозанне, оставалась бы в совершенно бедственном положении с перспективой дефолта. Помимо прочего, это сокрушительно ударило бы по ее престижу на проходящей в это время Конференции по разоружению в Женеве. Также отказ Британии от выплаты долга теперь побудил бы такие страны, как Австралия, Аргентина и Германия, отказаться вовсе от каких-либо военных выплат^[226].

Иными словами, все это грозило мировому сообществу новой, еще более сокрушительной волной и экономического, и политического кризиса. «Последствия отказа от оплаты были бы так серьезны, что... мы должны стараться избежать их, пока остается хотя бы мизерный шанс счастливого исхода»^[227], — констатировал министр финансов. После длительных совещаний с Кабинетом министров Чемберлен решился на то, что 10 декабря 1932 года долг Соединенным Штатам был уплачен золотом, хотя канцлер Казначейства особо подчеркнул, что это не означает возобновления ежегодных выплат. Тем не менее, как говорится, Европа сохранила свое лицо.

Новоизбранный президент США Франклин Рузвельт в январе 1933 года прислал в Британию своего представителя, который передал самые сердечные заверения избранного, но пока еще ожидающего инаугурации (она должна была состояться 4 марта) президента в том, что вопросы военных долгов он держит под особым своим контролем и что они будут урегулированы с наилучшим результатом для всех заинтересованных сторон. Тем не менее, несмотря даже на апрельский визит в США премьер-министра Великобритании МакДональда и переход на рельсы «Нового курса» Рузвельта, к июню 1933 года Лондон опять получил предложение об уплате «символических» десяти миллионов долларов.

Канцлер Казначейства воспринял это предложение скептически: «Сейчас мы заплатим 10 миллионов, почему бы им и в следующем декабре не попросить нас выложить еще 10 миллионов, а через год затребовать еще два платежа по столько же»^[228]. Чемберлен был готов заплатить десять миллионов серебром, что составило бы половину от требуемой суммы, но речь ведь шла о «символическом» платеже. В итоге Британия все-таки заплатила все десять миллионов долларов тем же серебром, но с условием, что Рузвельт более подобных требований предъявлять не станет. Тем и пришлось довольствоваться Соединенным Штатам, которые в июле практически сорвали Мировую экономическую конференцию, проходящую в Лондоне, что заставило Чемберлена охарактеризовать их как «хамскую страну»^[229]. Его взгляды разделил французский министр Жорж Бонне, с которым они сошлись во мнении, что США давно отделили себя от Европы, тогда как Британия должна больше внимания уделять делам на континенте и особенно отношениям с Францией^[230]. Надежд на улучшение британо-американских отношений было мало.

С середины лета 1933 года до середины лета 1934-го министр финансов Британской империи, пользуясь поддержкой МакДональда, Болдуина, а также лорда Ирвина, который страдал других министров тем, что «они не осведомлены по этим вопросам, поэтому лучше остальных должны подчиняться решениям (канцлера. — М. Д.)»^[231], пытался достигнуть договоренностей с США по вопросу выплат военных долгов. Но, как предсказывал Чемберлен, Рузвельт и в декабре 1933-го, и после требовал все те же «символические выплаты», пока уже его родной американский Конгресс не принял в июне закон Джонсона, запрещающий подобную практику. Это закрыло вопрос военных выплат Соединенным Штатам и обогатило британский бюджет, работать над которым Чемберлену теперь стало куда легче.

Финансовая политика Невилла Чемберлена не была рассчитана на быстрый и кратковременный успех, который, к примеру, мог бы гарантировать легкую победу на выборах, но после грозить падением в экономическую бездну. «Канцлера никто не похвалит. <...> Но я все равно доволен исполнением своих обязанностей, поскольку я вижу их перспективу и доверяю признанию будущему, — рассуждал Чемберлен о собственной работе, добавляя: — Чем долгосрочнее перспектива, тем более раздражено общественное мнение»^[232]. Мало заботясь о сиюминутной своей репутации, Чемберлен закладывал фундамент под общее

оздоровление экономики, которое, естественно, происходило не за один день и даже не за один год. Например, доля национального продукта только снижалась в период с 1931 по 1934 год, но после стабилизировалась и дала резкий рост в 1937 году.

Разочарованный отсутствием немедленных результатов, МакДональд принялся за старое и возобновил свои контакты с экономистами и банкирами, продолжая посвящать их во все детали правительственной политики. На этот раз Чемберлен уже «показал зубы»^[233], и премьер-министр пересмотрел свое поведение. К 1934 году чемберленовские ростки дали свои всходы. Экономическая ситуация начинала стабилизироваться, налогообложение было сокращено на 60 миллионов фунтов стерлингов, что позволяло «человеку с улицы» вздохнуть свободнее. Бюджет, который Невилл Чемберлен представлял в мае, оказался настолько проработан и выверен, что «ни у какого другого бюджета, по воспоминаниям, не было настолько хорошего приема и в палате, и в стране»^[234].

Также постепенно нормализовалась ситуация и с безработицей, которой часто попрекали Чемберлена. Если в январе был пик показателей и насчитывалось около трех миллионов безработных, то уже к 1937 году их оставалось менее полутора, даже на угольных шахтах, самой пострадавшей области промышленности, процент безработных сократился с 40 до 18. Начало оживать сельское хозяйство, производство пшеницы возросло на 44 процента, бекона — практически вдвое. Помимо прочего начался так называемый «жилищный бум», ведь министр финансов еще находил время составлять план по трущобам для Хилтона Янга, министра здравоохранения, вникать в проблемы Джона Саймона, занимающегося политикой перевооружения, да и решать многие другие вопросы. «К несчастью, особенность моего характера в том, что я не могу рассматривать проблему, не пытаясь найти ее решения. Таким образом, я практически принял на себя теперь управление комитета по оборонным требованиям страны»^[235], — писал он сестре.

Безусловно, это желание помочь, даже в чем-то сделать за других работу, повесило на Чемберлена седло «вьючной лошади», с которой его сравнивал Уинстон Черчилль. В декабре 1934 года, после того как экономическая ситуация выровнялась, Чемберлену предлагали перейти в Фо-рин Оффис, повторив судьбу своего старшего брата, и стать министром иностранных дел, но он отказался, в частности потому, что «ненавидел поездки в Женеву и терпеть не мог официальных церемониалов»^[236], — как писал в дневнике. Его энергия, энтузиазм, несмотря на уже преклонный

возраст, резко контрастировали с апатичностью Болдуина и болезненной усталостью МакДональда. Неудивительно, что они с удовольствием переключались на Чемберлена максимально возможное количество своих обязанностей. «Я все больше и больше тащу это правительство на своей спине. Премьер болен и устал, С. Б. устал и не будет заниматься проблемами»^[237], — писал он в дневнике 8 марта 1935 года. Но уставал иногда и Чемберлен, особенно видя враждебные нападки прессы. «Иногда я чувствую себя склонным сказать: хорошо, если люди такие дураки, что не понимают всей нашей работы, пусть варятся в их собственном соку, раз уж он им так нравится. Почему один человек как раб должен работать и беспокоиться о таких неблагодарных и не ценящих ничего собаках. Но это все потому, что каждый иной раз может уставать»^[238], — сетовал он в письме сестре.

Зато энергии было не занимать внезапно восставшему из вигийского небытия Дэвиду Ллойд Джорджу, которого успехи его давнего врага канцлера Казначейства изрядно раздражали. В противовес чемберленовской политике уравновешенных бюджетов весной 1935 года он предложил Британии свой «Новый курс» по аналогии с рузвельтовским. Предложения эти он направил не только в прессу, но и Болдуину с МакДональдом, которые уделили их рассмотрению определенное внимание. Обнаружив, что тень «валлийского карлика» замаячила в Кабинете министров, Чемберлен немедленно пригрозил своей отставкой^[239], равно как и добрая половина остальных министров, не желавших работать с Ллойд Джорджем^[240], и лично взялся за изучение концепции, памятуя о том, что правительство все же не принадлежит ему, а исповедует межпартийное сотрудничество.

Это был хитрый ход со стороны Чемберлена, он максимально затягивал рассмотрение планов Ллойд Джорджа, впрочем, и по объективной причине собственной исключительной занятости. В итоге к лету 1935 года, не дождавшись ответа от Кабинета министров, Ллойд Джордж объявил, что правительство его обмануло, и ушел на вольные хлеба сражаться за свою экономическую доктрину.

Тем не менее вихрь Ллойд Джорджа, ворвавшийся в Кабинет, ясно показал, что необходимы реорганизация правительства и проведение Всеобщих выборов. 7 июня 1935 года Стенли Болдуин стряхнул с себя усталость и вновь стал премьер-министром, Чемберлен остался управлять финансами, а Рэмзи МакДональд занял пост лорда-председателя, то есть заместителя премьера. Черчилль находился в забвении, после Билля об

Индии фактически порвав с консерваторами: его взгляды на индийский вопрос оставались максимально империалистскими — «никакой самостоятельности колонии». Но, в отличие от Ллойд Джорджа, Уинстон Черчилль злобы никогда не таил^[241], видимо, ввиду свойств характера будучи просто не в силах удерживать многое в себе. «Что касается Уинстона, то он произносит очень много речей, значительно подкрепленных коктейлями и бренди. Некоторые из них — очень хороши, в старом стиле, но они больше не убеждают»^[242], — писал Невилл Чемберлен сестре.

Вопрос о преемнике Болдуина теперь актуализировался, как никогда. Им, конечно, должен был стать Невилл Чемберлен, но вопрос, сколько Болдуин еще захочет оставаться у власти, оставался открытым. Соглашение о проведении Всеобщих выборов было достигнуто в октябре 1935 года. Чемберлен составлял для Консервативной партии «манифест», где помимо социальных и экономических инициатив сделал упор на международные отношения, которые тогда уже начинали напоминать минное поле. «Мы не будем находиться в изоляции, и мы будем готовы принять участие в любом коллективном действии». В ноябре 1935-го выборы были проведены, опять же под знаменами сохранения Национального правительства. Консерваторы вновь одержали убедительную победу, а вот Рэмзи МакДональд не смог победить даже в своем избирательном округе; к концу 1935 года он уже серьезно болел, а в 1936-м и вовсе оставил дела. В состав нового Кабинета министров Болдуина он все равно вошел, как и его сын Малкольм. Чемберлен же остался министром финансов и принялся за новый бюджет. «Бог ты мой! Бог ты мой! Кто бы еще согласился стать канцлером Казначейства в такие времена и почему я не уйду теперь с лаврами моих успешных четырех лет вместо того, чтобы остаться и быть проклятым и вышвырнутым неблагодарным британским народом? <...> Когда я задумываюсь об этом, я действительно не очень забочусь, что теперь скажут обо мне, покуда я удовлетворен сам тем, что делаю, и пока мне это видится правильным»^[243], — восклицал он в письме сестре, готовясь заложить в бюджет увеличенные расходы на оборонные нужды.

20 января 1936 года скончался монарх Соединенного Королевства Великобритании Георг V. Трон должен был наследовать его сын Эдуард, принц Уэльский, который, по мнению Чемберлена, еще десять лет назад «становился похож на распутника», а теперь этот «титул» носивший с гордостью. В это время у принца Уэльского бурно развивался очередной,

но, как покажут события, далеко не ординарный роман с американкой Уоллис Симпсон. Тем не менее принц был коронован как Эдуард VIII. «Эдуард VIII произнес свою первую речь... <...> в сильнейшем подпитии, балагуря и выражая надежду, что его дядя Леопольд (король Бельгии. — М. Д.) умрет от простуды, которую схватит, когда будет идти в похоронной процессии»^[244], — писал сестре Чемберлен. Однако не прошло и полугода, как возникли осложнения и практически революционная ситуация в стране, когда Его Величество высказал намерение жениться на дважды разведенной американке и сделать ее королевой Британской империи.

Кабинет министров, с которым консультировался монарх, пришел от подобного плана в ужас, как после ужасалась и вся страна. Король к тому же глава Англиканской церкви, и он не может быть женат на дважды разведенной женщине, да еще и не британского происхождения. Вести переговоры с Дворцом взялся Стенли Болдуин; фактически это стало его последним крупным государственным делом. Чемберлен в этой истории, закончившейся отречением Эдуарда VIII, участвовал без особого рвения, по-человечески он желал королю счастья. «Я хотел бы, чтобы он был спасен от брака, который, боюсь, должен закончиться быстрым разочарованием и отвращением, — писал Невилл сестре. — Все, что я слышу о г-же С. (Симпсон. — М. Д.), приводит к заключению, что она — абсолютно эгоистичная и бессердечная авантюристка»^[245]. Сам Чемберлен скептически относился к религии, поэтому на «антицерковные» аспекты с легкостью закрывал глаза. Но, будучи человеком высокой морали, слабостей он не прощал никому: ни себе, ни королю, ни «человеку с улицы».

Болдуин был куда гибче и мягче, и все же никакая мягкость не могла сгладить эту ситуацию. Эдуард VIII предложил Кабинету министров рассмотреть возможность морганатического брака (брак члена царствующего дома, династии с особой более низкого происхождения, который не давал права наследования титула и пр.). После долгих совещаний это предложение Кабинетом было отклонено. В декабре 1936 года Чемберлен писал в дневнике: «Есть только три альтернативы перед ним: (1) брак с г-жой Симпсон как с королевой; (2) отречение и брак; (3) отказ от этого брака в целом. Теперь (1) уже невозможно, потому что, кроме вспыхнувших чувств в стране, доминионы явно выразили <мнение>, что у них не может быть подобной королевы. Выбор остается между (2) и (3). Широкая публика предпочтет (3), но если король не подготовлен к (3), то остается только (2)»^[246].

Эдуард VIII искал поддержку не только у Кабинета, но и у других консерваторов, в частности у Черчилля, о чем Чемберлен писал сестре: «Уинстон приложил все усилия, чтобы обойти нас, и в один момент имел великолепную возможность создать столкновение между сувереном и его Кабинетом, спровоцировать отставку министров, общую панику и затем во вспыхнувшей славе чемпиона въехать на сверкающем танке, чтобы защитить своего короля»^[247]. Тем не менее блестящие планы Уинстона Черчилля не удались, к тому же на острове не было его друга Ллойд Джорджа, который бы эту авантюру поддержал.

Король не отступил от своего решения заключить брак с Уоллис Симпсон и в декабре 1936-го отрекся от престола. Превалируют две точки зрения на этот поступок Эдуарда VIII: одна — «романтическая», другая — «конспирологическая». Первая очевидна — он не смог отказаться от любимой женщины, и эта точка зрения, безусловно, имеет право на существование. Вторая же заключается в том, что Эдуард VIII был намеренно отстранен от власти ввиду его прогерманской настроенности, в чем не последнюю роль играла Уоллис Симпсон (она якобы передавала в Третий рейх секретную информацию, добытую у короля Эдуарда VIII и т. д.). На Симпсон существует целое дело, так называемое «Шанхайское досье», которое готовил сэр Хорас Уилсон, собирая, по сути, для Болдуина всевозможные слухи и грязные сплетни, вроде того, что миссис Симпсон делала аборт от Чиано (в 1936-м министр иностранных дел Италии, зять Бенито Муссолини) или была любовницей Риббентропа (с августа 1936 года германский посол в Великобритании, а с февраля 1938-го — министр иностранных дел Третьего рейха). Правдой все это едва ли было, если только в свете «желтой прессы». Болдуин с помощью «досье» пытался воздействовать на Эдуарда VIII, чтобы отвратить его от желания жениться на Уоллис Симпсон. Основная же проблема заключалась в том, что Британская империя была до крайности недовольна выбором своего короля и ни за что не приняла бы такую королеву, что угрожало даже революцией.

Тем не менее в начале 1937-го отрекшийся Эдуард VIII все же заключит брак со своей избранницей. Новый король Георг VI, младший брат Эдуарда, присвоит ему титул герцога Виндзорского. В последующие несколько лет герцог Виндзорский с супругой будет много путешествовать по Европе, посетив среди прочих стран и Третий рейх, где лично познакомится с Адольфом Гитлером, что, видимо, и стало основой второй точки зрения по поводу его отречения.

Так или иначе, а после отречения Эдуарда VIII в декабре 1936 года

Стенли Болдуин, который на всей этой истории заработал нервный срыв, заявил, что это будет его последняя парламентская сессия и он уйдет в отставку после коронации Георга VI, которая состоится 12 мая 1937 года.

В марте 1937-го умер Остин Чемберлен. В последнее время его отношения с младшим братом разладились. Остин примкнул к клану отступников-тори, возглавляемых Уинстоном Черчиллем, чей интерес от Индии теперь переметнулся к Третьему рейху, на войне с которым он настаивал, к которой готовился и которую уже тогда ожидал.

Можно посчитать это блестящим пророческим предвидением ситуации, если бы не то обстоятельство, что в войне, новой страшной огромной войне Черчилль видел в первую очередь возможность своего возвращения в Кабинет министров. А уже во вторую — национальную или, тем более, мировую необходимость. Он отлично понимал, что в условиях мирного времени и экономического ренессанса, который так или иначе наступал, его способности вряд ли пригодятся новому премьер-министру Невиллу Чемберлену, хотя до этого и пытался подбивать к нему клинья. «Он сам меня нашел, — писал Чемберлен сестре, — и сказал: «Не сердитесь; я назвал вас вьючной лошадкой, но послушайте контекст. Это же из «Генриха VI», когда Клиффорд умирает». Я сказал ему позже, что очень благодарен за такие щедрые характеристики, но цитата была из «Ричарда III», а не «Генриха VI»^[248].

После отречения Эдуарда VIII Черчилль и Ллойд Джордж («эти два пирата»^[249]) объединились, чтобы давить на нового монарха, пугая саботажем в парламентских комитетах. Прознавший про эти интриги Чемберлен немедленно поехал во Дворец, прихватив с собой Джона Саймона, чтобы гарантировать Георгу VI, что «эти бандиты сухими из воды не выйдут». Чемберлен готовился принять на себя «решающую ответственность» на посту премьер-министра теперь уже официально, а не номинально, и чувствовал себя в ответе не только за страну, но и за ее короля.

Ни его великий отец, ни старший брат не могли уже увидеть, как Невилл добьется того, что не вышло у них. «Я не суеверный человек, и действительно я немного задумывался, должен ли я буду когда-нибудь стать премьер-министром. Но когда я думаю об отце и Остине и понимаю, что меньше чем через три месяца между мной и постом премьер-министра уже не будет никаких преград, я задумываюсь, не готовит ли Судьба мне некоторую темную тайну, чтобы продемонстрировать все ее насмешки до конца»^[250], — признавался он в письме сестре.

Зато это увидел совсем еще маленький внук Невилла Чемберлена, появившийся на свет в июне 1936 года. Чемберлен обожал детей и радовался общению с малышом, которого подарила ему его дочь Дороти. Кроме того, несмотря на изнуряющую работу, он находил время и для своих хобби — рыбалки и орнитологии, хвастаясь в письме сестре, сколько лосося он выловил и каких птиц видел и слышал на прогулках. «Вот! Теперь я уверен! Я только думал, что слышал кроншнепа этим утром, когда одевался, но сейчас восхитительный звук был безошибочен. Ты пишешь, что еще не видела ласточек. Я видел двух вчера утром — первые, которые были замечены здесь, но я не услышал ни пеночки, ни иволги. Дрозд поет божественно на дереве за моим окном каждое утро»^[251]. Он взялся перечитывать Шекспира. «Теперь я нашел то, что происходит в «Гамлете», столь интересным, что после окончания чтения я быстро перечитал все снова, я не помню, чтобы делал подобное с любой книгой прежде»^[252]. И по-прежнему его любовью оставался Бетховен, который из творящегося вокруг хаоса его «переносил в другой мир»^[253].

Но это были лишь лирические моменты. А пока Невиллу Чемберлену предстояло подготовить состав Кабинета министров, что привело к вспышке дружеских чувств со стороны его старых приятелей. Многие из них считали, как, например, Лео Эмери, что «украсят своим присутствием его правительство». «Я просто не могу понять, как люди могут быть настолько тщеславными»^[254], — удивлялся Чемберлен. Помимо правительственных рокировок ему предстояло также подготовить очередной бюджет, хотя обязанности канцлера он постепенно и передавал Джону Саймону. Чемберлен готовил документальный финансовый отчет за пять лет своей работы в Казначействе и работы правительства в целом. Безработица хотя и была сокращена вдвое, но все еще оставалась существенной проблемой, мировой финансовый кризис отступил, оставив тяжелые последствия, также остались нерешенными многие внутренние вопросы, не говоря уже о внешней политике или выступлениях в палате общин. Все это требовало от него невероятных сил и энергии. «Нет никакого министра, и я даже скажу — человека, который бы работал тяжелее и дольше, чем я»^[255].

Глава 4

«РЕШАЮЩАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ» (1937–1938)

Консерваторы теперь получили своего фюрера^[256].

Рональд Картлэнд

Итак, 28 мая 1937 года Невилл Чемберлен «поцеловал руку» Его Величеству Георгу VI и стал премьер-министром Британской империи. Перед самой этой церемонией он волновался, взаправду ли нужно целовать руку королю (премьер был очень нечастым гостем в церкви и к ритуалам лобызания рук у представителей своего пола был не приучен), но почтительного поклона и рукопожатия оказалось достаточно. Младший из политической династии Чемберленов, он подошел к этому высшему посту в возрасте 68 лет. И как сам отмечал в речи по поводу избрания его еще и лидером Консервативной партии тремя днями позже, 31 мая: «Я вступаю в должность в возрасте, когда большинство людей думает об увольнении с активной работы, но я до настоящего времени вел трезвую и умеренную жизнь. (Смех.) <...> Я не боюсь физического труда, который может ожидать меня»^[257]. Ни партия, ни страна не сомневались в его силе и его энергии. Все видели, как он работал в предыдущих правительствах 24 года, видели результаты его трудов.

В глазах кого-то Чемберлен обладал безусловным личным обаянием и даже определенным магнетизмом^[258]. Кого-то поражал мрачным самообладанием, невозмутимостью и деловитой строгостью, ввиду чего его называли «коронером» или «могильщиком», настолько иной раз он казался беспристрастным^[259]. Ллойд Джордж начиная с 1934 года, когда выпустил свои «Военные мемуары»^[260], развивал мысль о его «самостоятельном упрямстве»^[261] и был отчасти прав. Чемберлен и в самом деле был убежден, что «никакой важный политический аспект не может быть решен, никакой роковой шаг не может быть сделан без согласия и активного или пассивного участия премьер-министра. И если что-то идет не так, как надо, он никогда не может позволить себе заявить «я, возможно, предотвратил бы это, если бы я думал или действовал по-другому»»^[262].

В отличие от Болдуина, который руководил исподволь, во многие проблемы правительства просто не вникая из-за недостатка знаний или банального нежелания разбираться с этими проблемами, Чемберлен совал свой хищный нос практически во все вопросы повестки дня еще будучи министром финансов, а уж получив пост премьер-министра — тем более.

Авторитаризм его был вызван в первую очередь пониманием того, что за все и за всех так или иначе отвечать будет он: «Действительно, я не думаю, что долгий рабочий день или тяжелый труд — наиболее тревожный аспект обязанностей премьер-министра. Наиболее тревожно, кажется мне, знание, что во всех недоумениях и проблемах, которые день за днем только увеличиваются и встают перед любым правительством в эти беспокойные времена, окончательная решающая ответственность должна лечь на плечи премьер-министра»^[263]. Такое отношение многим казалось чересчур властным и позволяло его противникам рассуждать о том, что «консерваторы теперь получили своего фюрера, премьер-министр становится все более диктаторским»^[264].

Сэм Хор, его давний друг и коллега, в новом правительстве Чемберлена получивший пост министра внутренних дел, позже в мемуарах, сравнивая стиль трех премьер-министров, под началом которых служил, называл МакДональда «романтиком», Болдуина «гуманистом», а Чемберлена в первую очередь «аналитиком», «острый ум которого штурмовал проблемы правительства, разбирал их и закреплял на тех пунктах, которые действительно имели значение»^[265]. Он, как прожектор, выхватывал из темноты хаоса проблем основное и прикладывал все усилия, чтобы разобраться в той или иной ситуации^[266].

Но если ситуация в стране была более или менее самим же Чемберленом стабилизирована, то ситуация в мире с каждым днем все заметнее обострялась. «Эти следующие два года могут быть очень важными в истории Европы, и пройдут ли они в хаосе или в постепенном успокоении старой вражды и восстановлении уверенности и стабильности, будет, весьма вероятно, зависеть от роли, которую сыграет эта страна. Роль эта будет важной и, может быть, решающей»^[267], — говорил Невилл Чемберлен в конце мая 1937 года.

Чемберлен не ошибся. Действительно, следующие два года (ставшие преддверием начала новой мировой войны) оказались роковыми для Европы, которая в то время представляла собой кипящий котел с ядовитым варевом, над которым макбетовскими ведьмами колдовали то Гитлер, то

Муссолини, то полковник Бек, министр иностранных дел Польши, то Эдвард Бенеш, президент Чехословакии. Остужать этот отвар следовало Лиге Наций, учрежденной по инициативе президента США Вудро Вильсона после заключения Версальского мирного договора (подписанного 28 июня 1919 года в Версальском дворце во Франции и официально завершившего Первую мировую войну, а первое рабочее заседание Лиги Наций состоялось 16 января 1920 года в Женеве). Но остудить, к примеру, Третий рейх уже никак не удавалось, поскольку в октябре 1933 года рейх покинул Лигу Наций, предварительно устроив срыв Конференции по разоружению 1932–1933 годов.

Тем временем в искусственно созданном после Первой мировой войны по Версальской системе государстве, Чехословацкой Республике, проживало три с половиной миллиона немцев, а также другие народности, для которых никто не проводил плебисцита и не спрашивал, согласны ли они с такой своей участью. В Австрии немцев проживало шесть с половиной миллионов, и далеко не все они были довольны их территориальной принадлежностью.

А вот Кабинет министров Великобритании был категорически недоволен состоянием своей армии. С 1920 года все министерства, особенно военные, были подчинены приказу: «никакой большой войны в течение десяти лет». По этой инструкции осуществлялось их планирование, и британская военная мощь была ощутимо сокращена. Производство линкоров ограничивалось Вашингтонским соглашением 1922 года; в пригодном для военных действий состоянии находились менее пятидесяти крейсеров. Военно-воздушные силы, на момент 1919 года насчитывающие 187 подразделений, в течение следующих четырех лет были так быстро рассеяны, что осталось только 18 подразделений, готовых для самообороны. И хотя в 1923 году Сэм Хор начал увеличивать количество авиационных подразделений и планировал довести их до пятидесяти двух к 1929 году (концу его второго срока полномочий как министра авиации), но реально удалось довести их количество только до тридцати одного. Военно-воздушные силы Великобритании по численности занимали пятое или шестое место в Европе. Были расформированы 9 полков кавалерии, 61 батарея и 21 батальон пехоты. Территориальная армия составляла 40 тысяч человек. Таким образом, к 1930-м годам действительно «разоружена» была только Британская империя, тогда как многие страны на континенте вооружение только наращивали.

Невилл Чемберлен первым из поствоенных министров финансов стал

пересматривать расходы на оборону не в сторону уменьшения, которое всегда вызывало сочувствие у общественности, а в сторону увеличения, что, напротив, вызывало шквал критики. Именно поэтому он восклицал: «Бог ты мой! Бог ты мой!» — подготавливая статью военных расходов для бюджета 1936 года. «Когда страна изучит, сколько мы планируем в этот год потратить на вооружения, это станет для нее шоком. И это будет полезной вещью, потому что может помочь подготовить их к худшему — намного худшему, что еще может случиться»^[268].

Проекты его бюджетов 1936 и 1937 годов предполагали достичь цифры в полтора триллиона фунтов стерлингов на военные расходы в течение пяти лет. Разумеется, по сравнению с рейхом, чьи оборонные расходы составляли на тот момент около триллиона ежегодно^[269], цифра эта была мала, но и она не нашла одобрения у палаты общин. Оппозиция, особенно лидер лейбористов мистер Эттли, по данным опросов самый выдающийся премьер-министр XX столетия^[270] (этот пост он будет занимать в 1945–1951 годах), решительно выступал против подобных мер. «В вооружениях нет никакой безопасности. И мы не станем партией поддержки их накопления»^[271] — вот что говорил Клемент Эттли. Лейбористы полагали, что увеличение военных расходов идет вразрез с политикой коллективной безопасности, и настаивали на традиционном пацифизме. Но сказать, что своими бюджетами Невилл Чемберлен разыгрывал карту войны, тоже невозможно.

Его идеей было создание так называемой «международной полиции», которая, в отличие от Лиги Наций, стала бы более эффективным инструментом поддержания ставшего таким хрупким мира. Еще в 1934 году Чемберлен обдумывал эту идею, о чем писал сестре: «Я сделал ему (Джону Саймону, тогда министру иностранных дел. — М. Д) набросок плана, который я называю планом ограниченной ответственности. В голый схеме он состоит из взаимной гарантии, по которой Германия, Франция, Италия, Великобритания, Польша и Чехословакия <...> обязуются оказывать ограниченную военную помощь, чтобы поддержать потерпевшую сторону в случае нападения. Сама помощь может насчитывать много альтернатив, например, два подразделения или пять авиаподразделений, или три крейсера и десять подводных лодок и т. д., и т. д. Требовалось бы четкое решение, но я полагаю, что в этом есть зародыш практической схемы. Это на самом деле была бы международная полиция, чтобы помочь потерпевшей стороне»^[272].

Фактически это означало бы военные взаимогарантии между шестью

основными европейскими державами, четыре из которых на тот момент (Германия, Италия, Польша, Чехословакия) как раз и представляли наиболее серьезную угрозу европейскому миру своими конфликтами. Конечно, у этой схемы были свои минусы: Чемберлен не предусматривал участие Советского Союза, равно как и участие США или Китая и Японии. Но были и плюсы: шесть стран стали бы полноценными партнерами. Чемберлен долго боролся за этот прекрасный, но утопический план в первую очередь с собственными коллегами, а также с Форин Оффисом, с начальниками штабов и т. д., которые к такому смелому решению были не готовы.

Не готова была видеть Германию полноценным партнером для ведения международной политики и Франция, которая отказывала рейху в какой-либо возможности перевооружения и к тому же сама постоянно конфликтовала с Италией из-за африканских колоний. Европейские государства своими отношениями напоминали клубок змей, переполненных ядом взаимных претензий и враждебности.

Невилл Чемберлен никогда не был германофилом, немцы ему были непонятны, а иной раз и неприятны, как после убийства австрийского канцлера Энгельберта Дольфуса — «несчастливого маленького Дольфуса», погибшего во время фашистского путча в июле 1934 года от рук австрийских нацистов (высланных ранее из страны, прошедших выучку в Мюнхене и вернувшихся в Австрию при поддержке из Берлина). Чемберлен писал сестре, что сила «это — единственное, что понимают немцы»^[273]. Но унижать Германию (считавшую и так себя униженной Версальским договором 1919-го и Версальскими соглашениями начала 1920-х, в результате чего у нее были отобраны колонии, часть территории, до минимума сокращены армия, вооружение, наложены огромные репарации и т. д., что и породило реваншистские настроения), не считаться с ее объективными требованиями и интересами Чемберлен не стремился. В отличие от многих фронтовиков в британском национальном правительстве, а оно в 1931 году практически состояло из участников Первой мировой войны. Равно как не стремился и начинать с Германией военные действия, хотя считал именно Третий рейх потенциальным будущим врагом Британии: «Гитлеровская Германия — это хулиган Европы, но я не отчаиваюсь»^[274].

«В данный момент, осенью 1934 года, нет никакой непосредственной угрозы нашей безопасности, — полагал Чемберлен. — Но есть общее предчувствие будущей угрозы, будет ли это вопросом 2, 3, 5, или 10 лет,

или четверти века, когда подобное сможет произойти, но угроза эта будет исходить из Германии»^[275]. Прогерманские чувства премьер-министра Великобритании были весьма преувеличены советской историографией. Но не было в нем и воинственной германофобии, за что он получал упреки от Леопольда Эмери, своего старого друга, в робости, нудности и безынициативности. У Эмери всегда имелось свое особое мнение по любому вопросу, правда, к великому сожалению для него же, его мнение не всегда представляло интерес для других.

Сознавая, на какой зыбкой почве стоит мир в Европе, Невилл Чемберлен вряд ли имел другой выбор, чем путь исключительно аккуратных, неспешных действий. Начав проверять отечественную обороноспособность, Чемберлен пришел к выводу, что войны с Германией и Японией одновременно Британская империя не выдержит. Обеспокоенный таким положением вещей еще в 1934 году, он уже тогда начинает лоббировать заключение пакта о ненападении с Японией, поскольку в случае войны помощь со стороны Соединенных Штатов виделась ему весьма и весьма призрачной: «Американцы в основном стремятся убедить своих людей, что они не собираются быть вовлеченными в выполнение каких-либо обязательств в любой другой части мира»^[276]. Форин Оффис вновь не поддержал его «смелого и оригинального»^[277], по собственным словам Чемберлена, решения.

Зато Чемберлен поддержал решение министра иностранных дел Саймона ехать в Берлин в 1935 году, с ним отправился в качестве «партийного торийского комиссара» и молодой Энтони Иден (в будущем, в 1955–1957 годах, премьер-министр Великобритании). Но кроме устных договоренностей с Гитлером о том, что все вопросы в Европе должны быть решаемы мирно, эта встреча ничего не принесла. Определенным шагом стало лишь подписание летом 1935 года военно-морского англо-германского соглашения, согласно которому флот Третьего рейха по численности мог теперь составлять 35 процентов от флота Британской империи. Соглашение означало для рейха признание Великобританией несправедливости Версальского договора, который ограничивал германские военные силы, то есть фактический отказ от этого договора.

Не будем забывать, что Невилл Чемберлен тогда, в 1935-м, был канцлером Казначейства (то есть министром финансов) и внешнюю политику определять не мог. Занимался дипломатией на тот момент еще относительно здоровый Рэмзи МакДональд. После январского франко-

итальянского соглашения, направленного против ремилитаризации Германии и в защиту Австрии (была признана ее независимость), британский премьер-министр в апреле 1935 года инициировал встречу трех глав государств — Великобритании, Франции, Италии — в формате Стрезской конференции (названной по итальянскому городку Стреза, где состоялась встреча). Таким образом, МакДональд с французским премьером Фланденом и итальянским дуче Муссолини создали так называемый «Фронт Стрезы».

В основе этой внешнеполитической линии лежала теория создания противовесов. Теперь Британия, Франция и Италия составляли противовес Германии, которая, в свою очередь, как предупреждал еще в начале 1934 года французский министр Барту, могла бы заключить пакт с Советским Союзом, что спустя пять лет и произошло. Так или иначе, политика противовесов чревата тем, что создание нескольких источников силы рано или поздно может привести к возникновению нескольких же враждующих лагерей, и это, собственно, позже и случилось.

Чемберленовская схема создания «международной полиции» и сотрудничества сразу шести европейских государств была куда более здоровой. Несмотря на все потенциальные угрозы, исходившие от рейха, договариваться с ним о стабилизации ситуации было не то что возможно, а просто необходимо. Если даже отбросить все моральные аспекты, останавливало Британию от воинственной политики следующее: а) слабейшее состояние ее собственной армии; б) решительный отказ доминионов и колоний поддерживать метрополию в случае европейской войны.

Об этих простых на первый взгляд факторах почему-то забывали такие политики, как Леопольд Эмери, Уинстон Черчилль и К°. Внешнеполитическая линия, которую отстаивал Чемберлен, была более естественной для островной страны, ослабленной предыдущей войной, а также имевшей серьезные внутренние проблемы^[278]. Можно было найти союзников для создания своего лагеря силы, но это бы угрожало возможной будущей военной развязкой, чего Британская империя позволить себе не могла. Однако в итоге именно такая политика, которой опасался Чемберлен, позже и разрушила Империю.

Договоренности Стрезы развязали руки Муссолини в Африке. Еще в апреле он заключил дополнительное соглашение с французской стороной об африканском побережье, что стало практически зеленым светом для начала его абиссинской кампании. 12 мая 1935 года Чемберлен писал, что

«Муссолини кажется полным решимости предпринять абиссинское приключение»^[279]. Через неделю он сокрушался в дневнике: «Это действительно кажется варварским, что в эти дни все должно быть подчинено власти человека, который по собственной прихоти или с целью сохранить свое личное влияние готов пожертвовать жизнями тысяч итальянцев»^[280].

Абиссиния (Эфиопия) хотя и была включена в Лигу Наций по настоянию Франции, но как африканская страна, все еще остающаяся в стадии вассального феодализма, сильно отличалась от европейских уровнем развития. Поступали регулярные отчеты о набегах эфиопов в соседние земли за новыми рабами. Уинстон Черчилль без обиняков говорил о том, что «никто не может поддержать мнение, что Абиссиния — здоровый, достойный и равный член лиги цивилизованных стран»^[281]. Но все же это еще недостаточный повод для того, чтобы Италия могла так просто взять и захватить эту страну.

«Умиротворять» дуче в июне 1935 года был направлен Энтони Иден, но он, напротив, только испортил англо-итальянские отношения. Иден решил, что дуче не нуждается в снисхождении и умиротворении, «выплюнув» такую характеристику Муссолини: «Он не джентльмен»^[282]. «Мы поняли, что мы враги, — сказал Муссолини Ракеле (своей жене. — М. Д.). — Я временно, а он — заклятый враг Италии»^[283]. Вряд ли, конечно, Бенито Муссолини был джентльменом, но это опять же не означало того, что с ним и его страной не стоило считаться. Этот июньский антиитальянский поворот Идена, которого он и после будет упорно придерживаться, безусловно, сыграл важную, если не решающую роль в дипломатических реалиях не только Британской империи, но и всей Европы.

Тем временем произошли перестановки в Форин Оф-фисе: Джона Саймона сменил Самюэл Хор, чье назначение министром иностранных дел лоббировал в первую очередь Чемберлен, полагая, что с Иденом они прекрасно сработаются. Чемберлен всегда высоко оценивал способности Энтони Идена в дипломатии восточного направления, поэтому настаивал, чтобы именно он поехал в Варшаву и Москву в начале 1935 года. Однако Иден сосредоточил свои выдающиеся способности на Италии, о чем в июле Чемберлен записал в дневнике: «После визита Идена в Рим стало ясно, что Муссолини решил съесть Абиссинию, независимо от соглашений, гарантий и договоров. <...> Но если, в конце концов, Лига продемонстрирует, что неспособна к эффективному вмешательству, чтобы

остановить эту войну, будет практически невозможно поддерживать идею о том, что ее (Лиги Наций. — М. Д.) существование оправдано вообще»^[284]. Итальянский посол граф Гранди сказал Чемберлену в конце июля, что все еще есть два месяца до начала каких-либо активных действий со стороны Италии^[285].

Невилл Чемберлен к тому моменту занимался предстоящими Всеобщими выборами и готовился отражать атаки лейбористов, которые обвиняли и его, и Консервативную партию, и все Национальное правительство в «подготовке к войне», ввиду планов по пересмотру бюджета на перевооружение, о чем говорилось выше. Выборы и выработка партийной политики отнимали у него столько сил, что после всего этого он «чувствовал себя скорее мертвым, чем живым»^[286], но тем не менее, как мог, помогал Хору, в частности готовить речи.

Новый министр иностранных дел Сэм Хор пытался предпринять какие-то шаги в Лиге Наций, чтобы предотвратить возможность итало-абиссинского вооруженного конфликта. В своей знаменитой женеvской речи он говорил, что «безопасность многих не может быть обеспечена усилиями нескольких». Хор был абсолютно убежден в том, что действовать в одиночку Британии не стоит, она должна сотрудничать по этому вопросу в первую очередь с Францией. Во Франции же тем временем сложилась крайне тяжелая внутривполитическая обстановка, так как за власть сражались несколько группировок. К лету 1935-го победила группа Пьера Лавалья, который стал премьер-министром и тормозил ратификацию франко-советского договора, хотя сам же его и заключил в начале года, а также был полон надежд договориться с Италией о сотрудничестве. Противоположную точку зрения имела группа Леона Блюма, которая изо всех сил противилась политике Лавалья и имела определенный вес в парламенте Третьей республики.

Все это лишь тормозило возможность быстрого и адекватного решения по вопросам назревающей войны. В Лиге Наций был создан так называемый Комитет пяти, который предлагал свой план по урегулированию ситуации, но Муссолини план этот отверг, а в октябре и вовсе вторгся в Абиссинию. Лига, несмотря на призывы абиссинского императора Хайле Селассие предпринять военное вмешательство в этот конфликт, ограничилась экономическими санкциями против Италии, введенными в ноябре 1935 года. Никаких особых плодов это не приносило, поскольку санкции не включали в себя топливные ресурсы и, в частности, нефть. Если бы Италии отказались продавать нефть те же Соединенные

Штаты да и все остальные государства, это было бы не лучшим вариантом развития событий для Муссолини, который такого исхода боялся, и такой исход неизменно означал бы начало военных действий.

Опасался подобного поворота событий и Пьер Лаваль, который идею нефтяных санкций отвергал. Наблюдая за ситуацией, Чемберлен писал в дневнике: «США уже пошли намного дальше, чем обычно. <...> Следовательно, к вопросу относятся серьезно. <...> При необходимости мы должны взять лидерство (в решении этого вопроса. — М. Д.) сами, а не позволить вопросу плыть по течению. <...> Если бы мы отступили теперь из-за угроз Муссолини, мы оставили бы американцев в подвешенном состоянии. А они были бы неспособны сопротивляться аргументам своих поставщиков нефти. <...> Неизбежно, что при таких обстоятельствах США должны будут отказаться в будущем помогать нам в любой ситуации. Санкции падут, а Лига потеряет свою репутацию. <...> Мы должны прояснить в Женеве, что Франция, а не мы, блокировала нефтяные санкции»^[287].

Взять на себя лидерство решился Сэм Хор, который из Швейцарии и направился в Париж для встречи с Лавалем. Хор был переутомлен не только морально, но и физически всей этой ситуацией, длившейся уже полгода, он даже несколько раз падал в обмороки и отчаянно нуждался в отдыхе, а ему предстоял очередной этап переговоров, да еще и с «изворотливым» Лавалем.

Французский премьер-министр популярно объяснил британскому министру иностранных дел, что в случае введения Империей нефтяных санкций и следом вспыхнувшей войны Франция вряд ли сможет гарантировать Британии необходимую поддержку. Лаваль предложил Хору план, по которому Абиссинии предстояло быть разделенной на две области и одна из них должна быть подчинена Италии. Единственное, что смог сделать Сэм Хор, это вытребовать порт для Абиссинии. Он пытался также побороться за увеличение остававшейся Абиссинии территории, однако в результате глубокой ночью план все же был подписан.

Собственно, само подписание плана или пакта Хора-Лавалья не было такой уж страшной катастрофой. Пакт еще следовало передать правительствам стран Лиги для обсуждения, внесения поправок и ратификации. Иными словами, это соглашение было только черновиком возможного будущего договора. Но премьер-министр Лаваль решил миновать эти ненужные, по его мнению, стадии и продемонстрировать свою работу в первую очередь французам, поэтому соглашение уже утром было представлено прессе как окончательный вариант урегулирования

итало-абиссинского конфликта. Это ставило под угрозу не только карьеру Хора, который сразу после подписания пакта наконец уехал отдыхать в Альпы и не знал, что Лаваль передал его текст журналистам. Это ставило под угрозу также авторитет Лиги Наций, которая вопросы санкций должна решать коллегиально, а не таким образом.

Все это поставило в крайне уязвимое положение и британское правительство, члены которого, мягко говоря, очень удивились, прочитав в утренних газетах, что их министр вместе с французским премьером отдали половину африканской страны итальянскому дуче. Вот как описывал те события в письме сестре Чемберлен, министр финансов и второе лицо Кабинета: «Когда Сэм уехал в Париж в субботу 7-го (7 декабря 1935 года. — М. Д.), мы понятия не имели, что он будет приглашен рассматривать подробные мирные предложения. Я верил, и насколько я знаю, мои коллеги полагали также, что он собирался остановиться в Париже на несколько часов по пути в Швейцарию и обсудить с французами такие условия, которые, как мы могли бы сказать Лиге, «не наносят ущерб возможностям благоприятного решения проблемы введением этой особенно провокационной дополнительной санкции в данный момент». Вместо этого был согласован ряд предложений, и всему этому французами было позволено просочиться в прессу, чтобы лишить возможности нас исправить предложения или даже отсрочить принятие их, не бросая нашего собственного министра иностранных дел... Ничто не могло быть хуже, чем наше положение. Наш престиж в иностранных делах и дома и за границей рассыпался как карточный домик. Если бы мы должны были бороться на выборах снова, мы могли бы потерпеть поражение... Ты можешь найти некоторое утешение в том, что, если бы я был премьер-министром, дискредитация ждала бы меня, вместо С<тэнли> Б<олдуина>. Это верно, если бы то же самое случилось. Но я утверждаю с некоторой уверенностью, что при мне этого не произошло бы»^[288]. Болдуин мало вникал в эту внешнеполитическую линию, поэтому Чемберлен и был уверен, что при более пристальном контроле премьера подобное не могло случиться. Между тем Рандольф Черчилль, сын Уинстона, прочил даже его, Чемберлена, в кресло главы Форин Оффиса в тот момент.

Но теперь перед только что сформированным после выборов Кабинетом министров стояла дилемма: или выйти в отставку всем, или сделать из Сэма Хора козла отпущения. Вторая идея Чемберлену была ненавистна, но и первая никому не улыбалась. Хор же, отдохавший в это время в Швейцарии, катался на коньках (а он был большим любителем этого занятия), упал и разбил себе нос, лишив себя возможности несколько

дней даже выходить из дома.

В это время правительство гадало, что же все-таки делать: отдать на растерзание своего министра или нет. Нагнетал обстановку лорд Галифакс, плавно подводивший к тому, что будет им озвучено уже после дебатов в палате общин: «Оглядываясь назад, мне кажется, что изначально ошибкой был Сэм (то есть его назначение министром. — М. Д.)»^[289]. Лордом Галифаксом к тому моменту (он получил этот наследственный титул в 1934 году, после смерти отца) называли лорда Ирвина Эдварда Вуда, бывшего вице-короля Индии и также близкого друга Невилла Чемберлена. С Хором они не сходились по индийскому вопросу.

19 декабря 1935 года на слушаниях в палате общин министр финансов пытался защитить своего друга Сэма, обрушивая шквал критики на французов, обвиняя Лигу Наций в несостоятельности и, естественно, обращая свой гнев на лейбористов, которые отрицали любые, даже минимальные инициативы по пересмотру финансирования вооружения страны. Но ни Сэму Хору, ни ситуации этим уже было не помочь. Хор вышел в отставку, совершенно раздавленный произошедшим. После кратких совещаний его решено было заменить Энтони Иденом. Болдуин рассматривал еще две кандидатуры — Остина Чемберлена и лорда Галифакса, но первый был уже слишком стар, а второй был членом палаты лордов, что могло бы составить свои трудности для министра, который обязан отчитываться в первую очередь перед палатой общин.

Как ни странно, разрядила накаленную таким зигзагом внешней политики обстановку смерть Его Величества Георга V, что переключило внимание прессы на это событие, оставив Хора в покое. И хотя он был лишен портфеля министра иностранных дел, Болдуин «решил, по-моему, совершенно справедливо, держать Сэма с нами, даже рискуя тем, что может оскорбить общественное мнение»^[290].

Пока британское правительство в лучших традициях «своих не бросало», его министр финансов был раздираем противоречиями, так как хотел и помочь другу, и не навредить лидеру: «Я не должен делать ничего, что позволило бы врагам сказать, что я сознательно принудил С. Б. назначить человека, некомпетентность которого или непопулярность могли бы разрушить его собственное лидерство. Но С. Б. знает мое мнение. Я все еще думаю, что Сэм — лучший»^[291]. Тем временем немецкие войска 7 марта 1936 года заняли Рейнскую область (Рейнланд) — германскую территорию на левом берегу Рейна и часть на правом, которая была

объявлена в Версальском мирном договоре 1919 года Рейнской демилитаризованной зоной, где немцам запрещалось держать войска (чтобы предотвратить, среди прочего, возможное нападение на Францию). Шаг этот окончательно растоптал Версальский мирный договор, его 42, 43 и 44-ю статьи, касающиеся этой территории, а также нарушал договоренности, достигнутые в Локарно в 1925 году, по которым Германия уже не принудительно, а добровольно обещала не иметь вооружений на левом и правом берегу Рейна. Министр иностранных дел Третьего рейха фон Нейрат объяснял ввод войск опасениями Германии, вызванными советско-французским договором о взаимной помощи (заключенным 2 мая 1935 года).

На тот момент Энтони Иден, возглавивший Форин Оффис, более был озабочен возможностью введения нефтяных санкций против Италии. В начале 1936 года он четко обозначил свое видение германского направления работы: «Мы должны быть готовы пойти на уступки Германии... <...> но эти уступки предлагаются как часть окончательного урегулирования, которое включает некоторое дальнейшее ограничение вооружений и возвращение Германии в Лигу»^[292]. Так полагал будущий непримиримый борец с гитлеризмом, который для столь критикуемой политики «умиротворения» сделал более чем достаточно. Хотя его отставка в феврале 1938-го и переход в лагерь ярых сторонников войны, безусловно, сглаживали это впечатление для многих историков.

Несмотря на то, что правительство Лавалля пало еще в январе 1936 года, его преемник Сарро, поддерживаемый министром иностранных дел Фланденом, продолжал проводить ту же линию и активно мешал нефтяным санкциям. Это накаляло обстановку между Британией и Францией, а Муссолини продолжал воевать с Абиссинией, причем весьма успешно. Сама же Франция была раздираема внутренними проблемами, надвигались выборы, франк находился в прискорбном положении, чудовищный экономический кризис бил по всем отраслям. И хотя некоторые французские министры колебались в продолжении политики «умиротворения» после того, как Гитлер ввел войска в Рейнланд, генерал Гамелен поспешил убедительно отговорить всех от каких-либо боевых действий.

С 9 по 11 марта 1936 года в Париже проходили совещания стран — участниц Локарнских соглашений, за исключением Германии. Британию представляли Энтони Иден и лорд Галифакс, но ни к каким определенным договоренностям те переговоры не привели. После этого 13 марта Совет Лиги Наций собрался в Лондоне. На «странные и долгие» переговоры с

французами был «как обычно призван» и Невилл Чемберлен, который нашел куда более сговорчивым, а также разумным и приятным, в отличие от французской стороны, представителя Бельгии ван Зееланда. «Все выглядит довольно плохо, — писал он сестре, — но у меня есть своего рода чувство, что мы обойдемся без пожара военных действий, хотя согласятся ли французы на что-либо конструктивное, кажется сомнительным»^[293]. Единственное, что утешало Чемберлена, это отсутствие в правительстве Уинстона Черчилля: «Он приходит в необычайное возбуждение, когда чувствует запах войны, и если бы он был в Кабинете, то мы должны были бы тратить все наше время, чтобы его успокаивать, вместо того чтобы заниматься делами»^[294].

Переговоры пришли к тому, что 19 марта 1936 года Совет Лиги объявил Германию виновной в нарушении ее договорных обязательств и страны-участницы Локарно выпустили обращение к Германии, предлагающие ей временные гарантии и постоянное урегулирование ее положения. 24 марта немецкий ответ отклонил эти «дискриминационные» предложения. И все-таки Чемберлен не унывал: «Да, это была довольно мрачная неделя. Эти конференции все одинаковы, сначала ты чувствуешь, что достиг неожиданных успехов, и все выглядит обнадеживающим, потом все рассыпается по частям, и поражение кажется неизбежным. И таким образом, ты сохраняешь напряжение до конца. После Лозанны и Оттавы я знаю, как все это происходит, и предупредил Эдварда Галифакса после одного странно ужасного дня, чтобы он никогда не позволял себе ликовать или быть подавленным подобными сильными колебаниями барометра. Мой опыт в тех двух прошедших конференциях воодушевляет; после неисчислимых кризисов и блужданий в итоге мы находили тропинку, чтобы выйти из леса, я надеюсь, что это будет так и на этот раз»^[295].

Переговоры эти обнажили не только слабость французов и несговорчивость рейха, но и то, что Стенли Болдуин на тот момент уже совершенно выключался из проблем подобного рода. Вдобавок ко всему он был серьезно простужен, что создало впечатление, будто бы он плакал в палате общин, рассказывая, что Британия воевать ни с кем не сможет. На самом деле у него был сильный насморк.

Чемберлен вполне эффективно заменял его, а кроме того, показал, что может замечательно работать с Иденом. Что уж говорить о Галифаксе, с которым у них всегда было взаимопонимание. Иден же после, обращаясь в первую очередь к специальному представителю Германии Йоахиму фон Риббентропу, произнес речь, смысл которой сводился к тому, что если рейх

продолжит себя вести в том же духе, то может потерять сочувствие Британии, которая начнет сближение с Францией и Бельгией. Чемберлен выражал надежду, что Риббентроп передаст эту мысль Адольфу Гитлеру^[296].

Сохранилось огромное количество рассуждений о том, что если бы тогда Британия и особенно Франция заняли максимально жесткую позицию по отношению к рейху и французские войска перешли Рейн, то это как минимум сдержало бы Гитлера от дальнейшей агрессивной политики, а как максимум и вовсе бы ее уничтожило. Даже немецкие генералы, вроде Гудериана, после Второй мировой войны рассуждали об этом^[297]. Так это было бы или нет, мы уже узнать не сможем, даже если будем сравнивать военные силы противников с точностью до каждого солдата и каждой винтовки. Рассуждать о том, «что было бы, если», комфортно, когда роковые события уже отдалены временем, а мудрость задним числом весьма соблазнительна. Кит Фейлинг в биографии Чемберлена совершенно справедливо замечает: «Человек обманывает себя, если утверждает, что в 1937 году предвидел, как будут разворачиваться события 1939–1941 годов. Никому не было дано предсказать, что Французское государство падет от удара, что Германия и Россия согласятся разделить Польшу, что Соединенные Штаты будут спокойно наблюдать исчезновение Франции и вероятное поражение Великобритании, что Гитлер нападет на Россию... <...> или что Япония нападет на Соединенные Штаты. Отсутствие подобных прогнозов не может быть обвинением, предъявленным Невиллу Чемберлену, высшее усилие которого состояло в том, чтобы предотвратить подобные вещи, а не проверять, случится это или нет»^[298].

В 1936 году в той же Франции, например, могла вспыхнуть гражданская война, потому что экономическое ее положение было катастрофическим, и практически ежемесячные смены правительства, бесконечные внутренние политические конфликты совсем не добавляли французам оптимизма. Пришедший на смену Сарро лидер Народного фронта Леон Блюм мало что мог изменить, кроме того, что после капитуляции императора Абиссинии Хайле Селассие I, которому не помогло даже его божественное происхождение^[299], ухватился за идею возобновления «Фронта Стрезы», настойчиво подталкивая Британскую империю к снятию санкций с Италии. Этому уже в свою очередь активно препятствовал Энтони Иден. «Есть некоторые люди, которые вообще не

желают делать какие-либо выводы. Я вижу, например, что на днях президент Союза Лиги Наций выпустил проспект для его участников, в котором он... <...> убеждал их начать кампанию давления... <...> с идеей проведения политики санкций, и даже усиления ее, будто бы все еще возможно сохранить независимость Абиссинии. Это кажется мне самым разгаром летнего безумия. <...> Не очевидно ли, что политика санкций несет в себе, я не говорю войну, но угрозу войны? <...> Разве это не предполагает, что было бы более мудро исследовать возможности локализации опасных пятен на карте мира... <...> посредством региональных мер, которые могли бы быть одобрены Лигой, но которые должны быть гарантированы только теми странами, интересы которых жизненно связаны с этими опасными зонами?»^[300] — говорил Чемберлен в «Клубе 1900» 10 июня 1936 года.

Тем временем и сама Британская империя оказывалась на грани гражданской войны, чему способствовало поведение нового монарха — Эдуарда VIII. Помимо прочего, доминионы настолько резко и остро восприняли даже гипотезу о каком-либо военном выступлении (особенно неистовствовали Канада и Ирландия), что это могло бы вообще кончиться потерей всех британских владений, в которых и без того было крайне неспокойно.

После ремилитаризации Рейнской области Чемберлен признавал, что его предложения были основной инициативой на тех совещаниях, «хотя и Энтони, и Эдвард были максимально полезны»^[301]. И если с этим хвастливым заявлением Чемберлена кто-то мог бы поспорить, то поспорить с тем, что и абиссинские приключения дуче, и рейнские прогулки фюрера окончательно продемонстрировали несостоятельность Лиги Наций, вряд ли кто-либо теперь бы осмелился. «Лига не остановила войну и не защитила жертву и таким образом продемонстрировала неудачу коллективной безопасности, как теперь понятно, — писал Чемберлен в дневнике. — Это случилось потому, что коллективная безопасность зависела от действий отдельных членов Лиги, интересы и силы которых достаточно широко разнятся. Наша окончательная цель должна быть в создании некоторой международной полиции, но тем временем мы должны найти некий практический способ сохранить мир. Мое предложение состояло в отказе от идеи, что Лига может в настоящее время применить силу... Она должна быть сохранена и стать моральной силой и центром, но мир будет зависеть от системы региональных договоров, которые в свою очередь будут ратифицированы и одобрены Лигой...»^[302]

Июньская речь Невилла Чемберлена, которая была процитирована выше, не имела целью оскорбить конкретно Энтони Идена и его инициативы. Хотя Чемберлен не консультировался с министром иностранных дел перед ее произнесением, он после послал ему большое разъяснительное письмо и сожалел, что ввиду этой речи газета «Дейли мейл» получила возможность пройти по Идену в лучших традициях. Чемберлену казалось, что молодой министр прекрасно понимает, что говорил он в первую очередь о том и для того, чтобы Лигу Наций реорганизовать в ближайшем будущем. «Я убеждал Энтони реформировать Лигу, — писал Чемберлен сестре, — но я сказал, что санкции должны быть сняты только тогда, когда мы будем иметь от Муссолини заявление о его намерениях в Абиссинии и на Восточном Средиземноморье»^[303]. Превращение Лиги Наций в орган, грубо говоря, исключительно совещательно-законодательный с правом верховной ратификации договоров и соглашений могло бы помочь спасти ее престиж. А также заставило бы малые державы стать более ответственными за собственные дела, так как пока они уповали на решение всех проблем великими державами.

Но великие державы сами находились в плачевном состоянии. Ллойд Джордж кричал в палате общин, что никогда британцы не станут воевать из-за «австрийской ссоры», имея в виду сложную ситуацию вокруг Австрии и ее канцлера Шушнига (чья фамилия поразила Чемберлена: это в русской транскрипции в ней всего шесть букв, а в оригинале пишется *Schuschnigg*; «Что за имя!»^[304] — восклицал Невилл в письме сестре). Шушник, сменивший Дольфуса на посту канцлера, имел поддержку Муссолини, но так или иначе, шесть с половиной миллионов немцев оставались его гражданами. 11 июля 1936 года было подписано австро-германское соглашение, призванное восстановить «нормальные и дружеские отношения». Также оно включало обещание Германии признать суверенитет Австрии и не вмешиваться в ее внутреннюю политику — взамен отвергнутого положения: австрийская политика всегда будет «базироваться на принципе, что Австрия признает себя немецким государством». Это давало временную передышку хотя бы на этом фронте внешней политики, и Чемберлен был рад такому соглашению^[305].

Тучи временно рассеялись не только над Австрией, но и над Испанией, где установилось «безоблачное небо». Гражданская война, вспыхнувшая в июле 1936 года в Испании, добавила проблем всей Европе. Правительство

Его Величества Эдуарда VIII, казалось, было единодушно в том, что Великобритания не будет вмешиваться в этот внутренний конфликт. Хотя, надо сказать, оппозиция и настаивала на поддержке демократически избранного правительства Второй Испанской Республики (то есть республиканцев), против которого поднял мятеж генерал Франко, с чего и началась гражданская война. Португалия, Третий рейх и Италия открыто поддержали франкистов, а СССР — республиканское правительство.

2 августа 1936 года французы предложили проект соглашения, по которому Италия, Великобритания и Франция отказывались от любого вмешательства в испанские дела, прекращали поставки оружия и т. д. Соглашение это было подписано, а вскоре и расширено за счет присоединения к нему других стран, в частности Германии и Советского Союза. Иден с самого начала называл возможное вмешательство в испанские дела «плохой политикой». В Лиге Наций был учрежден даже Комитет невмешательства, который был, по определению состоявшего в нем Ивана Майского, полномочного представителя СССР в Лондоне, самым натуральным «комитетом вмешательства». Кроме Великобритании, которая наотрез отказывалась от какой-либо помощи и той, и другой воюющей стороне, четко выполняя соглашение о невмешательстве, другие государства вмешивались в испанские дела всевозможными способами. И Советы, и, в меньшей степени, таясь, Франция помогали республиканцам. Гитлер и Муссолини поставляли генералу Франко добровольцев. Комитет Лиги Наций только и делал, что разбираал инциденты и выносил вердикты, было ли виновно то или иное государство в нарушении договоренностей о невмешательстве.

Все же испанский кризис для Британии обошелся малой кровью, в отличие от Франции, где премьер-министра Блюма осаждали демонстрациями в поддержку республиканского правительства, с чем, собственно, и были связаны эти акции французской помощи республиканцам. Чемберлену была на руку эта возникшая пауза в международных делах: наконец-то после утомительной парламентской сессии он оказался «в своей любимой комнате, за своим письменным столом, в своем «подагровом» ботинке (специальном ботинке огромного размера. — М. Д.), водруженном вместе с ногой на кучу макулатуры»^[306].

Однако в сентябре 1936 года испанский вопрос вновь встал перед британским правительством. В частности, в Женеве испанский министр иностранных дел дель Вайо слезно просил у Энтони Идена помощи для республиканского правительства, показывая фотографии и приводя доказательства того, что Гитлер и Муссолини поддерживают франкистов.

Но Иден остался непреклонен и напрасно не обнадеживал, отказав дель Вайо в помощи. После чего доказательства эти испанское правительство направило в Лондон, и весь октябрь Комитет невмешательства обсуждал поведение стран — участниц конфликта.

Пока британский министр иностранных дел занимался европейскими делами, Невилл Чемберлен продолжал страдать от подагры, порой лишенный возможности даже нормально передвигаться (до того опухала нога, что ему приходилось надевать лыжный ботинок большего размера, чтобы дойти до палаты общин, скрывая от пристальных депутатов свое состояние^[307]). Он не оставлял своей идеи заключить договор с Японией. «Я сумел... <...> встретиться с Ёсида (японским послом в Лондоне. — М. Д.) в четверг и имел с ним один на один очень длинный разговор, который, я думаю, был очень полезным. Это экстраординарно, что я должен делать эту работу вместо Форин Оффиса или премьер-министра, но факт — то, что он (Ёсида. — М. Д.) не доверяет первому и не знает ничего о последнем. Однако я сказал ему, что он должен теперь увидеть Энтони <Идена> и что я подготовлю для него эту встречу, чем я и должен буду заниматься на следующей неделе»^[308].

Сам посол Ёсида в своих мемуарах^[309] очень тепло отзывался о дружбе, возникшей между ним и Чемберленом, и рассказывал о том, что встречался с его женой Энни уже после смерти мужа^[310]. О тех переговорах с Чемберленом он писал следующее: «Премьер-министр Артур Невилл Чемберлен был чрезвычайно терпелив по отношению к угрозам и насилию, которые демонстрировали японские милитаристы и нацистские хулиганы. Он приложил все усилия, чтобы достичь мира и чтобы мы могли избежать грядущих бедствий. Эта политика умиротворения, казалось, потерпела неудачу, когда вспыхнула Вторая мировая война. Но его принципы сохранения мира должен учитывать любой, кто планирует работать в международной политике и дипломатии. Также я думаю, что мы должны быть вдохновлены им, должны попытаться извлечь уроки из настойчивой британской линии политики умиротворения, проводимой г-ном Чемберленом... <...> вместо того, чтобы критиковать его»^[311].

Иден же не спешил продвигаться в дальневосточном направлении, в первую очередь опасаясь реакции на это Соединенных Штатов (в чью помощь и поддержку он свято верил), а во вторую — сосредоточив усилия на направлении средиземноморском. В конце 1936 года он как министр иностранных дел сформулировал развитие британской внешней политики:

вооруженные силы Империи могут быть использованы только в случаях самообороны, защиты Франции и Бельгии от неспровоцированной агрессии, обслуживания соглашений с Египтом и Ираком, а также в тех случаях, где это будет необходимо в соответствии с соглашениями. Что касается политики относительно Восточной Европы, Иден указал: «Мы хотели бы видеть восточноевропейский договор... мы не должны самостоятельно участвовать в таком договоре, но это не означает, что мы развязываем руки любой другой стране»^[312]. Таким образом, вектор был определен.

Так заканчивался 1936 год. Чемберлен писал сестре: «Несмотря на мрачное состояние иностранных дел, я думаю, что сейчас наступило что-то вроде разрядки, во всяком случае, в наших интересах. Один результат немецко-японского соглашения^[313], которое, кажется, было ужасно встречено везде, заключается в том, чтобы заставить наших друзей в Японии обратить свое беспокойство <в Европу> и не дать чему-либо подвергнуть опасности наши хорошие отношения. <...> При терпении и постоянстве, я полагаю, мы достигнем нашего соглашения. И сейчас уже наше положение на Дальнем Востоке очень отличается от того, каким оно было, когда я начал им заниматься (1934 год. — М. Д.). В Европе диктаторы немного проигрывают в настоящее время. Их друг Франко не делает успехов, и они скорее с сожалением задаются вопросом, что же они должны сделать, чтобы помочь ему. Нет сомнения, что Россия обзавелась огромной военной мощью, и хотя я не могу полагать, что она была бы достаточно глупа, чтобы вторгнуться в Германию или Маньчжоу-Го, она способна нанести раны любому, кто попадет в зону досягаемости ее когтей. Немецко-японское соглашение — действительное свидетельство нервозности обеих этих стран»^[314].

Англо-итальянские отношения, столь важные в этот период, продолжали находиться в подвешенном состоянии. И хотя осенью 1936 года итальянский посол граф Гранди регулярно виделся с министром иностранных дел Иденом, буквально умоляя его о том, чтобы со стороны Британии был дан хотя бы намек на их улучшение, тот оставался холоден. Иден имел свое личное, специфическое впечатление от Муссолини: «Для меня он был жестким и умным оппортунистом, который расценит любые уступки и соглашения как слабость и который никогда не учитывал ни принципы Лиги <Наций>, ни фронт Стрезы»^[315]. Договариваться с диктатором он не собирался, максимум, что он мог допустить, —

признание обоюдных интересов в Средиземном море, которое для Британии было «главной магистралью» движения судов, и то с оглядкой на Францию, которая англо-итальянское средиземноморское соглашение могла расценивать как враждебное ей, о чем Идена предупреждал французский посол Корбен.

Все же к концу декабря Иден провел переговоры через Чиано с Муссолини и заключил так называемое «Джентльменское соглашение», подписанное 2 января 1937 года. Соглашение представляло собой гарантии свободного входа, выхода и транзита через Средиземное море для двух держав с учетом взаимных интересов и отказ от любого желания изменений в отношении государственного суверенитета территорий в средиземноморской области.

Через два дня после его подписания, вернувшись из Йоркшира в Форин Оффис, Иден обнаружил донесения, что огромный контингент итальянских «добровольцев» прибыл в Испанию. Он посчитал это личной обидой, так как, по его мнению, Муссолини использовал их переговоры как прикрытие для этой операции. К 7 января он подготовил меморандум, согласно которому «испанская гражданская война прекратила быть внутренней испанской проблемой и стала международным полем битвы... <...> будущее правительство Испании теперь стало менее важным для мира Европы, чем то, что диктаторы не должны победить в этой стране»^[316]. Помимо этого там содержалась позиция о том, чтобы Британия предложила услуги Королевского флота для морского контроля всех подходов к портам и гаваням, вокруг испанского побережья и других испанских владений, предотвращая прибытие или волонтеров или военной техники на эти территории.

Фактически план означал окружение Испании британскими судами, что могло быть совершенно неоднозначно расценено всеми европейскими государствами. Премьер-министр Болдуин вообще ничего не высказал насчет этого плана. Против предложенных мер особенно жарко возражал Сэм Хор, первый лорд Адмиралтейства на тот момент, объясняя это не только тем впечатлением, какое подобная затея произведет в Европе и мире, но и теми соображениями, что берега Испании очень длинны и портами буквально кишат, что вынудит практически весь британский средиземноморский флот заниматься этими инспекциями. На том основании план был отклонен и усечен, и правительство поручило Идену усилить свое влияние в Комитете невмешательства, что министра иностранных дел также «горько разочаровало»^[317]. Чемберлен молодому

министру сочувствовал: «У него не было надлежащего праздника на Рождество, и он становится немного утомленным»^[318].

Готовящийся стать премьер-министром Невилл Чемберлен, несмотря на уже совсем немолодой возраст и подагру, держался довольно стойко: «Я бодрствую ночь за ночью до часа или позже, еще долгое время после того, как С. Б. ложится спать. Теперь, если я просыпаюсь несколько раз посреди ночи, мои мысли неизбежно мчатся к существующим проблемам. Но, к счастью, я обучил себя достаточно быстро отгонять их, так что через несколько минут я уже снова сплю»^[319]. Единственное, что его удручало, это то, что он не всегда мог найти минуту для своих любимых вещей: «Я был не в состоянии добраться до цветочной выставки, посмотреть картины или послушать музыку. Каждый день встреча или заседание комитетов следуют одно за другим и вечером меня ждет коробка^[320], достаточно большая, чтобы не опустить меня в кровать несколько часов после полуночи. Это — напряженная работа, но я предполагаю, что не променял бы ее теперь ни на какую другую»^[321].

Таким был Невилл Чемберлен, боявшийся не напряженного труда и «решающей ответственности», которую он взвалил на себя, еще даже не обладая официальными полномочиями лидера, но уже выполняя его работу сверх меры, а того, что из-за занятости не сможет посетить цветочную выставку в Челси и полюбоваться своими любимыми орхидеями: «У меня случаются редкие и краткие моменты, когда я чувствую, что не могу даже говорить или думать о политике, которая стала моей главной целью жизни. Но действительный мой страх всегда состоит в том, что этот первостепенный интерес может вытеснить другие мои интересы к искусству или музыке, или книгам, или цветам, или естествознанию»^[322].

После ретроспективного рассмотрения, что собой представляли международные отношения к 1937 году, году, когда Чемберлен наконец официально стал премьер-министром, мы можем подойти к главному этапу в его жизни, а также в жизни и всей Европы. Сам он представлял, какое наследие его ожидает, довольно четко, и еще после ремилитаризации Рейнской области писал: «Я вполне понимаю, что перед нами длинный путь, но мы движемся в правильном направлении, и я сохраняю «умеренный оптимизм». Если мы могли бы однажды оставить эту проблему позади нас и начать европейские отношения на новой основе, мы бы, я верю, увидели быстрое улучшение»^[323].

Энтони Идену, своему министру иностранных дел, предлагая продолжить службу в его новом Кабинете, Чемберлен с улыбкой сказал: «Я знаю, что вы не будете возражать, если я проявлю больше интереса к внешней политике, чем С. Б.»^[324]. Идена это заявление, по его собственному уверению, совсем не встревожило, он привык к тому, что с премьер-министром более близко сотрудничают министр иностранных дел и министр финансов. Канцлером Казначейства в новом правительстве стал сэр Джон Саймон, во-первых, потому что «его мозг работал, как двигатель роллс-ройса»^[325], он уже давно зарекомендовал себя честным и ответственным служащим, и с Чемберленом у них были наилучшие рабочие отношения. Во-вторых, потому что правительство сохраняло статус Национального, то есть состоящего из представителей всех партий, а Саймон был либералом.

Другого либерала и также старого товарища сэра Уолтера Рансимена Чемберлен планировал назначить лордом-хранителем печати, однако тот заупрямился, подстрекаемый своей супругой, чрезвычайно ревновавшей к успехам его коллеги по партии Саймона. В итоге Рансимен не получил никакого поста, но премьер-министр сгладил это недоразумение долгим примирительным разговором^[326]. Сэм Хор также был расстроен, что ему не предоставили министерство финансов, но Чемберлен сделал его министром внутренних дел. Расставив всех по позициям, он условился с Его Величеством, что они будут видеться по необходимости, возможно, часто. На общем беспокойном фоне о редких протокольных встречах можно было только мечтать.

До этого он практически не был знаком с герцогом Йоркским, который вопреки ожиданиям все-таки стал королем под именем Георга VI, поэтому считал необходимым завязать с ним более близкие отношения: «Я пошел вчера встретиться с королем по моей собственной инициативе под номинальным предлогом рассказать ему об Имперской конференции, но действительно, чтобы пообщаться с ним поближе. Я его очень люблю и нахожу, что с ним совсем легко говорить. Он сказал, что все премьер-министры (стран Содружества. — М. Д.) выразили ему большое восхищение мной»^[327]. Чемберлен начал обживать в Чекерсе, знаменитом имении, в котором может проживать премьер-министр, радовался саду, находя его подходящим для обилия птиц. В Бирмингеме, а он стал первым жителем этого города, занявшим пост главы правительства, ему устроили огромную многотысячную демонстрацию-овацию. Рабочие люди «с суровыми, честными лицами» протягивали ему руки для

рукопожатия, и он не мог им отказать, тронутый таким теплым приемом, напомнившим, как когда-то его отца приветствовали такие же люди и кричали: «Благослови Господь нашего Джо!»^[328] Иными словами, премьер-министр наслаждался приятными сторонами своей новой должности. Неприятных, точнее, обременительных и трудоемких, конечно, было значительно больше.

И это касалось не только внешнеполитических аспектов, которым будем посвящена дальнейшая часть этой книги, это касалось и внутренних дел. Британия только начинала оправляться от жесточайшего кризиса стараниями премьер-министра, до этого с упорством «вьючной лошади» тащившего ее из болота упадка, но проблем перед ней стояло еще величайшее множество. Заняв пост главы Кабинета, Чемберлен приказал всем ведомственным министрам готовить двухлетние законодательные программы, которые осенью он намеревался сопоставить и сделать основную программу для всего правительства.

Как и прежде, Невилл Чемберлен старался вникать во все вопросы, стоящие перед его Кабинетом. В отличие от Болдуина у него не было человека, на которого он мог бы положиться, как бывший премьер полагался на него. Он доверял суждениям Галифакса, советовался с Сэмом Хором и Саймоном, готов был выслушать даже соображения Уинстона Черчилля, в правительство не входившего, но активную деятельность в парламенте не оставившего, тем не менее непосредственного «заместителя» у него не было. Это и породило разговоры о его авторитаризме и диктаторских замашках.

Затри месяца до того, как было подписано Мюнхенское соглашение, Чемберлен помимо чехословацкого кризиса, находившегося в разгаре, работал над обширной схемой расширения самоуправления: «Центральная власть должна действовать как справочное бюро со специальным отношением к местной промышленности и как орган по централизованному планированию развития страны в целом...»^[329] В первую очередь это должно было помочь сельскому хозяйству. Тем же летом, после ожесточенного сопротивления в палате лордов, законопроект об угле, предусматривавший национализацию лицензированных платежей, который также курировал премьер-министр, был утвержден. Новый законопроект о жилье — опять-таки его детище — обязывал отправлять под снос ветхие здания и субсидировать строительство новых.

Премьер-министр находил время, чтобы заниматься даже ценами на молоко, и не забывал о тех людях, которые что-то сделали для его страны.

Когда он узнал о том, что многие бывшие депутаты парламента доживают свой век в нищете, он тут же озаботился назначением им достойных пенсий: «Это возможность показать нашу веру в ту общую связь, которая объединяет всех нас, и отдать дань уважения демократической системе правительства, которую и представляет эта палата»^[330].

После проведения Имперской конференции в мае 1937 года Чемберлен занимался и новыми англо-американскими и канадско-американскими торговыми соглашениями. «Причина, почему я готов встать на длинный путь, чтобы получить эти соглашения, заключается в том, что, как я рассчитываю, это поможет подтолкнуть американское мнение сотрудничать с нами все больше. И потом я чувствую уверенность, что это окажет впечатление на тоталитарные страны. В данный момент это выглядит точно так же, как ответ на ось Берлина — Рима — Токио»^[331]. Трудные переговоры и торги закончились подписанием соглашений в ноябре 1938 года. Экономически они должны были принести значительные плоды, покрывающие одну треть мировой торговли, они снимали пошлины с США по поставке пшеницы Империи, в свою очередь американский экспорт британских товаров увеличивался на треть.

Чемберлен дал конституцию Ирландии в декабре 1937 года, и Аймон де Валера, премьер-министр Эйре, будет писать ему в мае 1940 года: «Вы сделали больше, чем любой другой британский государственный деятель для того, чтобы установить настоящую дружбу между народами наших двух стран, сделать ее возможной. И если задача не была выполнена до конца, то уж точно не из-за отсутствия доброжелательности с Вашей стороны. Я надеюсь, что Вы еще сможете продолжить свою работу и что мы оба сможем увидеть реализацию нашей мечты — весну наших двух народов с глубоким приветливым смыслом привязанности одного другому и дружбу, которая делает возможным искреннее сотрудничество между ними во всех вопросах общих интересов»^[332].

Первая же сессия парламента с Чемберленом в качестве премьер-министра и лидера Консервативной партии была означена окончательным принятием Закона о страховании и законопроектом об объединении фабрик. Чемберлен работал на всех фронтах, но ситуация требовала его основного внимания на линии фронта международных отношений. «Немцы и итальянцы так невыносимы, как только они могут быть, и довольно трудно увидеть их желание подружиться с нами ввиду той невероятной дерзости, какая изобилует в их прессе. Но я все еще думаю, что ни один из них не хочет войны»^[333], — писал он сестре в июле 1937 года.

Для улучшения англо-итальянских отношений требовалась самая малость — признание де-юре завоевания Муссолини Абиссинии. Для Италии желательно было убедить в этом не только Великобританию, но и всю Лигу Наций. В том же июле итальянский посол граф Гранди через Энтони Идена, а вовсе не в обход министра иностранных дел, как любили изображать после, сообщил о том, что хотел бы встретиться с Чемберленом и передать ему известие от Муссолини. Иден это передал и преспокойно уехал в отпуск, оставив вместе себя заместителем старшего своего товарища — лорда Галифакса.

На первой встрече премьер Чемберлен передал письмо для Муссолини, где в общих выражениях признавал необходимость пересмотра и дальнейшего улучшения их отношений, подчеркивая, что признание Абиссинии — лишь один не самый значительный пункт для этого. После посол Гранди передал ему ответ письмом же, в котором дуче очень тепло вспомнил его брата Остина. «У меня был второй полезный разговор с Гранди в понедельник, когда он принес мне письмо Муссолини, и я работаю теперь с Галифаксом, который занимает место Идена. <...> Галифакс полностью соглашается с тем, что я делаю, и сообщает, что Ф. О. также находит это очень приятным. <...> Я могу оглянуться назад с большим удовлетворением, которое вызвано ослаблением напряженности в Европе с тех пор, как я в первый раз видел Гранди. Сам Гранди говорит, что это на 90 процентов из-за меня, и это внушает чувство замечательной власти, какую дает должность премьер-министра. Как канцлер Казначейства, я едва мог бы рассчитывать на такое; теперь я могу только поднять палец, и целый облик Европы будет изменен!» — хвастался Чемберлен сестре, воодушевленный просветом в международных делах. Гранди тоже был рад и сообщил, что Италия и Англия разводились в течение двух лет, но теперь повторно вступили в брак. «Я верю, что двойная политика перевооружения и лучших отношений с Германией и Италией безопасно проведут нас сквозь опасный период, если только Ф. О. поддержит»^[334], — продолжал оптимистичные прогнозы Чемберлен.

Министра иностранных дел Идена успехи премьер-министра не вдохновляли, он был категоричен по отношению к Италии и лично к Муссолини, полагая, что у того «менталитет гангстера». Он тут же подключил в дело Ванситгарта^[335], чтобы контролировать связь премьера и дуче, а также начал насаждать на Галифакса, чтобы склонить его на свою сторону. Лорд Галифакс, то соглашаясь с премьер-министром и его

действиями, то поддерживая точку зрения Идена и публикуя статьи, где проводил параллели между Муссолини и государем Макиавелли, который сочетает в себе льва и лисицу, сам был уже известен под прозвищем «святой лис». Его им наградили все тот же Ванситтарт, до крайности изящно перефразировав титул «Halifax» в «holy fox».

Таким образом, Форин Оффис не разделял воодушевления Чемберлена, который к концу августа был полон надежд: «Я был вынужден нарушить свой отпуск, чтобы поехать в Лондон, но я видел, что это было крайне необходимо, и был рад возможности лично поговорить с Галифаксом и Иденом. <...> Поезда так удобны теперь, что я не возражал против двух ночных переездов. <...> Реальным предметом моего визита был не Дальний Восток, а обсуждение итальянских переговоров, относительно которых теперь имеются различные идеи. Весьма естественно, есть большое подозрение к Муссолини и определенное предчувствие, что в его стране примут любое предложение по официальному признанию абиссинского завоевания. Я должен сказать, что удивлен беззаботностью, с которой люди, считающие, что они — пацифисты, все же готовы отстаивать меры, почти наверняка вовлекающие нас в войну. Мы никогда не сможем продолжить путь, отказавшись от признания Абиссинии, и мне кажется, мы должны дать его, чтобы получить нечто большее взамен. Было довольно удачно, что Драммонд (британский посол в Риме. — М. Д.)... <...> должен был провести тут ночь со мной. Он говорит, что мое письмо произвело огромное впечатление в Италии, и он во всяком случае полагает, что, если мы будем развивать эту линию, мы сможем в значительной степени, если не полностью, восстановить англо-итальянские отношения. И даже подвести их к тому уровню, на каком они были перед абиссинским приключением. Если так и получится, мы сделаем очень важный шаг вперед к европейскому умиротворению»^[336]. Под «людьми, считавшими, что они — пацифисты», премьер-министр очень точно подразумевал и Галифакса, и Идена, видных фронтовиков Первой мировой.

Этих двоих деятелей очень часто противопоставляют одному другому, первого считая марионеткой Чемберлена, второго самостоятельным и мудрым министром иностранных дел, что при Болдуине, что в дальнейшем при Черчилле. При более плотном ознакомлении с темой становится ясно, что суждения эти не так уж и верны, в отношении первого — особенно. Лорд Галифакс всегда следовал своим изысканным, неповторимым, мало понятным и неподдающимся простой человеческой логике путем. В сегодняшних реалиях он мог бы с гордостью быть удостоен титула

«троллолорда» (от популярного слова «тролль» не в классическом сказочном понимании огромного зловредного существа из горной породы, а в понимании начала XXI века). Чемберлен считал Галифакса своим другом и соратником, к Идену он тоже относился без какой-либо неприязни, но немного снисходительно, делая ему скидку на возраст, все-таки между ними была почти тридцатилетняя разница.

Невилл Чемберлен вообще относился доброжелательно практически к каждому, пожалуй, за исключением лейбористов, да и то не ко всем. С тем же Артуром Гринвудом^[337] у него были теплые отношения, он даже лично писал ему письма пером, а не на машинке. Во всяком случае, он был доброжелателен, пока люди не демонстрировали, что подобное отношение к ним неуместно. Как, например, это сделал много лет назад Дэвид Ллойд Джордж или как позже сделает Адольф Гитлер. Чемберлен никогда не утаивал своей злобы, опять-таки в отличие от приведенного примера, а новое поколение политиков, к которому принадлежал и Иден, часто даже обвиняло его в том, что «он был слишком чистым человеком для низкой стороны политики»^[338]. И вот такому человеку суждено было представлять Британскую империю перед лицом новых опасностей. Перед новыми государствами с новой идеологией и даже новой формой правления, перед лицом тоталитарных лидеров, которые не стеснялись в своем пути к власти никаких методов и которые куда лучше были осведомлены о том, что такое «низкая сторона политики». Впрочем, о подобном были прекрасно осведомлены и непосредственные коллеги Чемберлена.

К концу августа участились нападения «пиратских» кораблей на торговые суда в Средиземноморье. Беспокоило это не только Британию, но и Францию, которая и предложила провести конференцию в сентябре, чтобы призвать к ответственности за эти пиратские нападения Италию. Эти обвинения не воодушевляли Муссолини, которого французы поначалу даже отказывались приглашать, но после все-таки приглашение отправили. Окончательно же дуче разъярила нота советского правительства, которое также записывало на итальянский счет недавнее нападение на два их судна и требовало компенсации за причиненный ущерб. Муссолини немедленно ответил на подобное отказом принимать участие в конференции вообще. Конференция проводилась 12–14 сентября 1937 года. Чемберлен, наблюдавший за ходом конференции из Лондона, так описывал ее сестре: «Мы имели большой успех в Нионе. <...> Энтони, я уверен, приложит все усилия, чтобы сохранять Италию спокойной, хотя он действительно

никогда не верил в искренность Муссо. Но итальянцы были теперь столь трудными, насколько они максимально могут быть. В данный момент я не знаю, как мы можем улучшить ситуацию»^[339]. Однако Иден особенных усилий для налаживания отношений с итальянской стороной прилагать не спешил. Еще в начале Нионской конференции Чемберлен писал: «Я не слишком доволен Ф. О., у них, кажется мне, нет ни воображения, ни храбрости. Я должен сказать, что Э. И. (Энтони Иден. — М. Д.) очень хорошо принимает мои предложения, не ворчит, но это быстро заканчивается, когда он начинает обсуждать их снова и снова и иногда даже переписывает их для отправки. Я очень боюсь, что мы позволим англо-итальянским отношениям снизиться до того уровня, на каком они находились прежде, чем я вмешался. Ф. О. рассматривает Муссо только как своего рода Макиавелли, надевающего лживую маску дружбы, чтобы использовать ее для дальнейших низких устремлений. Если мы будем рассматривать его так, то мы с ним никогда ни до чего не доберемся. И мы должны будем заплатить за наше недоверие ужасающе дорогостоящей защитой (имеется в виду увеличение расходов на региональный флот. — М. Д.) к Средиземноморью»^[340].

Соглашение по урегулированию ситуации в Средиземном море было подписано без согласия Муссолини 14 сентября 1937 года, тем не менее позже Италия смягчилась и приняла участие в создании так называемых «антипиратских» патрулей. Дуче все еще лелеял мечту о признании его абиссинских завоеваний. Тем временем Иден уже был в Женеве на очередном заседании Лиги Наций, где сделал все, чтобы это признание не состоялось. Хотя и нельзя сказать, что ему это стоило больших усилий. 16 сентября 1937 года он торжественно телеграфировал в Лондон о том, что, возможно, синьор Муссолини будет пытаться получить поддержку в Берлине.

Но Муссолини все еще надеялся на сближение с западными демократиями. 22 сентября Италия пообещала французскому министру иностранных дел Дельбосу пресечь поток добровольцев в Испанию, но Иден уже в начале октября увидел, что обещание это нарушается с завидной периодичностью. В октябре итальянский министр иностранных дел Чиано и лично, и через Гранди зондировал почву для возможных даже не переговоров, а разговоров. Но глава Форин Оффиса предлагал ему встречу в Брюсселе в формате Лиги Наций, который был невозможен для Италии ввиду стойкого неприятия Лигой ее абиссинских завоеваний.

В ноябре в Лондон приехали французы, чтобы договариваться о том,

что делать с итальянским вопросом. Под их нажимом Чемберлен согласился, что признание Абиссинии де-юре может быть возможно только при полном согласии Лиги Наций. Этот ответ передали Чиано и Муссолини, которые были совершенно обескуражены. Итальянское общественное мнение, во всяком случае по их заявлениям, очень сильно зависело от этого признания, поэтому они так стремились его получить. Муссолини обрушивал гнев на «блеющие демократические страны», Иден обвинял итальянскую прессу в антибританской пропаганде. Этот вопрос волновал его более остальных, так как на тот момент «медийные» войны велись куда кровавее настоящих. Иден жестко ответил на эту речь Муссолини в британском парламенте, чем окончательно разбил надежды на какое-либо изменение в англо-итальянских отношениях. «Речь Энтони в п. о. (палате общин. — М. Д.) была большим личным триумфом для него, но содержала некоторые неудачные подходы, с моей точки зрения, и снова демонстрирует особенность сознания Ф. О., которую я часто замечал прежде. Они никогда не могут удержать в уме главные объекты внешней политики, в итоге создают преграды для себя же, пытаясь дать умные ответы на некоторые провокационные иностранные заявления. Муссолини был больше, чем обычно, высокомерен с его наступательными замечаниями о бляниях демократических государств и его возмутительным намеком на колонии. Но Энтони ни за что не должен был поддаваться этим провокациям и возражать так, чтобы толкнуть Германию и Италию на сближение, когда наша политика, абсолютно очевидно, должна пытаться разделить их»^[341].

В итоге в декабре 1937 года Италия вовсе вышла из Лиги Наций. Слабость Лиги как организации была уже очевидна, хотя Иден и считал Нионскую конференцию триумфом. Уже второе «диктаторское» государство покидало ее, лишая Лигу Наций какого-либо смысла существования в принципе. Чемберлен говорил: «Если Лига временно неспособна выполнить свои функции, чтобы достичь поставленной перед ней цели, к чему беспрестанно повторять, как попугаи, вот это «мы верим в Лигу»? <...> Я верил ей сам, я не верю ей теперь... <...> мы не должны вводить в заблуждение малочисленные слабые страны, что они могут получить защиту Лиги»^[342]. Для многих было очевидно, что идея коллективной безопасности уже нежизнеспособна вместе с Лигой Наций, но немногие это решались озвучить откровенно. Невилл Чемберлен решил «сорвать маску» с давно уже нуждающейся в реконструкции организации.

Но страдать он продолжал не только от зигзагов, которыми была испещрена внешнеполитическая картина, но и от подагры, мучаясь с опухающей ногой и подбором башмаков для нее: «...тройной осел, который в настоящее время известен как наш дворецкий, забыл инструкции, данные мной ему, и оставил мне странную обувь. Энни говорит, что у него нервы и он должен будет перенести операцию! Все в нашем доме страдают от нервов кроме премьер-министра. Но, конечно, он страдает тоже, только у него другие нервы, народные, а не его собственные»^[343].

Глава 5

ПЛАН «ЗЕТ»:

ВЕЛИКОЕ И ТРАГИЧЕСКОЕ УМИРОТВОРЕНИЕ

(КОНЕЦ 1937 — СЕРЕДИНА СЕНТЯБРЯ 1938)

Англосакс, без любого сомнения вообще, — самое доброжелательное существо в мире.

Невил Гендерсон^[344]

Проблема судетских немцев, которых в государстве Чехословакия, созданном Версальской системой, насчитывалось более трех миллионов, встала перед лицом Великобритании еще осенью 1936 года в образе Конрада Генлейна, их представителя, появившегося в Форин Оффисе. Министр иностранных дел Энтони Иден не увидел в рассказах о притеснении немцев чехами ничего особенного, хотя и сделал запрос в Прагу британскому посланнику. Более всего Идена интересовало положение французов, ведь они уже были связаны с Чехословакией договором, а Британская империя четко определила вектор развития своей политики как союзницы Франции.

Но Иден «сделал вывод, что проблема Судет не была такой, которую мы должны были решать или участвовать каким-то образом, кроме как предоставить общие рекомендации чехам и немцам»^[345]. В марте 1937 года он повторил это посланнику в Праге и выразил позицию, которой тот должен будет следовать перед лицом чехословацкого правительства: «Правительство Его Величества не готово взять на себя ответственность и вступать в переговоры с доктором Бенешем, чтобы договориться об урегулировании, условия которого оно не вполне знает и которое могло бы действительно повлечь за собой опасные или оскорбительные последствия»^[346]. К сожалению, история показала, что министр Иден в такой оценке ошибался, и именно судетские немцы станут камнем

преткновения и поставят мир перед угрозой новой войны уже в 1938 году. Тот же самый вывод — что проблема не стоит внимания британского правительства — Иден сделал и о ситуации в Австрии. Пока он сражался с итальянцами, политика Центральной Европы его не занимала.

Зато ею интересовался тогда еще министр финансов Невилл Чемберлен. В апреле 1936 года, после ремилитаризации Рейнской области, он был очень обеспокоен положением Германии, а заодно и всей Европы. И уже в том же апреле 1936 года он лоббировал возможность встречи своего личного представителя с руководством Третьего рейха: «Я волнуюсь о том, чтобы Галифакс посетил Берлин и установил связь с Гитлером как можно скорее»^[347]. Выбранный в качестве личного представителя лорд Галифакс относился к этой идее без особенного энтузиазма, но своему другу отказать не мог. Хотя возможности и повода для его визита пока никак не находилось. Не искал ее ни сам Галифакс, ни тем более Иден.

Последний был озабочен рокировкой в посольствах Берлина и Парижа. Сэр Эрик Фиппс, шурин Ванситтарта и такой же, как и его родственник, германофоб, к тому же ненавидимый Гитлером лично, рвался на «свою духовную родину» во Францию, устав от немцев. В январе 1937 года Иден удовлетворил эту его просьбу, начав подыскивать подходящего посла для Берлина. Отыскался на эту роль сэр Невил Гендерсон, в тот момент возглавлявший британское представительство в Буэнос-Айресе. Лично его Иден не знал, но имел о нем самые лучшие рекомендации.

Сам Гендерсон был до крайности удивлен, когда получил в январе от министра иностранных дел письмо с подобным предложением. Он тут же скромно выдвинул предположение о своем несоответствии этой должности, «самой важной во всей дипломатической службе»^[348]. Но Иден не считал и что Гендерсон не справится, и что пост в Берлине самый важный. Помимо других обстоятельств, посол Гендерсон, этот утонченный дипломат старой школы, служивший еще в дореволюционной России, был смертельно болен раком горла. И все же он принял эту должность, понимая, что его ждет «особая миссия» по восстановлению отношений с рейхом и сохранению мира. Поэтому в марте 1937 года он плыл в Европу на немецком лайнере, пытаясь наскоро восстановить язык, который когда-то знал, готовясь в Германии на дипломата и разговаривая со своей гувернанткой-немкой в детстве, но на котором не говорил уже 32 года.

Впечатление «особой миссии» усилил в Гендерсоне канцлер Казначейства Чемберлен, который и проводил с ним инструктаж: «Я должен был приложить все усилия, чтобы работать с Гитлером и

нацистской партией как существующим правительством Германии. В демократической Англии нацисты с их игнорированием личной свободы и преследованием религии, евреев и профсоюзов были естественно совсем непопулярны. Но они были германской властью, и посла не отправляют за границу, чтобы подвергать критике правительство, которое было избрано этой страной или которому страна подчинялась»^[349]. Взгляды Чемберлена и Гендерсона на то, что с рейхом можно и нужно сотрудничать, совпали практически полностью. Чемберлен подчеркнул, что Британия продолжает перевооружение, но что это вовсе не означает возможность для начала новой войны и искать нужно возможности в первую очередь для мирного урегулирования обостряющейся в Европе обстановки.

Противоположной точки зрения придерживался Энтони Иден, который в своих мемуарах горестно вспоминал: «Несколько раз за следующие девять месяцев я должен был предостеречь его (Гендерсона. — *М. Д.*) от привычки интерпретировать мои инструкции слишком дружественным по отношению к нацистам образом. Лорд Галифакс позже будет иметь такой же опыт, только еще более длительный, нежели терпел я»^[350]. И как здесь не вспомнить слова Чемберлена, приведенные в предыдущей главе, о людях, считающих себя пацифистами и делающих шаги, прямо ведущие к войне. Политика сотрудничества с нацистским правительством самим Гендерсоном считалась «инновационной». Он спросил разрешения у Чемберлена ее проводить, и тот свое согласие, безусловно, дал.

Невилл Чемберлен от нацистского руководства был далеко не в восторге. Лично он ни с кем из верхушки рейха знаком пока еще не был, дела он вел только с Риббентропом, которого назвал как-то «вредным занудой»^[351], но после даже сдавал ему свой дом на Итон-сквер. О Геринге он слышал любопытную историю, что его «езде сопровождает выглядящий очень злым маленький человечек, который неотступно следует за ним как тень. Когда о нем задали вопрос Герингу, тот ответил: «О, это — очень полезный маленький человечек, если я вижу кого-либо, кого я не люблю, я просто подмигиваю ему и нежелательный человек исчезает». <... > Я не знаю, верить ли этой истории, но нет многих людей, о которых она могла бы быть рассказана»^[352]. Более остальных ему не нравился доктор Геббельс, который агрессивно и неизменно вел антибританскую пропаганду. «Это кажется экстраординарным, что такой вульгарный приземленный невеликий ум в состоянии сохранять его высокое положение так долго и что эти зловещие напыщенные взгляды, которые он излагает (в своих речах. — *М. Д.*), находят горячий отзыв среди немцев»^[353].

Но не личные симпатии и антипатии должны формировать международные отношения, Чемберлен об этом помнил, поэтому и искал нормальных, рабочих отношений с рейхом. «Мне кажется, что в эти дни задача государственной деятельности состоит в том, чтобы найти способы и средства побудить правительства отложить их взаимные страхи и подозрения и дать волю стремлению, которое, я верю, является основой каждого из них — жить в мире с соседями и посвятить всю энергию и ресурсы к приближению счастья и процветанию людей»^[354], — говорил он в июле 1937 года, выступая в своем родном Бирмингеме.

Было ли все это ошибкой, однозначно сегодня ответить сложно. Бесспорно то, что, несмотря на все достигнутые впоследствии договоренности с Германией, Вторая мировая война все-таки началась. Но стремление к тому, чтобы сохранить мир в Европе, которое демонстрировали такие люди, как Невилл Чемберлен, приходящий в ужас от одной мысли, что «его люди» должны будут погибнуть в этой войне; или сэр Невилл Гендерсон, сам смертельно больной, но продолжающий тяжело работать, хотя и его начинало «тошнить от немцев», — все это, безусловно, заслуживает уважения.

Парадоксально, что тот же Иден или Галифакс, не говоря уже о Черчилле, которые сами воевали и видели все ужасы, которая несет война, так или иначе, но готовы были «если надо, повторить» весь тот кошмар, а невоевавшие Гендерсон и Чемберлен были категорически не готовы к подобному. Они жертвовали своими жизнями, но не спешили жертвовать чужими. Видевший бомбардировки и Бирмингема, и Лондона еще в Первую мировую войну, Чемберлен прекрасно отдавал себе отчет в том, насколько вторая может быть страшнее, учитывая стремительное развитие технического прогресса. Ему доставало воображения представить весь ее возможный ужас. «Войной ничего не выиграть, она ничего не вылечивает, ничего не заканчивает... <...> когда я думаю... <...> о 7 миллионах молодых людей, которые погибли, едва начав их жизни, и о 13 миллионах тех, кто был искалечен, об исковерканных судьбах матерей и отцов, я вижу, что в войне не бывает победителей, все — только проигравшие»^[355].

Гендерсон уехал в Германию 29 апреля 1937 года. Он пытался, как они и наметили с Чемберленом, войти в контакт с руководством Третьего рейха и доносить до него мысль, что Британская империя ни нацистскому руководству, ни Германии вовсе не враг. Его речи были полны дружелюбия по отношению к немцам, а также пропитаны сентиментальным антивоенным оттенком. Он, например, цитировал песню, популярную в

США во времена антивоенной кампании Вудро Вильсона: «Я не воспитывала своего сына, чтоб он был солдатом, я воспитала его, чтоб он был моей гордостью и радостью», рассчитывая на отклик в сердцах немецких женщин. Эту часть речи немецкие газеты вырезали, так как она не отвечала общей направленности. В Британии это, безусловно, вызывало достаточно критики, пресса называла Гендерсона «нашим нацистским послом в Берлине». Берлин же поначалу мало отвечал ему взаимностью и встречал посла весьма холодно.

Гендерсон по приказу Чемберлена пригласил в Лондон в июне 1937 года фон Нейрата, на тот момент возглавлявшего Вильгельмштрассе (рейхсминистерство иностранных дел), который поначалу приглашение принял, но после вынужден был отказаться от поездки. Чемберлен на этот визит рассчитывал, намереваясь лично с министром обсудить все волнующие вопросы, но обстоятельства сложились иначе: «Тем временем Нейрат, кажется, не собирается сюда этим летом, но я не оставляю надежду на встречу с ним позже. Если бы только мы могли найти условия для договоренностей с немцами, я бы не заботился об этих условиях для Муссо»^[356].

Хотя в принципе условия на тот момент были практически ясны — первое и главное: безопасность немцев, проживающих вне рейха, а отсюда вопрос в первую очередь с Австрией, после с Судетской областью Чехословакии, польским Данцигом и литовским Мемелем. Но появилось и новое — Германия заявляла свои права на возможность иметь колонии. И хотя Геринг напрямую говорил Гендерсону в октябре 1937 года, что вопрос этот не имеет решающего значения, а Гитлер повторял то же самое уже в марте 1938-го, именно колониальный вопрос всю разыгрывался и германской, и британской прессой.

Мысль о том, чтобы «сесть за стол переговоров с Гитлером с карандашом в руках, чтобы рассмотреть все его претензии», премьер-министр Чемберлен объяснял даже советскому послу Майскому^[357]. Почему премьер-министр не должен был видеть в рейхе полноценного международного партнера? Ужасы нацизма, которыми пугала всех британская пресса, мало чем отличались, например, от той же Абиссинии, в которой до завоевания ее Италией было даже узаконено рабство. Тем не менее Абиссиния была членом Лиги Наций и с ней также сотрудничали. Точно так же сотрудничали и с СССР, несмотря на всю антисоветскую пропаганду и идеологическое противостояние.

В сентябре 1937 года посол Гендерсон был на партийном съезде в Нюрнберге, где вновь поднял вопрос о том, что приглашение фон Нейрата в Лондон остается открытым и что британское правительство с удовольствием приняло бы его. Ему вновь было отказано, в частности, по причине антинацистской пропаганды в британской прессе, которая выводила из себя лично Адольфа Гитлера. Из всех нацистских руководителей только Герман Геринг, казалось, отвечал послу взаимной симпатией, а не холодностью.

Геринг же и выдвинул два основных условия, на которых мир с Германией мог бы быть достигнут. Первое — Германия признавала высшее положение Великобритании за границей и обязалась бы передавать все свои ресурсы в распоряжение Британской империи в случае необходимости. Второе — Великобритания признавала преобладающее континентальное положение Германии в Европе и обязалась бы не делать ничего, чтобы препятствовать ее законному расширению. Это было теорией развязанных рук для Германии в Центральной и Восточной Европе^[358]. План Геринга был до крайности смел, естественно, посол не имел полномочий давать согласие на подобное. И тут, наконец, подвернулся случай, чтобы личные контакты с нацистскими руководителями установил лорд Галифакс, по давней задумке Чемберлена.

В ноябре в Берлине проводилась всемирная охотничья выставка. Для британской секции Гендерсон лично выбивал у правительства средства, так как Британия поначалу в ней вовсе не планировала участвовать, но после согласилась. Галифакс получил приглашение принять участие в этом мероприятии в качестве магистра по лисьей охоте, коим он официально и являлся. В Кабинете на тот момент Галифакс имел кресло лорда-председателя; получив приглашение, «Эдвард был очень удивлен и послал приглашение Энтони... <...> выражая желание отнестись к этому с большой серьезностью. Таким образом у него был разговор с Энтони и Ваном (Ванситтартом. — М. Д.), первый сказал, что был бы «весьма счастлив», если бы он поехал, в то время как второй настаивал, что ездить не надо, поскольку, конечно, начались бы щекотливые вопросы. Когда Эдвард сказал мне про все это, я был несколько растерян. Я искал другую возможность, которая будет нам предоставлена. Я назначил встречу с Эдвардом и Энтони, и теперь официально зафиксировано, что Э. поедет в 10-х числах следующего месяца»^[359].

Первоначальная растерянность Чемберлена сменилась уверенностью, что работать надо и с этой возможностью. Иден, вопреки расхожему

мнению, был в курсе этой поездки с самого начала. Миф о том, что все это происходило за его спиной, активно развивал Уинстон Черчилль^[360], тем не менее это было неправдой. Скорее, Иден и Галифакс изначально это обсуждали за спиной премьер-министра Чемберлена. Иден, который, более того, инструктировал и Галифакса, и Гендерсона, прибывшего в Лондон, что надо дать Гитлеру понять — его вмешательство в дела Австрии и Чехословакии будет расценено однозначно отрицательно Британской империей, казалось, тоже особенно этому не противился. Противился этому, и, как выяснилось, делал правильно, уже сам Гитлер. У него было «внедренное отвращение к частным контактам с дипломатами, которым он не доверял как классу»^[361]. К тому же он не любил охоту, поэтому выставку посещать не хотел, а соответственно и встречаться с Галифаксом в Берлине тоже. Но все же личный разговор их был необходим, поэтому немцы и британцы условились о том, что лорд Галифакс посетит Бергхоф, резиденцию Гитлера в Берхтесгадене.

Тут запротестовал уже Иден, потому что это превращало частный визит и «случайную» возможную встречу Гитлера и Галифакса в визит официальный с той подоплекой, что Британия ищет встречи с германским канцлером. К тому же все это еще просочилось в прессу, и хотя в официальном заявлении Форин Оффиса было подчеркнуто, что это будет частный визит частного лица, шумиха вокруг предстоящей поездки была немалая. Заволновались французы, но Иден успокоил их, что никакой смены вектора в британской политике ждать не следует, и заверил их в том, что отношения с Францией остаются такими же сердечными. Сам министр иностранных дел простудился и заболел, но в таком состоянии все-таки дошел до Даунинг-стрит, 10, где нашел Чемберлена и Галифакса, обсуждающих сообщения прессы о предстоящем визите. Недовольный тем, что что-то обсуждают без него, Иден стал спорить с премьер-министром, и в итоге тот послал его домой пить аспирин и лечиться.

Спокоен в этой нервной обстановке оставался только сам непосредственный участник предстоящих переговоров лорд Галифакс: «Я не могу притвориться, что был когда-либо очень жизнерадостен по поводу результата этого приключения. Но, оглядываясь назад, я не думаю, что сделал что-то плохое, и я, конечно, рад был иметь случай увидеть лично такое бесспорное явление, каким был Гитлер»^[362]. На выставке в Берлине лорд Галифакс, безусловно, стал главным экспонатом. Возвышаясь над собравшейся толпой приветствовавших его немцев (а Галифакс был очень высокого роста в 6,5 фута или 1,96 метра), он производил приятное

впечатление, вселяя надежду на дружбу с Британией. Обедая с четой фон Нейрат, Галифакс вновь пригласил министра иностранных дел посетить Лондон, чтобы перевести переговоры двух правительств на новый уровень. Иными словами, до непосредственной встречи Галифакса и Гитлера все шло очень хорошо. И премьер-министр, оставшийся на острове, также был полон оптимизма. Он встречался с Болдуином, который пребывал на почетном отдыхе: «С. Б. сказал мне в Хетфилде, «это будет замечательно для вас, если вы можете восстановить европейский мир. У меня не хватило энергии, чтобы сделать это за два мои последние года». Я ответил, что будет замечательно, если европейский мир будет обеспечен, и неважно, кто сделает это»^[363].

В тот же самый момент весьма своеобразно сделать это, то есть восстановить европейский мир, пытался лорд Галифакс, который вечером 19 ноября 1937 года добрался до резиденции Адольфа Гитлера. «Снег лежал на земле, но дорожка и крутые ступени к дому были подметены. Когда я выглянул из окна автомобиля, на уровне глаз я увидел посреди этого подметенного пути пару ног в черных брюках, оканчивающихся лакированными ботинками. Я предположил, что это лакей, который спустился, чтобы помочь мне выйти из автомобиля, но почему-то не торопился вытащить меня, когда я услышал фон Нейрата или кого-то еще, хрипло шептавшего мне на ухо: «Der Fuhrer, der Fuhrer»; тогда меня осенило, что ноги принадлежали не лакею, а Гитлеру. И выше брюки переходили в пиджак цвета хаки с повязкой свастики. Он вежливо приветствовал меня и провел к дому»^[364]. По дороге Галифакс, естественно, рассказал фюреру, как ошибся, приняв его за нерасторопного лакея, весело и дружелюбно смеясь. Фюрер ограничился кислой улыбкой в ответ на это, многообещающее начало встречи было положено.

Собственно, в таком же комичном ракурсе она и проходила далее. Галифакс, как бывший вице-король Индии, жаловался на Ганди, Гитлер без тени усмешки советовал расстрелять того, а заодно и нескольких членов ИНК^[365]. Фюрер жаловался на демократические страны, так как любые усилия по достижению понимания между ними и рейхом их парламенты и пресса могут сделать невозможными. Галифакс в ответ на это сказал, что зря тогда тащился в такую даль, так как менять политический строй Британская империя точно не намерена. Отбросив шуточные темы, они все-таки смогли прийти к кое-какому результату. Общими тезисами было то, что Германии от Британской империи нужны колонии, разговор о которых мог быть отложен на долгосрочную перспективу, но в итоге он

должен был состояться.

В краткосрочной перспективе Гитлер не видел невозможного для создания «соглашения четырех» (Германии, Италии, Франции и Британии), но в первую очередь его интересовали отказ от «Версальского менталитета» (во всех значениях, в том числе и в пересмотре территориальном) и признание Германии великой державой. Галифакс заявил, что все изменения в Европе должны быть осуществлены «только в ходе мирной эволюции», но возможно, что Гитлер по-своему трактовал это определение. В продолжении всей встречи Галифакса не покидало ощущение (сложившееся не только из-за разных языков и общения через переводчика герра Шмидта), что он говорит с человеком совершенно другой формации. Равно как несколько лет назад он беседовал с Ганди, выпустив его в итоге из тюрьмы, так теперь он разговаривал и с Гитлером — как «с человеком с другой планеты». На следующий день он гостил в Карин-халле у Геринга, с которым нашел общий язык быстрее. Может быть, ввиду куда большей приветливости маршала, может быть, ввиду того, что сам Геринг симпатизировал идее налаживания англо-германских отношений.

А еще через день он завтракал с доктором Геббельсом: «Я ожидал, что он мне сильно не понравится, но стыжусь сказать, это было не так»^[366]. Они говорили о прессе; в частности, Геббельс указывал на образцовое поведение германских СМИ в дни отречения короля Эдуарда VIII, в то время как британская пресса не оставляет «бесстыдную моду» нападать на фюрера. Галифакс заявил, что фюрер — фигура спорная, а Эдуард VIII — конституционный монарх. Так или иначе, действительно британская пресса остро ранила Гитлера, но все попытки немцев донести это до сознания англичан оканчивались неудачей. И даже премьер-министр, сам регулярно от британской прессы страдающий, в том числе и от самой лояльной «Таймс», которая, бывало, извинялась перед ним дважды за день за допущенные неточности и искажение информации, ничего не мог бы с нею сделать, если бы захотел. Парадоксально то, что два, мягко говоря, недолголюбивающих друг друга человека, практически никогда не сходявшиеся во мнении, — посол Гендерсон и Иоахим фон Риббентроп — впоследствии именно британскую прессу винили в ухудшении отношений между их странами^[367].

Итоги визита лорда Галифакса не понравились Энтони Идену, который уже давно считал, что его ущемляют в Форин Оффисе, а этот визит теперь

уже рассматривал, как попытку и вовсе ослабить его влияние. Оптимистично были настроены только Гендерсон («это слишком человеческое чувство: хвататься за соломинку») и Чемберлен. Последнего вообще мало что могло расстроить. «Умеренный оптимизм», который внушала ему полученная основа для будущей тяжелой работы, был его неизменным спутником: «Немецкий визит был, с моей точки зрения, большим успехом, потому что это дало начальную точку к созданию атмосферы, в которой было бы возможно обсудить с Германией практические вопросы о европейской структуре положения. <...> То, чего я хотел, — чтобы Г. (Галифакс. — М. Д.) убедил Гитлера в нашей искренности и установил, какие цели тот себе наметил, — я думаю, было выполнено. <...> Короче говоря, я вижу достаточно ясно линии, по которым мы должны двигаться, но время, которое понадобится для удовлетворительных выводов, будет долгим, и мы должны ожидать временных неудач. Все равно препятствия не выглядят непреодолимыми, особенно если пресса и палата воздержатся от издевательств над нами. Между тем атмосфера в Берлине решительно более ясна, и даже Геббельс обещал быть хорошим мальчиком в будущем»^[368].

Премьер-министр Чемберлен уловил главное: немцы не исключают возможности заключения «соглашения четырех», что вполне отвечало его давней идее о создании «международной полиции». Правда, в изначальном варианте 1934 года он планировал включить в этот договор еще и Чехословакию и Польшу, но настроения (особенно германские в первую очередь) конца 1937 года уже говорили о том, что вряд ли бы это было возможным. Хотя та же Польша в 1934 году заключила соглашение с рейхом сроком на десять лет^[369], так что за нее можно было не волноваться, а Чехословакия была связана договорами с Францией и СССР.

С французами же и решил теперь проконсультироваться Чемберлен, вызвав в Лондон Шотана, нового премьер-министра, и месье Дельбоса, министра иностранных дел. Дела во Франции обстояли неважно. По воспоминаниям Бонне, еще в октябре Чемберлен говорил с Шотаном с глазу на глаз. «Хочу с вами поговорить о французской авиации, — сказал британский премьер. — Вся информация, которая поступает в Лондон, приводит нас к выводу, что она находится в плачевном состоянии. Знаем мы и о том, что Германия создала великолепную военную авиацию. В Англии мы приняли большую программу создания военной авиации, выполнение которой займет от двух до трех лет. У вас во Франции нет современных самолетов и вы еще не готовы к их серийному производству.

Это очень опасно для вашей страны. Я немного стесняюсь говорить с вами об этом, потому что знаю, что это интересует прежде всего Францию. По этой причине я захотел затронуть этот вопрос вне официальных переговоров. Уверен, вы поймете, что мои слова продиктованы духом дружбы»^[370]. Сокращение рабочей недели до сорокачасовой по требованиям профсоюзов привело к сокращению французского производства самолетов до пятидесяти в месяц, тогда как рейх производил 300, все это только нагнетало обстановку.

Новые англо-французские переговоры проходили 29–30 ноября 1937 года. В самых сердечных выражениях Чемберлен заверил французов, что Британская империя была и остается их неизменным союзником, хотя о назревавшем чехословацком вопросе предупредил, что Британия не одобрила бы военное вмешательство Франции в германо-чехословацкий конфликт. Все вопросы в Европе должны были решаться путем мирного урегулирования, плебисцитов и т. п. — таковой была основная линия британского правительства, выраженная Чемберленом. Сам он давал высокую оценку этим переговорам, ему очень нравился «маленький, быстрый и остроумный» Шотан. По итогам было впервые озвучено, что Британия и Франция согласны рассматривать колониальный вопрос, если это будет необходимо в целях общего урегулирования международного положения. Заявление было, прямо скажем, смелое.

Главное же опасение французов все же состояло не в том, что Британия за счет их колоний хочет договориться с рейхом, а в том, что она заключит одностороннее соглашение с Италией. Опасался этого и Иден, Чемберлен же, напротив, очень хотел уладить дела с Муссолини, который уже присоединился к Антикоминтерновскому пакту и вышел из Лиги Наций. Более того, Чемберлен знал, что если кто-то и сможет договориться с дуче, то только он. Ждать от министра иностранных дел, который испытывал к Муссолини личную неприязнь, положительных шагов в итальянском направлении не приходилось. «Я говорил с принцессой Марией Луизой^[371] после банкета во Дворце во вторник, и она сообщила о разговоре, который только что имела с графом Гранди, он сказал ей: «Вы знаете, ваш премьер-министр внушает самую большую уверенность в Италии. И не в одной только Италии. Везде, куда я иду, я слышу, что вся Европа смотрит на него как на единственного человека, который может вытащить всех из наших проблем»»^[372]. Итак, премьер-министра называли груздем, теперь предстояло лезть в итальянский кузовок.

Опять-таки вопреки мнению, что все это коварно проделывалось за

спиной министра иностранных дел, Чемберлен еще до Рождества 1937 года говорил с Иденом о необходимости решения проблемы с итальянцами. «Я сказал Э. (Энтони. — М. Д.), что боялся, как бы мы не оказались в тупике, если будем придерживаться той линии, что не можем открыть переговоры, пока Лига не дала нам разрешения»^[373]. До того же Рождества премьер-министр, с абсолютного согласия Идена, учредил пост главного дипломатического советника. Этот пост, как заметил в мемуарах Иден^[374], был сродни посту главного индустриального советника, который занимал сэр Хорас Уилсон, к которому министр иностранных дел также имел неприязненное отношение. Главным дипломатическим советником стал Роберт Ванситтарт, покинув пост заместителя главы Форин Оффиса к большому удовольствию Чемберлена. Премьер не без оснований полагал, что «Ван» своей франкофилией и яркой германо-и италофобией сбивает Идена с толку, тем более что для этого многих усилий не требовалось. Заместителем же министра иностранных дел стал сэр Александр Кэдоган: «Я думаю, что это изменение будет иметь большое значение в Ф. О. и что, когда Энтони может работать над своими идеями с нормальным думающим человеком, таким как Кэдоган, он будет намного более надежен»^[375].

Обсудив все дела, Иден уехал отдыхать на Ривьеру, где замечательно проводил время с Уинстоном Черчиллем и Дэвидом Ллойд Джорджем, оставив главным в Форин Оффисе премьер-министра. Тот проводил время с Галифаксом, обдумывая сближение с Италией. По-прежнему все упиралось в признание итальянского завоевания Абиссинии де-юре, которого было не сделать в обход Лиги Наций, а Лига, в свою очередь, не спешила его выдавать, тем более что Муссолини уже ее покинул. Чемберлен говорил: «Мы должны приблизиться к решению вопроса общего умиротворения, в которое каждый должен сделать свой вклад, в том числе и <признанием> де-юре той земли»^[376]. Вторым камнем преткновения была антибританская пропаганда, которую активно вели итальянские СМИ, что особенно раздражало Идена, почему он и не хотел предпринимать никаких усилий для переговоров между ними, пока эти выходки итальянской прессы не прекратятся.

Галифакс, во всяком случае по впечатлению премьер-министра, был согласен с Чемберленом насчет ситуации в Италии: «Переговоры должны начаться, и когда это произойдет, вопрос пропаганды будет решен сам собой»^[377].

Зная, что министр иностранных дел, несмотря на все прямые просьбы премьера сделать какие-то шаги в этом направлении, вряд ли сдвинется с

места, Чемберлен придумал следующий ход. Вдова его старшего брата Остина, Айви, была в прекрасных отношениях с Муссолини еще со времен Локарно, подолгу проживала в Италии и знала всю фашистскую верхушку, более того, пользовалась ее расположением. Именно ее Чемберлен и решил отправить в Рим, чтобы сигнализировать о своей личной лояльности дуче. Он очень спешил наладить отношения с Италией, так как чувствовал, что вскоре будет уже совсем поздно. Леди Айви была проинструктирована Чемберленом и прибыла в Рим, где виделась с Муссолини и его окружением. Наблюдения ее были следующими: немцы были очень непопулярны, Чиано пытался заблокировать каждый канал доступа информации к дуче кроме его собственного, итальянцы упрямо полагали, что британская неприязнь к их пропаганде была простым предлогом для откладывания переговоров, а Гитлер должен был посетить Рим в мае, и было бы мудро успеть договориться с «Муссо» перед его визитом. Все это полностью оправдывало впечатления премьер-министра от текущей ситуации. Но здесь в ход событий внезапно вмешался президент США Франклин Делано Рузвельт.

12 января 1938 года в Форин Оффис поступили телеграммы от британского посла в Вашингтоне. Содержание их было следующим: президент Рузвельт и Соединенные Штаты, которые хотя и не являлись членом Лиги Наций, но были обеспокоены ситуацией в Европе и тем, что демократические государства теряют свое влияние. С этой целью Рузвельт предлагал свои услуги и услуги своей страны по решению возникших проблем, насколько позволит американское общественное мнение. Что само по себе было странным заявлением, ведь общественное мнение США всегда склонялось в пользу изоляционизма, и сам Рузвельт неоднократно подчеркивал то, что никакого вмешательства в европейские дела и тем более войны в своей стране не допустит. В основном речь шла о проекте некоей всемирной конференции, которая ссылалась бы на Версальскую систему, хотя и допускала бы определенные уступки по ней.

Помимо прочего Рузвельт предлагал, чтобы Вашингтон детально информировали о тех переговорах, которые будет вести британское правительство в Европе. Президент Рузвельт писал, что если бы он получил гарантию от премьер-министра не позднее 17 января о «сердечном одобрении и искренней поддержке правительства Его Величества», он тогда предупредил бы правительства Франции, Германии и Италии конфиденциально об общих линиях его плана, сообщив им, что он делает это с согласия Великобритании. Чемберлен находился в Чекерсе, когда это

сообщение поступило в Форин Оффис. Иден был срочно вызван из Франции, но смог добраться до Лондона только 16 января. Поспешив в Форин Оффис, он обнаружил, что премьер-министр, не дождавшись его, уже направил свой вежливый отказ американской стороне. Более того, Чемберлен в телеграмме Рузвельту изложил свое четкое видение ситуации и даже краткий план ближайших действий, в частности, упомянул о возможности де-юре признать завоевания Абиссинии.

Самнер Уэллс, представитель президента Рузвельта, ответил, что его как из душа окатило, и очень сожалел, что Рузвельт решил для начала заручиться поддержкой премьер-министра, а не отправил такие предложения всем другим правительствам. Действительно, почему бы президенту Рузвельту было не поступить именно так? Всемирная конференция, конечно, дело хорошее, но недавний пример конференции в Нионе показал, что не все, даже изначально давшие согласие на участие в ней страны, во-первых, на конференцию придут; во-вторых, примут ее решения, и если бы основой была Версальская система, Германию можно было вычеркивать сразу. Чемберлен готовился начать переговоры с Италией и рейхом, и подобные предложения Рузвельта могли ему только помешать.

Фактически перед премьер-министром тогда стоял выбор: или сразу самому отказаться от идеи нормализации отношений с европейскими государствами и уповать на очень призрачную возможность урегулирования ситуации с помощью США (которые к тому же жаждали еще и подробностей всех его внутриевропейских переговоров), или разочаровать президента Рузвельта, если тот действительно имел самые возвышенные стремления для поддержания мира, в чем у премьер-министра также были обоснованные сомнения. Чемберлен выбрал второе, что категорически не понравилось Идену, который, отдыхая во Франции, выслушивал от Черчилля и Ллойд Джорджа, что держать равнение надо на Соединенные Штаты. Это, конечно, внесло самый существенный раскол между Чемберленом и его обиженным министром. Действительно, в этот раз премьер не советовался и не обсуждал ситуацию с Иденом, но Рузвельт ждал до 17 января, а Иден прибыл только 16-го, следовательно, времени для обсуждений просто не оставалось. Так или иначе, выбор Чемберленом был сделан.

В результате всего у Идена начала развиваться легкая форма паранойи. И хотя сам он подчеркивал то, что это было фактически первое и единственное серьезное расхождение с премьер-министром, он чувствовал себя обиженным, и обиженным намеренно: «У меня была другая

озабоченность. Было трудно избежать заключения, что премьер-министр сознательно отказался информировать меня, ощутив, что я не соглашусь с ним. Только за несколько недель до этого у нас был разговор об англо-американских отношениях, и он хорошо знал, какое значение я придавал им. Чемберлену инициатива Рузвельта казалась наивной и неясной»^[378]. Рузвельт тем временем ответил и сам лично, и через Самнера Уэллса, что признание завоевания Абиссинии было бы неверным шагом и что договоренности с Италией на подобной основе — самый настоящий шантаж. Чемберлена подобные рассуждения не останавливали, он и так думал, что время уже почти упущено, но не мог не пытаться что-то сделать. Зато такие рассуждения американского президента подхлестнули уверенность в том, что англо-итальянские переговоры — дурная затея министра Идена, который и без того сделал все, чтобы их максимально затянуть.

Вдобавок ко всему, он был очень зол на Чемберлена за то, что тот сносился с Муссолини при помощи своей невестки, все это укрепляло в Идене уверенность, что его роль, как министра иностранных дел, теперь минимальна и что премьер действует за его спиной. Чемберлен же считал, что Иден нуждается в правильном руководстве: «Я действительно рад, что С. Б. со всеми его достоинствами в эти дни не является премьер-министром, Энтони в самом деле нужны поддержка и руководство, но идущие не от Ф. О.»^[379]. Однако при том, что максимальная поддержка Идену была оказана, в вопросе англо-итальянских переговоров он так ничего и не предпринял, используя предлог антибританской пропаганды.

19 января 1938 года в Форин Оффис явился граф Гранди, итальянский посол, который просил Идена о личной встрече с Чемберленом, надеясь ускорить возможные будущие переговоры между двумя их странами. Иден приказал целой комиссии во главе с Томасом Инскипом заняться исследованием базы для подготовки переговоров, он тянул время в надежде переубедить Кабинет во главе с Чемберленом принять предложения Рузвельта.

Однако Кабинет был непреклонен, и премьер-министр, и все старшие министры — Галифакс, Хор, Саймон, тот же Инскип — не желали иллюзий, а желали реальных договоренностей с Италией, но время между тем уже уходило. Иден же не желал давать Италии признание Абиссинии, так как это не поддерживал президент Рузвельт. Перетянув на свою сторону молодого МакДональда, сына Рэмзи Малкольма, который в правительстве

был министром по делам доминионов, а также Даффа Купера, с которым у премьер-министра уже были своеобразные отношения (тот рискнул без совета с кем-либо объявить в палате общин, что Британия займется блокадой Японии ввиду ее агрессивной политики в Маньчжурии, после чего Чемберлен направил ему разгромное письмо, отчитывая, как провинившегося школьника), он создал своего рода оппозицию «старикам» в Кабинете.

Все, чего Идену удалось добиться от премьера, это нескольких телеграмм Рузвельту, что тот горячо приветствует его инициативу, но настаивает на немедленной нормализации отношений с Италией и просит господина президента использовать свое влияние, чтобы осуществить признание завоевания Абиссинии. Рузвельта, казалось, эти ответы устроили. Иден с легкостью отказался от своего амбициозного плана и решил ждать, что же будет предпринимать Чемберлен самостоятельно. С этим Иден уехал в Женеву, возвратившись оттуда в конце января и найдя новый предлог для того, чтобы оттянуть переговоры с Италией, тем более что предлог с июля лежал на поверхности и назывался Испанией. Пиратские вылазки в Средиземном море снова участились, что было для Идена поводом обвинить в этом Муссолини.

Граф Гранди 4 февраля принес в Форин Оффис письмо от фашистского правительства, в котором оно обязалось восстановить итальянские патрули в Средиземноморье, поскольку тоже было обеспокоено пиратами. Из этого Иден сделал превосходный вывод, что Италия ослабела, раз идет на такие уступки. В логике министру иностранных дел, безусловно, было не отказать. Сам он часто обвинял Муссолини именно в том, что одной из дурных черт его характера было то, что уступки и стремление договариваться он принимал за слабость.

Теперь тем же занимался и сам Энтони Иден. Гранди уже напрямую говорил ему, что его с удовольствием увидят в Риме, что персональные переговоры между ним и графом Чиано будут куда предпочтительнее. Премьер-министр попросил назначить для него личную встречу с Гранди, но Иден предпочел выговаривать уже ему за то, что леди Айви Чемберлен продолжала свою «подрывную деятельность»: «Это создает в уме Муссолини впечатление, что он может разделить нас, и он теперь не будет обращать внимания на то, что я должен сказать Гранди. Независимо от того, что Чиано сообщит через Гранди, Муссолини скажет: «Я знаю, что премьер-министр полон решимости начать переговоры в феврале, поэтому не обращайтесь ни на какие условия, которые Иден будет пытаться выдвинуть»»^[380]. Можно только позавидовать терпению премьер-

министра, который еще и послушался Идена, вместо того чтобы немедленно начать действовать самостоятельно. Но он доверял своему министру иностранных дел и не хотел его ставить в неловкое положение, говоря с Гранди лично, а не через Форин Оффис, что уже напрямую вызвало бы оглушительный протест и отставку Идена. Хотя терпение Чемберлена и было на исходе.

Вместе с тем он не забывал и о немцах. После визита Галифакса Геринг спрашивал у Гендерсона о серьезности намерений Великобритании, казалось, что магистр по лисьей охоте особенного впечатления на рейх не произвел. Это было известно Чемберлену, который в конце января вызвал из Берлина Гендерсона для инструкций: «К счастью, у меня недавно было «озарение» на предмет немецких переговоров. Идея была принята быстро и даже с энтузиазмом всеми, кому я рассказывал о ней, и мы послали за Гендерсоном, чтобы он прилетел и обсудил все с нами. Он должен быть в Лондоне сегодня вечером. Также я думаю, что стал намного ближе к итальянским переговорам с надеждой начать их в следующем месяце»^[381].

К сожалению, в этот период времени сестры Чемберлена находились за границей, и он не рисковал доверять переписке все свои мысли, как делал это раньше. «Озарение» же состояло в том, чтобы просить Гендерсона искать личной встречи с Гитлером и убеждать его в серьезности британских намерений относительно рейха. Гендерсону было поручено объявить Адольфу Гитлеру, что британское правительство готово обсуждать все нерешенные вопросы между двумя странами, в том числе вопрос колониальный, а также общего европейского урегулирования. Ввиду непростой обстановки на тот период в самой Германии посол Гендерсон, вернувшийся в Берлин 4 февраля 1938 года, сразу не смог получить аудиенцию у фюрера, их встреча была назначена только на 3 марта. И кто знает, имели бы дальнейшие события такой ход, если бы посол и Гитлер увиделись раньше.

Тем временем в рейхе происходили свои перестановки, 4 февраля министром иностранных дел стал Иоахим фон Риббентроп^[382], бывший до этого момента послом в Лондоне. У Чемберлена отношения с ним складывались не так чтобы замечательно, но и не так чтобы они катастрофически не сходились. Его же приход на Вильгельмштрассе у премьер-министра вызывал опасения: «С Риббентропом в его должности я чувствую, что все будет снова неустойчиво. Он всегда выражал самое сильное желание прийти к пониманию с нами, но его действия никогда, казалось, не были вполне в соответствии с этим его стремлением»^[383].

12 февраля 1938 года в Берхтесгаден был вызван австрийский канцлер Шушниг, которого Гитлер «зверски запугал», по выражению Чемберлена, и передал ультиматум об освобождении всех политических заключенных и назначении Артура Зейсс-Инкварт (сочувствующего рейху) министром внутренних дел Австрии. «В этом случае Муссолини не оказал ему поддержки. Очень скоро после этого Чиано сказал Перту (британскому послу в Риме. — М. Д.), что приказал Гранди требовать раннего начала переговоров ввиду «возможных будущих инцидентов»»^[384], — записывал Чемберлен в дневнике. Действительно, судьба Австрии уже казалась решенной. В том, что «инциденты» в будущем еще обязательно будут, Невилл Чемберлен не сомневался, поэтому на переговорах с Италией продолжал настаивать.

В частности, он еще раз попросил Идена организовать ему личную встречу с Гранди, чтобы обсудить все вопросы непосредственно с послом. 16 февраля Иден опять-таки предлагал подождать еще несколько дней, хотя Форин Оффис был осведомлен о том давлении, которое оказывалось на Австрию в эти дни. Тут уже Чемберлен не выдержал и все-таки настоял на своем. Идену наконец пришлось подчиниться: «Я сожалел об этом, поскольку я полагал, что мой метод поддержания деловых отношений с Гранди более вероятно приведет к результатам, чем очень взволнованное вмешательство номер 10 (речь о Даунинг-стрит, 10, резиденции премьер-министра. — М. Д.)»^[385]. Наконец 18 февраля 1938 года посол Италии граф Гранди предстал перед премьером и министром иностранных дел.

Согласно отчету Форин Оффиса, написанному Иденом и одобренному Чемберленом, встреча проходила так: премьер-министр начал ее, подчеркнув относительно тревожную международную ситуацию в связи с событиями в Австрии и их развитием. Гранди сожалел о том, что произошло в этой стране, но уверил премьер-министра, что никакой правды нет в заявлениях о том, будто было некое соглашение между Германией и Италией в этом вопросе. Он признал, однако, что Италия ожидала, что это произойдет. Гранди думал, что Муссолини сделал очень многое, чтобы «сохранить целостность Австрии» в течение прошлых трех лет. Когда Чемберлен предположил, что не всё еще потеряно в Австрии, посол ответил: возможно, мы находимся только в конце третьего акта из четырех. Далее Гранди сетовал на крушение фронта Стрезы и последующее ухудшение англо-итальянских отношений, говорил, что постсанкционный период был хуже, чем сам период санкций. Он

жаловался, что «счастливые две недели» после письма премьер-министра Муссолини были «омрачены событиями в Средиземноморье».

Чемберлен обратил внимание Гранди на замечание Чиано о скорейшем начале переговоров ввиду возможности будущих инцидентов. Гранди объяснил, что с точки зрения его правительства переговоры должны включать все вопросы, чтобы обе страны могли обсудить любой предмет, какой пожелают. Иден до сих пор не произносил ни слова, но тут решил вмешаться и спросил Гранди: как открытие переговоров может повлиять на отношение итальянцев к Австрии? Граф Гранди парировал, что ему трудно ответить на этот вопрос, кроме как заметить, что это придаст его людям храбрости, а после добавил, что не получил инструкций обсуждать австрийский вопрос. Иден вновь перешел к испанской проблеме, которая продолжала тяготить международные отношения. В итоге Чемберлен просил графа прибыть на следующий день, чтобы продолжить переговоры, так как ему необходимо поговорить со своим министром.

Премьер-министр был полон решимости уже завтра объявить итальянскому послу, что Британская империя согласна начать переговоры и провести их в Риме. Иден против этого категорически возражал, так как ему не понравились ответы Гранди и вообще вся идея переговоров. Было принято решение созвать Кабинет и коллегиально определить, что делать дальше. Помимо прочего, Иден вновь впал в паранойю и подумал, что Чемберлен уже обо всем договорился с Гранди за его спиной с помощью какого-то невидимого тайного агента, якобы ожидавшего посла в такси у Даунинг-стрит, 10. Так что сэр Джон Саймон волновался по поводу физического и психического здоровья министра иностранных дел не зря, беседуя с чиновником Форин Оффиса, — это не было таким уж преувеличением или попыткой выставить Идена в дурном свете. Это было искренней тревогой о том, что Иден делает и с собой, и со страной, и с миром, и, в конце концов, с премьер-министром, который теперь был поставлен в крайне неудобное положение, кардинально разойдясь во взглядах на предстоящие дела с главой Форин Оффиса.

Вообще «умиротворить» Идена в те дни пытались многие, тот же Саймон, который относился к нему с большой симпатией, просил его еще раз подумать над тем, что сказал ему премьер-министр. Кэдоган, его новый заместитель, также советовал от переговоров не отказываться, а сделать акцент на испанском вопросе. Но министра иностранных дел теперь уже было не унять, он решил поставить перед Кабинетом вопрос ребром: либо члены Кабинета поступают так, как хочет он, либо он уходит в отставку. Кроме как инфантильным такое поведение назвать, конечно, нельзя,

учитывая, какое наследие Иден оставлял тому же Кабинету, но теперь его не волновало ничего, кроме желания, чтобы все приняли его точку зрения, продиктованную личной неприязнью к Муссолини. Особенно забавно выглядело то, что позже Энтони Иден оказался в числе многих, обвиняющих премьер-министра Чемберлена в феноменальном упрямстве.

Кончилось все еще хуже, чем начиналось. Кабинет заседал два дня с перерывами, Идена пытались уговорить остаться в правительстве все, от премьера до младших министров. Галифакс сидел с ним в Форин Оффисе «в довольно беспокойной атмосфере виски с содовой и сигарет»^[386], также отговаривая его уходить в отставку. Перед финальным заседанием 19 февраля 1938 года Чемберлен сказал Идену, что итальянцы приняли решение о выводе волонтеров из Испании перед открытием переговоров. В ответ на что Иден вспылил — «пока еще министру иностранных дел» об этом не сообщили и опять-таки действовали за его спиной. В итоге становилось очевидным, что с Иденом, в отличие от Муссолини, договориться уже невозможно.

И премьер-министр, несмотря на то, что правительственный кризис будет означать головную боль в палате общин и ослабит в принципе позиции Великобритании, отставку Идена принял. «Не мог написать в течение прошлых одиозных выходных. <...> Я понятия не имел до 18-го числа, что все дойдет до разрыва, но после повторных усилий Ф. О. предотвратить переговоры и мою встречу с Гранди я знал, что настало время, когда я должен проявить свою окончательную твердость, и что Энтони должен уступить или уйти. Очень много людей все еще говорят, что не понимают, почему он ушел в отставку. За это он сам ответствен, поскольку я сомневаюсь, понял ли он вообще, что проблемы между нами не было, проблема была в том, должны ли начаться переговоры теперь или должны ли они начинаться вообще. Я постепенно прихожу к выводу, что Энтони в принципе не хотел говорить ни с Гитлером, ни с Муссолини <...>. Теперь, когда все закончилось, и Кабинет, и палата общин, и страна сплотились. <...> Есть много проблем впереди, но я чувствую, как будто огромный груз упал с моей души»^[387].

Иден также чувствовал облегчение, что с него сняли ответственность за международное положение, и мог наблюдать с задней скамьи в палате, как мир скатывается в бездну новой мировой войны. Раздувала конфликт между премьером и его экс-министром пресса, причем что британская, что, например, французская. «Для французских беллицистов уход Идена приобрел катастрофические масштабы», — отметил позже публицист

Жорж Шампо. Внук Карла Маркса, социалист Жан Лонге писал: «Возмущение капитуляцией Чемберлена перед гангстерами Рима и Берлина не утихает по всей Великобритании и в доминионах»^[388].

Спокоен оставался только лорд Галифакс, которому и предстояло занять место Энтони Идена в Форин Оффисе 20 февраля 1938 года. Волноваться ему действительно было не о чем, премьер-министр как «вьючная лошадь» будет делать всю работу в международных делах, а заодно и отчитываться перед палатой общин, где теперь кипели совсем нешуточные страсти. Особенно в парламенте разжигали обстановку новые звезды оппозиции — лейбористы Клемент Эттли и Артур Гринвуд, последний к тому же любил крепко выпить, что добавляло дискуссиям градусов во всех смыслах. Галифакс же был членом палаты лордов и даже ее председателем, что его избавляло от подобного. Хотя он и вспоминал в своих мемуарах, что «до прошлых двух или трех лет у меня никогда не было специального контакта с работой Форин Оффиса, но эти годы дали мне широкие возможности для наблюдения, какой неблагодарной при нынешних обстоятельствах станет работа любого министра иностранных дел»^[389]. Но тем не менее, несмотря на всю неблагодарность, до поры до времени Галифакс оставался в тени Чемберлена, руководствуясь советом, который дается перед началом одиночной охоты на лис: никогда не заезжай на луг, если только не знаешь, как с него выехать^[390]. Выезжать с луга европейских кризисов предстояло Невиллу Чемберлену, как заправской лошади.

Отставка Идена была спровоцирована многими факторами, но главным были даже не его расхождения с премьер-министром во взглядах на Италию, а мнительность, которая эти расхождения только усиливала, хотя в принципе все было возможно преодолеть. Иден считал, что в работу Форин Оффиса вмешивается по заданию Чемберлена сэр Хорас Уилсон, главный индустриальный советник премьер-министра. Его мемуары испещрены загадочными историями то о чаепитии с сэром Хорасом, где он говорил, что был полностью неудовлетворен министерством иностранных дел и особенно Ванситтартом, «который был паникером и препятствовал всем попыткам правительства установить дружественный контакт с государствами диктаторов»^[391]. То, по словам секретаря Идена, Джима Томаса, Уилсон горячо интересовался разладом Идена и Чемберлена после получения письма от Рузвельта, и Иден замечал, что «Чемберлен действительно думал, что его собственная политика «встреч» с

диктаторами была правильной. Он был полон решимости продолжать ее и считал, что «спасал меня от меня» (то есть Идена от него же самого. — М. Д.)»^[392]. То сэр Хорас уже напрямую выросстал перед министром иностранных дел, объясняя, что премьер уехал в Чекере, обещая передать всю информацию от Идена ему самым незамедлительным образом, и просил поговорить с ним о внешней политике Британии, что привело к некрасивой сцене: «В конечном итоге я сказал сэру Хорасу, что, если когда-нибудь мне будет уготовано судьбой занять дом номер 10 на Даунинг-стрит и я должен буду иметь дело с промышленными проблемами, я пошлю за ним и почти наверняка послушаю его совета, поскольку я знаю, что он понимает в промышленных делах. Но я попросил бы, чтобы он не забывал, что мало понимает в делах иностранных»^[393].

До этого в своих мемуарах Иден приводил разговор с Невиллом и Остином Чемберленами, незадолго до смерти последнего, когда тот говорил брату: «Невилл, запомни, ты ничего не смыслишь в иностранных делах»^[394]. Это цитату очень любят тиражировать, но даже, несмотря на то что отношения между братьями Чемберлен были своеобразными, вряд ли старший стал бы отчитывать младшего как школьника, не понимающего какой-либо предмет, тем более в присутствии молодого Энтони Идена.

Именно Иден на пару с Уинстоном Черчиллем приложил все усилия, чтобы выставить в дурном свете сэра Хораса Уилсона, ближайшего помощника и верного «Горацио» премьера. Возможно, таким образом они пытались обелить премьер-министра, представляя его жертвой «мелкого клерка и интригана», но Невилл Чемберлен был человеком до крайности своевольным, как справедливо заметил Роберт Селф в его монографии, чтобы с такой легкостью поддаваться влиянию. Политика Чемберлена в отношении «умиротворения» диктаторов была его собственным, выработанным, выстраданным и практически единственно возможным вариантом.

Отправив в отставку Идена, «хотя это стоило мне много крови»^[395], Чемберлен не терял уверенности, что все еще можно исправить, чтобы гарантировать европейский мир и безопасность. В этом он, безусловно, видел свою миссию, в чем его часто обвинял тот же Иден, насмешливо утверждая, что премьер вбил себе в голову «особую миссию» (но в самом деле, разве не так следует поступать государственным людям). «Я не ожидаю, но надеюсь, что смогу прожить достаточно долго, чтобы оставить свой вклад (в развитии истории. — М. Д.) как премьер-министр»^[396], —

писал Чемберлен сестре, мучаясь от подагры. Во всяком случае, в своем новом министре иностранных дел он был уверен: Галифакс, в общем, разделял его мысли относительно диктаторов и не собирался противиться инициативам Чемберлена. К тому же он был освобожден от давления палаты общин, что для Идена стало решающей причиной его отставки: он не мог и не хотел отстаивать перед парламентом линию правительства, с которой был не согласен. От Галифакса этого не требовалось, от него пока вообще мало что требовалось, к его великому удовольствию. «Как только кто-либо начинает чувствовать, что он — мученик высокой цели, становится очень трудным избежать этого убеждения, имеющего мелодраматическую развязку»^[397], — писал одержимый религиозностью католик лорд Галифакс в дневнике об отставке Идена, сам таким мучеником явно не собираясь быть и наблюдая, как на крест идут другие.

Одним таким мучеником был посол Гендерсон. 3 марта он наконец-то увиделся с Адольфом Гитлером и передал ему все то, что велел передать еще в конце января Чемберлен. Но Гитлер был уже поглощен предстоящим присоединением Австрии к рейху, поэтому тут же набрал обороты, произнес тираду о британской прессе, которая продолжала его поносить, к тому же добавил, что не потерпит вмешательства третьих лиц в дела Центральной Европы. Он вновь завел бесконечную страстную речь о том, как немцев притесняют в Австрии и Чехословакии, что правительство Шушнига поддерживает только 15 процентов австрийцев, иными словами, «окончательное решение» австрийского вопроса у него было уже подготовлено. Вопрос был в том, в какой форме все это возможно было осуществить.

9 марта 1938 года канцлер Австрии Шушниг объявил о проведении плебисцита, который был назначен на 13 марта. На границе с Австрией началось скопление немецких войск, которые так или иначе, независимо от результатов плебисцита, планировали войти в Вену. Посол Гендерсон в это время беседовал с фон Нейратом, бывшим министром иностранных дел, тогда как нынешний, фон Риббентроп, находился в Лондоне, заканчивая свои дела. В частности, он выслушивал «лекции, если не проповеди» от лорда Галифакса, который, видя сгущающиеся тучи над Австрией, читал их, балансируя «между горем и гневом»^[398].

11 марта на Даунинг-стрит, 10, был организован прощальный завтрак для бывшего немецкого посла. Вот что спустя два дня, когда Гитлер уже въезжал в Вену, писал о нем премьер-министр своей сестре: «Это казалось достаточно ироничным, что спустя 20 минут после ланча, на котором мы

искренне говорили с Риббентропом о лучшем понимании и взаимных вкладах в наш мир с Германией, я вошел в комнату и сразу получил телеграммы, касающиеся последовательных ультиматумов Шушнигу. Я должен был немедленно вызвать Риббентропа в свою комнату внизу, только отослав домой его жену. Там Галифакс говорил с ним наиболее серьезным образом и твердо просил его — прежде чем станет слишком поздно, — чтобы его руководитель (Гитлер. — М. Д.) придержал свои руки. Ни я, ни Г. (Галифакс. — М. Д.) не ожидали, что последует какой-либо результат; в этом году было много признаков, что процесс проглатывания Австрии начнется неизбежно, хотя мы и надеялись, что это могло бы быть достигнуто без насилия»^[399]. 12 марта немецкие войска вошли в Вену, не дожидаясь никакого плебисцита. Гендерсон в личном разговоре с Герингом называл Германию «хулиганом», но сделать что-либо уже было невозможно.

Как совершенно справедливо заметил Ллойд Джордж еще в 1936 году, никогда англичане не станут умирать за Австрию. Все, что оставалось правительству Чемберлена, это решительно осудить сложившуюся ситуацию и обратить внимание на Чехословакию, которую могла ждать абсолютно такая же судьба. Только еще и с тем акцентом, что Прага была связана договором с Парижем, где на момент всех этих действий даже не было сформировано правительство, так как во Франции был очередной политический кризис, усугублявшийся к тому же абсолютным финансовым крахом.

«Это все очень приводит в уныние, — продолжал Чемберлен в том же письме сестре, — но я успокаиваюсь мыслью, что во всяком случае до сих пор, кажется, не было никакого кровопролития. Это совершенно очевидно теперь, что сила — единственный аргумент, который Германия понимает, и что «коллективная безопасность» не может предотвращать такие события, пока не продемонстрирует видимость ответной силы, поддержанную намерением использовать ее. И если это так, понятно, что подобная сила может быть наиболее эффективно представлена союзами не требующих встреч в Женеве и резолюций десятков небольших стран, у которых нет никаких обязанностей. Небеса знают, что я не хотел возвращаться к союзам, но если Германия продолжает вести себя так, как она делала в последнее время, она может подтолкнуть нас к этому. Печально думать, что очень возможно это было бы предотвратить, если бы у меня был Галифакс в Ф. О. вместо Энтони, когда я написал письмо Муссолини. Однако я не собираюсь рассматривать ситуацию слишком трагично. Франция, как обычно, ничего не предприняла, и мир смотрит на нас. В настоящий

момент мы должны оставить переговоры с Германией... <...> и спокойно с должным постоянством проводить наши переговоры с Италией. Если мы сможем избежать другого резкого поворота событий в Чехословакии, который кажется вполне вероятным, Европу возможно было бы умиротворить, чтобы мы снова начали мирные переговоры с немцами. <...> Посмотрел бы я сейчас, как этот дурак Рузвельт начал бы осуществлять свое драгоценное предложение. Что он думал бы о нас, если бы мы поощрили его, как Энтони и стремился сделать? Были бы все теперь мировым посмешищем»^[400].

Идея союзов, то есть создания нескольких силовых лагерей, изначально Чемберлену не нравилась. Он выступал за расширенную программу не «коллективной безопасности», в которой участвуют и таким образом создают проблемы абсолютно все страны, зачастую находящиеся в совсем неравных условиях, а за более компактный вариант «международной полиции», но теперь надежды на него таяли. Теперь ему нужно было во что бы то ни стало заключить договор с Муссолини. Хотя, безусловно, это и было сделано слишком поздно, чтобы упредить австрийскую драму, но не слишком поздно, чтобы продемонстрировать Третьему рейху и силу, и способность договариваться.

В итоге заключить англо-итальянское соглашение удалось только 16 апреля 1938 года, после письменного согласования всех деталей обеими сторонами: «Ты бы видела проект, который для меня изначально подготовил Ф. О., он заморозил бы белого медведя! И только когда я отогрел его до такого состояния, какое ближе к нужной нам температуре, они прислали мне записку о том, что «слишком вероятно» Муссо захочет принять его. Конечно, захочет, я именно этого и жду! Но, как я сказал Эдварду, Ф. О. не может отказаться от их старой навязчивой идеи, что всё, что нравится Муссо, будет плохо для нас»^[401]. Таков был первый длинный шаг в процессе, который премьер-министр называл «удалением опасных пятен с карты мира одного за другим». Муссолини теперь оказывался фактически между двух центров силы, но все же это позволяло ему не находиться под безоговорочным давлением рейха. Гитлер с Муссолини были отнюдь не такими уж друзьями неразлейвода, и в их отношениях также было множество своих трудностей. Договор этот был необходим, хотя бы и для того, чтобы осенью этого же года Муссолини стал посредником между Лондоном и Берлином, когда мир висел на волоске из-за ситуации с Чехословакией.

То, что Гитлер теперь продолжит свою экспансию и первой его целью станет Судетская область, было очевидно всем, в частности и Невиллу Чемберлену. Чехословакия к 1938 году представляла собой государство, сшитое Версальской системой подобно лоскутному одеялу из нескольких областей. Одной из таких областей была Судетская, где проживало 3,5 миллиона немцев. Помимо них во всей стране проживало еще 7,5 миллиона чехов, 2,5 миллиона словаков, 0,5 миллиона венгров, то есть процент германского населения был достаточно высок. Несмотря на то, что в Версале, когда были подписаны договоренности о создании Чехословакии и Эдвард Бенеш рисовал ее границы красным карандашом на карте Европы, им же и Томатом Масариком было обещано, что государство это будет «кантональное» по примеру Швейцарии, в итоге Чехословакия стала государством централизованным. В плебисците судетским немцам регулярно отказывали, в условиях мирового кризиса они страдали от безработицы, хотя и получали пособие, но оно было в несколько раз меньше пособия, которое получали от правительства чехи. И когда Адольф Гитлер говорил о том, что немецкий народ Судетской области страдает, он не так уж и преувеличивал, нагнетая ситуацию. Его претензии к пражскому правительству Эдварда Бенеша были обоснованны.

На фоне всеобщей разрухи и упадка речи как Гитлера, так и лидера судетских немцев Конрада Генлейна, основавшего их партию в 1935 году, естественно, выглядели заманчиво для самих немцев, что приводило к нездоровой обстановке во всем регионе. Президент Бенеш не желал слышать ни о какой автономии для Судет. Заключив в 1935 году договоренности с СССР и Францией, он надеялся, что обеспечил себе эффективную защиту, а если понадобится, то и военного характера, что, безусловно, означало бы просто-напросто мировую войну.

20 марта 1938 года премьер-министр Чемберлен, наслаждаясь в Чекерсе «нежным карканьем» грачей («у нас их 24 гнезда, а вчера я нашел гнездо дрозда с четырьмя яйцами»^[402]), написал сестре о своем видении международного положения:

«Эту неделю настолько плохой сделали вовсе не нападки оппозиции и предполагаемые интриги среди моей собственной партии (все там отметились... <...> включая Уинстона, Хор-Белишу и Бутби). Реальный источник проблемы, которая полностью занимает мой ум, одно европейское государство и то, какой должна быть наша собственная реакция на все происходящее. С Франко, побеждающим в Испании при помощи немецкого оружия и итальянских самолетов, с французским правительством, в котором нельзя быть уверенным и которое, я

подозреваю, находится в связях с нашей оппозицией, с русскими, украдкой и ловко дергающими за все ниточки, чтобы вовлечь нас в войну с Германией (наша секретная служба не проводит все свое время, заглядывая в чужие окна), и наконец с Германией, слишком триумфально ощущающей ее власть, перспектива выглядит действительно черной. Перед лицом таких проблем, которые появляются раз за разом, нужно проявить «обычное мужество» и выйти на авансцену, показав ясное, решительное, смелое, безошибочное лидерство. Все остальное — пустая болтовня, чтобы досадить человеку, который должен взять на себя ответственность за последствия всего этого. На самом деле, план «Великого Союза», как Уинстон его называет, пришел мне в голову задолго до того, как он упомянул о нем. <...> На прошлой неделе я говорил об этом плане с Галифаксом, и мы представили его экспертам Ф. О. Это очень привлекательная идея на словах, пока ты не начинаешь исследовать ее осуществимость. С того момента привлекательность сразу исчезает. Можно только посмотреть на карту, чтобы увидеть, что ничего, что могли бы сделать Франция или мы, не сможет спасти Чехословакию от захвата немцами. <...> Австрийская граница практически открыта; заводы Шкоды находятся на небольшом расстоянии от немецких аэродромов, железные дороги все проходят через немецкую территорию, Россия на расстоянии в 100 миль. Мы не можем помочь Чехословакии, и она просто будет предлогом для вступления в войну с Германией. <...> Поэтому я оставил любую идею дать гарантии Чехословакии или Франции в связи с ее обязательствами перед этой страной.

Моя идея в настоящее время состоит в том, что мы должны снова начать говорить с Гитлером. <...> и сказать что-то вроде этого: «Мы справедливо вас предупредили, что, когда вы применили силу в Австрии, вы потрясли общественное мнение до такой степени, чтобы дать начало самым неприятным последствиям. Все же вы упрямо пошли своим путем, и теперь вы видите сами, насколько правы мы были. Это лишило нас всякой возможности при нынешних обстоятельствах продолжать обсуждать колонии. Но бесполезно плакать о пролитом молоке, и то, что мы должны сделать теперь — это рассмотреть, как мы можем восстановить доверие, которое вы разрушили. Все думают, что вы собираетесь повторить австрийский поворот и в Чехословакии. <...> Лучшее, что вы можете сделать, состоит в том, чтобы сказать нам точно, что вы хотите для судетских немцев. Если это будет разумно, мы убедим чехов принять ваш план, и, если они сделают это, вы должны дать гарантии, что вы оставите их в покое». Я уверен, что при таких обстоятельствах я мог бы быть готов

участвовать в некоторой совместной гарантии чешской независимости вместе с Германией. <...> В любом случае такой план, кажется, способен отложить кризис и возможно предотвратить его вообще.

Думаю, Ф. О. быстро возвратится к этой идее, хотя в настоящее время там не хотят, чтобы мы сближались с Гитлером, и рекомендовали Бенешу обращаться к фюреру напрямую. Я думаю, что Ф. О. неправ, но у меня будут дальнейшие переговоры по этому предмету с Галифаксом сегодня или завтра. Какое счастье, насколько же я благодарен за то, что я не должен иметь дело с Энтони в эти смутные времена»^[403].

Письмо процитировано практически полностью, так как включает в себя объективную расстановку сил на момент весны 1938 года, а также содержит те планы премьер-министра, которые он и будет в дальнейшем претворять в жизнь.

Как можно заметить, идея дать военные гарантии Чехословакии была первой мыслью Чемберлена, от которой он отказался по весьма понятным причинам. И дело было не только в территориальном положении. Ни один англичанин не стал бы проливать кровь ни за Вену, ни за Прагу. Но и оставаться в стороне, в «блестящей изоляции» от европейских дел ни Британия, ни Чемберлен не могли. Относительная бескровность аншлюса Австрии премьер-министра успокаивала, к тому же проблемы судебных немцев действительно были реальны, чтобы не относиться к ним, как к капризу Гитлера. Все же 24 марта Чемберлен произнес речь в палате общин, общий смысл которой сводился к тому, что если война из-за Чехословакии вспыхнет, она вряд ли оставит в стороне и государства, напрямую не связанные с ней обязательствами.

Во Франции к апрелю 1938 года наконец-то сформировалось правительство, которое продержалось у власти более одного месяца. Возглавил его Эдуар Даладье, а министром иностранных дел стал Жорж Бонне, старый знакомый Чемберлена по конференции в Лозанне: «Я не нахожу Даладье столь же понимающим, каким был Шотан, но он кажется простым и прямым, хотя, возможно, не столь сильным, как его репутация. Бонне я знаю с 1932 года: он умен, но амбициозен и интриган. Французам не очень везет с их министрами иностранных дел». Бонне в своих мемуарах о Чемберлене отзывался исключительно хорошо: «В 1938–1940 гг. я часто встречался с ним и всегда находил его дружелюбным. <...> За стеклами очков блестел живой взгляд. Телом он был так же тверд, как духом. Вырезанный из цельного куска, он, не отвлекаясь, шел прямо к цели. Его мысль была ясной и прямой. Говорил он исключительно точно и без обиняков. Он даже немного бравировал тем, что не упускал ни одной

детали. Собеседники порой могли быть не согласны с ним, но никто никогда не мог пожаловаться на малейшее недоразумение»^[404].

Французы безуспешно пытались провести переговоры с Италией по настойчивой рекомендации Чемберлена, но не преуспели в этом, когда грянул первый акт чехословацкого кризиса. 24 апреля Конрад Генлейн опубликовал так называемую «Карлсбадскую программу», в которой требовал широкой автономии для немцев, живущих в Судетской области. Президент Чехословакии Эдвард Бенеш немедленно обратился к французскому премьер-министру Даладье. Бонне через Эрика Фиппса, экспосла в Берлине, а теперь посла в Париже, передал Галифаксу тревожное сообщение, что Гитлер намерен «уладить вопрос с Чехословакией самое позднее этим летом». Галифакс, естественно, тут же пригласил и Бонне, и Даладье в Лондон, куда они прибыли 27 апреля 1938 года.

Месье Даладье информировал британское правительство о том, что, скорее всего, вынужден будет действовать согласно франко-чешским договоренностям, но его армия не располагает должным количеством дивизий. Их было порядка семидесяти против ста пятидесяти германских. К тому же у Франции не было авиации, и она просила помощи у своего союзника. Чемберлен слышать не хотел о возможном военном решении этого конфликта. Британская армия на континенте могла к тому моменту выставить всего лишь две дивизии. Это отрезвило французов. Вдобавок общественное мнение и на острове, и на континенте категорически было против военных действий. Франции и Британии ничего не оставалось, кроме как просить Чехословакию удовлетворить, хотя бы частично, требования судетских немцев. Галифакс виделся послом Чехословакии Масариком, которому предельно ясно дал понять, что воевать за его страну никто не станет. Также он виделся с немецким представителем Кордтом, просил его передать рейхсминистру иностранных дел Риббентропу, что англо-французские переговоры, вопреки сообщениям неугомонной прессы, не вылились ни в какие новые военные обязательства и военные союзы^[405].

Французы были основательно ослаблены, чтобы действовать в одиночку и выполнять условия франко-чешского договора. Даладье вынужденно поставил себя в зависимое положение от Великобритании и теперь неизменно следовал за Чемберленом, как его знаменитый зонтик. Был ли у Даладье другой выбор, почему он не рискнул встать бок о бок с тем же Советским Союзом — это уже вопрос для биографии «воклюзского быка». Факт остается фактом: на премьер-министра Чемберлена падала уже не только ответственность за судьбу своей страны, но и за судьбу Франции, а

за ней и всей Европы. Даже из воюющей Испании ему писали люди Франко о том, что рассматривают его «как самого великого человека Европы сегодня. Намного большего человека, чем Гитлер когда-либо был и будет». Чемберлен к таким проявлениям относился скромно: «Я пытаюсь уберечь себя от опасностей, какие окружают премьер-министра, склонного слушать только приятные вещи»^[406].

Между тем ситуация продолжала накаляться. Чтобы уговорить чехов пойти на какие-либо уступки Генлейну, и британцы, и французы усилили нажим на их представителей в Праге. В Лондоне появился сам Генлейн, побывавший в Форин Оффисе и оставивший впечатление искренности своих устремлений для судетских немцев даже у Черчилля и Ванситтарта. Бенеш начал колебаться и уже вроде бы был согласен пойти на требуемые условия, но тут ему стали поступать донесения о том, что на границе Чехословакии собираются немецкие войска. Об этом стало известно Гендерсону, который тут же информировал и свое правительство, и затребовал информацию у германских властей, которые, разумеется, его уверили, что все эти подозрения неправомерны. Посол даже поспешил направить телеграмму британским представителям в Праге с его данными, чтобы те удержали президента Бенеша от рискованных шагов, но удержать его не удалось. Бенеш объявил частичную мобилизацию, что стало, безусловно, первым залпом той дипломатической войны. Генлейн, с которым Бенеш до того вел переговоры, от любого их продолжения тут же отказался, пока ситуация не будет стабилизирована.

21 мая 1938 года положение в Центральной Европе стало столь угрожающим, что сэр Гендерсон недвусмысленно дал понять рейхсминистру фон Риббентропу: если Германия начнет всеобщую войну, Британия станет поддерживать Францию. Разговор имел весьма скандальный характер, посол и рейхсминистр друг друга и без того недолюбливали. Премьер-министр писал сестре: «Факт в том, что немцы, которые являются хулиганами по своей природе, слишком уверенно ощущают их силу и нашу слабость, и пока мы не так сильны, как они, мы всегда будем оставаться в этом состоянии хронического беспокойства. Тем более с такой оппозицией, пытающейся эксплуатировать ситуацию, чтобы дискредитировать правительство... <...> наша задача сохранения мира не является легкой и завидной участью. Но я благодарю Бога за надежного гладкого министра иностранных дел, который никогда не вызывает у меня никаких волнений, и возможно, мы сумеем избежать бедствия»^[407].

Надежный и гладкий лорд Галифакс действительно не противоречил

премьеру. Он направлял в Париж инструкции послу, чтобы тот разъяснил французам, что мешать себя иллюзиями относительно жесткости в Берлине не стоит, так как ни в коем случае нельзя допускать любого другого развития кризиса, кроме мирного его урегулирования. Он же беседовал с Масариком, чехословацким послом, о том, что автономия Судетской области и кантональная система будут малой ценой, которую придется заплатить его стране за общее сохранение мира в Европе. Но куда надежнее и глаже вел игру Жорж Бонне, который заявил сначала Галифаксу, а потом попросил передать и в Прагу, что если правительство президента Бенеша не возьмется за ум, то французская сторона может считать себя возможной освободиться от их обязательств, то есть, выражаясь простым языком, разорвать соглашение с Чехословакией.

Со стороны Бонне, конечно, это было очень сильным и дерзновенным ходом, но даже он не сподвиг президента Бенеша на какие-то реальные действия. К тому же Бонне был абсолютно уверен в том, что Польша не пропустит советские войска, чтобы те также согласно договоренностям поддержали Чехословакию. Этот клубок взаимосвязей превратил европейскую политику в настоящую «мексиканскую дуэль», где на мушке был каждый и все зависело лишь оттого, кто выстрелит первым, но мертвы в итоге оказались бы все.

Передышку ситуации дал Адольф Гитлер, заявивший 28 мая 1938 года, что 1 октября станет окончательной датой решения судетского кризиса. Лето обещало быть жарким. Премьер-министр писал сестре обо всех этих событиях следующее: «Я не могу сомневаться в своем умозаключении, что (1) немецкое правительство сделало все приготовления к перевороту (2) после получения наших предупреждений, в конце концов они решили, что риски слишком велики, (3) общее мнение, что произошедшее привело их к мысли о потере престижа и (4) они злы на нас. <...> Это, конечно, было неудачно, с моей точки зрения, что европейская пресса настаивала на том, чтобы короновать нас лавровыми венками; мы не стремились угрожать, а просто хотели сохранить мир, и мы приложили все усилия, чтобы приглушить энтузиазм прессы здесь и во Франции. Но инцидент показывает, насколько абсолютно ненадежно и нечестно немецкое правительство, и это показывает трудности в нашем умиротворении»^[408]. Трудности действительно предстояли немалые, но отказываться от идеи сохранения мира в Европе Чемберлен не мог и не хотел.

В начале июня он лелеял мысль о достижении перемирия в Испании, где продолжалась гражданская война. «Я теперь должен убедить итальянцев присоединиться к нам в поисках перемирия в Испании. Все

видят трудности, и Перт (посол Великобритании. — М.Д.) заявляет, что итальянцы не будут поддерживать эти стремления из-за недавних успехов Франко. Но я говорю, что мы должны во всяком случае попробовать. <...> Если бы только мы могли получить перемирие, взрывы гражданских лиц и судов прекратились бы и все были бы спасены от бесконечного страдания. Перспектива продолжения войны в течение следующих лета и зимы так мрачна, что я полагаю, испанцы приветствовали бы и считали подлинным облегчением любой шаг, который обещал избежать подобного, при условии, что это не будет включать ничего постыдного»^[409]. В это время у Чемберлена окончательно зафиксировалось неприятие войны вплоть до физического отвращения.

Решающая ответственность за миллионы жизней, а также сознание, что он может их спасти, вселяли в Невилла Чемберлена уверенность в своей правоте. Наиболее полно его взгляды отразились в подготовленной им декларации Национального правительства, которую он обнародовал 2 июля 1938 года. Отрывок о том, что в войнах не бывает победителей, а все только проигравшие, цитировался выше; вот еще несколько выдержек, помогающих понять образ мышления премьер-министра:

«Поразительный и трагический факт, что в настоящее время иностранные дела доминируют над умами людей нашей страны, почти исключая вопросы, которые в обычные времена заняли бы все их внимание. Действительно, в этом плане мы не одни, потому что, я думаю, все народы мира задают себе один и тот же вопрос: «Мы можем прожить нашу жизнь в мире или мы должны быть вовлечены в войну против нашей воли?» <...> Интересно, видел ли еще когда-либо мир такое зрелище человеческого безумия? <...>

Конечно, мы преуспели в том, чтобы сохранить нашу свободу, и если бы свобода была в опасности снова, если бы мы были уверены, что нет никакого другого способа сохранить ее кроме войны, мы боролись бы. *(Аплодисменты.)* Но подумайте на мгновение, во что применение силы вовлечет нас. <...> Именно такие мысли заставляют меня чувствовать, что это моя главная обязанность напрячь каждый нерв, чтобы избежать повторения Первой мировой войны в Европе. *(Аплодисменты.)* И я могу полагать, что любой, кто не ослеплен партийным предубеждением, любой, кто понимает, что означала бы новая война, может согласиться со мной и желает, чтобы я продолжил свои усилия для ее предотвращения. *(Аплодисменты.)*

<...> поскольку министр иностранных дел — член палаты лордов, в настоящее время большая часть ярости обрушивается на мою голову. Я не

ворчу по этому поводу. <...> Но когда г-н Ллойд Джордж жалуется (как он это делал на днях), что я — очень упрямый человек, мой ответ состоит в том, что я не собираюсь отказываться от политики, в которую я верю, чтобы быть более угодным критикам, которые, кажется мне, столь же не осведомлены о происходящем, сколь и озлоблены. <...> Не думаю, что страна желает, чтобы мы отказались от наших попыток поддерживать усилия по сохранению мира, которые, как я все время слышу, уже изменили атмосферу на континенте к лучшему. Не думаю, что люди хотят, чтобы мы изменили отношение к проблемам и стали более агрессивны в своей политике, что может показаться очень героическим, но что склонно повлечь за собой ужасные последствия.

<...> Я не уверен, что общественность полностью понимает гигантские усилия, которые мы предпринимаем в нашей оборонной программе. <...> Не делайте ошибку, думая о природе этих приготовлений. Мне сказали, что, когда люди видят странных существ в противогазах и защитной одежде, они начинают думать, что правительство, должно быть, ожидает нападения на нас в ближайшем будущем. Но эти приготовления не означают, что война неизбежна. Они не означают также и то, что война когда-либо произойдет вообще. Этого не случится, если мы сможем помочь разрешить эту ситуацию, но мы должны признать, что воздушная война вводит новые условия и вовлекает в войну население в целом. Это достаточно отличается от того времени, когда войны велись только армиями и военно-морскими флотами.

<...> Но все наши приготовления — не признаки грядущей войны, а просто проявления благоразумия и здравого смысла. Я просил бы вас помнить также о том, что все, что делается здесь для улучшения мер, способных предотвратить воздушный налет, делается во многих других странах. <...> Это должно заставить нас всех понять, что означала бы сегодня для наших родных и близких война, если бы она началась. Это должно усилить наше намерение избежать конфликта, если таковое будет возможным. И было бы настоящей ошибкой предполагать, что общественное мнение не имеет никакого эффекта даже в странах, которыми управляют диктаторы. Я руководствуюсь соображением, которое дает хорошие основания надеяться, что мы подготовим для всех нас более мудрое и счастливое будущее, если убедим людей улаживать их разногласия обсуждением, нежели идти на риск с ужасными последствиями, которые приносят войны. Это и есть цель, к которой правительство продвигается, и хотя прогресс медленный, и хотя у нас время от времени случаются неудачи, все же мы можем сказать, что

сделали и успехи (*Аплодисменты.*)»^[410].

Чемберлен не лукавил. Попытки историков обрисовать ситуацию так, будто он тянул время, чтобы подготовить Британию к войне, поэтому «унижался» перед диктаторами, не находят подтверждения в реальных и, к сожалению, утопических целях премьер-министра. Спустя 30 лет после всех этих событий его помощник и «злой гений» сэр Хорас Уилсон в интервью, которые он раздавал до крайности редко, скажет, что «целью нашей политики тогда было не допустить войны в целом, навсегда»^[411]. Слишком велика была цена, которую должно было заплатить человечество за новую мировую войну. Невилл Чемберлен отдавал себе в этом отчет, и тем страшнее для него было принятое позже решение о ее начале. Но летом 1938 года он все еще оставался полон надежд и решимости сделать все, что только было возможно, чтобы подобного не допустить.

В течение июня и июля переговоры между правительством Бенеша и Конрадом Генлейном были возобновлены, но даже при всем давлении, какое оказывали на обе стороны британское и французское правительства, не говоря уже о германском, они так и не смогли прийти ни к какому решению. Неожиданно проблеск надежды возник с германской стороны: «Сообщение к нам прибыло через окольные и неофициальные каналы, Гитлер хотел бы знать, что мы скажем, если он пошлет одного из «руководителей» для неофициальных переговоров. Мы сделали осторожный, но дружественный ответ, и эмиссар приезжает завтра. Галифакс увидит его в понедельник»^[412]. Эмиссаром был капитан Видеман, близкое доверенное лицо Гитлера, а одним из «руководителей», разумеется, должен был быть Герман Геринг, всегда заинтересованный в улучшении отношений между Британией и рейхом.

Переговоры прошли на Итон-сквер в доме Галифакса в середине июля. Видеман пересказал общие фразы о немецкой доброжелательности и мирных намерениях, но его визит имел небольшой эффект, да и способность лорда Галифакса к переговорам такого уровня не особо располагала к доверию. Зато в искаженной форме информация о том, что правительство Его Величества ведет тайные переговоры с эмиссаром Гитлера, появилась в прессе, к огромному негодованию всех участвующих сторон. А также тех, кто об этой миссии Видемана заранее информирован не был, в частности герра фон Риббентропа. Да и в британском министерстве иностранных дел многие чиновники думали, что их выключают из внешнеполитической деятельности.

Единственное, что представлялось премьер-министру возможным на тот момент, — это направить в Прагу своего представителя. Представителем этим стал лорд Рансимен (его старый коллега по Национальному правительству МакДональда), которому предстояло изучить сложившуюся ситуацию и выступить в качестве посредника между правительством Чехословакии и Генлейном. Но и эта инициатива оказалась безрезультатной. Рансимен прибыл в Прагу 3 августа 1938 года и должен был там пробыть полтора месяца. Сам же Чемберлен в это время подхватил какой-то вирус, не чувствовал ни запахов, ни вкусов («Ни поесть, ни покурить! Эх, чтоб меня, Бог ты мой!»^[413]) и лежал с температурой на Даунинг-стрит («Одна вещь бесспорна: Галифакс был очень благодарен, что я на месте и он может консультироваться со мной лично»^[414]), просматривая отчеты Рансимена, которые не сулили ничего хорошего. На уступки, какие были необходимы для преодоления возникшего кризиса, не хотели идти ни Генлейн, ни Бенеш. Рансимен составил им так называемый «4-й план», который основывался на программе Генлейна и который уже после прямого давления Гендерсона и Бонне чехи принять все-таки согласились, но лишь 5 сентября, когда было уже слишком поздно. В Нюрнберге начался традиционный партийный съезд, на котором Адольф Гитлер мог объявить о начале войны с Чехословакией из-за упрямства герра Бенеша.

В середине августа германский вермахт начал маневры, которые в любую минуту могли спровоцировать чехословацкую агрессию. 31 августа 1938 года Франция начала стягивать войска к линии Мажино. Ситуация из критической превратилась в поистине угрожающую. Однозначного ответа от Рансимена из Праги не было, и тогда премьер-министр Чемберлен решает на чрезвычайный и беспрецедентный шаг. «Положительно ужасно думать, что судьба сотен миллионов зависит от одного человека (Гитлера. — М. Д.). Он что, сумасшедший? Я сломал себе голову, пытаюсь изобрести что-нибудь, что поможет избежать катастрофы, которая ждет нас, — писал премьер-министр 3 сентября 1938 года. — И придумал кое-что настолько необычное и смелое, что когда Галифакс узнал об этом, у него захватило дух»^[415].

Чемберлен всегда считал, что только путем прямых переговоров, глаза в глаза, можно добиться действительного соглашения. Он вместе со своим советником сэром Хорасом Уилсоном разработал знаменитый план с литерой «Z», план, который должен вступить в силу в самый критический момент.

Сентябрь 1938 года для британцев да и для всех европейцев напоминал «один затянувшийся ночной кошмар», как охарактеризовал происходящее премьер-министр. На улицах рыли траншеи, детей учили надевать противогазы, здания были обложены мешками с песком. Правительство выпускало брошюры, как вести себя в случае бомбежки. Европа едва опомнилась от ужаса войны двадцатилетней давности и, казалось, вот-вот вновь будет ввергнута в сражения, которые теперь, с развитием военной мысли, обещали быть куда страшнее.

Люди были испуганы, на Даунинг-стрит, 10, поступали тысячи писем с просьбами остановить весь этот ужас. 7 сентября лондонская «Таймс» вышла с требованием предоставить Судетской области автономию. Еще лучше постаралась ротермивская «Дейли мейл». «Дейли мейл... <...> вчера написала, что «в полночь» мы сделали «драматический шаг» и отправили Гитлеру ультиматум о том, что, если он применит силу, мы должны сразу объявить войну, из всего, что писали, это было наиболее необоснованным и вредным. Я должен был послать срочные телеграммы в Париж, Прагу и Берлин, чтобы опровергнуть это. Я полностью понимаю, что если в конечном счете все пойдет не так, как надо, и начнутся агрессивные действия, найдутся многие, включая Уинстона, которые скажут, что британское правительство должно нести ответственность за это. И что наше правительство должно теперь иметь мужество сказать Гитлеру, что в случае применения силы мы вынуждены будем сразу объявить войну, которая остановила бы его. <...> Но есть другое соображение, которое, конечно, не могут иметь в виду наши критики, это — план, в основе которого, я думаю, ты увидела бы комедию. Время для него еще не пришло, и всегда сохраняется возможность, что Гитлер будет действовать так неожиданно, что опередит нас. Это риск, который мы должны взять на себя, но тем временем я не хочу делать что-либо, что разрушило бы наши шансы на успех. Потому что если план будет действовать, все выйдет далеко вне существующего кризиса и сможет дать возможность для полного изменения международной ситуации. <...> Интересно, что произойдет, прежде чем я напишу тебе снова»^[416], — интриговал в письме сестру Чемберлен.

Дипломаты, чьей непосредственной обязанностью было урегулирование этой ситуации, теперь уже не могли ничего решить. Лорд Рансимен должен был вернуться в Лондон только 16 сентября. Но уже 12-го числа Гитлер в своей речи решительно требовал, чтобы судетским немцам была предоставлена автономия, иначе он готов будет начать войну.

13 сентября Конрад Генлейн прекратил переговоры с пражским правительством и бежал в рейх. Премьер-министр Чемберлен понял, что наступил самый критический момент. 14 сентября 1938 года фюрер германского народа, полагавший, что Чехословакия уже у его ног и он победно въедет в Прагу на танке, получил телеграмму, которая гласила:

«Ввиду усиливающейся критической ситуации предлагаю немедленно нанести Вам визит, чтобы сделать попытку найти мирное решение. Я мог бы прилететь к Вам самолетом и готов отбыть завтра. Пожалуйста, сообщите мне о ближайшем времени, когда Вы можете принять меня, и о месте встречи. Я был бы благодарен за очень скорый ответ.

Невилл Чемберлен».

Глава 6

РАЗБОР ПОЛЕТОВ: БЕРХТЕСГАДЕН — ГОДЕСБЕРГ — МЮНХЕН (1938)

В конечном счете репутация Чемберлена, его общественные деяния будут так или иначе зависеть от оценки Мюнхена и политики умиротворения. Ожидать чего-то принципиально другого — будто надеяться на то, что Понтий Пилат когда-нибудь будет рассматриваться как успешный администратор провинции Римской империи^[417].

Дэвид Даттон

В сером пальто с оливковым подбоем, бодрой решительной походкой, ранним утром 15-го числа первого осеннего месяца, сжимая в руке свой неизменный зонтик, на аэродром Большого Лондона Хестон прибыл премьер-министр Великобритании Невилл Чемберлен. «Маниакальное сознание своей миссии»^[418], как утверждали одни, «страсть к дешевым эффектам»^[419], как утверждали другие, но главное, безусловно, «отсутствие воображения», что стало главным упреком его коллег, Уинстона Черчилля и Дэвида Ллойд Джорджа, побудило 69-летнего старика забраться в самолет (которые только едва-едва использовались в гражданской авиации) и лично полететь в Германию.

Да, действительно, ему не хватило воображения, чтобы приветствовать Гитлера криком «зиг хайль!», как сделал это Ллойд Джордж^[420], и не хватило воображения немедленно начать войну, как того требовал Черчилль, понимая, что только война откроет ему двери в правительство. Все, до чего Невилл Чемберлен додумался, — это, отбросив соображения личной репутации, в очередной раз взять на себя решающую ответственность, теперь уже за сохранение мира в Европе. Вероятно, чтобы подобные критики были менее словоохотливы, ему следовало бы посчитать

Гитлера монстром с тремя головами, чудовищем, в общем, кем угодно, кроме такого же главы европейского государства, пришедшего к власти практически конституционным путем, а следовательно, и абсолютно дееспособным партнером для переговоров. Наверняка такая трактовка удовлетворила бы ждущих от Чемберлена более красочного воображения, но он выбрал иной путь. Путь цивилизованного человека и джентльмена, который не может оставаться в стороне от грядущей катастрофы и сидеть сложа руки на задней скамье парламента, критикуя всё и всех подряд.

После многих лет, прошедших с тех далеких событий, кажется довольно странным, когда государственного деятеля обвиняют в том, что он считал своей миссией сохранение мира. Итоги, в том числе и Второй мировой войны, которой так жаждали на тот момент некоторые его коллеги по партии, говорят либо о том, что у этих людей не доставало воображения представить, какой будет новая мировая война, либо о невероятном цинизме, с которым они готовы были подвергнуть человечество таким испытаниям. К тому же, несмотря на пафос общей идеи «не допустить войны в целом, навсегда», на всю утопичность и возвышенную романтику подобного стремления, Чемберлен отнюдь не был восторженным идиотом.

Его решение о вступлении в силу плана «Z» было продиктовано отчетами экспертов о военном положении и его страны, и Франции, а также неоднократными консультациями с дипломатами. Судя по дневнику Кэдогана, о плане «Z» знал и он, и Ванситтарт уже к 8 сентября точно^[421], не говоря уже о Галифаксе, который опять-таки единственный сохранял спокойствие и безмятежность («он велик: всегда спокоен, мудр и дружелюбен»^[422]). Помимо прочего у Чемберлена было абсолютно ясное видение, что страна «не будет следовать за нами, если мы попытаемся принудить ее к войне из-за того, что национальное меньшинство не может получить автономию»^[423]. «Если мы и должны воевать, это должно произойти из-за какой-то куда большей проблемы, чем эта». И, безусловно, были сообщения от практически всех доминионов, что они не поддержат метрополию, если она выберет войну. От Южной Африки до Австралии и Канады никто не гарантировал, что выбор войны будет правильно понят, в конце концов, это просто-напросто грозило распадом всей Империи.

Решение это было продиктовано и французской стороной, которая уже переложила свою ответственность за ситуацию на плечи Великобритании, хотя договор с Чехословакией был именно у Парижа, а не у Лондона. Десять миллионов французских солдат не хотели гибнуть из-за трех миллионов немцев, которые хотели и имели право присоединиться к рейху.

Позиция же правительства Эдварда Бенеша вообще была мало понятна. За весь кризисный период чехословацкий парламент не собирался ни одного раза. Постоянный парламентский комитет также был лишен возможности влиять на решения. Вместо парламента созывалась лишь так называемая «группа двадцати», состоявшая из некоторых депутатов коалиционных партий, или же проводились отдельные совещания председателей этих партий, заседания парламентских фракций и т. д. Это было бесспорным нарушением конституции^[424].

В разгар войны, когда посол Гендерсон будет работать над своими мемуарами «Провал миссии», он будет задаваться вопросом: «Должно ли в будущем фатальное решение о мире или войне не только для одного великого народа, но и для всего мира, снова находиться в руках единственного человека?»^[425] Под этим единственным человеком он понимал Адольфа Гитлера, который, по его мнению, нес персональную и огромную ответственность за развязывание Второй мировой войны в сентябре 1939 года. Но в сентябре 1938 года таким единственным человеком, который мог решить, что ждет человечество — мир или война, — был Невилл Чемберлен. «Чрезвычайная новость! Чрезвычайная новость! Читайте про то, как могущественнейший человек Британской империи идет на поклон к Гитлеру!»^[426] — выкрикивали мальчишки, продающие газеты.

Российскому читателю представляли много разных версий того визита: был переведен Ширер^[427], американский корреспондент, находящийся тогда в Берлине и Праге; был переведен доктор Шмидт^[428], переводчик Гитлера; огромное внимание уделялось работам того же Уинстона Черчилля. Иными словами, были представлены какие угодно интерпретации первого полета Чемберлена к Гитлеру, кроме версии самого премьер-министра, а она существует в весьма подробном его письме сестре от 19 сентября, когда он уже беседовал с французами и готовился ко второму своему визиту в рейх.

«19 сентября 1938

Даунинг-стрит, 10

Моя дорогая Ида,

В моем последнем письме я задался вопросом, что могло бы еще произойти, прежде чем я напишу снова, поскольку я знал, что час был близок, если уж этому было суждено случиться вообще. Важны были две вещи, первая, что план («Z». — М. Д.) нужно начинать как раз в то самое время, когда ситуация окажется самой мрачной, и вторая, что все это

должно было стать полной неожиданностью. Я намеревался показать план Кабинету в среду и попросить его одобрения, но во вторник ночью я понял, что момент наступил, и должен был его использовать, пока не стало слишком поздно. Таким образом, я послал роковую телеграмму и рассказал Кабинету следующим утром, что я сделал. Конечно, они, по большей части, не поняли, как это шокирует мир, но одобрили мои действия, и затем последовали часы ожидания ответа, поскольку все должно было быть передано в Берхтесгаден. Наконец, после дневного ожидания мое беспокойство уменьшилось. Гитлер был полностью в моем распоряжении — и спрашивал, не приедет ли миссис Чемберлен со мной! Впоследствии я получил признание от самого Гитлера, и это было подтверждено другими людьми из его окружения, что он был поражен и воскликнул: «Я не уверен, возможно ли человеку его возраста проделать весь этот путь; я должен поехать в Лондон». Конечно, когда он рассматривал эту возможность, он понимал, что так не сделает, да и мне бы это не подошло, лишив мой маневр большей части его драматической силы. Но это показывает ту сторону Гитлера, которая удивила бы многих людей в нашей стране.

Я должен признаться в некотором небольшом волнении, когда я пролетал над Лондоном и смотрел вниз на здания, проплывающие под моими ногами, но это волнение скоро улетучилось, и я наслаждался изумительным зрелищем блестящих белых кучевых облаков, простирающихся далеко до горизонта подо мной. Когда мы приблизились к Мюнхену, мы вошли в шторм и какое-то время летели вслепую через облака, в то время как самолет качался и качался, как судно в море. После стюард пришел сказать, что мы снижаемся, и у меня было несколько нервных моментов, в то время как мы кружили над аэродромом. Но я был уверен, что наш экспериментальный самолет удачно завершит свой путь, и через минуту или две мы ехали на такси к главному зданию, где я и был принят Риббентропом, Дирксеном и неисчислимыми чиновниками, одетыми в форму, в то время как охрана, сцепив руки, сдерживала толпу. Я чувствовал себя вполне свежим и был восхищен восторженным приветствием людей, которые ждали меня под дождем, кто-то бросал мне нацистское приветствие и кричал «хайль», их голоса сопровождали нас все время до станции. Там мы вошли в специальный поезд Гитлера для трехчасовой поездки в Берхтесгаден. Неудачно, что погода оказалась такой плохой, пейзаж должен был быть очень красивым, но горы окутывал туман. Люди полностью покрывали перекрестки, станции, высовывались из окон, все кричали «хайль» и приветствовали нас, когда мы прибыли. Толпы были на станции и возле отеля, все ждали нас с любопытством и волнением.

После короткого ожидания нас повели в Коричневый дом выше по горе. Вход в дом находится на другой стороне и выходит на своего рода террасу, с которой лестничный пролет спускается к дороге. Половину пути вниз проделал фюрер, без шапки, одетый в пиджак цвета хаки тонкого сукна с красной повязкой со свастикой на ней и военным крестом на груди. Он носит черные брюки, такие, какие мы носим вечером, и черные лакированные шнурованные туфли. Волосы у него каштановые, не черные, голубые глаза и довольно неприятное выражение, особенно в расслабленном виде, в целом, он выглядит совершенно непримечательным. Ты никогда не заметила бы его в толпе и приняла бы за маляра, которым он однажды и был. После некоторых слов приветствия он проводил и представил меня многим людям, среди которых я только выделил генерала Кейтеля, млажаваго умно выглядящего военного с приятным лицом.

Мы вошли в дом и прошли через пустую небольшую комнату в знаменитую палату или скорее зал, один конец которого полностью занят обширным окном с видом на Зальцбург при великолепной погоде, но в этот день были видны только долина и основания гор. В противоположном конце было небольшое возвышение, на котором большой круглый стол накрыли для чая, в то время как около окна был второй стол для других чиновников. На стенах было много картин старых немецких и итальянских живописцев. Позади меня была огромная итальянская обнаженная скульптура!

Мы сели, я, затем Гитлер с переводчиком с другой стороны. Г<итлер> казался очень застенчивым и особенно не расслаблялся, в то время как я пытался вести светскую беседу.

Я. Я часто слышал об этой комнате, но она намного больше, чем я ожидал.

Г. И это вы, у которого имеются большие комнаты в Англии^[429].

Я. Вы должны приехать и увидеть их сами через некоторое время.

Г. Должно быть, это вызовет демонстрации неодобрения.

Я. Хорошо, возможно, было бы мудрым выбрать другой момент.

В этот момент Г. позволил себе слабо улыбнуться.

После того как мы закончили пить чай, Г. спросил резко, какую процедуру общения я предлагаю. Я не хотел бы видеть двух-трех людей при нашем разговоре. Я ответил, что, если это будет удобным, я предпочту беседу тет-а-тет.

Вслед за этим он поднялся. Он, я и переводчик оставили эту комнату и пошли наверх через другой длинный зал с большим количеством картин (еще больше обнаженных натур), пока не пришли в его собственную

комнату. Она была абсолютно лишена украшений. Не было даже часов, только камин, маленький столик с двумя бутылками минеральной воды (попить он мне не предложил), три стула и диван. Здесь мы сидели и говорили в течение трех часов.

По большей части Г. говорил спокойно и низким голосом. Я не видел и следа безумия, но иногда он становился очень взволнованным и изливал негодование в адрес чехов так, что несколько раз я должен был останавливать его, чтобы у меня был шанс понять то, о чем он говорил. Я скоро увидел, что ситуация была намного более серьезной, чем я ожидал. Я знал, что его войска, солдаты и самолеты были готовы атаковать и только ожидали одного его слова, было ясно, что должны быть приняты быстрые решения, чтобы ситуация была спасена. Один раз он, казалось, говорил, что выступил бы против чехов сразу, я возмутился этим высказыванием, потому что не понял, зачем тогда он позволил мне проделать весь этот путь, и что я потратил впустую свое время. Он успокоился тогда, сказал, могли я уверить его, что британское правительство приняло бы принцип самоопределения (который не он предлагал), и тогда он был готов обсудить его дальнейшие действия. Я сказал, что не могу дать такую гарантию без консультации (Кабинета. — М. Д.). Мое личное мнение таково, что в принципе меня мало волнует, будут ли судетские немцы в рейхе или вне его согласно их собственным пожеланиям, но я видел огромные практические трудности в плебисците. Я должен был прервать наш разговор теперь, возвратиться, провести необходимые консультации и встретиться с ним снова. Это возможно, сказал он, но я очень сожалею, что вам придется совершить две поездки. Однако в следующий раз я приеду, чтобы встретить вас где-нибудь под Кельном. Я спросил его, какая тем временем будет сохраняться ситуация, и он обещал не отдавать приказов выступить против чехов, если, конечно, какой-нибудь возмутительный инцидент не форсирует события.

На пути обратно он был намного более сердечным, чем когда мы поднимались. Он спросил, во сколько я должен буду уехать, чтобы показать мне живописные красоты этого места утром, и когда я сказал, что должен уехать рано, так как промедление угрожает жизням людей, он сказал: о, хорошо, когда все это кончится, вы должны возвратиться, и я возьму вас в свой чайный домик наверху горы.

Впоследствии Х. Уилсон получал известия от разных людей, которые виделись с Гитлером после нашей встречи, — что он был очень приятно впечатлен. Я разговаривал с человеком, которому Гитлер сказал, что я единственный, с кем он может поддерживать деловые отношения, и ему

понравилась скорость, с которой я ухватил суть. Короче говоря, я утвердил в нем определенную уверенность, что и было моей целью. И мне показалось, что, несмотря на твердость и жестокость, какие я увидел в его лице, это человек, на которого можно положиться, когда он давал мне свое слово.

Ты не можешь вообразить, сколько замечательных писем я получил от самых разных людей. Наши комнаты усыпаны цветами и подарками, мне даже прислали золотые часы от голландского поклонника и удочки от их производителя.

Я стал уверен во всем с этих пор. Я видел Рансимена в пятницу по моему возвращению и имел беседу, длящуюся более часа, с королем, который отправил мне самое очаровательное сообщение и волновался совсем как мальчик. В субботу были два заседания Кабинета, продлившиеся пять часов, и, наконец, мы преодолели всех критиков, хотя некоторые из них организовали протест заранее. Вчера я рано встал, чтобы встретить французских министров, у нас с ними был утомительный день, переговоры не заканчивались до полуночи. Но мы все-таки пришли к единодушному решению и послали наши предложения чехам. Во время написания этого письма мы еще не получили ответа от них, но есть признаки того, что пусть и со многими горькими упреками они их примут. Пока я согласился встретиться с Гитлером в среду.

Хорошо, теперь уже половина первого, и я должен ложиться спать. Я все еще нахожусь в волнении, как и все эти тревожные дни, но сильного грызущего беспокойства не стало, я чувствую, что нет ничего, в чем можно было бы упрекнуть меня, и что, наоборот, теперь все идет тем путем, каким я и хочу.

К счастью, я чувствую себя хорошо, бодрым и удивительно неусталым. Энни великолепна, но я боюсь, когда это будет кончено, на нее навалится потрясающее напряжение, которое она переживает теперь.

Спасибо тебе и Хильде, ваши письма так много для меня значат. Хильда совершенно права, это была идея будто от сердца отца.

Ваш любящий брат Невилл.

P. S.: Получил известие из немецкого источника, что я — самый популярный человек в Германии! «Он приехал, чтобы спасти нас от войны».

Действительно, как отметил переводчик Гитлера доктор Шмидт: «Когда толпа в авторитарном государстве так демонстративно аплодирует не своему богоподобному диктатору, а зарубежному государственному

деятелю с демократического Запада под совсем не героическим зонтиком, это является совершенно нескрываемым выражением общественного мнения»^[430]. Примечательно, что ни на Галифакса, ни на Гендерсона, ни на Чемберлена Гитлер не произвел внешне особенного впечатления. Для Галифакса он был человеком с «живыми голубыми глазами», Гендерсон писал о том, что фюрер впечатлял только немцев, Чемберлен не был впечатлен, но поверил ему. Бравировали англичане или в самом деле не попали в плен «магнетического обаяния Адольфа Гитлера», сложно сказать, но факт остается фактом: фюрер сначала был для них трудным партнером для переговоров, а после превратился в опасного сумасшедшего с манией величия, который ответствен за начало новой мировой войны.

Многие советские историки обвиняли Чемберлена в раболепии перед диктаторами и в восхищении Гитлером как вождем, в стремлении быть похожим даже идеологически на фюрера и дуче. Как мы можем видеть из письма Чемберлена сестре, восхищения особенного не было. Сам премьер-министр об идеологии говорил следующее: «У меня нет уклона в пользу нацизма, фашизма или большевизма, потому что их подоплека кажется мне несовместимой с тем, что существенно для меня, основа моего политического кредо — это свобода личности. <...> А вот за сохранение демократии, что означает и сохранение нашей свободы, я бы и сам боролся»^[431].

Несмотря на нетерпение Чемберлена и даже некое презрение к оппозиции, он вряд ли готов был, например, расстрелять Эттли или Гринвуда и даже в ситуации с Ллойд Джорджем дрогнул бы. Куда больше ему нравилось оппозицию побеждать в дебатах, он наслаждался превосходством в палате общин, в этом, безусловно, было его главное отличие от диктаторов, с которыми ему приходилось иметь дело. Как говорил он в Бирмингеме еще в апреле 1938 года: «Мы не можем осуждать политическую систему других стран, но ни фашизм, ни коммунизм не гармонируют с нашим характером. <...> И все же... <...> не забывайте, что мы все члены человеческого рода, со своими страстями и привязанностями, страхами и желаниями. Должно быть что-то общее между нами, и если только мы сможем найти это общее, то, возможно, сократим нашу отчужденность с остальной Европой. У нас может быть особая специальная миссия — быть миротворцами и посредниками. Древний историк однажды написал о греках, что они сделали нежной жизнь мира. <...> Я не могу вообразить более благородного стремления для английского государственного деятеля, чем получить то же самое признание от его

собственной страны»^[432].

Рабочий день Чемберлена в рейхе длился в целом 16 часов. Как отмечал посол Гендерсон, «значительно для любого, а премьер-министру было 69 лет»^[433]. Чемберлен возвратился в Лондон 16 сентября. Прибыв на аэродром Хестон, он сказал: «Вчера у меня был долгий разговор с герром Гитлером, это был откровенный разговор, но дружественный, и я чувствую теперь, что мы понимаем друг друга. Я должен обсудить результаты переговоров с моими коллегами и особенно с лордом Рансименом. Позже, через несколько дней, я вновь увижусь с герром Гитлером, только на этот раз, по его словам, мы найдем какой-нибудь город поближе, это сэкономит силы старика для еще одного путешествия». Палате общин Чемберлен объявил, что «один только мой визит предотвратил вторжение (немецких войск в Чехословакию. — М. Д.)»^[434]. Будто в доказательство его слов начались волнения на польской границе, Польша также претендовала на часть Чехословакии, а итальянцы подготавливали военный штат на случай, если начнется война.

Граф Гранди, посол Муссолини, прислал премьер-министру телеграмму: «Вы остались человеком, в то время как, к сожалению, традиционная дипломатия иногда теряет связь с человеческим отношением. Я желаю Вам всяческих успехов в задаче, которую Вы взяли на себя. Трудности впереди все еще очень большие, но Вы сломали лед этого ужасного периода, и миллионы матерей в Европе и во всем мире благословляют Вас сегодня»^[435]. Ситуация хоть и была временно стабилизирована, но необходимы были быстрые решения. Из Праги в этот же день вернулся Рансимен со своим отчетом, который только подтверждал то, что районы с немецким населением необходимо передать Германии как можно скорее и только это сможет предотвратить военную развязку.

Далеко не все в Кабинете были готовы так легко согласиться на подобные меры. Самое примечательное, что возражал против уступок Гитлеру и лорд Галифакс, его германофобия солдата Первой мировой не позволяла так просто взять и подарить рейху целую область, пусть и с немецким народонаселением. Тем не менее тот же Галифакс все эти дни оставался главной линией связи с французами, своими заявлениями убеждая их, что Британия вряд ли сможет оказать поддержку Чехословакии, хотя «гипотетически» при худшем исходе Францию не оставит. Все это заставило паниковать уже французов и особенно Жоржа Бонне. Несмотря на то, что министр иностранных дел СССР Литвинов

пообещал ему, что Советский Союз соблюдет их договор с чехами, Бонне этому заявлению верить отказывался, более того, в искаженном виде передал эту информацию и своему, и британскому Кабинетам.

Отчеты французских военных повергали в панику всех, кто мог с ними ознакомиться, то есть премьер-министров Франции и Великобритании. По этим отчетам, Германия производила 500–800 военных самолетов в месяц (при французском производстве 45–50 самолетов и британском — 70). Позже выяснилось, что в августе 1938 года французское производство упало до невероятной цифры в 13 машин (когда работники авиационной промышленности были в отпуске) и что в сентябре французские военно-воздушные силы в целом состояли только из 700 самолетов, главным образом устаревших. Маршал Геринг тем временем накручивал в Берлине посла Гендерсона, говоря ему абсолютно откровенно: «Если Англия начнет вести войну с Германией, никто не знает, каков будет ее окончательный итог. Но в одном я совершенно уверен. Прежде чем война окончится, очень немного останется в живых чехов и мало что останется от Лондона»^[436].

Для Чемберлена цифры и угрозы не играли особой роли в его нацеленности на мир. Не возникало сомнения, что он будет продолжать свою миссию. «Когда он летел обратно из Германии, он видел, как ландшафт под ним постепенно увеличивается миля за милей и вырисовывается в обветшалые здания Ист-Энда. Он не мог перенести мысли, что их обитатели могли бы стать первой жертвой бомбардировок с воздуха»^[437]. Премьер-министр взял на себя ответственность навязать выбор мира всем участникам тех далеких событий.

Прибывшие в Лондон 18 сентября Даладье и Бонне выслушали его рассказ и соображения. Бонне моментально согласился на всё, тем более что буквально накануне получил отчеты, что во Франции нет даже противогозов, а он и без того был на грани нервного срыва. Даладье, как и свойственно быку, немного поупрямился, но ему ничего не оставалось. Изначально он поставил себя в это положение, поэтому теперь мог только помогать составлять план соглашения для чехословацкой стороны. Соглашение это предполагало самоопределение территорий, чье население на более чем 50 процентов состояло из немцев, которые должны были быть переданы Гитлеру. Решение о проведении плебисцита было отвергнуто, так как это могло бы повлечь за собой плебисциты венгров, поляков, так называемых национальных меньшинств, которые также не были довольны своей судьбой. Соглашение предполагало, что международная организация, включающая чешских представителей, определит границы и обмен

населением между Чехословакией и рейхом и что новые границы будут подтверждены и закреплены общей международной гарантией их целостности, к которой британское правительство было готово присоединиться.

Естественно, такой план чехословацкому президенту Бенешу не понравился. Не понравился он и британской оппозиции, которая отрядила к премьер-министру Чемберлену делегацию в лице лейбористской парочки Эттли и Гринвуда. Разговор у них был крепкий, в итоге Чемберлен даже прикрикнул, что в отличие от них он видел Гитлера лично, разговаривал с ним и верит ему. Примечательно, что обычно протестующие даже против минимальных инициатив по перевооружению лейбористы, в штыки встречающие каждый шиллинг, направленный на развитие военных сил Британии, теперь требовали решительно остановить посягательства Гитлера, что напрямую означало бы начало войны. Казалось, что чехов убедить принять англо-французский план было проще, чем оппозицию смириться с решением правительств двух стран. 21 сентября телеграмма из Праги заключала в себе ответ Бенеша о принятии этого плана. Иного выбора у него не было, Галифакс через Ньютона и Масарика ему ясно дал понять, что, если война в Европе вспыхнет, он будет нести за это персональную ответственность.

В прессе немедленно развернулась кампания, порицающая «предательство Чехословакии» и «трусость» британского правительства, а также лично премьер-министра, пошедшего на поводу «у разбойника и убийцы Гитлера», как характеризовал его чехословацкий посол Ян Масарик. В дневниках Майского приведена примечательная история о том, как Галифакс передавал англо-французский план чехам и Масарик язвительно поинтересовался, какова же в таком ультиматуме роль премьера, на что министр иностранных дел ответил: «Роль почтальона, и только». Масарик не удержался от колкости, обзвав Чемберлена «посыльным».

Как только не называли премьер-министра тогда политики и дипломаты, переложившие на его плечи судьбу Европы, один лишь Кэдоган восклицал: «Сколько же нужно смелости, чтобы быть таким трусом!»^[438] Но простые люди во всех странах верили, что этот джентльмен с черным зонтиком способен сохранить мир. Популярный исполнитель фокстротов того времени Гарри Рой сложил даже подбадривающую песенку: «Храни вас Господь, мистер Чемберлен! Мы все гордимся вами! Вы выглядите великолепно с вашим зонтиком, весь мир любит этого славного малого»^[439]. И действительно, это было так. Мир глядел с надеждой, как во

второй раз Невилл Чемберлен всходит по трапу самолета, и ждал, что он прекратит этот затянувшийся кошмар.

22 сентября 1938 года премьер-министр Великобритании второй раз прибыл в рейх, где в Бад-Годесберге его ожидал Адольф Гитлер. Чемберлен привез ему англо-французское соглашение об урегулировании ситуации с полным его принятием чехословацкой стороной. Но он не знал, что в Германии уже побывали представители польского и венгерского правительств, требующие и для своих национальных меньшинств территории. И именно под предлогом того, что правительство доктора Бенеша продолжает угнетать людей, Гитлер отверг план, привезенный Чемберленом, и выдвинул свой, включающий немедленную оккупацию территории Судетской области войсками рейха, а также будущие плебисциты для поляков и венгров. Для премьер-министра подобные заявления, безусловно, стали пощечиной.

Все усилия, которые были им приложены, по щелчку пальцев оказались погребены под руинами. К сожалению, на тот момент Чемберлен не мог себе позволить писать письма сестрам, и о том, что он чувствовал, остается только догадываться. Но сложно предположить, каких трудов ему стоило не отказываться от своих намерений, а продолжать искать способы урегулирования ситуации, вместо того чтобы просто объявить о начале новой мировой войны. Те три дня, которые длились переговоры и обмен письмами между немцами и английской делегацией в Бад-Годесберге, были самыми драматичными за всю историю чехословацкого кризиса. Единственное, чего Чемберлену удалось добиться 22 сентября от Гитлера, — это обещания не начинать военных действий, пока длятся их переговоры. В Лондон он послал телеграмму, что расценивает эту их встречу как «очень неудовлетворительную»^[440].

И Лондон, и Париж, и Берлин, и уж тем более Прага замерли в тревожном ожидании. Журналисты облепили небольшой Годесберг и нагнетали обстановку своими сообщениями. Фюрер и премьер-министр жили по разные берега Рейна, разделяемые бурным потоком, первый — в отеле «Дреезен», второй — в «Петерсхофе», и каждый из них был убежден в своей собственной правоте и хотел диктовать условия.

Утром 23 сентября Чемберлен отправил «дорогому рейхсканцлеру» письмо, в котором писал: «Думаю, Вы не сознаете невозможность моего согласия на принятие такого плана, поскольку я полагаю, общественное мнение в моей стране, во Франции и во всем мире сочтет его нарушающим принципы, уже согласованные ранее и не предусматривающие угрозу применения силы. <...> В случае, если немецкие войска войдут на эту

территорию, как Вы предлагаете, нет никакого сомнения, что у чехословацкого правительства не будет другого выбора, кроме как отдать приказ своим вооруженным силам оказать сопротивление». Премьер-министр, похожий на черного грифа, по версии Ширера, провел все утро вместе с Невилом Гендерсоном, шагая по балкону отеля и поглядывая на другой берег Рейна. Ответ от Гитлера был получен через его переводчика Шмидта. «Когда Вы, Ваше Превосходительство, сообщаете мне, что передача рейху Судетских территорий была признана в принципе, я должен с сожалением указать, что теоретическое признание принципов в отношении Германии было уже согласовано ранее. Я заинтересован, Ваше Превосходительство, — писал Гитлер, — не в признании принципа, а единственно в его реализации и, таким образом, в том, чтобы в возможно более короткое время страдания несчастных жертв чешской тирании закончились, а достоинству великой державы воздалось должное».

Сам Шмидт отмечает^[441], что ответ не взволновал Чемберлена до той степени, чтобы он решился на какое-то проявление эмоций, он лишь сказал, что ответит письмом же. Гитлеру все это также начинало не нравиться. Запугать премьер-министра у него не получалось, а эти обмены письмами под пристальным наблюдением репортеров со всего мира оптимизма никому не добавляли. Галифакс телеграфировал из Лондона, чтобы премьер припугнул Гитлера войной: «Мы, конечно, можем вообразить огромные трудности, с которые Вы там сталкиваетесь, но с точки зрения Вашего собственного положения, а также правительства и страны, Вашим коллегам кажется огромной важностью, что Вы не должны уезжать без того, чтобы однозначно дать понять канцлеру специальным интервью, что после того, как большие уступки, на которые пошло чехословацкое правительство, для него были сделаны, отклонить возможность мирного решения в пользу другого, означающего войну, было бы непростительным преступлением против человечества»^[442]. Напрасно министр иностранных дел давил на осознание премьер-министром собственного положения и своей репутации, его это волновало в последнюю очередь.

Ответ Чемберлена Гитлеру был сдержанным, он вновь предлагал свои услуги «посыльного», чтобы передать меморандум германского правительства правительству Чехословакии, не высказываясь за или против его принятия. Вечером все того же бесконечного 23 сентября Гитлер и Чемберлен встретились вновь, чтобы обсудить условия меморандума Бенешу. Когда Шмидт перевел немецкие предложения, в частности об

отводе чехословацких войск с территории, обозначенной на прилагаемой карте, не позднее 26-го числа, а с 28-го уже о передаче этой территории рейху, премьер-министр самообладание, казалось, все-таки потерял. «Я объявил, что язык и манера документа, который я описал как ультиматум, а не меморандум, глубоко потрясут общественное мнение в нейтральных странах, и я горько упрекнул канцлера в его отказе ответить на усилия, которые я приложил, чтобы обеспечить мир».

Ситуация достигла апогея, когда прямо в разгар этого ночного разговора между Чемберленом и Гитлером пришло сообщение о том, что Бенеш объявил о всеобщей мобилизации. Однако Гитлер в ответ на это выказал редкое присутствие духа и заявил, что, несмотря на эту чудовищную провокацию, не станет предпринимать ничего против чехов, хотя бы до того времени, пока мистер Чемберлен находится на германской территории. Выработанный в те дни «меморандум» скорее походил на ультиматум, или «diktat!», как охарактеризовал его посол Гендерсон. Чемберлену удалось добиться переноса сроков начала эвакуации с территории Судет на 1 октября, с заверением Гитлера: «Вы — единственный человек, которому я когда-либо шел на уступку». Еще раз Гитлер с большой серьезностью объявил, что это было последним из его стремлений в Европе, и еще раз он распространил старое видение «то, что синее, — ваше», имея в виду господство Британии на море, для себя же оставляя господство на континенте. Расставались они в два часа ночи уже 24 сентября в исключительно дружелюбной атмосфере взаимопонимания, которую Кэдоган охарактеризовал как «гипноз»^[443].

Под этот гипноз неожиданно попал и Галифакс, который по возвращении Чемберлена, выслушав его рассказ, тут же выразил согласие все отдать Гитлеру и полностью удовлетворить его требования к чехам. Что-то странное творилось с министром иностранных дел; это, к сожалению, не нашло отражения в его дневниках, но его зигзаг тут же зафиксировал Кэдоган, который опять-таки сам переменял позицию и уже выступал с совершенно провоенными заявлениями. Кэдоган провожал Галифакса домой и обрабатывал на предмет того, что такие чудовищные условия рекомендовать к принятию нельзя. В итоге лорд Галифакс был лишен возможности выспаться и выговаривал наутро своему заместителю: «Я очень рассержен на вас. Вы обеспечили мне бессонную ночь. Я проснулся в час и не смог заставить себя заснуть снова. Но я пришел к выводу, что вы были правы, и в Кабинете, когда премьер-министр спросит меня, что предпринять, я порекомендую отказать условиям Гитлера»^[444].

Невыспавшийся и рассерженный Галифакс пошел портить настроение всем остальным, в первую очередь, разумеется, премьер-министру, который уже и не помнил, что такое спать в час ночи, он ложился обычно куда позже. Чемберлен был невероятно потрясен, когда обнаружил, что за ночь мнение «гладкого и надежного Эдварда» полностью изменилось. Он написал ему: «Ваше полное изменение позиции с тех пор, как я видел Вас вчера вечером, является ужасным ударом по мне, но, конечно, Вы должны иметь и свое мнение. Остается узнать, что скажут французы. Если они скажут, что войдут (в войну. — М. Д), таким образом позоря нас, я не думаю, что мог бы взять на себя ответственность за подобное решение. Но я не хочу решать проблему, которая еще не возникла. Н. Ч.». Галифакс ответил: «Я чувствую себя скотом, но я лежал с открытыми глазами большую часть ночи, мучился и чувствовал, что не мог сделать любой другой вывод в данный момент, принуждая ЧС (к решению. — М. Д.). Э.». Премьер-министр ответил: «Ночные умозаключения редко дают правильную перспективу. Н. Ч.». Этот драматичный чат между Даунинг-стрит, 10, и Форин Оффисом еще продолжался. И сколько бы Чемберлен ни объяснял своему министру всю безнадежность его позиции, Галифакс настаивал на том, что мало того что условия Годесберга должны быть отклонены, но и что общественная гарантия должна быть дана Франции, и если бы она соблюла свои обязательства перед Чехословакией, Великобритания была бы рядом. Тем не менее, еще раз пристыдив Кэдогана за то, что не дал ему выспаться (и получив очередную порцию извинений), министр иностранных дел все же передал меморандум Гитлера чехословацкому послу Масарику, который, получив его, «долго ругался матерными словами (вот как хорошо он знает русский язык!»^[445] — восхищался посол Майский).

Первый человеческий порыв лорда Галифакса — не допустить войны — за ночь сменился, о чем и говорил в телеграмме граф Гранди (в стиле стандартной дипломатии, мало общего имеющей с человеческим отношением к вопросу). Невиллу Чемберлену нужно было победить не только Гитлера и Бенеша, не только провести мучительные переговоры с французской стороной (а Даладье и Бонне уже спешили в Лондон), ему надо было еще и своих коллег отговаривать от военной развязки. Единственный, кто понимал ситуацию, был Сэм Хор. На состоявшемся заседании Кабинета с участием французов он говорил о том, чтобы сразу согласиться со всеми требованиями Гитлера ввиду смертельной усталости премьер-министра. Чемберлен благородно возражал, мотивируя это тем, что на карту поставлена судьба миллионов. Теперь уже, по мнению

Кэдогана, «загипнотизированы» оказались Бонне и Даладье, которые верили, что судьба Европы зависит от мистера Чемберлена, а не от герра Гитлера^[446].

25 сентября Даладье отдал приказ о частичной мобилизации французской армии, что превращало ситуацию уже в совершенно угрожающую. Эрик Фиппс, британский посол в Париже, несмотря на семейную германофобию, все же сообщал телеграммой, что «война была бы самой непопулярной мерой во Франции. <...> Я поэтому думаю, что правительство Его Величества должно понять чрезвычайную опасность попытки поощрить малочисленную, шумную и коррумпированную военную группу политиков здесь»^[447]. Под малочисленной военной группировкой Фиппс, как выяснил Кэдоган, подразумевал «шайку проплаченных Москвой коммунистов, работающих на войну несколько месяцев»^[448].

Даладье с бычьим упрямством настаивал на том, чтобы соблюсти свои договоренности с Чехословакией; Чемберлен же задал ему ряд резонных вопросов, как он собирается это делать, если у французской стороны нет авиации, собирается ли Франция вторгнуться в Германию или ограничится укреплением линии Мажино, и пр. и пр. Как вспоминал Бонне: «Премьер-министр заявил нам, что получил самые тревожные сведения о состоянии французской авиации и о неспособности наших заводов возместить (возможные. — М. Д.) потери первых дней войны. Если ливень бомб сразу обрушится на Париж, на наши аэродромы, вокзалы, железнодорожные узлы, сможет ли Франция защитить себя и контратаковать?»^[449] Даладье отказался вдаваться в технические детали (хотя и был по совместительству военным министром) вечером 25-го, но утром 26-го прилетел генерал Гамелен с обнадеживающим отчетом о состоянии французской армии. Даладье начал новое наступление на Чемберлена, убеждая его в необходимости новой мировой войны. К этой инициативе тут же присоединился Галифакс, который от лица Форин Оффиса 26 сентября издал коммюнике, в котором говорилось, что Великобритания и Россия (причем заявление это было сделано без согласования с СССР) поддержали бы Францию в случае новой европейской войны. Казалось, мир был обречен. Однако переубедить премьер-министра, что путь выхода из кризиса все еще можно найти, было невозможно: «Невилл Чемберлен всегда внимательно и благожелательно выслушивал наши советы. Он не раз делал важные уступки в пользу нашего курса, но ничто не могло повлиять на его негибкую волю, когда цель была определена»^[450].

Это были действительно чудовищные дни практически для всех участников драмы. Премьер-министр был утомлен до предела, Бенеш находился в паническом страхе. Гитлер был недоволен пацифистскими настроениями своего народа, который, по его мнению, должен был жаждать войны, а теперь уповал на мирный исход. Из-за океана Франклин Рузвельт выступил с призывом к сохранению мира. Только сторонники партии войны мрачно ликовали и готовились «если надо, повторить» мировую трагедию. Согласно легенде, рассказанной послом Майским^[451], в одну из самых страшных ночей сентября 1938 года в дом на Даунинг-стрит, 10, постучали. К премьер-министру явился сам Стенли Болдуин. И явился он со словами: «Унижайтесь, до последнего унижайтесь! Если теперь начнется война, нас с вами просто повесят на фонарях». Вообще подобная мысль была свойственна очень многим консерваторам, тот же Лео Эмери писал еще раньше, что, «если нам только удастся избежать войны, история простит нам всё». Только унижаться пришлось и не С. Б., и не Эмери, и не остальным консерваторам, которые были не то что менее, а куда как более ответственны за то, что происходило. Унижаться пришлось премьер-министру Чемберлену, но что такое собственная репутация, когда речь идет о сохранении мира.

Невилл Чемберлен предпринял еще одну попытку урегулирования этой драматичной ситуации, и 26 сентября в Берлин полетел его советник сэр Хорас Уилсон, который в предыдущие две поездки сопровождал своего шефа. Он передал Гитлеру письмо, в котором премьер-министр выражал готовность приступить к переговорам «великой четверки», то есть Италии, Германии, Франции и Британской империи, дабы не допустить новой войны. Гитлер не желал ничего слушать и твердил, что переговоры не могут быть начаты, пока Бенеш не примет требований рейха, и давал чехам срок до 14.00 28 сентября. Не смея разговаривать в таком тоне с самим премьер-министром, на Уилсоне Гитлер, казалось, сорвался, кричал о «негодяйстве и лжи герра Бенеша», жестокости чехов, убийствах немцев, в общем, обо всем том, о чем он кричал весь 1938 год. Уилсон с Гендерсоном направили отчет в Лондон вечером 26 сентября.

Утром 27-го невозмутимый, как статуя командора, сэр Хорас Уилсон вновь посетил Гитлера. Уилсон был «идеальным государственным служащим»^[452], поэтому он продолжал выполнять поручение премьер-министра и пытаться сохранить мир. Гитлер вновь повторил ему то, что если чехословацкое правительство не выполнит условия его меморандума,

то 28 сентября в 14.00 его армия возьмет чешскую территорию силой. С каждой минутой война становилась все более и более реальной. Невилл Чемберлен в Лондоне отдал приказ о мобилизации флота, на чем давно уже настаивали многие министры и сочувствующие. Было введено чрезвычайное положение, и утром все были готовы проснуться и обнаружить начало боевых действий.

Тем же вечером премьер-министр в своей знаменитой речи по радио заявил: «Насколько ужасно, фантастично, невероятно, что мы здесь должны рыть траншеи и примерять противогазы из-за ссоры в далекой стране между народами, о которых мы ничего не знаем. Кажется еще более невозможным, что ссора, которая была уже улажена в принципе, должна стать предметом войны. Я не смущался бы нанести даже третий визит в Германию, если бы я думал, что он принесет пользу. <...> Я сам — сторонник мира до глубины души. Вооруженный конфликт между странами — кошмар для меня; но если бы я был убежден, что какая-то страна решила доминировать над миром и удерживать его в страхе своей силой, я бы чувствовал, что этому нужно сопротивляться. Под таким доминированием над жизнями людей, которые верят в свободу, не стоило бы жить: но война — страшная вещь, и мы должны быть чрезвычайно уверены, прежде чем мы пойдем на нее, что все это действительно того стоит». Эта речь, казалось, несколько отрезвила даже Гитлера, он понял всю серьезность ситуации и около 10 часов вечера передал письмо для Чемберлена, в котором предлагал гарантировать соблюдение всех условий плебисцитов, а также неприкосновенность новых границ Чехословакии.

Чемберлен в это время писал письмо Муссолини с просьбой оказать влияние на Гитлера: «Я полагаю, что Ваше Превосходительство сообщит канцлеру Германии, что Вы готовы быть посредником и убедить его согласиться на мое предложение, которое не допустит войны между нашими народами». Галифакс же строчил телеграммы в Прагу, предупреждая Бенеша о германском вторжении завтра в 14.00. Когда письмо от Гитлера было получено, премьер-министр испытал облегчение и направил ему следующее сообщение: «После чтения Вашего письма я чувствую себя уверенным, что Вы можете получить все без войны и без промедления. Я готов приехать в Берлин сразу сам, чтобы обсудить с Вами и представителями чешского правительства, а также вместе с представителями Франции и Италии, если Вы желаете, меры по передаче областей. Я чувствую себя убежденным, что мы могли достигнуть соглашения через неделю. Однако Вы не очень доверяете намерениям пражского правительства, но Вы не можете сомневаться относительно

британского и французского правительств, что обещания будут выполнены справедливо, полностью и немедленно. Как Вы знаете, я заявил публично, что мы готовы ручаться за их исполнение. Я могу полагать, что Вы не возьмете на себя ответственность за начало мировой войны, которая может уничтожить цивилизацию, из-за задержки в несколько дней урегулирования этой давней проблемы».

К чести Муссолини надо подчеркнуть, что дуче внял просьбе премьер-министра и стал по своим каналам увещевать Гитлера, но вплоть до 14.00 28 сентября 1938 года никакой определенности не было. Как заметил после итальянский посол в Берлине Атголико: «Коммунисты упустили свой шанс; если бы они перерезали телефонные провода сегодня между Римом и Берлином, то была бы война»^[453]. В этот день Невилл Чемберлен выступал в палате общин. Премьер-министр начинал речь, итогом которой могло быть объявление войны, в зависимости от того, какие новости будут поступать. Он все так же оставался мрачным, но не смирившимся. Чемберлен обрисовывал предшествующие этому дню моменты, описывал, какие усилия приложило британское правительство для сохранения мира в Европе, как вдруг в зал заседаний вошел его парламентский секретарь и протянул ему лист бумаги. Развернув бумагу, Чемберлен быстро прочитал, что в ней написано, и, сияя улыбкой, обратился к депутатам: «Я должен сообщить палате последнюю новость. Сейчас я получил сообщение от герра Гитлера, согласно которому он предлагает встретиться с ним завтра утром в Мюнхене. Он также пригласил сеньора Муссолини и месье Даладье, они уже дали свое согласие. И я надеюсь, не нужно говорить, каким будет мой ответ...»

Естественно, это был просто небывалый вздох облегчения. Галифакс следил за происходящим с галереи пэров вместе с епископом Кентерберийским, и такого эмоционального ликования, даже слез на лицах многих мужчин, как он будет вспоминать, никогда не видел ранее в палате общин^[454]. Даже вечные оппозиционеры-лейбористы теперь горячо поддерживали премьера. И не только для депутатов парламента, но и для всего мира это было облегчением. Сегодня трудно представить, чем эти слова были тогда. Сложно вообразить ужас, который владел человечеством на протяжении всего сентября 1938 года. Еще более сложно представить, что человека, которому удалось не допустить новой мировой войны, сегодня многие презирают, уничижительно называя дальнейшие события «Мюнхенским сговором». Существует, впрочем, и иная точка зрения о том, что Мюнхен «был триумфом всего, что было лучшим и самым

просвещенным в британской политической жизни; триумфом для всех, кто проповедовал равную справедливость народов; триумфом для тех, кто мужественно осудил жестокость и близорукость Версаля»^[455].

Безобразные истерики фюрера, цинично готовые подвергнуть своих людей ужасам войны коллеги, упрямство и промедление президента Бенеша (который почему-то сам не спешил ни в Лондон, ни в Берлин, ни в Париж, ни в Москву, чтобы предпринять что-то) не сломили Чемберлена в его решимости не допустить войны в целом, навсегда. Прав ли он был, пусть читатель определит сам для себя, зная о страшных последствиях все-таки разразившейся позже войны. Каждый имеет возможность самостоятельно вынести свое суждение по этому вопросу. 29 сентября на аэродроме Хестон Чемберлен говорил: «Когда я был маленьким мальчиком, я повторял себе: если у тебя не вышло с первого раза, старайся, старайся, старайся снова. Вот то, что я делаю сейчас. «Ив зарослях крапивы опасностей мы сорвем цветок — безопасность»». Премьер-министр цитировал своего любимого Шекспира, перед тем как в третий раз полететь в Германию.

Из-за спешки в созыве Мюнхенской конференции, а также из-за понимания, что Гитлера, не без оснований считавшего «лгуна Бенеша» вообще первопричиной всего кризиса, это не воодушевит, представители чехословацкой стороны в конференции не принимали участия. Судьбу чешских территорий решали четверо — Гитлер, Муссолини, Даладье и Чемберлен. Последний писал архиепископу Кентерберийскому: «Я уверен, что однажды чехи поймут, что то, что мы сделали, должно было спасти их счастливое будущее. И я искренне полагаю, что мы наконец открыли путь к тому общему умиротворению, которое одно может спасти мир от хаоса»^[456]. Муссолини сыграл роль не только посредника по организации самой этой исторической встречи, но и активно участвовал в переговорах, так как единственный владел и английским, и французским, и немецким языками, упрощая работу переводчикам. Даладье был менее всего активен, хотя и очень понравился Гитлеру — «он был на фронте, как и все мы»^[457] — так охарактеризовал германский фюрер французского премьера. Фактически в Мюнхене обсуждались только детали того меморандума, который уже выдвигал чехам Гитлер. Чемберлен здесь оказался в своей стихии. Педантично обсуждая каждый пункт соглашения, он приводил в молчаливое бешенство фюрера, выпрашивая, кто возместит чешскому правительству деньги за постройку зданий на переданных территориях, и

даже, что будет со скотом, отгонят ли коров и других животных обратно в Чехословакию или эти коровы теперь станут немецкими. Естественно, о таких мелочах никто не задумывался. Гитлер, привыкший мыслить масштабными идеями, а также уже изрядно уставший от того, что его собственный народ куда теплее приветствует не его военные устремления, а джентльмена с зонтиком, только разъярялся на мелочного Чемберлена. Но Чемберлен, привыкший думать о людях, пусть даже и тех, о которых толком ничего не знал, считал своим долгом предусмотреть все нюансы.

В масштабном представлении проекта Мюнхенского соглашения премьер добился определенных уступок: оккупацию Судетской области, которая должна была происходить с 1-го по 10-е число, разбили на пять этапов; учреждалась международная комиссия, в которую были включены чешские представители и которая должна была следить за тем, как это будет проходить; наконец, было условлено дать гарантии тому, что осталось от Чехословакии на случай неправомерной агрессии. В комиссию должен был войти и Невил Гендерсон, британский посол в Берлине, который уже находился на грани нервного истощения, ведь вся эта зловещая свистопляска проходила именно через него, как посредника между Лондоном и Берлином. Помимо прочего, ввиду болезни он просил у Галифакса отставки, мотивируя это тем, что его «тошнит от немцев», но министр иностранных дел отставки ему не дал.

Знаменитое Мюнхенское соглашение было подписано ночью с 29 на 30 сентября 1938 года Адольфом Гитлером, Бенито Муссолини, Эдуаром Даладье и Невиллом Чемберленом. Соглашение это тогда являлось отражением того, чего хотели люди по всей Европе, — мира. Утром 30 сентября премьер-министр Чемберлен имел аудиенцию у Гитлера, где подписал двустороннюю англо-германскую декларацию, согласно которой обе державы расписывались в том, что не желают более войны между ними, и давали обязательство решать все вопросы методом консультаций: «Мы рассматриваем Соглашение, подписанное прошлой ночью, и англо-германское Соглашение по военно-морскому флоту как символ желания наших двух народов никогда больше не вступать в войну друг с другом. Мы убеждены, что метод консультаций будет методом, принятым в решении любых других вопросов, которые могут касаться наших двух стран, и мы полны решимости продолжать наши усилия, направленные на устранение возможных источников разногласий и, следовательно, на сохранение мира в Европе».

Именно эту декларацию Невилл Чемберлен будет демонстрировать

несколько часов спустя, вернувшись на родину. Для него эти договоренности означали фундамент и возможность для будущего общего урегулирования, а для встречавшего его Лондона — долгожданное избавление от тревоги. Когда машина премьер-министра ехала по городу, ее приветствовали толпы людей. Впрочем, сам он, наблюдая все это из окна автомобиля, сказал Галифаксу, ехавшему с ним: «Месяца через три это кончится». А потом добавил: «Эдвард, мы должны надеяться на лучшее и подготовиться к худшему» ^[458]. Известен этот разговор со слов Эдварда Галифакса, который передал его профессору Фейлингу и с которым, безусловно, только и оставалось, что готовиться к худшему. Историки практически однозначно трактуют данное заявление премьер-министра — как предчувствие недолговечности его мюнхенского мира. Но, говоря о перспективе трех месяцев, он мог иметь в виду и совсем иное, а именно отношение британского народа к нему, зная, как переменчиво общественное мнение в его стране. Чемберлен понимал, что англичане долго на руках не носят никаких героев, особенно учитывая старания британской прессы.

Вечером он был приглашен в Букингемский дворец:

«30 сентября; от Е. К. В. Георга VI

Я посылаю это письмо через своего лорда-камергера, чтобы просить Вас приехать прямо сейчас в Букингемский дворец, так, чтобы я мог выразить Вам лично свои самые сердечные поздравления по случаю успеха Вашего визита в Мюнхен. Это письмо выражает самое теплое приветствие тому, кто его терпением и решительностью заработал длительную благодарность от его соотечественников по всей Империи».

Не только британский монарх благодарил Чемберлена. Телеграмма от короля Бельгии Леопольда выражала «самое сердечное спасибо тому единственному, кому судьба поручила священную ответственность за многих людей» ^[459]. Франклин Рузвельт, пристально следивший из-за океана за развитием этих событий, был лаконичен и прислал одно слово: «Молодец!» ^[460] Посол Гендерсон, который был одним из самых горячих сторонников курса премьер-министра, в своей телеграмме пророчески замечал: «Миллионы матерей будут благословлять Ваше имя сегодня вечером, Вы спасли их сыновей от ужасов войны. Но океаны чернил прольются после всего этого в критике Ваших действий» ^[461]. Именно так все позже и произошло, но пока атмосфера всеобщего ликования

захлестнула всю Европу. На улицах Берлина после шумных вечеринок с лучшим пивом появились жизнерадостные пошатывающиеся личности, а в столице Британской империи народ толпился под окнами дома номер 10 по Даунинг-стрит, пока джентльмен с зонтиком не обратился к своим гражданам с короткой речью, где и прозвучали слова о «мире для нашего поколения».

Последний раз из окна на Даунинг-стрит, 10, обращался к народу Ллойд Джордж, сообщая о перемирии. «А теперь я рекомендую всем вам идти спать. Сегодня вы можете спать спокойно», — закончил свою речь Невилл Чемберлен, который спас и этих людей, и Британскую империю, и весь мир от страшной катастрофы несколько часов назад. Люди были благодарны ему, он получил порядка сорока тысяч писем одобрения своим действиям, его дом был заставлен цветами, удочками и зонтиками. Их присылали премьер-министру в подарок, ведь зонтик теперь стал символом мира. Мира, который скоро стал рассыпаться на осколки, как стекла витрин. Сам Чемберлен нашел возможность выразить свои ощущения от всего произошедшего только 2 октября в письме своей сестре:

«Моя дорогая Хильда,

Письма, которые ты и Ида послали мне в пятницу, ко дню моего возвращения, были именно тем, что я хотел получить, поскольку в такие моменты сердце инстинктивно стремится к самому близкому и самому дорогому, и сознание этой близости дает силу, в которой каждый нуждается.

В эти напряженные дни я потерял всякое чувство времени и восприятия дней, я едва помню и, конечно, не имею теперь никакого желания вспоминать, где я был неделю назад, я только знаю, что события, пролетающие мимо, казалось, вели нас к краю пропасти с ужасающей уверенностью и быстротой. Только Энни знает, через что я прошел в те мучительные часы, когда надежда казалась почти погасшей, и только я знаю, как героически она поддерживала храбрость и уверенность во мне.

Я хочу поблагодарить вас обеих за помощь, которую вы оказали ей. Она передала мне, насколько реальным это было, и она очень благодарна. Хотя, я думаю, ее собственная религиозная вера и убеждение, что молитвы такого количества миллионов не могли быть напрасными, поддержали ее больше всего.

Для меня, признаюсь, казалось слишком возможным, что все молитвы народов мира, включая Германию, самостоятельно едва ли могли бы противостоять фанатическому упрямству одного человека. Я осмеливаюсь думать, что Энни рассказала или расскажет о том, как мы отчаянно

цеплялись за последний пучок травы на самом краю пропасти. То, что новости об избавлении должны появиться у меня в самом разгаре моей речи в палате, было частью такой драмы, что никакая беллетристика не сумеет превзойти когда-либо. События следующих 48 часов повлекли за собой потрясающие физические и умственные усилия.

Я бодрствовал накануне до двух часов ночи, готовя речь. После были раннее пробуждение, сцены на аэродроме и долгий полет в Мюнхен. Остальная часть того дня до окончания ее следующим утром была длительным кошмаром, и я только теперь в состоянии постепенно разобраться в моих впечатлениях.

Внешность и речь Гитлера, когда я увидел его, казалось, указывали, что в нем произошли категорические изменения, хотя он приветствовал меня двойным рукопожатием, которое он использует для специальных демонстраций дружбы. Все же эти впечатления были обманчивы. Его первые предложения, когда мы собрались на нашей конференции, были так умеренны и разумны, что я почувствовал мгновенное облегчение.

Отношение Муссолини было чрезвычайно тихим и сдержанным. Он казался мне запуганным Гитлером, но, несомненно, он больше всего мечтал о мирном урегулировании, и он сыграл особенную роль в его достижении.

Это был первый раз, когда я его увидел. Он невысок, намного ниже, чем я, так что я на него смотрел сверху вниз. Его внешность не произвела на меня особого впечатления. Голова гладко побрита, и, на мой взгляд, он выглядел бы намного лучше, если бы позволил волосам, которые у него есть, отрасти. Часть центра черепа лысая, но бритые остальной части головы придает ему скорее вид животного, что особо усилено его темным и болезненным цветом лица. Его поведение со мной было более чем дружественным; он слушал с предельным вниманием все, что я говорил, и выражал большую надежду, что я пораньше навещу его в Италии, где получу очень теплый прием.

Я нашел возможность, чтобы поговорить с ним об Испании, и предложил, чтобы наши Четыре Державы обратились к двум воюющим сторонам с просьбой соблюдать перемирие, в то время как мы помогли бы им найти условия мирного соглашения. Он обещал обдумать это предложение, которое я впоследствии сделал также Гитлеру. Но он сказал мне, что был «сыт по горло» Испанией, где потерял пять тысяч солдат мертвыми и ранеными, и Франко он также был сыт по горло. Тот все время упускал все представляющиеся возможности для победы, у него нет там территориальных стремлений, хотя он и удовлетворен тем, что теперь нет никакого шанса на победу большевизма. Он очень скоро собирался отозвать

10 тысяч своих солдат.

Приблизительно в час ночи, в то время когда мы ждали документы, я спросил Гитлера, не захочет ли он увидеть меня для другого разговора. Он ухватился за эту идею и попросил, чтобы я приехал в его частную квартиру, которую он арендовал и где другие этажи занимали рядовые граждане. У нас был очень дружественный и приятный разговор, <мы говорили> об Испании (где он также подчеркнул, что у него никогда не было территориальных устремлений), экономических отношениях с Северной Европой и разоружении. Я не упоминал колонии, он тоже. В конце я вытащил декларацию, которую подготовил заранее, и спросил, подпишет ли он ее. По мере того как переводчик переводил слова на немецкий, Гитлер часто повторял: «Ja! Ja!» — и в конце он сказал: «Да, я, конечно, подпишу ее. Когда мы сделаем это?» Я сказал «сейчас», мы подошли к письменному столу и поставили наши подписи под двумя копиями, которые я принес с собой.

Даже описания газет не дают полного впечатления сцен на улицах, когда я ехал из Хестона во Дворец. Они были заполнены от одного конца до другого людьми всех классов и положений. Люди кричали, прыгали на подножку машины, барабанили в окна и протягивали руки к автомобилю, который раскачивался. Сцены достигли кульминации на Даунинг-стрит, когда я говорил со множеством людей из того же самого окна, из которого Дизраэли объявил о мире с гордостью 60 лет назад.

<...> Я приехал сюда, находясь к нервному срыву ближе, чем когда-либо в своей жизни»^[462].

Глава 7

ЧЕРТ ДЕРГАЕТ ЧЕМБЕРЛЕНА ДАТЬ ГАРАНТИИ ПОЛЬШЕ: ВТОРАЯ ВОЙНА НАЧИНАЕТСЯ (МАРТ 1939 — СЕНТЯБРЬ 1939)

*Потому что вы должны жить с чертями,
нравятся они вам или нет*^[463].

Лорд Галифакс

Четыре дня в палате общин длились дебаты по поводу Мюнхенского соглашения. Люди, которые еще 28 сентября плакали, избавленные от ужасов войны премьер-министром, теперь решили продемонстрировать ему свою благодарность. «Весь мир, кажется, полон похвал для меня, кроме палаты общин, но это так естественно...»^[464] Гарантировав мир своему поколению, Невилл Чемберлен буквально развязал парламентскую войну с вынесением вотума недоверия правительству, который, естественно, провалился; с бесконечными упреками оппозиции; с интригами бекбенчеров-консерваторов, руководил которыми, конечно же, Уинстон Черчилль. Горе его вообще было несоизмеримо, такая близкая, такая вождеденная, такая привлекательная война была у него отнята, точно леденец у капризного малыша. Вместе с войной была отнята и возможность его возвращения в правительство, хотя Галифакс советовал премьер-министру реформировать Кабинет, предложив портфели в нем и лейбористам, и Черчиллю с Иденом. Тем более что несогласный с Мюнхеном младший министр Дафф Купер подал в отставку.

Сознавая, сколько осложнений в самой работе подобного правительства вызовет своей неумной и далеко не всегда уместной энергией Уинстон Черчилль, Чемберлен прислушиваться к советам своего друга Эдварда не спешил. Сам Чемберлен на Черчилля особенно не сердился. По его мнению, тот просто по темпераменту был вечным оппозиционером: «Когда я вижу его в холле, он кажется столь же дружелюбным, как и обычно, и, действительно, я не думаю, что он

враждебен лично ко мне; просто его беспокойное стремление постоянно заставляет критиковать любое правительство, в которое он не входит»^[465]. Самый доверчивый из британских государственных деятелей^[466] с иронией отнесся к заговору между Черчиллем и Масариком и их намерению свергнуть Кабинет, о чем писал своей сестре: «Они, конечно, совсем не догадываются о том, что я знаю о их проделках. Мне поступала непрерывная информация о их приключениях и высказываниях, которые в течение энного количества времени демонстрировали, с какой легкостью Уинстон может обмануть себя, когда он хочет, и насколько может быть совершенно доверчивым иностранец, когда ему говорят то, что он хочет услышать. В данном случае это были слова «падение Чемберлена неизбежно!»^[467] Заговор этот премьер-министру вовсе не мерещился. Дэвид Ирвинг подробно описывает^[468], какие титанические усилия прилагали и Черчилль, и Масарик (при полной поддержке Бенеша, в том числе и финансовой), а также в меньшей степени Клемент Эттли и лейбористская оппозиция, чтобы свергнуть правительство Чемберлена и начать новую мировую войну. Но в результате они потерпели неудачу, а всерьез премьер-министр обиделся на Черчилля, когда тот начал рассказывать палате «сплетни о большой четверке министров, которая решает все вместо целого Кабинета».

В итоге Чемберлен ответил ему в довольно жесткой манере, показав, что и его терпение безгранично. «Большая четверка» — премьер-министр, министр иностранных дел лорд Галифакс, министр внутренних дел Самюэл Хор и министр финансов Джон Саймон — действительно была основной рабочей группой правительства, но эти ключевые министры всегда играют ведущую роль в любых Кабинетах. Между тем, как будто предугадав разговоры о смене состава правительства, Адольф Гитлер выступил с речью в Саарбрюкене, где говорил о том, что «стоит только прийти к власти в Англии таким людям, как Черчилль, Иден или Дафф Купер, будет невозможно поддерживать дружеские отношения между нашими двумя странами».

Все эти внутрипартийные проблемы не прибавляли Чемберлену оптимизма. Иден вновь рвался в правительство, но с ним премьер-министру работать было бы очень сложно, тем более что теперь нужно было развивать отношения с Италией. Впереди перед премьером было до крайности много работы, Мюнхен был даже не передышкой, а необходимой вехой. «Возможно, если бы я был по-другому устроен, то я

мог бы просто сидеть и греться в лучах этой популярности так долго, сколько бы она ни продлилась, — писал он сестре. — Но я уже немного нетерпелив по этому поводу, потому что, кажется, все это уже перегибает палку. Мы избежали самой большой катастрофы, это верно, но мы очень мало приблизились ко времени, когда сможем выкинуть все мысли о войне из наших умов и настроиться на то, чтобы сделать наш мир лучше. И, к несчастью, существует очень много людей, у которых нет веры, что мы можем когда-либо дожить до такого времени в принципе. Более того, они делают все, что могут, чтобы заставить их собственные мрачные пророчества осуществиться»^[469].

Познакомившись лично с Муссолини и Чиано в Мюнхене, Чемберлен теперь получил письмо от второго, Чиано, в котором тот говорил о необходимости ратификации англо-итальянского соглашения, указывая, что итальянский военный контингент уже скоро будет выведен из Испании, а это было основным условием, на котором еще в начале этого событийного года настаивал Иден. Также Чиано намекал, что в случае проволочек, скорее всего, Италия заключит определенное соглашение с рейхом. Премьер-министр долго совещался с Кабинетом и все-таки в срочной ратификации (а Чиано ставил срок до 6 октября) отказал, хотя подвижки в официальном признании Абиссинии были сделаны. Основной причиной его отказа стала палата общин, в которой бесновались оппозиция и провоенные группировки. Они не приняли бы еще одной уступки диктаторам, к огорчению Чемберлена: «Эти внутренние проблемы движут непрерывный поток брани, выливаемой на меня, что имеет несколько угнетающий эффект на мое настроение»^[470]. В итоге только 1 ноября 1938 года он внес в парламент законопроект о ратификации договора с Италией и признании Абиссинии де-юре.

Помимо итальянского направления премьер-министр планировал продолжать сотрудничество с французской стороной. Хотя в сентябрьском кризисе Даладье исполнял скорее роль ведомого, нежели ведущего, но не бросать же теперь пусть и непутевых, но союзников: «Я чувствую, что это может быть правильным по многим причинам: чтобы дать французам возможность излить их чувства благодарности и привязанности; чтобы усилить <позиции> Даладье и поощрить его сделать что-то наконец, что привело бы в порядок оборону его страны и объединило людей; чтобы показать Франции и заодно Европе, что если мы стремимся подружиться с Германией и Италией, то не собираемся забывать наших старых союзников; и, наконец, это позволит мне поехать в Рим в январе, что я пытаюсь

устроить как раз сейчас! Надеюсь, что Рим в данный момент — тот конец Оси, на который можно легче других произвести впечатление. Я полагаю, что Испания не угрожает европейскому миру, но все равно я очень хотел бы остановить конфликт там, и хотя Муссо был не очень воодушевлен этой темой в Мюнхене, есть у меня одна идея, и будет иметь смысл поговорить с ним снова после того, как наше собственное соглашение вступит в силу. Но, конечно, я хочу намного большего, чем это. Час или два тет-а-тет с Муссо могли бы быть чрезвычайно ценными в планировании переговоров с Германией. Если бы я обговорил эту возможность сперва с Францией, мы могли бы видеть некоторый резон поторопиться в делах. В прошлом я часто испытывал чувство беспомощного раздражения от того, что мы дрейфуем во внешней политике, но теперь я имею возможность сам держать ее в движении, и пока я премьер-министр, я не хочу отступить. Конечно, я должен взять Галифакса с собой в Рим, но самые важные переговоры будут между Муссо и мной»^[471].

Невилл Чемберлен был уверен в своем личном контакте с диктаторами. Его уму не постичь было того факта, что ревность тоталитарных лидеров, таких как Гитлер и Муссолини, привыкших к раболепному поклонению и слепому обожанию их народов, будет очень велика, равно как и их разочарование в этих самых народах, которые предпочитали мир, а не войны, пусть даже и победоносные. Премьер-министр, регулярно с жаром критикуемый и палатой общин, и собственной прессой, просто не мог мыслить ни о своем, ни о чужом народе такими категориями. Он радовался и удивлялся, говоря о своей популярности в Германии, а позже и в Италии, не понимая, что эта самая популярность чудовищно раздражает людей плана Гитлера и Муссолини.

Первый, Гитлер, выплеснул свою ярость быстрее и жестче. В начале ноября 1938 года в Париже юноша-еврей убил германского атташе. Все это вылилось в так называемую «Хрустальную ночь», или «Ночь разбитых витрин», которая случилась в Германии 9—10 ноября 1938 года и ознаменовалась страшными еврейскими погромами. Чемберлен писал сестре по этому поводу: «Я испуган немецким поведением по отношению к евреям. Кажется, это фатальный случай для англо-немецких отношений, который неизменно теперь блокирует каждое наше усилие их улучшить. Я предполагаю, что завтра должен буду сказать что-то относительно этого <в парламенте поскольку, конечно, возникнет вопрос о нашей реакции. Это будет проблемой, как нам лучше избежать оправданий с одной стороны и с другой — такой критики, которая может грозить еще худшими

последствиями этим несчастным жертвам. Ясно, что нацистская ненависть не останавливается ни перед чем в том, чтобы найти предлог для варварств»^[472]. Чемберлен в парламенте осудил действия немцев, но все еще надеялся, что достичь всеобщего урегулирования возможно.

Правда, его единомышленник посол Гендерсон в это время в Берлине отсутствовал. Выполнив свои обязательства в международной комиссии по Чехословакии, он наконец-то получил от Галифакса отпуск, за время которого ему сделали операцию и продлили его дни, поэтому германское направление пока провисало. Сама «Хрустальная ночь» имела много разных последствий, но одним из решающих было то, что новое чехословацкое правительство во главе с доктором Гахой (Бенеш вышел в отставку и уехал в США после Мюнхена), которое делало первые шаги по нормализации отношений с рейхом, теперь было абсолютно антигермански настроено. Все это опять-таки развязывало руки Гитлеру.

На фоне этих событий в конце ноября 1938 года Чемберлен и Галифакс прибыли в Париж на переговоры с правительством Даладье. Парижский визит был полезен, хотя французы в первую очередь были обеспокоены тем, что премьер-министр не собирается вводить ни промышленной, ни воинской повинности и что в случае чего помощь, которую Британия сможет оказать Франции на континенте, будет незначительной. Чемберлен же указывал, что французам стоит и самим о себе заботиться и особенно разобраться с их авиацией, которая оставалась в катастрофическом положении. Тем не менее был выработан план по созданию общей противовоздушной обороны, а у самого премьер-министра остались о Париже исключительно благоприятные впечатления: «У нас был замечательный прием, когда мы добрались до Парижа. Я ехал в первом автомобиле с Даладье, и весь наш маршрут от станции до посольства нас приветствовали толпы народу. Они не позволили мне ехать в открытом автомобиле, тот, в котором я был, не имел никаких подножек и был снабжен пуленепробиваемыми стеклами. Но я открыл окно на своей стороне, насколько я мог, и заставил Даладье сказать шоферу поехать так, чтобы у людей был шанс меня увидеть. Я думаю, что газеты не передали всю степень энтузиазма, который французы снова продемонстрировали, когда я ехал от Кэ Д'Орсэ (французское министерство иностранных дел. — М. Д.) до Отель-де-Виль, хотя было темно, да еще и лил дождь. Наши комнаты в посольстве были похожи на цветочный магазин. <...> Четверг был главным образом занят разговорами с министрами, и они прошли самым удовлетворительным образом. Мы столкнулись с только одним препятствием, когда обсуждали гарантию чехам. Но, к счастью, когда мы,

казалось, достигли тупика, ко мне пришла идея, которая снискала непосредственное расположение всех и восстановила полную гармонию наших отношений»^[473]. После британцев Париж посетил рейхсминистр иностранных дел фон Риббентроп, подписавший с Бонне совместное заявление^[474], что Чемберлена очень обрадовало.

В это же самое время одновременно с Риббентропом во Франции находился отставник правительства Дафф Купер и выступал там с речью о том, что Мюнхен был поражением и для Франции, и для Англии. Премьер-министр скептически взирал на все это, но «не жаловаться же теперь миру на своих экс-министров»^[475]. Его нынешними министрами была недовольна уже палата общин, которая полагала, что в Кабинете происходит «моноспектакль» и что кроме премьера, собственно, там никто ничего и не делает. Это было верно. Разговоры о реконструкции правительства шли с сентября, но когда Чемберлен спрашивал в частных беседах ярых критиков его Кабинета, кому же тогда еще в нем работать и какие они могут предложить кандидатуры, ответов, как правило, не получал, поэтому рокировок не делал.

Во время визита в Париж он также рекомендовал французам налаживать контакты с Италией, но после выступлений итальянских депутатов в Риме с криками «Тунис! Корсика! Савойя!» (периодически к этому прибавлялось еще и «Ницца!») это вряд ли для Даладье представлялось возможным. Муссолини хотел колоний, в том числе и французских, на это Париж пойти не мог. «Что творят диктаторы! После евреев в Германии итальянцы начинают эту смешную демонстрацию против французов, которая может только иметь эффект объединения всей Франции против них и воодушевить всех врагов фашистского государства в этой стране. Но Муссолини в субботу послал нам сообщение, что он хотел бы опубликовать дату нашего визита в Рим сегодня, и, я думаю, это показывает, что умиротворение возможно продолжить»^[476]. Декабрь 1938 года был весьма мрачен. Гитлер не проявлял ни малейшего намека на дружелюбие. Единственное, что воодушевляло Чемберлена, — это перспектива удачных итальянских переговоров и продолжающие поступать на Даунинг-стрит, 10, цветы, а также всякие другие подарки, вплоть до греческих православных крестов.

Внешнеполитические проблемы усугублялись внутренними, в том числе и в Кабинете, который уже сам собой был недоволен, и решать все это предстояло Чемберлену, горестно писавшему сестре: «Когда С. Б. был премьер-министром, у него был я, чтобы помогать ему, а у меня нет никого

в таком же положении, и, следовательно, только я один и должен распутывать все проблемы»^[477]. Особенно его удручало то, что он вынужден сам отчитываться перед палатой общин, общаться с прессой, в том числе и иностранной по внешнеполитическим делам и пр. и пр. Галифакс, как член палаты лордов с ее спокойной обстановкой, палец о палец не стремился ударить, чтобы помочь другу и руководителю, а только критиковал его выступления.

Исходя из того, что случится спустя всего три месяца, можно предположить, что, конечно, здесь Невилл Чемберлен совершил свою роковую ошибку, не послушавшись многочисленных мнений и не сменив состав правительства, а особенно министра иностранных дел, но, будем откровенны, и менять-то его было просто не на кого. Равно как и остальных. Чемберлен, как и положено вьючной лошади, продолжал тащить правительство и европейский мир на своей спине: «Единственная вещь, о которой я забочусь, это то, чтобы быть в состоянии проводить политику, в которую я верю, и знаю, что я прав. Единственным бедствием для меня является то, что критика в наш адрес может создавать преграды, а это ставит мои цели под угрозу. Таким образом, я страдаю от глупостей, которые люди и газеты этой страны повторяют. Тем не менее хотя собаки и лают, но караван идет дальше»^[478]. Следующей остановкой этого каравана был Рим.

В начале января 1939 года предпосылки для этого визита премьер-министра были не самые благоприятные. Франко одержал ряд сокрушительных побед в Испании, что вызвало ликование Италии и агрессивную реакцию Франции. Рейх оставался мрачен и не проявлял дружелюбия. «К счастью, мой характер, как говорит Л. Д., — «чрезвычайно упрямый», и я отказываюсь меняться»^[479], — писал Невилл Чемберлен сестре перед визитом к Муссолини. Сам дуче готовился к встрече и, по некоторым сведениям, издевательски отметил: «К нам приезжает Чемберлен со своим зонтиком». В роли зонтика выступать пришлось лорду Галифаксу, который от всего этого приуныл, и весь визит его не покидали грустные мысли: «Когда я шел с Чемберленом к Муссолини вдоль не очень широкого прохода между линиями молодых чернорубашечников, которые стояли с выхваченными кинжалами на уровне плеч, меня не отпускала неудобная мысль, что, если бы я споткнулся, я должен бы был непогрешимо пронзить горло острием кинжала; Чемберлен, который ниже меня ростом, упал бы более счастливо, под кинжалами»^[480].

Действительно, до высот ренессанса лорда Галифакса, хотя и физически ниже премьер-министр был лишь на три дюйма, ему было далеко.

Англо-итальянские переговоры прошли в достаточной степени неплохо, хотя, конечно, их успешность нельзя было сравнить с ликованием толп на улицах Рима. Галифакса не покидало ощущение спектакля, но после он получил сведения о том, что все эти акции выражения любви премьер-министру были спонтанными, а вовсе не отрепетированными и, более того, Муссолини был чрезвычайно раздражен ими и даже отдал приказ разгонять такие толпы. А самый настоящий зонтик в Риме у Чемберлена все-таки пропал, он забыл его на одном из многочисленных банкетов, и только перед самым отъездом его нашли и вернули владельцу^[481], что дало повод для бесчисленных острот всей европейской прессе. И все же премьер-министр Чемберлен еще был уверен, что сохраненный им мир — вовсе не шутка, как бы в опере тогда ни пел об этом Фальстаф со сцены.

Сам он о своем визите писал сестре следующее: «Я даже не знаю, где начать мой отчет о действительно замечательном визите. Я сразу могу сказать, что я, думаю, достиг всего того, чего и ожидал достигнуть, и более чем удовлетворен, эта поездка определенно усилила возможности сохранить мир. Расскажу сначала свои впечатления от Муссолини: я нашел его прямым и внимательным по отношению к нам, и кроме того, у него есть довольно привлекательное чувство юмора. Было примечательно, что Галифакс, который вовсе не ожидал полюбить дуче, уезжал с очень благоприятным впечатлением. М<уссолини> тщательно избегал любого вопроса, который мог бы нас смутить. Хотя он сказал нам откровенно, что не намеревается вести какие-либо переговоры с Францией, пока испанский вопрос не будет устранен, он ни разу не упомянул Тунис, Ниццу, Корсику, Джибути или Суэцкий канал. Он был решителен в своих гарантиях того, что намеревается поддерживать свое соглашение с нами, что он хотел бы мира и готов использовать все свое влияние, чтобы сохранить его. <...> М. в свою очередь рассказал своим друзьям, что благоприятное впечатление, которое он сформировал обо мне в Мюнхене, было подтверждено и что я ему понравился, потому что говорил с ним так непосредственно. <...> Возможно, наиболее поразительной особенностью нашего визита было отношение людей. На всех приемах мужчины и женщины были чрезвычайно сердечны, и все хотели выразить благодарность, многие из них говорили: «Вы не знаете, как мы любим вас». А на улицах везде, куда бы я ни пошел, хотя никаких уведомлений относительно времени и нашего маршрута не давалось, люди показывали самый удивительный энтузиазм.

Поскольку меня всегда сопровождала специальная полиция на мотоциклах, мое появление было, так сказать, предваряемо ревом моторов, и каждый человек, которого я встречал, приветствовал меня, вскидывал шляпу, хлопал в ладоши и кричал «Виват» и «Чемберлен». <...> Я провел большую часть своего времени, постоянно кланяясь то в одну сторону, то в другую, поэтому я едва мог разглядеть какую-либо архитектуру. <...> Я немного простудился и проснулся в четверг с очень воспаленным горлом. <...> Однако, благодаря Эдварду, который снабдил меня «Quinasp» (капсулы от инфлюэнцы, что-то вроде сегодняшнего «Тамифлю». — М. Д.), я успешно пресек это воспаление и постепенно поправляюсь, хотя все еще не совсем здоров»^[482].

Нельзя сказать, что Чемберлен был напрасно так оптимистичен, нейтральная позиция Муссолини к англо-германским отношениям, какими бы они ни были, и сотрудничество с обеими странами были тверды. Чего, к сожалению, нельзя было сказать о Франции, франко-итальянские отношения наладить так и не удалось. Усугубило их взятие войсками Франко Барселоны спустя неделю после римского визита Чемберлена.

В начале февраля премьер-министр сохранял свой оптимизм, основываясь на том, что он видел на улицах. А видел он людей, которые страстно приветствовали мир и до сих пор облегченно вздыхали, памятуя о кошмаре осени 1938 года. Чемберлен не мог вообразить, что диктаторы увидят другое и что они будут так глухи к собственным народам, абсолютно однозначно не желающим воевать, сколько бы пропагандистские средства массовой информации ни старались.

Помимо этого видения у него было несколько реальных пунктов, на которые он опирался в своем понимании ситуации: «<О британском перевооружении>: мы увидели, в чем были наши слабые места, и усилили их. Таким образом, это не могло бы свергнуть нас теперь в хаос, как произошло тогда (осенью 1938 года. — М. Д.).<...> То же самое и у французов, это первый пункт. Пункт второй — то, что люди практически подошли к войне, посмотрели на нее и объявили, что им она совсем не нравится. Если бы они подумали, что снова окажутся так близко к ней, они выступили бы против очень яростно и поэтому они полагают, что г-н Чемберлен — хороший добрый старый джентльмен, который никогда не хотел бы видеть немцев своими врагами. Пункт третий почти объединен со вторым. Экономическая ситуация в Германии плохая, и все знают, что это так, но вряд ли Гитлер признал бы подобное публично. Это не то положение, в котором можно начинать смертельную борьбу. Пункт четвертый — это то, что говорит Рузвельт (президент США выступал в этот

период с туманными заявлениями относительно европейской ситуации. — М. Д.), в любом случае в этом есть что-то неприятное диктаторам, и у них есть неудобное чувство, что в случае проблем не потребовалось бы многих усилий заставить США выступить на стороне демократических государств»^[483].

13 февраля 1939 года в Берлин возвратился после лечения сэр Невил Гендерсон; он полностью разделял оптимизм премьер-министра. Устроив две британские торговые миссии еще в январе, находясь в Лондоне, он отмечал, что ситуация позволяет надеяться на нормализацию отношений. И премьер-министр, и посол не были катастрофически близоруки, как это принято выставлять, они опирались на реальные данные. Еще 30 января в рейхстаге Гитлер выступал с речью, где говорил об укреплении англо-германских отношений: «Будет большой удачей для целого мира, если наши два народа могли бы сотрудничать в полной уверенности друг в друге».

Фюреру Чемберлен все еще верил. 19 февраля 1939 года он писал сестре: «Сейчас, когда в саду поет дрозд, светит солнце и грачи начинают обсуждать между собой строительство гнезд, я чувствую, что весна совсем рядом. <...> Вся информация, которую я получаю, говорит о движении в сторону мира»^[484]. Это замечание относилось к сведениям, которые премьер-министр получил от посла Гендерсона, где тот замечал, что на немцев визит в Италию произвел известное впечатление и увеличил шансы сохранить мир. В обычном своем отстраненном состоянии находился и лорд Галифакс, который после победы Франко рекомендовал тут же признать его правительство. И казалось, ничто не предвещало беды.

Руководствуясь этими положительными новостями, в начале марта Чемберлен дал от имени Форин Оффиса комментарий, в котором говорил, что ситуация стабильна и к концу года можно будет начать переговоры о разоружении, а также о том, что отношения между Италией и Францией начинают налаживаться. Заявление было прессой выведено в чересчур радужных красках, но не было таким уж возмутительным, тем не менее Галифакс, по привычке отсутствующий в Лондоне и на работе, просто разъярился, услышав об этой речи премьер-министра. Здесь можно только лишь строить предположения, что так задело министра иностранных дел. Был ли это Кэдоган, транслировавший истории о воинственных намерениях Гитлера^[485], было ли это желание старого фронтовика не начинать никаких переговоров с рейхом в принципе, была ли это ревность, что премьер не дает министру самому и слова сказать (хотя до этого он прекрасно говорил

в палате лордов, и не только) и постоянно вырывает внешнюю политику из его рук, наконец, это вообще могло быть вызвано так называемым межсезонным обострением или кокаином не лучшего качества. Нрав лорда Галифакса был до крайности своеобразным. Немедленно вернувшись в столицу, он решил лично разобраться с премьер-министром, но поскольку тот уже уехал в Чекере, выполнив непосредственную работу Галифакса, то министр ограничился разгромным письмом.

10 марта 1939 года от лорда Галифакса:

«Я попытался увидеть Вас сегодня, но нашел, что Вы очень мудро уехали в Чекере. То, о чем я хотел сказать Вам, — Ваше вчерашнее выступление перед корреспондентами; и поскольку мы не можем лично переговорить, Вы не будете возражать против того, что я вполне откровенно напишу Вам о моих трудностях в связи с этим. Я чувствую их в двух моментах... <проблема синхронизации связи с прессой № 10 и министерства иностранных дел>.

Другое поле моей проблемы состоит в том, что оглашенные надежды на ранний прогресс разоружения — который, однако, желателен, но я не могу расценивать его вероятным — не будут иметь положительный эффект в Германии в данный момент. Немцы будут поощрены думать, что мы чувствуем напряжение и т. д., и хороший эффект баланса, который Вы до сих пор поддержали между перевооружением и усилиями по поддержанию мира, будет обращен нам в ущерб. Я не знаю, видели ли Вы телеграмму два или три дня назад от Перта (британского посла в Италии. — М. Д.), который сообщал о разговоре военного атташе с немецким военным атташе, повторявшего то же самое.

И я боюсь, что французы, уже и так немного чувствительные к нашему тонкому подходу из-за того, что мы подгоняем их в переговорах с итальянцами, будут раздражены этим. <...> Их готовность подозревать нас весьма велика, и мы должны очень стараться не давать им никакого основания для подобного. <...>

Вы знаете, что я никогда не хочу быть утомительным или сам делать эти ведомственные представления! И, конечно, я все время помню, насколько огромное личное бремя лежит на Вас и какой личный вклад Вы можете внести во все это, как никто другой. Но тем не менее я думаю, что, когда Вы собираетесь сделать такой общий обзор иностранных дел, было бы полезно и хорошо, если бы Вы считали возможным сообщать мне заранее, что Вы собираетесь это сделать, и дать мне некоторое представление о том, что Вы хотели бы сказать. Это дало бы мне возможность высказать какие-либо соображения, и только я должен

утверждать, могли бы или не могли бы Вы произнести то или иное; я повторяю, что никто не признает с большей готовностью, чем я, что окончательная ответственность должна быть Вашей!

Я написал очень откровенно, и Вы не будете возражать против того, что я так сделал. Моя единственная цель состоит в том, чтобы предупредить возможные недоразумения и трудности»^[486].

С этого самого дня лорд Галифакс решил вырваться из тени премьер-министра, и именно 10 марта 1939 года можно было бы назвать практическим началом отсчета Второй мировой войны. Потому что лорд Галифакс, получивший свободу действий, представлял собой опасность посерьезнее, чем даже Адольф Гитлер, который действительно в сравнении с экс-вице-королем Индии мог бы сойти за лакея.

Тем не менее Чемберлен, считавший Галифакса в первую очередь своим другом и понимая, что, возможно, обидел его чем-то, ответил ему очень дружелюбным письмом 11 марта 1939 года:

«Мой дорогой Эдвард, Ваш упрек очень изящно передан и полностью мною заслужен. Я могу только сказать —

1. Mea Culpa! (*лат.* «моя вина!»). — М. Д.).

2. Я был испуган результатом моего разговора с прессой, который предполагался только как обозначение общих стремлений, но был понят превратно.

3. Я искренне обещаю не делать так снова и буду консультироваться с Вами заранее, если меня еще спросят что-нибудь об иностранных делах. Вы всегда так восприимчиво «волнуетесь», что я действительно хочу извиниться и очень сожалею, что Вам пришлось смущаться за меня.

Всегда Ваш, преданный

Невилл»^[487].

Этот обмен письмами стал отправной точкой в коренном изменении внешней политики Британской империи. Если раньше премьер-министр Чемберлен выполнял дипломатическую работу, то теперь ему дали понять, что больше подобного терпеть не будут. 14 марта словацкий парламент объявил о независимости, и государство Чехословакия перестало существовать. В тот же день президент Гаха был вызван в Берлин, где в результате давления с немецкой стороны подписал капитуляцию. Немецкие войска вошли в Прагу. Гитлер к тому моменту считал Чемберлена «жалким червем» и не думал, что тот отважится на какие-либо шаги. Чемберлен посчитал Гитлера «обыкновенной маленькой свиньей» и уже 17 марта в

Бирмингеме решительно выступил с критикой в адрес германской агрессии.

Он заявлял, что сам герр Гитлер неоднократно подчеркивал, что чехи его больше не интересуют. «Это последнее нападение на небольшое государство или последуют новые? Или фактически это шаг к попытке силового доминирования над миром?» Премьер-министр был возмущен. И тем, что Гитлер предал его лично, и тем, что он предал те договоренности, которых они с трудом смогли достичь полгода назад. «Я чувствую себя обязанным повторить, что, в то время как я не готов подвергнуть нашу страну новым неясным обязательствам, не дающим гарантированного результата, куда большей ошибкой было бы предполагать, что если страна полагает войну бессмысленным и жестоким исходом событий, она настолько разобщена, что не примет самое горячее ее участие в сопротивлении угрозам, если это когда-нибудь понадобится», — говорил он 17 марта в своей речи. Это выступление премьер-министра было оценено по достоинству. Его Величество Георг VI прислал ему письмо, в котором поощрял этот новый жесткий курс, а Невилл Чемберлен по своему обыкновению уже вовсю думал над тем, что можно сделать теперь и как все еще возможно было бы исправить: «Как только у меня нашлось время, чтобы подумать, я понял, что невозможно больше иметь дело с Гитлером после того, как он пустил по ветру все свои же собственные гарантии. <...> Ф. О. был, как обычно, лишен предложений, но я разработал план, который несколько министров приняли сегодня и который я представлю перед Кабинетом завтра. Это довольно смелое и потрясающее решение, но я чувствую что-то вроде необходимости это сделать. Хотя я и не могу предсказать реакцию в Берлине, но есть у меня мысль, что это приведет к острому кризису — во всяком случае вначале. <...> Я должен был сократить свое празднование дня рождения (потраченное почти полностью на фотографов) и возвратиться в Лондон»^[488].

Процитированное письмо было написано премьер-министром 19 марта, а 18-го ему исполнилось 70 лет: «Я боюсь, что почтальоны и посыльные будут вынуждены напряженно трудиться, принося поздравления. Я не могу не сравнивать свое положение с 1906 годом, когда отец праздновал свой 70-й день рождения. Я помню его в то время и в особенности в тот ужасный вечер, когда он настоял на своем участии в выступлении в Ратуше после трех дней непрерывной головной боли. Я не сомневаюсь, что сам я чувствую себя намного лучше. Исключая несчастные случаи, я должен быть вполне себе хорош для, по крайней мере, еще одной сессии парламента, чтобы продолжать раздражать и

привести Гилберта Меррейса (представителя оппозиции. — М. Д.) в бешенство. <...> Я получил очень много писем, в которых люди просят меня не поддаваться враждебной критике. Но это действительно пустая трата сочувствия, я не беспокоюсь относительно критики, она не затрагивает мое суждение о том, что правильно, а что — нет. Как Чатам, «я знаю, что могу спасти эту страну, и не думаю, что кто-либо еще это сможет». Хочется, чтобы у меня было еще несколько лет для этого. И если я смогу поверить в отчеты, которые я получаю, у меня это получится. Один человек, который работал на пятерых последних премьер-министров, рассказывал мне, что имел много разговоров в разных частях страны (он упомянул Абердин, Ливерпуль, Манчестер и Кардифф), но он никогда не чувствовал такого личного отношения, которое проявляют ко мне люди. Он сказал, что на одной встрече, когда он говорил обо мне и об отце, кто-то крикнул: «Ура этим двум Чемберленам!» После чего другой голос воскликнул: «И не забывают третьего!» Мне очень понравилась эта история»^[489].

Несмотря на такой серьезный возраст, Невилл Чемберлен и вправду был полон сил и энергии, которой могли позавидовать многие. Еще в сентябре он так охарактеризовал себя послу Гендерсону, когда тот побеспокоился, как он перенес полет в Германию: «Я крепкий и жилистый»^[490]. Неудачи только закаляли его, и как в детстве, он повторял себе: «старайся, старайся, старайся снова»: «Я не имею права забывать, что окончательное «Да» или «Нет», которое может определить судьбу не только всего этого поколения, но и самой Британской империи, лежит на мне»^[491].

Война опять казалась более чем реальной, но и опять премьер-министр, казалось, нашел выход из положения: «<...> Я очень волновался из-за возможности неожиданного воздушного налета. Это казалось мне не особенно вероятным, но с этим фанатиком (Гитлером. — М. Д.) ты не можешь быть уверен ни в чем. Он мог бы запросто сказать, выбирая между жизнью и смертью своих людей: я оправдан в нарушении всех неписаных или писаных правил <...>. Я провел довольно много времени с моими советниками, и мы тайно вывели постоянных военнослужащих с оружием и прожекторами на позиции, чтобы защищать Лондон. Конечно, мы не могли обеспечить полную защиту, которая поручена территориальной армии, а они могут быть призваны только после объявления чрезвычайного положения. Но нас было достаточно, чтобы напугать любой вражеский самолет, и в то же время были организованы патрули в водах канала (Ла-Манша. — М. Д.) ищущие подводные лодки. Все это кажется

фантастическим и мелодраматичным, но с Гитлером я не могу чувствовать себя в безопасности. Все это случайным образом показало мне, что наши существующие планы (по перевооружению. — М. Д.) слишком медленны. <...> Единственная прогрессивная линия, которая представляется мне возможной после чехословацкого дела, это декларация четырех держав — Британии, Франции, Польши и России, что они будут действовать вместе в случае дальнейших признаков немецких агрессивных стремлений. Я спроектировал формулу сам и отослал ее»^[492].

Это и было его смелым и решительным планом, который он стремился осуществить, и в двадцатых числах марта означенным державам предложили подписать совместную декларацию, по которой в случае угрозы безопасности любому европейскому государству их страны обязуются незамедлительно начать консультации об общих мерах сопротивления. Французы на это свое согласие давали, как вспоминал Бонне: «После обеда Невилл Чемберлен сказал мне несколько слов: «Гитлер нарушил соглашения, которые подписал. Он хочет господствовать в Европе. Мы ему этого не позволим». Это был новый язык в устах премьер-министра, который шесть месяцев назад отправлялся в Берхтесгаден, в Годесберг, в Мюнхен на переговоры, сделавшие из него символическую фигуру — человека мира»^[493]. Согласен был и СССР. Но если Франция и Советский Союз были полны решимости этот документ подписать, то Польша категорически отказалась от подобной меры. Чемберлен сам для себя объяснял это тем, что до этого периода поляки умело балансировали между рейхом и Советским Союзом и однозначный уклон в сторону какого-либо государства, да еще и с учетом того, что в Данциге проживало порядка полумиллиона немцев, сделал бы положение Польши невыносимым.

В январе 1939 года министр иностранных дел Польши, полковник Юзеф Бек (личность абсолютно сказочного характера, к тому же склонный к алкогольной эйфории) посетил Берхтесгаден, где встретился с Адольфом Гитлером, и на момент марта 1939 года переговоры с ним польская сторона продолжала. Данциг и так называемый «польский коридор» были единственными территориальными претензиями Гитлера к этой стране, и казалось, что вопрос этот вполне можно решить, в частности, при содействии той же Лиги Наций. Но тут в игру вступил лорд Галифакс.

Несмотря на то, что первоначальный план премьер-министра, который объективно был куда вывереннее и мог бы иметь должный эффект, Польша отвергла, министр иностранных дел решительно вознамерился

предоставить этой стране односторонние военные гарантии. Как сам он объяснял это в мемуарах: «После марта и заключительного изнасилования Праги больше не было возможности надеяться, что цели и стремления Гитлера могли бы быть ограничены какими-либо рамками. Жажда континентального или мирового господства, казалось, выливалась из него с абсолютным облегчением. Здесь действительно было самым простым несколько недель спустя дать гарантии Польше»^[494].

Он убедил премьер-министра и Кабинет в этой необходимости. Устно гарантия была дана еще 24 марта. Прознав про такие дела, даже оппозиционно настроенные консерваторы во главе с Черчиллем и Иденом (всего их было порядка тридцати) выступили с резолюцией, подписанной 28 марта, которая призывала Национальное правительство к судебному преследованию политики, объявленной министром иностранных дел. Но Галифаксу Невилл Чемберлен доверял гораздо более, нежели Черчиллю, поэтому он согласился с его планом. 31 марта 1939 года после душераздирающих рассказов Галифакса, которые тот в свою очередь слышал от какого-то журналиста из Берлина, о том, что Гитлер вот-вот двинет свои войска на Варшаву, гарантии Польше были закреплены официально.

Чемберлен понимал утопичность односторонней гарантии и искал выход из сложившейся ситуации, отчетливо сознавая, что новая мировая война теперь может начаться и начаться очень скоро. «Рыба с холодной головой», как охарактеризовал его однажды Ллойд Джордж, билась об лед и 1 апреля, после того как гарантии Польше были предоставлены официально, пригласила того самого Дэвида Ллойд Джорджа, чтобы спросить его совета, рассчитывая на политическую мудрость. Чемберлен был готов забыть старые обиды, но Ллойд Джордж был далеко не так благороден. Он просто высмеял в очередной раз инициативы правительства по предоставлению гарантий. Хотя нужно отметить, что они действительно выглядели если не смешно, то неблагоприятно.

Односторонняя гарантия, выданная лордом Галифаксом министру иностранных дел Польши полковнику Беку, которую тот принял, «не успев дважды стряхнуть пепел с сигареты», как сам он хвастался, безусловно, обрекала Британскую империю на многие и многие предстоящие испытания. В конце марта было принято решение удвоить численность территориальных войск, но и в этом случае защитить Польшу Британия могла лишь в традиционной форме, применяя военно-морские силы в целях морской блокады. Необходим был союзник на континенте. И союзником этим должен был стать СССР.

С самого начала 1939 года Британия пыталась наладить отношения с Советским Союзом. Чемберлен не был в восторге от этой перспективы, хотя, вопреки распространенному мнению, навязанному в основном советским послом Майским, никаким русофобом он не был, но относился к СССР с недоверием, которое укрепляли в нем многие окружающие. «У меня был интересный разговор на этой неделе с лордом Чилстоном, нашим послом в Москве. Он говорит, что жизнь в Москве терпима, но и не больше. У него есть удобный дом и хорошая еда, но никакой компании, за исключением той, что из дипломатического корпуса, поскольку русские теперь боятся приезжать в его дом. В результате он не получает информации, и условия жизни страны — тайна для него. Он никогда не видит Сталина, не видит его коллег. Ситуация значительно улучшилась в течение последних нескольких лет, и в стране появилось больше денег, но русские не в состоянии вести войну»^[495], — писал премьер-министр еще в конце 1937 года. Ему поступали данные разведки, что Москва стремится спровоцировать войну между Британией и рейхом, двумя идеологически ей враждебными государствами. Но все же он, не без помощи Идена (который в Москве был и вернулся оптимистично настроенным), понимал важность СССР для европейского урегулирования, хотя и не верил в его реальную способность воевать (и первые месяцы 1941-го, которых Невилл Чемберлен уже не увидел, могли бы подкрепить его мнение).

Тем не менее попытки сближения с Советским Союзом предпринимались. Еще в феврале 1939 года шли переговоры о миссии Хадсона в Москву, миссия была торговой, но это уже был определенный шаг для более серьезных разговоров. Далее Лесли Хор-Белиша, военный министр, добивался от Ворошилова приглашения на маневры, но ему в этом было отказано. Наконец, уникальный случай произошел 1 марта 1939 года. Впервые премьер-консерватор переступил порог советского полпредства. Вот как живописно в своей издевательской манере, и вполне возможно, привирая, описывал этот прием сам Майский:

«Вчера в полпредстве был, как высокопарно выражаются сегодняшние английские газеты, «исторический прием». Собственно в самом приеме, как таковом, не было ничего особенного — обычный ежегодный прием для «друзей» и «знакомых», какой мы устраиваем всегда... Но вот состав гостей... Да, здесь было нечто исключительное! Начну по порядку. Рассылая в последних числах января приглашения на прием 1 марта, я, как водится, послал карточки всем членам Кабинета. Рассчитывал, что все

министры ответят вежливым отказом или, в крайнем случае, 2–3 ответят согласием, но фактически на прием не явятся. Так до сих пор и бывало всегда.

Каково же было мое удивление, когда 1 февраля я получил длинное сообщение из секретариата премьера о том, что Чемберлен будет на приеме, что его жена, к сожалению, в этот вечер занята на каком-то благотворительном балу, где она встречает герцогиню Глостерскую, но что, тем не менее, мадам Чемберлен приложит все усилия к тому, чтобы хоть на короткое время заглянуть на наш прием, и позднее сообщит о своем окончательном ответе мадам Майской. Прочитав послание секретариата, я сказал себе: «Эге, тут что-то неспроста! За все время существования советской власти не было такого случая, чтобы британский премьер (даже лейборист) переступал порог советского полпредства, а тут на тебе какая прыть: не только сам «человек с зонтиком», но и его супруга прямо рвутся на наш прием!» Мои предчувствия оправдались очень скоро. Из опыта я знаю, что в «хорошие» для нас времена (как было в 35-ом, 36-ом гг.) из 100 разосланных приглашений принимается 60–70, в «плохие» времена (в начале 38-ого г.) — 30–40. На этот раз процент отказов был крайне незначительный — 20–25 %, а главное, кто принимал приглашения! Все «столпы» общества, крупнейшие представители парламентского и делового мира, банкиры, лорды, твердолобые консерваторы, родовитые аристократы, члены правительства... О-хо-хо! Обещали прийти на прием (и в большинстве сдержали обещание) 13 членов кабинета, т. е. больше половины его состава. Такого «пассажа» еще ни разу не было за шесть с лишком лет моей работы в Лондоне. Что значит смена международных декораций! Что значит рост могущества СССР!

Тем не менее, я все-таки до последней минуты сомневался, чтобы Чемберлен собственной персоной появился в полпредстве. Ждал, что в день приема ему «помешает» что-нибудь «непредвиденное». К тому же, как раз накануне 1 марта в газетах появилось сообщение, что миссис Чемберлен захворала инфлюэнцей и слегла в постель. Я ошибся. 28 февраля из секретариата премьера позвонили по телефону и, сообщивши, что миссис Чемберлен по болезни не сможет быть на приеме, от имени премьера «просили разрешения» на то, чтобы вместо жены он мог привести с собой племянницу мисс Кол. А в 10 часов вечера 1 марта в дверях полпредства показалась высокая, сухощавая фигура Чемберлена, сопровождаемая — еще одно изменение! — не мисс Кол, а его собственной дочерью.

Трудно описать сенсацию, вызванную среди присутствовавших на

приеме гостей появлением премьера. Никто об этом заранее не знал, и никто (свыше 500 человек) не ожидал с его стороны такого «смелого шага». Начались всеобщие переполох и смятение. Люди замирали на полуслове и по-детски бежали посмотреть на Чемберлена в обстановке советского полпредства. Я провел его сначала в белый бальный зал, а потом в свой кабинет и здесь предложил ему и его дочке «рефрешмент». Чемберлен отказался от водки, но не возражал против глинтвейна. Кабинет быстро наполнился народом. Насколько возможно, я старался сдерживать напор, но это мне не всегда удавалось. Стоя у буфета, мы говорили с премьером на разные темы.

Сначала Чемберлен коснулся предстоящей поездки Хадсона. Цель поездки — урегулирование различных торговых неполадок и подготовка расширения объема англосоветской торговли. О политической стороне поездки Чемберлен в противоположность Галифаксу и Ванситарту не сказал ни слова.

Я заметил, что жалобы английских промышленников на неполадки в а/с (англосоветской. — М. Д.) торговле неосновательны, в лучшем для них случае крайне преувеличены. Главная трудность состоит не в том, чтобы увеличить размер наших заказов британским фирмам, а в том, чтобы найти фирмы, готовые взять наши заказы. <...> Британская промышленность сейчас слишком загружена в связи с выполнением заказов по английской программе вооружений.

Чемберлен усмехнулся и ответил:

— Да, вам нужны как раз те же самые вещи, которые и нам сейчас нужны. Но не вечно же это будет продолжаться. Не всегда же европейские народы будут думать только о войне и оружии. К тому же наши возможности не исчерпываются известной вам номенклатурой товаров. Мы могли бы снабжать вас также потребительскими товарами. Почему вы их не покупаете?

Я ответил, что советский импорт регулируется общим планом народного хозяйства, и пока мы не имеем возможности тратить свои текущие ресурсы на ввоз потребительских товаров.

Чемберлен с минутку помолчал и потом как-то особенно спросил:

— Что вы делаете с вашим золотом?

Я улыбнулся и ответил:

— То, что и все другие, — держим его на черный день.

Чемберлен с раздражением дернул плечом и с раздражением же в голосе бросил:

— Теперь все только и думают, что о войне!

Чуточку успокоившись, премьер стал расспрашивать меня о наших отношениях с Германией и Японией. <...> Я спросил премьера, как ему рисуются ближайшие европейские перспективы.

Чемберлен ответил, что несмотря ни на что, он остается «оптимистом». Общее положение улучшается. Немецкий и итальянский народы не хотят войны. И Гитлер, и Муссолини лично заверяли Чемберлена, что их задачей является мирное развитие имеющихся у них ресурсов. У Чемберлена осталось определенное впечатление, что Гитлер и Муссолини боятся войны.

Я улыбнулся и ответил, что совершенно согласен с Чемберленом в одном: Гитлер и Муссолини действительно боятся всякой серьезной войны. Опасность положения, однако, заключается в том, что они твердо убеждены в возможности одержания бескровных побед. Побед, основанных на блефе, основанных на превосходстве их нервов над нервами руководителей других государств.

Чемберлен вдруг помрачнел, точно еще больше вытянулся вверх и резко бросил:

— Время для таких побед прошло!

Потом мы с Чемберленом отошли немножко в сторону, и разговор как-то перескочил на имя его отца. Премьер сразу оживился и как-то весь «потеплел».

— Вы знаете, — говорил Чемберлен, — мой отец никогда не предполагал, что я пойду в политику. Когда он умирал (1912 г.) (так в тексте дневника; Джозеф Чемберлен умирал в 1914 году. — М. Д.), я сам тоже не имел никакого представления о том, что стану парламентарием и министром.

— Как же это случилось? — спросил я.

— А случилось это так. В 1911 г. я был избран в муниципалитет Бирмингема. В 1915–1916 гг. я был лорд-мэром Бирмингема. Ллойд Джордж, который тогда был премьером, пригласил меня занять пост генерального директора Национальной службы. Я согласился и ушел из лорд-мэров. Однако после кратковременного опыта я убедился, что Ллойд Джордж не оказывает той поддержки, на которую я мог рассчитывать, и поэтому через полгода я вышел в отставку. (Ллойд Джордж, в свою очередь, рассказывал мне, что Чемберлен оказался никуда не годным генеральным директором.) Вернуться на старое место лорд-мэра Бирмингема было уже невозможно — место было занято. Тогда я подумал, подумал и решил попытать счастья в политике. Прошел в парламент и стал заниматься государственными делами. С известным основанием я могу

сказать, что попал в политику благодаря Ллойд Джорджу...

И затем, с несколько ехидным выражением на лице и явным сарказмом в голосе, Чемберлен прибавил:

— Ллойд Джордж сейчас, может быть, об этом сожалеет, но теперь уж ничего не поделаешь!

Я спросил премьера, как он относится к политическому наследству своего отца. Чемберлен ответил:

— В истории редко встречается, чтобы сыну приходилось реализовать политическую программу отца. Но в нашей семье именно так и случилось. Я счастлив, что на мою долю выпало осуществить две меры, которые больше всего занимали при жизни моего отца, — пенсии для престарелых и объединение империи с помощью таможенной (тарифной. — М. Д.) системы. Говоря это, Чемберлен точно поднялся на каблуках и посмотрел на всех нас с чувством благожелательного презрения: великан среди пигмеев. От всей беседы с премьером у меня осталось определенное впечатление: он считает себя «человеком судьбы»! Он призван в мир для осуществления «священной миссии»! Опасное умостояние»^[496].

К сожалению, сам премьер-министр подробностями этого приема в письмах сестрам не поделился, поэтому у нас нет возможности сравнить версии событий. Но посол Майский был так ошеломлен жестом британского премьера, что вряд ли привирал более, чем обычно.

В апреле же после гарантий Польше Чемберлен направил несколько личных писем Муссолини, в которых говорил о том, что подобная инициатива британского правительства направлена в первую очередь на сдерживание Германии, а отношения с итальянским правительством по-прежнему крепки и надежны. Муссолини отправил в ответ премьер-министру множество личных гарантий в искренности, преданности, а также отсутствии каких-либо претензий, но 7 апреля, прямо перед Пасхой, осуществил захват Албании, тем самым вызвав негодование Чемберлена.

«<...> Нельзя отрицать, что Муссо вел себя со мной как подхалим и хам. Он не приложил даже малейшего усилия, чтобы сохранить мои дружественные чувства — наоборот, он осуществил свой набег, удар и захват с полным цинизмом и отсутствием каких-либо соображений вежливости. Это может быть связано, а может и не быть связано с его последней любовью (речь идет о Кларетте Петаччи. — М. Д.), о которой я слышал что-то в Риме, хотя я представляю себе степень, до которой он расслабился. Но тем не менее результат состоит в том, что, хотя я отказался разрывать наше соглашение, любой шанс дальнейшего восстановления

отношений с Италией был заблокирован Муссо, как Гитлер заблокировал любое восстановление отношений с немецкой стороной. Но это не показывает, что я был неправ, как объявляют мои пристрастные критики. Зато плоды всего этого могут быть замечены в консолидации мирового мнения и в улучшении нашего и французского военного положения. Но это действительно позволяет моим врагам дразнить меня публично и ослаблять мою власть в стране. Я попросил, чтобы Д. Марджессон (парламентский секретарь. — М. Д.) установил в течение вечера четверга, изменилось ли мое положение, и он сообщил, что не смог найти и следа изменения, но признаюсь, что я ощущаю себя очень подавленным и одиноким»^[497], — писал премьер-министр сестре. То, что доводилось знать его ближайшим родственникам, от всех остальных Чемберлен скрывал. Никто не должен был знать о его слабости и о том, что он так же может быть усталым, несчастным и одиноким, как самый обычный человек, поэтому на парламент он по-прежнему производил сильное и жесткое впечатление.

И старался произвести такое же впечатление на диктаторов, после предательства Муссолини выдав военные гарантии Греции и Румынии. Сам он политику объяснял так: «Я полагаю, что наши действия, начатые, но незавершенные, будут поворотным моментом, но не к войне, которая ничего не выигрывает, ничего не вылечивает и ничего не заканчивает, а к более плодотворной эре, когда гарантия займет место силы»^[498]. Конечно, стараниями Галифакса, который эту тенденцию с гарантиями и начал, Чемберлен «вползал в роковое положение», как утверждал Майский. Фактически он ставил себя в зависимость от политики тех стран, которые взялся защищать. А быть в зависимости от того же полковника Бека, которому для самых парадоксальных решений требовался лишь бокал шампанского, означало быть в смертельной опасности для Британской империи.

И не случайно очень многие, в том числе румынский министр Гафенку^[499] или английский историк Френсис Нейлсон^[500], абсолютно однозначно обвиняли в преступном поведении министра иностранных дел Польши и именно на плечи Бека возлагали ответственность за начало Второй мировой войны^[501]. Но Бек, безусловно, не сам себе выдал гарантии от британского правительства, и забывать о решающей роли лорда Галифакса в этом не стоит. Напротив, следует об этом помнить, равно и о том, как он «замечательным» образом подготовил переговоры с Советским Союзом, которые наконец-то все-таки открылись 27 мая 1939 года.

Чемберлен же активно занялся программой перевооружения. По-прежнему он полагал, что наращивание военной мощи Британской империи сделает ее не только сильной в случае худшего исхода событий, но сможет удержать диктаторов от новых преступных к делу мира шагов. В середине апреля им было учреждено министерство снабжения, аналог Национальной службы, в которой когда-то он начинал свою политическую деятельность. Возглавил его старый друг и коллега премьер-министра еще по министерству здравоохранения Артур Робинсон. 27 апреля 1939 года приказом премьера в Великобритании была введена всеобщая воинская повинность. В ответ на это Адольф Гитлер тут же разорвал и англо-германское морское соглашение, и их с премьер-министром декларацию, подписанную в Мюнхене, а заодно и соглашение, подписанное им с польским лидером Пилсудским в 1934 году сроком на десять лет. Чемберлен, не ждущий ничего иного, писал: «На меня это не произвело такого уж мрачного впечатления. Я полагаю, что каждый месяц без войны делает войну вообще все маловероятнее, и хотя я ожидаю, что у нас будет больше моментов острого беспокойства, чем до этого, все же хладнокровно я не считаю, что Гитлер мог бы начать мировую войну из-за Данцига»^[502].

6 мая Чиано и Риббентроп заключили так называемый «Стальной пакт»^[503]. Англо-франко-советские переговоры к тому моменту еще даже не начинались, но все же скоро открылись через посольства. Длились они разными стадиями почти все лето 1939 года. Ни одна из сторон в действительности не выказала желания прийти к искреннему соглашению, как бы после в советской историографии ни были красочно описаны протянутые буржуям руки и высокомерный отказ капиталистических акул эти самые руки пожимать. Британию останавливало в первую очередь яростное нежелание малых держав типа той же Румынии или стран Балтии брататься с русскими, в которых они видели угрозу собственной безопасности. В июне через Теодора Кордта в Лондоне, а точнее, в Форин Оффисе лорду Галифаксу стало известно, что переговоры с Москвой готовятся и в Берлине. Тут бы британскому правительству проявить большую сговорчивость, но этого сделано не было.

Неоднократно в качестве основного упрека по срыву этих переговоров называют личное отсутствие в Москве лидеров западных стран или хотя бы министров иностранных дел. Что касается Галифакса, то, разумеется, менее подходящего для визита в Москву человека вряд ли можно было найти. В его оправдание можно сказать то, что официального пожелания о

его участия от Наркомата иностранных дел СССР не поступало, лишь полпред Майский передал на словах, что министра в Советском Союзе хотели бы увидеть, добавив, разумеется, что обычно такими лордами в СССР художественно украшают фонари. Сам Галифакс задним числом об этом, конечно же, сожалел. «Я просто читаю книгу Джозефа Дэвиса, который был американским послом в Москве в 1936—39 гг. Мне довольно ясно, что, если бы обстоятельства разрешили нам установить прочный союз с Россией, игнорируя все соображения, которые сделали его затруднительным, мы весьма бы преуспели. Это была ошибка; мы не должны повторять ее снова»^[504], — писал он два года спустя в дневнике, когда премьер-министр Чемберлен уже был мертв. На самом деле отсутствие Галифакса на переговорах не было критическим. Неизвестно, каких неопикуемых бед натворил бы, появившись в Москве, этот долговязый джентльмен в черной перчатке на левой руке и кого на этот раз принял бы за лакея. Критическим было обоюдное недоверие и отсутствие должного желания завершить эти самые переговоры чем-либо положительным.

Невилл Чемберлен ехать сам тоже никуда не хотел. Его мартовский порыв был резко сведен на «нет» поведением Польши и ряда других стран. Летом он не испытывал иллюзий насчет особенной удачливости этих переговоров, а также искренности СССР по отношению и к великим, и к малым державам. «Держать Россию с нами, но на заднем плане»^[505] — вот такой была его позиция. Было ли она мудрой с его стороны или, наоборот, глупой, пусть читатель рассудит сам, ознакомившись с секретными протоколами к пакту Молотова — Риббентропа, который был заключен с феноменальной быстротой и послужил своеобразным окончанием неудавшихся англо-франко-советских переговоров. Еще можно задаться вопросом, почему советские лидеры сами не прилетели в Лондон или Париж, если действительно не желали европейской войны.

Июнь 1939 года начался с дальневосточных инцидентов при участии Японии, с которой премьер-министр Чемберлен уже очень давно пытался наладить отношения. Однако теперь Форин Оффис, не советуясь с ним, надежды на это рушил. Сам Чемберлен задавался вопросом: «Еще раз я спрашиваю себя, какой-либо премьер-министр когда-нибудь вообще сталкивался с такой серией критических событий, с какими я имею дело. <...> Русские только выпускают пресс-коммюнике о том, что наши предложения неудовлетворительны. Они самые невозможные люди, чтобы

поддерживать деловые отношения. Французы же продолжают на высшем уровне ссориться со всеми, с кем они должны подружиться, с Италией, с Испанией, с Турцией. И мы неизбежно очернены вместе с ними. Поляки еще не сделали ничего, что не должны были сделать, но они держат нас в состоянии беспокойства. Только немцы остаются тихими и, возможно, являются самыми зловещими из всех»^[506]. Таково было частное видение премьер-министром мировой расстановки сил.

В конце июня министр иностранных дел лорд Галифакс сформулировал официальные направления внешней политики, выступая на ежегодном ужине в Королевском Институте международных отношений: «Британская политика преследует две основные цели. Первая — это намерение сопротивляться силе. Вторая — признание нашего желания продолжить конструктивную работу по созданию мирной обстановки. Если мы могли бы однажды быть удовлетворены тем, что намерения других совпали с нашими собственными, все, чего мы действительно хотели бы тогда — это мирные решения, которые, я говорю здесь весьма определенно, мы могли обсудить, равно как и проблемы, которые сегодня вызывают мировое беспокойство. В такой новой атмосфере мы могли бы исследовать колониальную проблему, проблему сырья, торговых барьеров, проблемы жизненного пространства, ограничения вооружений и любую другую проблему, которая затрагивает жизни всех европейских граждан. Но это не то положение, в котором мы находимся сегодня. Воинственная угроза подрывает мир, и наша очередная задача — и здесь я заканчиваю тем же, с чего и начинал, — сопротивляться агрессии»^[507]. В Форин Оффисе в это время строилось новенькое элитное бомбоубежище на случай воздушных налетов.

Чемберлен находил себе слабое утешение в том, что из семнадцати тысяч молодых новобранцев только двадцать семь оказались непригодны к службе, — значит, его социальные реформы все же работали, и лейбористы теперь не могли затевать разговоры о недоедании и голодающих низших слоях общества. Безработица снизилась до рекордных показателей за последние десять лет. Фундамент социальной реорганизации всей жизни британского общества, который был заложен Невиллом Чемберленом много лет назад, был прочен. Но какое в этом возможно найти утешение, когда война способна уничтожить любой фундамент до кирпичика.

На немецком направлении продолжал работать посол Гендерсон, понимая, какая огромная ответственность лежит на нем и изо всех сил стараясь сделать хотя бы что-то для нормализации англо-германских

отношений. Но Гитлер и слышать не хотел об этом, заявляя, что пока Британия продолжает переговоры с Советским Союзом, никаких переговоров с Лондоном у него быть не может. Гендерсон, ведя эту партию, предпочитал тайно договариваться о возможных соглашениях с СССР, тогда как советская пресса регулярно публиковала все документы об англо-франко-советских переговорах, лишая их какой-либо даже необходимой секретности.

Невилл Чемберлен трезво отдавал себе отчет в том, что в скором времени ждет всю Европу: «На самом деле, я не слишком сомневаюсь в том, что Гитлер хорошо осведомлен о серьезности наших намерений. Единственный вопрос, на который он не может уверенно ответить, состоит в том, хотим ли мы напасть, как только станем достаточно сильны. Если бы он думал, что мы сделаем это, он, естественно, утверждал бы, что ему нужна война сейчас, когда он готов к ней, а не ожидание, пока к ней подготовимся мы. Но различными способами я пытаюсь донести до него правду. Данциг, конечно, в настоящее время опасное пятно на карте. Я ясно сказал Муссо, что если Гитлер попытается получить его силой, это будет означать начало европейской войны, за которую он будет ответствен. Если поляки позволят согласиться, чтобы Данциг перешел в рейх, я приложу все усилия, чтобы получить мирное согласованное решение. Но все это недостаточно хорошо. Все это мы попробовали в Мюнхене, но Гитлер уничтожил договоренности, когда ему стало это выгодно. Я сомневаюсь, есть ли в настоящее время реальное решение за исключением войны, но если у диктаторов была бы хоть капля терпения, я могу предположить, что такой путь мог быть найден. Он бы удовлетворял и немецкие требования и сохранял независимость Польши, ее экономическую безопасность. <...> Я довольно устал от бесконечных личных нападок на меня»^[508].

Чемберлен продолжал искать возможности избежать войны. Он вновь с личными письмами обращался к Муссолини, предлагая ему стать посредником между Лондоном и Берлином и уговорить Гитлера на двенадцатимесячную отсрочку проблемы Данцига. За это время возможно было бы что-то придумать и изобрести. В июле 1939 года в Британию приехал Гельмут Вольтат, доверенное лицо маршала Геринга, переговоры с ним проводил сэр Хорас Уилсон. В ходе их возникла идея некоего оборонительного союза сроком на 25 лет, но, к сожалению, об этом разговоре стало известно прессе, что Чемберлена привело в ярость. Сами переговоры, казалось, он оценивал положительно, сестре он написал так: «Одна вещь, я думаю, ясна, Гитлер пришел к заключению, что мы говорим

серьезно и что для главной войны время еще не настало. Он повторяет и мои ожидания. В отличие от некоторых моих критиков, я иду еще дальше и говорю, что чем дальше война отодвигается, тем менее вероятно, что она состоится вообще. В это время мы идем к совершенствованию нашей обороны и наращиванию оборонных мощностей наших союзников. Именно это Уинстон и К° никогда, кажется, не понимали. Нам не нужна захватническая армия, достаточная, чтобы одерживать сокрушительные победы. Все, чего мы хотим, это силы обороны, достаточно мощные, чтобы лишить возможности другую сторону победить кроме как такой ценой, которую они заплатят бы не смогли. Именно это мы делаем, и когда немцы сообразят это... <...> тогда мы сможем говорить. Но время для такого разговора еще не пришло»^[509]. В этом было коренное отличие Чемберлена и от Гитлера, и от Черчилля, и от всех остальных, так страстно жаждущих завоеваний: никаких наступательных и захватнических действий армия Британской империи не должна была вести. Именно тогда премьер-министром уже была сформулирована его позиция, которая после выльется в так называемую «странную войну».

Нападать на Германию он совершенно не собирался, его душа не жаждала победного въезда в Берлин на танках, военных парадов на завоеванных территориях и прочих людоедских демонстраций. Задачей Чемберлена было максимально осложнить любую попытку завоевания его Империи и в принципе создать такие оборонительные силы, с которыми любой противник предпочел бы не связываться. И определенных успехов в этом он достиг. Если в 1938 году Британия произвела три тысячи самолетов, то в 1939-м — уже восемь. Тоннаж военно-морского флота значительно превышал великие дни 1912–1914 годов, в пять раз увеличилось производство оружия, а воинская повинность увеличила число территориальных войск в десятки раз. Всего этого удалось добиться только упорством премьер-министра, который вынужден был выслушивать в палате общин от лейбористов, регулярно подвергающих обструкции его военные программы, то, какой он «поджигатель войны» и «головорез».

Диктаторам не нужно было отчитываться перед своими министрами и парламентами за каждый пенни, потраченный на армию. Невилл Чемберлен сражался за мир со всеми, включая даже близких друзей и коллег, и неудивительно, что периодически он чувствовал себя одиноким. Опереться ему было не на кого, не говоря уже о том, чтобы переложить на кого-то решающую ответственность. Единственный, кто всегда его поддерживал и безукоризненно выполнял любые поручения, был сэр Хорас Уилсон, его верный «Горацио». Ждать того же от Галифакса или Идена,

несмотря на то, что их личные отношения теперь были весьма дружескими и теплыми, не приходилось.

Оппозиция, в том числе и внутрипартийная, регулярно доставляла Чемберлену хлопоты. Почувяв близкую развязку, Уинстон Черчилль, заручившись поддержкой лейбориста Гринвуда, с которым они всегда могли найти общий язык за стаканом бренди, так как оба любили крепко выпить, решил собрать палату общин, хотя летом она традиционно находилась на каникулах. «Уинстон и его группа готовят заговор, чтобы созвать Государственный совет, который должен нести ответственность за созыв парламента, — писал Чемберлен сестре. — Бесполезно продолжать говорить, что этот и подобные планы нацелены не на премьера. Они просто означают, что поскольку премьер-министру нельзя доверять, оппозиция или открыто или скрыто должна вырвать политику из его рук. Но они едва ли могут ожидать, что я признаю, будто их поддерживает еще кто-либо в стране кроме их немногих приверженцев»^[510].

«Партия войны» жаждала крови и была в ужасе от того, что Чемберлен может подготовить им «новый Мюнхен», проткнув своим знаменитым зонтиком все их надежды. Но пока он проткнул оппозицию, сокрушительно разбив ее на состоявшихся дебатах и провалив ее вотум недоверия правительству, за что был награжден выкриками «ловкий плут!».

Но плутом половчее оказался Иоахим фон Риббентроп, который вырвал свой личный дипломатический триумф из рук Геринга. Маршал через опять-таки своего посредника, на этот раз шведа Далеруса, в середине августа 1939 года вел переговоры о возможности своего визита в Британию, в Чекере, где он мог бы поговорить непосредственно с премьер-министром Чемберленом. С Далерусом в ту августовскую неделю общался лорд Галифакс, и вряд ли нужно говорить, что переговоры эти никаких плодов не принесли. А полковник Бек, несмотря на то, что в начале августа разразился новый кризис в германо-польских отношениях, оставался беспечным и запрашивал у Лондона, как стоит себя вести польскому послу в сентябре, во время традиционного партийного съезда в Нюрнберге. Ночью 23 августа 1939 года в Москве рейхсминистр фон Риббентроп подписал свой знаменитый пакт с наркомом иностранных дел Молотовым в присутствии товарища Сталина. Далее события закружились стремительно.

Чемберлен отреагировал на это личным письмом Гитлеру, которое повез ему в Берхтесгаден посол Гендерсон. «Очевидно, известие о германо-советском соглашении воспринято в некоторых кругах Берлина как показатель того, что вмешательство Великобритании в польские дела

больше не является обстоятельством, с которым приходится считаться. Большой ошибки нельзя было бы допустить. Какой бы характер ни носило германо-советское соглашение, оно не может изменить обязательств Великобритании в отношении Польши, о которых правительство Его Величества неоднократно и открыто заявляло публично и которые намерено соблюдать. <...> Высказывалось мнение, что если бы правительство Его Величества заняло более определенную позицию в 1914 году, можно было бы избежать большой катастрофы. Верно или неверно такое предположение, но правительство Его Величества убеждено, что на этот раз такого трагически неправильного понимания ситуации не будет. <...> Таким образом, сделав наше положение совершенно ясным, я хочу повторить Вам свое убеждение, что война между нашими двумя народами была бы самым большим бедствием, которое могло произойти. Я уверен, что этого не желают ни наши люди, ни Ваши, и я не нахожу, что вопросы, возникающие между Германией и Польшей, не могут быть решены без использования силы. <...> Мы были и в любом случае будем готовы помочь в создании условий, в которых такие переговоры могли бы состояться и в которых стало бы возможным одновременно обсудить более широкие проблемы, затрагивающие будущее международных отношений, включая вопросы, представляющие интерес и наш и Ваш. <...> Если возникнет необходимость, правительство Его Величества полно решимости и готово использовать все вооруженные силы, которые имеются в его распоряжении, и невозможно предвидеть, каким будет конец однажды начатых военных действий. Было бы опасной иллюзией думать, что если война начнется, то закончится быстро, даже если успех будет достигнут на одном из нескольких фронтов, на которых придется биться. Ввиду тяжких последствий для человечества, которые могут последовать в результате действий руководства, я надеюсь, Ваше превосходительство, что Вы с величайшей осмотрительностью взвесите доводы, приведенные мною».

Гитлер, получив письмо, долго беседовал с Гендерсоном, извергая свой гнев на бессовестных поляков, как прошлой осенью он клеймил чехов и лично Бенеша, говорил, что искренне старался на благо англо-германских отношений, но более Чемберлену не доверяет, так как видит, что его основной целью является война с рейхом^[511].

25 августа Галифакс и Рачиньский, посол Польши в Лондоне, подписали договор о взаимопомощи. Документ предполагал немедленную помощь партнеру, «вовлеченному в военные действия с европейской державой в результате агрессии последней» (статья 1) или «любого действия европейской державы, которое явно ставит под угрозу, прямо или

косвенно, независимость одной из Договаривающихся сторон» (статья 2) [512]. Фактически соглашение это войну вовсе не отодвигало, как хотелось бы Чемберлену, а, наоборот, приближало. Того же 25 августа Гитлер вызвал к себе Гендерсона, которому передал письмо для британского правительства. Тот в свою очередь моментально переправил его в Лондон, куда вылетел и сам для консультаций по возможному ответу. В этом письме фюрер говорил о том, что германо-польский вопрос должен быть урегулирован в ближайшее время, независимо оттого, какими и с кем обязательствами связана Польша, оказавшаяся запертой между Советским Союзом и рейхом, объявившими себя союзниками. Также говорилось, что новая война будет куда страшнее и разрушительнее войны 1914–1918 годов, но что фюрер по-прежнему искренне желает соглашения с Великобританией и что это его последнее предложение мирного соглашения с Британской империей.

Вот как описывал все события сам премьер-министр, получивший этот ультиматум Гитлера, в письме сестре 27 августа:

«Уф! Какая неделя. Еще одна или еще две такие неделки отняли бы целые годы моей жизни. Будет ли все это только войной нервов или просто предварительной стадией реальной войны, но нервы нужны очень крепкие, чтобы выдержать все и сохранить здравомыслие и храбрость. Я чувствую себя подобно человеку, ведущему неуклюжего партнера по узкой изогнутой дороге вдоль пропасти. <...> Конечно, слухи, в том числе и нашей собственной секретной службы, все время сообщают информацию «из абсолютно надежного источника» наиболее тревожного характера. Я не знаю, сколько раз нам давали точную дату и даже час, когда немцы войдут в Польшу, и механизм, который должен неизбежно затянуть нас в шестеренки войны, запустится. Все же они еще в Польшу не вошли, и, как всегда, я использую каждый час, который обходится без катастрофы, чтобы внести лепту в медленно накапливающиеся наши антивоенные силы. Возможно, худшее испытание произошло в пятницу <25 августа>, когда в 12.45 мы узнали, что фюрер послал за Гендерсоном в 1.30. Посол хотел знать, о чем мы могли бы уполномочить его заявить. Мы могли лишь ответить, что пока не узнаем, зачем за ним послали, мы не можем предоставить ему ответ; и как только выяснится что-либо новое, то он должен обратиться к своему правительству. После того последовала большая часть периода ожидания. К несчастью, мои люди не могли ничем меня занять, и я сидел с Энни в гостиной, неспособный читать, неспособный говорить, просто сидел бездействующим с грызущей болью в животе. Казалось слишком вероятным, что Гендерсону всучат ультиматум

и дадут несколько часов, чтобы уехать. Все же час за часом шел, ничего слышно не было, и я начал немного приободряться. Если бы это был ультиматум, то Гендерсон, конечно, был бы уже уволен и позвонил бы нам по телефону до настоящего момента. Наконец Ф. О., усталый от ожидания, дозвонился до Берлина и узнал, что посол провел час с четвертью с Гитлером, получил от него документ, который, как мы могли предполагать, был попыткой вбить клин между нами и Польшей, и что Гитлер убедил его лететь на следующий день с этим текстом домой и предложил предоставить ему самолет для этого. Тем временем Гендерсон посылал отчет своего разговора в двух длинных зашифрованных телеграммах. Я получил первую телеграмму за ужином той ночью и счел ее непонятной, но поскольку мне сказали, что вторая не будет расшифрована до полуночи, я отказался сидеть и ждать и лег спать! Следующим утром она была на столе для завтрака, но я позавтракал и прочитал газеты прежде, чем открыть коробку. Наконец я добрался до нее и во время всего вчерашнего дня изучал, пытаюсь вместе с Галифаксом и нашими соответствующими чиновниками придумать ответ. Гендерсон не прилетал почти до обеда, Энни приготовила нам ланч к шести, открыла комнаты и затем ушла, в то время как мы обсудили ситуацию. Потом было заседание Кабинета поздно днем, а затем я засиделся до полуночи, переписывая наш ответ.

Это был изнурительный день. Энни, как всегда в критические моменты, была спокойна и весела, и ее спокойствие в таких случаях — неизменная помощь и поддержка для меня. Столько женщин стали бы истеричными или, по крайней мере, взволнованными, но она умеет всегда сохранять холодную голову.

<...> Я полагаю, что заявление, которое мы сделали после заседания Кабинета, показав намерение выполнить наши обязательства несмотря на российское предательство, было важным и, возможно, решающим фактором в развитии ситуации. <...> Я думаю, что теперь мы можем быть вполне уверены, благодаря политике, которой мы следовали с Италией, что она не присоединится к рейху, если Гитлер пойдет войной на Польшу. И Япония была так глубоко потрясена происходящим, что мы можем считать наши неприятности в отношениях с ней значительно уменьшенными, если не устраненными вовсе. <...>

Относительно предложений Гитлера, вопреки распространенному мнению в Берлине, они не включают в себя предложения мирного решения польской проблемы. Наоборот, они выводят Польшу как вопрос, который будет улажен Германией, и после этого (то есть если мы оставим Германию в покое) Гитлер сделает нам великолепное предложение, которое в

действительности будет англо-немецким союзом. Менталитет этого экстраординарного человека был бы невероятен для любого, кто не видел его и не говорил с ним. Я полагаю, что в волнении о перспективе этого англо-немецкого союза, возможность которого открылась для него с новой стороны после стремительного заключения соглашения с русскими, он почти забыл о Польше! Но мы забывать ее не думаем»^[513].

В ответе для Гитлера, который посол Гендерсон повез 28 августа в Берлин, было следующее: в то время как обязательства правительства Его Величества, данные Польше, остаются в силе, указывалось, что польское правительство было готово вступить в переговоры с немецким правительством для разумного решения предмета спора на основе охраны существенных интересов Польши и международной гарантии урегулирования в конечном итоге. Правительство Его Величества соответственно предлагало, чтобы следующий шаг был инициированием прямых обсуждений между польскими и немецкими правительствами на этой основе и принятии непосредственных шагов, чтобы снять напряжение. Кроме того, правительство Его Величества обязалось использовать все свое влияние в целях содействия решению, которое могло бы быть удовлетворительным для обеих сторон и которое подготовит путь к переговорам более широкого спектра вопросов между Великобританией и Германией, чего и желали обе страны. Наконец, после ссылки на ограничение вооружений правительство Его Величества указало, что, тогда как справедливое урегулирование польского вопроса могло бы открыть путь к миру во всем мире, отказ выполнить это разрушит надежды на лучшее понимание между нашими странами и погрузит целый мир в войну.

Гитлер получил этот текст от Гендерсона около 11 часов вечера 28 августа. Он попросил срок для обсуждения данного послания со своим правительством, на что посол, убежденный в том, что предложение его правительства максимально лаконично и все еще можно исправить, с надеждой согласился. Ответ же фюрера надежд миру, казалось, не оставлял. В ультимативной форме в нем было указано, что 30 августа в Берлине ждут польского эмиссара, способного вести переговоры по Данцигу и коридору, а от Лондона ждут полного забвения Версальского соглашения. Послу документ был передан в 19.15 29 августа, с учетом шифрования телеграмм такого порядка в лучшем случае премьер-министр получил бы его вновь к завтраку 30 августа, то есть непосредственно в тот день, когда в Берлин уже должен был отправиться для переговоров представитель Польши. Разумеется, такие предложения рейха теперь выглядели издевкой. Все же Гендерсон не растерялся, пригласил к себе

польского посла в Берлине, передав ему всю информацию, а сам снесся с Галифаксом, и скорый приблизительный ответ британского правительства имел уже к четырем часам утра 30-го числа.

30 августа Гендерсон только и делал, что передавал ответы и Форин Оффиса, и лично Чемберлена, который уведомлял Гитлера о том, что послал в Варшаву предупреждение об опасности пограничных инцидентов (а пресса каждый день расписывала зверские убийства немцев поляками), и от всего правительства. Итоговый разговор у британского посла с рейхсминистром иностранных дел фон Риббентропом состоялся около полуночи и окончился скандалом, эти двое никогда не ладили, а теперь и вовсе чуть ли не готовы были подраться. Было ясно, что теперь война неизбежна. 31 августа Геринг пообещал лично сбросить цветы на могилу посла, если люфтваффе разбомбит его дом^[514]. Галифакс же отправил письмо Папе Римскому, в котором просил его помолиться о мире.

Что творилось в эти дни с Невиллом Чемберленом, можно только догадываться, он опишет свое состояние позднее сестре. В девять утра 1 сентября 1939 года Кэдоган пошел на Итон-сквер будить лорда Галифакса, которому вкратце рассказал, что с семи утра получает сообщения о том, что немецкие войска перешли польскую границу. Галифакс, естественно, отправился на Даунинг-стрит. Однако даже заявить сразу же о том, что Британская империя вступает в войну, премьер-министр Чемберлен не мог.

Палата общин в первые два дня военного наступления Германии на Польшу сходила с ума. Правительство могло пасть в любой момент. Какие только обвинения не сыпались в те дни в адрес премьера, многие с ужасом предполагали, что он тайно готовит «новый Мюнхен». Действительно, со стороны происходящее напоминало трусливую и вероломную политику: Гитлер бомбил поляков, помощь которым была обещана, а единственное, на что 1 сентября решился Чемберлен, — попросил посла забрать свой паспорт и сделал сообщение о том, что синьор Муссолини, уже однажды оказавший помощь в урегулировании ситуации, и теперь предпринимает некие действия. В самом деле, от дуче поступило предложение по созыву конференции, но Чемберлен поставил условие — пока Германия не уберет свои войска с польской территории, ни о каких конференциях речи идти не может: «Восемнадцать месяцев назад в этой палате я молился, чтобы ответственность за то, что эта страна приняла ужасное решение выбора войны, не стала бы моей. Но боюсь, что я не смогу избежать этого. <...> Мы знаем, что ответственность за ужасную катастрофу находится на плечах одного человека, канцлера Германии, который не смутился

погрузить мир в страдание из-за его бессмысленных устремлений. <...> У нас нет претензии к немцам, за исключением того, что они позволяют управлять собой нацистскому правительству. Пока это правительство существует и преследует методы, которыми оно с таким постоянством следовало в течение прошлых двух лет, в Европе не будет никакого мира. Мы будем просто переходить от одного кризиса к другому и видеть, как на одну страну за другой нападают, что теперь нам таким отвратительным образом и продемонстрировано. Мы полны решимости прекратить это»^[515].

На деле же премьер-министр затягивал с объявлением войны только потому, что Франция оказалась неподготовлена. Правительство Даладье в решающие последние дни августа, боясь настроений своей общественности, не спешило проводить какие-либо подготовительные меры. Несмотря на то, что многие члены Кабинета решительно настаивали на немедленном объявлении войны Германии, Чемберлен продолжал тянуть время, чтобы из Парижа могли эвакуировать женщин и детей. Естественно, объявить открыто об этом он не мог и выслушивал чудовищные обвинения в свой адрес, даже не имея возможности защититься. Особенно усердствовали в своих нападках лейбористы, которых поддерживали консерваторы плана Лео Эмери, кричавшего Гринвуду: «Говорите от имени Англии!» Гринвуд говорил и говорил, клеймя позором премьер-министра Чемберлена, а лорд Галифакс, быстро и весьма спокойно отчитавшись в палате лордов, вместе со своей женой Доротой отправился ужинать. Но тут его перехватил Чемберлен. Накормив министра ужином на Даунинг-стрит, 10, он рассказал, с каким организованным гневом палаты общин ему пришлось столкнуться. «Никогда я не видел его таким взволнованным»^[516], — записывал министр иностранных дел в дневнике. Забастовка начиналась теперь уже и в правительстве, министры во главе с Лесли Хор-Белишей отказывались покидать кабинет заседаний, пока война не будет объявлена. Другой министр записывал: «Я помню, что премьер был спокоен, даже с оттенком ледяной холодности. <...> Я совершенно уверен, что он сдерживался теперь только из-за французов. Он ужасно волновался, что Париж мог бы действительно подвергнуться нападению с воздуха»^[517].

В ночь на 3 сентября после бесчисленных совещаний с французским правительством по телефону было решено, что Франция объявит рейху свой ультиматум после британского, и истекать он будет в 17.00.

Ультиматум, который в 9.00 3 сентября 1939 года передал переводчику

Шмидту посол Гендерсон (Риббентроп отказался его принимать), истек в 11.00. В 11.15 Невилл Чемберлен выступал по радио: «Я говорю с вами из кабинета на Даунинг-стрит, 10. Этим утром английский посол в Берлине вручил немецкому правительству заключительное послание, заявив: в случае, если к 11 часам мы не получим известие от них, что они готовы сразу отозвать свои войска из Польши, между нами начнется война. Я должен сказать вам теперь, поскольку никакой ответ так и не был получен, что наша страна находится в состоянии войны с Германией. Вы можете вообразить, насколько горький удар это для меня, которого подвела вся моя долгая борьба за сохранение мира. Все же я не могу полагать, что есть что-либо еще, что бы я делал более успешно. До самого последнего момента представлялось вполне возможным устроить мирное и благородное урегулирование проблемы между Германией и Польшей. Но у Гитлера не было такого желания; он, очевидно, решил напасть на Польшу во что бы то ни стало. И хотя он теперь говорит, что выдвинул разумные предложения, которые были отклонены поляками, это не является истиной. Эти предложения никогда не передавали ни полякам, ни нам. Хотя о них объявили в немецкой радиопередаче в четверг ночью, Гитлер решил не ждать, как их прокомментируют, а приказал его войскам пересечь польскую границу следующим утром. Его действия убедительно показывают, что нет никакого шанса надеяться, что этот человек когда-либо бросит свою практику применения силы, чтобы получить желаемое. Он может быть остановлен только силой, и мы и Франция сегодня выполняем наши обязательства, данные Польше, которая так смело сопротивляется этому злumu и неспровоцированному нападению на ее народ. Наша совесть чиста, мы сделали все, что любая страна могла бы сделать, чтобы сохранить мир, но ситуация такова, что никакому слову, данному правителем Германии, нельзя доверять и теперь никакой народ или страна не могут чувствовать себя безопасно. Сейчас, когда мы решили покончить с этим положением, я знаю, что все вы исполните свои роли со спокойствием и храбростью». В конце выступления прозвучал сигнал воздушной тревоги.

Таким образом был закончен «мир для нашего поколения», гарантированный премьер-министром Невиллом Чемберленом всего лишь менее года назад. Именно он, «джентльмен с зонтиком», превратил двусторонний германо-польский конфликт во Вторую мировую войну, хотя не было в Европе на тот момент не то что государственного деятеля, а даже простого человека, который более страстно хотел бы мира и который приложил бы большие усилия для его сохранения. Чемберлен попал в целую вереницу ловушек, которые были расставлены и Адольфом

Гитлером, и французской, и польской стороной, и собственной британской оппозицией, но капкан захлопнул лорд Галифакс, убедив премьер-министра выдать гарантии государству, которому Британская империя даже по соображениям географическим мало чем могла помочь. Тем самым Британия обрекла на гибель вместе с Польшей и себя, и своего премьер-министра.

Глава 8

GUILTY MAN

(СЕНТЯБРЬ 1939–1940)

С каким восхищением они наускаивают на хорошего человека, когда он оступается^[518].

Сэр Александр Кэдоган

На заседании палаты общин, которое состоялось в полдень 3 сентября 1939 года, премьер-министр дал выход своим переживаниям: «Это печальный день для всех нас, а для меня в особенности. Все, ради чего я трудился, все, на что я надеялся, все, во что я верил на протяжении всей моей общественной деятельности, погребено под руинами. Мне остается только одно: всеми силами и всеми средствами, какие еще остались в моем распоряжении, способствовать победе того дела, во имя которого мы понесли такие огромные жертвы. Не знаю, какую роль мне будет дозволено сыграть, но я надеюсь, что мне удастся дожить до того дня, когда будет уничтожен гитлеризм и восстановлена освобожденная Европа». Теперь он винил в том, что его мир разрушен, одного человека — Адольфа Гитлера: «Этот сумасшедший должен гореть в аду столько лет, сколько жизней будет на его счету»^[519].

Пока Чемберлен выступал в палате общин, в последний раз по Берлину шел Невил Гендерсон, получивший задание узнать, каково настроение немцев. Он также был утвержден в мысли, что единственный виновный во всем произошедшем — фюрер германского народа, хотя от ответственности за провал своей конкретной миссии в рейхе не отказывался. В мемуарах, которые он будет писать по возвращении, спеша изложить мнение о случившемся, ведь дни его были уже сочтены, он зафиксировал, как зашел в аптеку приобрести кодеин, избавляющий его от постоянной боли: «Фармацевт хмуро сказал мне, что не может отпустить мне лекарство без предписания доктора. Я упомянул, что был британским послом. Он повторил, что сожалеет, но инструкции об этом были довольно определенными. Я снова повторил: «Я не думаю, что вы поняли; я — британский посол. Если вы отравите меня своим препаратом, вы получите лучшую благодарность от своего доктора — Геббельса». Печальное лицо

фармацевта осветила улыбка этой слабой шутке, и он сразу продал мне весь кодеин, который мне требовался. Во всем этом было что-то очень жалостливое»^[520].

Но жалостливой и трагической вся ситуация была только для премьер-министра и посла, а также миллионов простых граждан всего мира. Для Уинстона Черчилля и Энтони Идена наступило время ликования. Чемберлен тут же предложил им посты первого лорда Адмиралтейства и министра по делам доминионов соответственно, которые они с огромным удовольствием приняли и возвратились в правительство. Лейбористы, хотя Чемберлен обратился также и к ним, отказались работать в его Кабинете, несмотря на то, что Гринвуд громче остальных кричал о любой помощи, которую получит правительство. Давняя ненависть к премьер-министру была велика и перевешивала желание сделать нечто большее для своей страны. Неплохо складывались дела и у лорда Галифакса, обязанностей у министерства иностранных дел поубавилось, его работа была реорганизована, ведь теперь не нужно было ломать себе голову, что делать с Германией, а отношения с союзниками брал под свой контроль Верховный военный совет^[521]. Единственное, что его волновало, — это возможность воздушных налетов, поэтому он регулярно прислушивался к шуму за окном, не летят ли мессершмитты и не пора ли спускаться в отстроенное бомбоубежище^[522].

Вместо того чтобы стать теперь героическим полководцем с обнаженным мечом в руках, Невилл Чемберлен остался все тем же джентльменом с зонтиком. Его положение, положение лидера, ввергнувшего свою страну в войну, доставляло ему едва ли не физическую боль. 5 сентября он писал архиепископу Кентерберийскому: «Вы поймете, каким ненавистным я нахожу свое личное положение. Я просто не могу перенести мысль о тех славных ребятах, которые погибли вчера вечером при нападении на королевские военно-воздушные силы, и их семьях, которые первыми заплатили эту чудовищную цену. Я должен выбрасывать такие мысли из головы, если не хочу постоянно ходить расстроенным. Но это стало просто реализацией всех ужасных трагедий, которые навалились на меня. Я действительно надеялся, что мы сможем избежать их, но я искренне полагаю, что с этим сумасшедшим подобное невозможно. Я молюсь, чтобы наша борьба была краткой, но она не может закончиться, пока Гитлер остается у власти»^[523]. Сам Гитлер никуда уходить не собирался, еще в конце августа, в самые последние его драматичные дни, он говорил Гендерсону, что планирует воевать сейчас, когда ему 50 лет, а не

когда ему исполнится 55 или 60.

Премьер-министру было 70 лет, и война была последним, что входило в его планы. 10 сентября после двухнедельного перерыва он выплеснул все эмоции в письме сестре:

«Моя дорогая Ида, прошло только две недели с тех пор, как я написал тебе в последний раз, но похоже будто прошло семь лет. В дни постоянного напряжения каждый теряет чувство времени. Один день похож на другой, и жизнь становится долгим кошмаром. Финал растянутых мук, которые предшествовали фактической декларации об объявлении войны, был настолько невыносим, каким только мог быть. Мы стремились ускорить события, но было три осложнения: секретные переговоры, которые продолжали Геринг и Гитлер через нейтрального посредника (Далеруса. — М. Д.); предложения Муссолини по конференции и французские усилия по отсрочке фактического объявления войны на максимальный срок, пока они не эвакуируют своих женщин и детей и не мобилизуют их армию. Очень мало что из этого мы могли сказать публике, тем временем палата общин отбилась от рук и готова была (особенно Эмери, который был самым оскорбительным из всех) обвинять правительство в трусости и предательстве. Вишенкой на торте были некоторые мои коллеги в правительстве, всегда ужасно себя проявляющие, стоит только чему-либо случиться, которые воспользовались этой возможностью и объявили, что их презирают, ими пренебрегают, и пробовали поднять своего рода мятеж. Даже Эдвард Галифакс счел их поведение невыносимым и объявил, что у меня характер архангела!

Связи с Гитлером и Герингом выглядели довольно многообещающими вначале, но в итоге окончились ничем, поскольку Гитлер, по-видимому, увлекся перспективой короткой войны в Польше и последующего урегулирования. Началось все с движений Геринга через нейтралов и приняло форму выражений искреннего желания достичь если не союза, то понимания с нами, вместе с некоторым сомнением относительно того, хотели бы мы сами этого. Мы ясно дали понять наше положение. Мы одинаково мечтали о понимании, но оно должно основываться на уверенности, что политика силы будет прекращена. Корреспонденция, которая была с тех пор опубликована в Белой книге, сопровождалась комментариями от нейтрала Д. (Далеруса. — М. Д.), который летал туда-сюда и поочередно разговаривал с Герингом и Гитлером, с Галифаксом и со мной. Комментарии действительно не пошли дальше дружеских выражений и отчетов о том, что письма были получены с той и другой стороны. Но они произвели впечатление и давали возможность убедить

Гитлера принять мирное и разумное решение польского вопроса, а после добратся до англо-немецкого соглашения, которое, как он все время объявлял, было его самым большим стремлением.

Что разрушило этот шанс? Гитлер до этого сознательно обманывал нас, а теперь он созрел для этой схемы? Я так не думаю. Есть достоверные свидетельства, что приказ о вторжении 25 августа был на самом деле отдан и затем отменен в последний момент, потому что Г<итлер> дрогнул. С таким экстраординарным существом можно только догадываться, что там происходило. Но я полагаю, что он действительно серьезно рассматривал соглашение с нами и серьезно работал над предложениями (впоследствии переданными), которые, по его мнению, казались почти неправдоподобно щедрыми. Но в последний момент в нем произошла некоторая перемена — возможно, вызвал ее Риббентроп — и как только он привел свою <военную> машину в движение, он не мог остановиться. Все это, как я всегда и признавал, является ужасной опасностью наличия таких огромных армий в руках параноика. Предложения Муссолини, я думаю, были совершенно подлинной попыткой остановить войну, но не по альтруистическим причинам, а потому, что Италия не в силах войти в эту борьбу и, чрезвычайно вероятно, попадет в беду, если другие ее к этому подтолкнут. Но все было обречено на неудачу, Гитлер к тому времени не был готов протянуть нам руку, если не мог получить, что хотел, без войны. А мы не были готовы это ему отдать.

Что касается французов, то мы пережили тяжелое время, пока боролись с ними. Мы хотели, чтобы наш ультиматум истек в полночь в субботу (с 1 на 2 сентября 1939 года. — *М. Д.*); они потребовали еще 48 часов. Ты видела то, что произошло в итоге. Наши послы объявляли о войне в разное время. Мы предъявили наш ультиматум, они пододвинули свой, палата общин успокоилась, и министры-мятежники притворились, что никогда не намеревались бунтовать. Таким образом, война началась после короткой обеспокоенной ночи. Только то, что в таких случаях мозговая активность в три раза превышает ее обычный ритм, позволило мне провести свою передачу по радио, сформировать военный Кабинет, встретиться с палатой общин и отдать предварительные приказы в то ужасное воскресенье, которое, как сообщает мне календарь, было ровно неделю назад.

С тех пор, хотя со мной случались многие ужасные неприятности, особенно в течение одной бессонной ночи, но напряженность все-таки уменьшилась. У меня даже иногда находится время, час или чуть больше, когда мне почти ничего не нужно делать.

Жалко, что наши нервы, равно как и наше время, нужно было потратить на предупреждения о воздушном налете, которые оказывались ложной тревогой, но я предполагаю, что нужно ожидать подобного. Мы теперь будем вариться на медленном огне, постепенно переходя к обычной практике ведения войн.

Между тем Польша сдастся намного быстрее, чем наши люди ожидали, но на Западе война, можно сказать, еще не началась. В течение некоторого времени стало более очевидным, что немецкий план состоял в том, чтобы сделать предложение о перемирии, как только они закончат свою Восточную кампанию, и они не сделают ничего, что бы подвергало опасности ее успех. Теперь я вижу, что Геринг запустил эту идею, сопровождаемую, как обычно, оскорблениями, хвастовством и угрозами. Наш первый ответ — объявление о военных приготовлениях на следующие три года. Затем я пойду встречаться с Даладье. Он готов приехать сюда снова, и думаю, что момент для мягкого движения с моей стороны наступил.

Одно только мне удобно. Когда война еще не была реальностью, я чувствовал, что был обязан проводить свою политику. Сегодня положение изменилось. С началом войны полдюжины человек могли бы занять мое место, и я не вижу, что у меня есть какая-то конкретная роль, пока мы не придем к обсуждению мирных условий, а до этого еще может быть далеко.

Случиться это может, но у меня есть чувство, что это будет очень длительным процессом. У всех есть огромное желание избежать войны, и оно очень глубоко простирается, конечно, это должно найти какое-то выражение так или иначе. Естественно, трудность в самом Гитлере. Пока он не исчезнет вместе со своей системой, не может быть никакого мира. То, на что я надеюсь, является не военной победой, — я очень сомневаюсь относительно ее возможности, — но я думаю о немецком крахе изнутри. Для этого необходимо убедить немцев, что они не смогут победить. И при правильной помощи США могли бы поймать момент и сделать это. С этой теорией нужно взвесить каждое действие в свете ее впечатления на немецкий менталитет. Сам я надеюсь, что мы не начнем бомбить их склады боеприпасов и цели в городах, пока они не начнут бомбить нас. Если этому суждено произойти, это обойдется нам дорого, но позволит и обвинить их в начале этого кошмара.

Мы получаем огромное количество замечательных писем, и многие из них выражают согласие с нами, несмотря на то, что пишут о сыновьях или мужьях, которые были призваны <в армию>. Ты в своем письме надеялась, что я не стану думать о бесполезности моих усилий. Действительно, я так и

не думаю и сказал об этом. Это было, конечно, печальное разочарование, что мир не удалось сохранить, но я знаю, что мои постоянные усилия убедили планету, что нам не может быть выдвинуто никакое обвинение. То сознание морального права, которое немцам невозможно почувствовать, должно стать огромной силой для нашей страны.

Военный Кабинет разработал схему, в соответствии с которой только трое из девяти министров будут оставаться в Лондоне каждое воскресенье. Это позволило мне вчера ускользнуть с Энни после ланча, но мы возвращаемся сегодня днем»^[524].

Несмотря на то, что формально Великобритания находилась в состоянии войны с Германией, фактически по оказанию Польше значимой помощи сделано ничего не было. Гитлер наглядно продемонстрировал на этой стране значение термина *blitzkrieg*, захватив ее за месяц. Вся союзническая деятельность была сосредоточена на так называемых «рейдах правды», которыми руководил министр авиации Кингсли Вуд. Они сводились к разбрасыванию с самолетов листовок, в которых британское правительство призывало прекратить войну. Французы заняли оборонительную позицию по линии Мажино и не собирались первыми идти в наступление. Эту политику горячо одобрял премьер-министр Чемберлен, основной идеей которого было «не допустить кровавых побоищ» и избежать жертв среди мирного населения: «Как я чертовски ненавижу эту войну. Я не был создан для того, чтобы становиться военным министром, и мысль обо всех тех домах, разрушенных в Ройал-Оуке, заставляет меня желать передать свои обязанности кому-то еще»^[525]. Но точно так же он понимал, что передавать свои обязанности кому-то вроде Черчилля означает начать полномасштабную войну с бесконечным количеством жертв, а Невилл Чемберлен был буквально одержим тем, чтобы этого не случилось.

Это было его идеей фикс, он прекрасно отдавал себе отчет в том, что кровь каждого убитого окажется на его руках и на его совести. Безусловно, в таком образе мышления его коренное отличие от государственных деятелей что Британии, что других стран и империй, которые пускали своих людей в расход без особенных колебаний и угрызений совести. Помимо прочего, мобилизован был его сын Френсис, которому предстояло служить в полевой артиллерии: «Френк в его униформе выглядит таким серьезным и смотрится лучше, чем когда-либо раньше. Он приобрел более зрелый и уверенный в себе вид, и я видел, что Эдвард (Галифакс. — М. Д.) был очень благоприятно впечатлен им»^[526]. Галифаксы тогда гостили у

премьер-министра в Чекерсе, это была середина сентября 1939 года. Дни Польши были уже сочтены, но появились и положительные новости о нейтралитете Италии, действительно, это было значительным облегчением для Британской империи. Хотя бы от войны в этом направлении Чемберлен был избавлен.

Пришествие в Кабинет министров Уинстона Черчилля принесло ему новые проблемы, так как Черчилль своей бурной деятельностью вносил сумятицу и только доставлял хлопоты премьер-министру: «Главная проблема с ним состоит в том, что он очень много говорит на заседаниях Кабинета, а его речи обычно не полностью, а то и вообще не относятся к вопросу, который мы обсуждаем. И второе, он все время пишет мне длинные письма на многих страницах. Поскольку мы встречаемся каждый день в Военном кабинете, это кажется абсолютно ненужным, но, конечно, я понимаю, что письма станут цитатами в книге, которую он напишет после всего этого. <...> До настоящего времени я не могу сказать, что У.Ч. был особенно полезен, хотя, конечно, он стал бы самой неприятной занозой, если бы теперь не входил в Кабинет»^[527].

Поводов для беспокойства у премьера хватало и без Уинстона Черчилля. Из британских крупных городов проводили эвакуацию детей, в связи с чем распространялись самые невероятные и ужасные истории о том, как городские малыши из бедных кварталов приезжали к своим деревенским родственникам и шокировали их видом, и поведением, и манерами. Дочь Чемберлена, Дороти, занималась этим вопросом и лично слышала, как один ребенок написал домой, что ему вывели всех вшей, а другой никогда не видел простыней на постели и боялся на ней спать. «Она (Дороти. — М. Д.) рассказала нам о том, как одна хозяйка говорила, что никогда не знала, в каких условиях существовали другие, и ей было стыдно за то, что она настолько не осведомлена о жизни своих соседей. Всю оставшуюся мою жизнь я хочу попробовать покрыть причиненный ущерб, помогая таким людям жить более чистыми и более здоровыми жизнями. Конечно, разочаровывает, что время и деньги, потраченные на школы, не привели к лучшему результату, да, условия плохи, но я все еще убежден, что они бесконечно лучше, чем были 20 лет назад»^[528], — писал Невилл Чемберлен сестре. Дух двадцатилетнего юноши, который когда-то строил школу и больницу для туземцев на багамском острове, а позже в качестве министра здравоохранения яростно боролся за создание условий жизни для бедняков, до сих пор был жив в нем. Это и было смыслом его жизни — помогать другим людям, а не воевать, обрекая всех на новые страдания.

Война была личной трагедией этого абсолютно штатского человека, ему хотелось сажать деревья и цветы в Чекерсе: «Я получил несколько великолепных георгинов, чей сорт назван в мою честь. Цветы размером более девяти дюймов (23 сантиметра. — *М. Д.*), по цвету — смесь желтого, сиреневого и розового, они действительно очень красивы. Но доведется ли мне когда-нибудь выращивать цветы снова?»^[529]

Остановить войну, хотя ему поступало множество писем с подобными призывами, он не мог и не хотел. Тем временем советские войска вошли в Польшу. 28 сентября 1939 года Варшава капитулировала. Как и предсказывал премьер-министр, Гитлер тут же обратился к народам Европы с предложением о перемирии. Этого предложения Невилл Чемберлен «боялся больше, чем воздушного налета»^[530], боялся его соблазнительности, его подкупающего эффекта, который произведет впечатление и на страну, недовольную войной. «Я получил 2450 писем, и в 1860 из них в той или иной форме был призыв «остановите войну». <...> «Вы остановили войну ранее, конечно, вы можете найти выход и теперь, прежде чем мы окажемся на краю пропасти»»^[531].

Тут же воспользовался этой ситуацией Ллойд Джордж, который мечтал опрокинуть правительство всеми доступными средствами. Он немедленно выступил с инициативой принятия предложений о перемирии Гитлера и здесь уже столкнулся не только с гневом премьер-министра, но и вся палата общин немедленно ополчилась на «валлийского волшебника». Чемберлен с должной твердостью предложения Гитлера отверг. В палате лордов ему вторил Галифакс: «Когда проблема в сфере международных отношений обострена, поскольку сегодня в Германии отрицаются элементарные права человека, эта проблема затрагивает уже что-то более инстинктивное и глубокое в универсальной совести человечества. Поэтому мы боремся, чтобы поддерживать власть закона и важность милосердия в деловых отношениях между людьми в великом обществе цивилизованных государств»^[532].

Чемберлен опасался этого мирного предложения Гитлера не потому, что не хотел мира, а потому, что перестал верить Гитлеру и ждал переворота, надеясь, что немцы сами откажутся от своего фюрера. Премьер-министр боялся реакции, которую подобное предложение вызовет. И, действительно, Дэвид Ллойд Джордж с его призывами к миру (хотя Чемберлен не верил и ему и видел в этом исключительно уловку по свержению своего правительства) стал только первой ласточкой в этом процессе.

Начали просыпаться доминионы, в частности, Канада призывала к конференции с нейтральными державами — Италией, США, СССР; лейбористы начали кампанию за договорной мир, включающий даже пересмотр колониальной системы. Чемберлен по этому поводу иллюзий не испытывал, у него была своя стратегия, о чем он писал сестре: «Моя политика продолжает оставаться прежней. Держаться, хотя это и трудно. Продолжать экономическое давление, спешить с производством боеприпасов и военными приготовлениями с предельной энергией, не предпринимать наступления, если Гитлер не начнет его сам. Я считаю, что, если нам разрешат продолжить эту политику, мы выиграем войну к весне. Но сможет ли Гитлер позволить нам сделать это? Как я писал тебе, военные (не политики) не думают, что он пойдет на подобное. С военной точки зрения они полагают, что сначала он вытеснит французов с участка, который они заняли между линиями Зигфрида и Мажино. Тогда они навалятся на линию Мажино, и когда максимальное количество французских войск будет собрано там, они сделают внезапный налет на Голландию и Бельгию, возможно, сопровождаемый воздушным нападением на наши аэродромы, порты и авиационные заводы. <...> До сих пор у меня было единодушное согласие коллег, включая Уинстона, который, и я рад это сказать, хоть и наслаждается каждым моментом войны, но достаточно благоразумен, чтобы не рисковать нашими военно-воздушными силами в операциях, которые не будут решающими»^[533].

Опять премьер-министр, что называется, как в воду глядел. До зимы 1940-го открыто выступать никто не собирался. Ожесточенные бои велись только на море, британские подлодки топили немецкие с переменным успехом к большому удовольствию первого лорда Адмиралтейства. Черчилль продолжал свои бумажные бомбардировки, заваливая Чемберлена письмами, мало имеющими отношение к его обязанностям. Премьер-министр, наконец, просто не выдержал, вызвал его к себе и отчитал за то, что он отнимает у него время, а также за то, что будет потом издавать все эти письма в своих книгах, Черчилль пообещал, что больше так делать не станет.

Это была действительно «странная война». Затишье становилось невыносимым, в людях оно возбуждало нервозность, не способствовали спокойствию и «блэкауты» (прекращение подачи электроэнергии) и тренировочные сигналы воздушной тревоги. Чемберлен перечитывал комедии Шекспира, «чтобы отвлечься от нытья прессы и палаты

общин»^[534]. Черчилль, с которым после того разговора, казалось, удалось сохранить самые теплые отношения, показывал ему свой подвал-бомбоубежище в Адмиралтействе, где работал 24 часа в сутки и планировал всевозможные морские операции. То, что он был при деле и не мешался, очень устраивало премьер-министра, который все-таки считал Черчилля ребенком, иногда очень вредным, но если его занять любимым делом, то вполне плодотворным. Успешность же войны для Чемберлена определялась не количеством потопленных германских судов, а тем, что «кровавые побоища» все еще были туманной и едва ли возможной перспективой («если мы сможем достигнуть нашей цели без массовых убийств, какое это будет облегчение!»^[535]), и хорошим темпом, с которым продолжалось перевооружение и укрепление оборонных позиций страны. К 1940 году британцы уже производили больше боевых самолетов, чем немцы, а радарная сеть противовоздушной обороны, ранее охватывающая только эстуарий Темзы, теперь охватывала все побережье.

В ноябре 1939 года Чемберлен заболел. Обычный приступ подагры мало того что переместился на другую ногу (левую; раньше обычно страдала правая), так еще и руки и запястья раздулись и покрылись сыпью «как от странно ядовитой крапивы»^[536]. Из-за этого он, весь в мази, в льняных перчатках лежал в постели и авторучкой, которую ненавидел, проклинал свое положение в письмах сестрам, оставляя на бумаге кляксу за кляксой. Доктор успокаивал его, что при подагре такая сыпь обычный случай... Долго поболеть ему не удалось. Уже через неделю он вновь собирал Военный кабинет, встречался с Даладье и Гамеленом и произносил речи. Окончательно поправился Чемберлен от этих странных проявлений подагры только к декабрю, как раз к моменту ввода советских войск в Финляндию (30 ноября 1939 года).

Чемберлен так прокомментировал политику СССР: «Ситуация осложнена последним перформансом Сталина, который, кажется, вызвал намного больше негодования, чем нападение Гитлера на Польшу. Хотя это выглядит не хуже нравственно, но, вероятно, будет менее жестоко осуществляться. Я предполагаю, мир не был уверен, что нападение на поляков было ошибкой, в отличие от нападения на финнов. Я так же, как и любой, возмущен поведением русских, но обязан отметить, что союзнические силы вряд ли пострадают от всего этого»^[537].

В этом премьер-министр ошибся. Финляндия, которая не продержится дольше марта 1940-го, сражаясь с Красной армией, что будет иметь для союзников — Великобритании и Франции — серьезные последствия,

вызвала заметное изменение политического климата. Чемберлен признавался, что не видел врага в России, врагом номер один для него оставался Адольф Гитлер^[538], с этим связаны его умозаключения. Симпатий к СССР у него не было, но и желания воевать с Советским Союзом он не имел. Отчасти этим же объясняется та слабая помощь, которую союзники оказали Финляндии, но основной причиной было то, что и Швеция, и Норвегия отказались пропустить союзнические силы через свои территории, таким образом отдав Финляндию в руки СССР.

В декабре же Чемберлен и Галифакс посетили Францию, совершив туда и обратно довольно опасные полеты в тумане. Чемберлен «испытывал то, что другие называют предчувствием, будто я не вернусь, но потом отбросил от себя эти гнетущие мысли», а Эдвард «был сильно испуган». Последнему вообще реалии войны доставляли лишь неудобства. Из роскошного дома на Итон-сквер он с женой Дороти перебрался в отель неподалеку от Форин Оффиса, поскольку в отеле было бомбоубежище, в отличие от его дома. Невилла Чемберлена, который теперь ходил в нескольких носках и специальных подагровых ботинках, личный комфорт волновал мало, подагра доставляла ему физические страдания, но страдания душевные вызывала война в целом. «Я нахожу войну, — писал он архиепископу Кентерберийскому на Рождество, — более ненавистной мне, чем когда-либо, каждая потерянная жизнь и каждый взорванный дом вызывают у меня горький стон»^[539]. Он был полон ощущения затишья перед катастрофой.

В январе, после посещения французского фронта, премьер-министр говорил: «Эта новая война, которая, вероятно, будет роковой в истории мира, началась тихо, но это затишье перед бурей. Огромные полчища людей, вооруженных самыми мощными орудиями уничтожения, которые способна изобрести наука, следят друг за другом из-за своих оборонительных позиций. Время от времени мы слышим гул орудий, но генерального сражения пока еще не было. Как долго это продлится, мы не знаем»^[540]. И Гитлер, и союзники ждали весны.

Союзники и Германия одновременно разрабатывали план захвата Скандинавских стран. Еще в январе, выступая по радио со своими регулярными обращениями, Уинстон Черчилль имел неосторожность обмолвиться об этом, что вызвало, разумеется, шквал протеста со стороны нейтралов. Премьер-министр сокрушался о том, что все, что они говорят в Кабинете, теперь с легкой руки первого лорда Адмиралтейства можно

услышать в радиопередачах^[541]. Эта неосторожность, скорее всего, не намеренная, а вызванная тщеславием и самоуверенностью Черчилля, в предстоящей норвежской кампании сыграла свою роль. Планы по Скандинавии из-за поднятого шума пришлось отложить на три месяца.

Расстраивало Чемберлена не только это, но и бесконечные нападки прессы, «военных новостей нет, а газеты продаются лучше, когда ругают правительство, но не хвалят его. Это заставляет меня иногда чувствовать, что было бы лучше, если бы я передал свои обязанности другому. Только я не вижу, что тот другой, которому я мог бы передать власть, добьется большего успеха, чем я»^[542]. Под «другим» премьер-министром обычно понимался Галифакс, с которым они в последнее время особенно сблизились, хотя тот совершенно не жаждал принимать на себя «решающую ответственность».

Вообще о возможном своем преемнике премьер-министр раздумывал мало, так как, несмотря на травлю в прессе и крики оппозиции в палате общин, положение его и в Консервативной партии, по-прежнему составляющей большинство в парламенте, и в стране оставалось довольно прочным. Да и сам он был в хорошей физической форме, за исключением периодических обострений подагры. «Все это дает тяжелое напряжение, но я не могу не видеть, насколько легче я переношу это, нежели отец, хотя он был на несколько лет моложе меня»^[543]. В апреле 1940 года личный секретарь Чемберлена фиксировал: «Его невероятная способность к тяжелой работе и очевидная неспособность уставать поражают и, кажется, даже увеличиваются, как только проблемы становятся труднее, а дни все более нагруженными работой. Семьдесят один год очень легко лег на его плечи»^[544]. 71 год исполнился Чемберлену в марте. 30-го числа он виделся со своей сестрой Идой и после написал ей: «Я никогда не могу подумать о тебе и обо мне как о «стариках», но когда я вспоминаю, что моей юности уже более 70 лет, я понимаю, какими мы неизбежно видимся молодому поколению»^[545].

К тому времени Финляндия уже была захвачена. Но в феврале, когда финны еще продолжали «героически сопротивляться», премьер-министр писал: «По-моему, самым важным является то, чтобы финское сопротивление продолжалось, и у меня есть сильное чувство, что финская война может иметь важное влияние на нашу борьбу»^[546]. Падение Финляндии действительно очень сильно повлияло на борьбу, но в первую очередь французского правительства. Ему не простили того, что союзники не спасли финнов, и Эдуар Даладье, опрометчиво обещавший любую

поддержку Финляндии, вынужден был уйти в отставку, передав свои полномочия Полю Рейно. На британское правительство это оказало влияние косвенное, но продемонстрировало заинтересованным лицам, а таких и в Кабинете, и в палате было достаточно, что крупная военная неудача помогает избавиться от премьер-министра.

Когда 9 апреля 1940 года Гитлер высадился в Норвегии, он только на несколько дней опередил британцев, и все же эти несколько дней стали решающими. Норвежская операция была весьма странно осуществлена и закончилась поражением, это признают многие известные специалисты, например Бэзил Лиддел Гарт^[547]. Можно говорить о том, что у Черчилля были связаны руки, что премьер-министр не наделил его должными полномочиями и т. д. И тем не менее за то же минирование норвежских территориальных вод выступал в первую очередь премьер-министр Чемберлен. Он дал карт-бланш Черчиллю. Генерал Айронсайд в то время прямо говорил, что «у нас все решает Адмиралтейство». Казалось, любой корабль, который войдет в норвежские воды, будет потоплен, но Гитлер осуществляет высадку войск. И могущественнейший флот Британской империи терпит такое сокрушительное поражение. Можно, конечно, вспомнить о Галлиполи — неудаче Черчилля на том же посту 25-летней давности, но истинная причина этого поражения кроется не только в неумелых действиях военного гения Уинстона Черчилля, были и другие мотивы.

«Гитлер совершил огромную стратегическую ошибку. <...> Мы крупно выиграли от того, что произошло в Скандинавии», — писал Уинстон Черчилль. И это была сущая правда, он действительно выиграл. Невилл Чемберлен, несмотря на спорные моменты политики правительства, был очень популярен в Британии. Даже знаменитый Лорд Хау-Хау^[548] признавал, что Чемберлен единственный на тот момент мог объединить страну, любимый простым народом. Убрать главу правительства, пользующегося поддержкой общества, было не так-то просто, каким-либо образом необходимо было подорвать его репутацию.

Несмотря на оптимистичные прогнозы относительно норвежской кампании, озвученные в середине апреля и премьер-министром, и первым лордом Адмиралтейства, 28 апреля было принято решение об эвакуации союзнических войск из Норвегии. Таким образом, еще одна нейтральная страна перешла в руки Гитлера. Чемберлен не хотел обвинять Черчилля персонально в этом провале, однако отмечал: «Он склонен слишком смотреть на сторону, в то время как друзья возвеличивают его военный

гений и намекают, что, если бы только он не был отягощен мешающими ему вещами^[549], все пошло бы совсем по-другому. <...> Свое мнение по Тронхейму Уинстон изменил четыре раза. <...> Он был убежден, что, если бы мы выполнили первоначальный план, мы добились бы успеха. Я же уверен в том, что ему помешала привычка к несдержанным разговорам в компаниях, но он был в таком настроении, что принудило его «поклонников» говорить, будто ему мешают. Хотя я никогда не слышал, чтобы он отрицал свою собственную ответственность. <...> Я не обвиняю У.Ч. в этих очень естественных колебаниях. Все мы склонны менять мнения в эти ужасные времена, поскольку имеют место быть различные соображения. Только вот они не согласовываются с картиной, которую желтая пресса и «друзья» У. Ч. рисуют относительно первого лорда Адмиралтейства»^[550]. Пресса действительно неистовствовала по поводу норвежской операции, призывая к ответственности вовсе не Уинстона Черчилля, а премьер-министра.

1 мая 1940 года «Барон прессы» лорд Бивербрук в беседе с Леопольдом Эмери вспоминал о том, с каким трудом удалось свалить Асквита, и говорил, что убрать Чемберлена с поста главы правительства может только «дворцовый переворот», то есть перестановка внутри Кабинета^[551]. Сам Бивербрук еще с января 1940 года пытался войти в Кабинет и уговаривал премьера сделать его хотя бы министром сельского хозяйства. Чемберлен ему в этом отказал, таким образом нажив себе очень деятельного и зловредного врага. Покровительствовал Бивербруку и Черчилль, лоббируя предоставление ему портфеля, но также получил отказ.

«Барон прессы» после этой неудачи стал вести переговоры с герцогом Виндзорским, ранее известным как Эдуард VIII, уговаривая того «объединить страну в движении за мир», то есть начать с Гитлером переговоры, обещая ему полную поддержку своих газет. Но у отрекшегося монарха достало ума не поддаваться на эти уловки, понимая, что все это имело лишь один смысл — свалить правительство Чемберлена, а если еще точнее — избавиться от премьер-министра. Лео Эмери, с которым Бивербрук делился размышлениями о перевороте, также давно имел «пчелу в шляпе»^[552] на своего старого друга Чемберлена, который каким-то неизведанным Эмери образом обходился в своем военном правительстве без него.

Дебаты в парламенте по этому вопросу были назначены на 7–8 мая. То, во что они выльются, не мог и предположить Невилл Чемберлен. 4 мая,

находясь в своем любимом Чекерсе, он запишет в дневнике: «Я не думаю, что мои враги способны скинуть меня теперь. Будет жаль, если они это сделают, так не хочется отсюда уезжать...»^[553] Все письма Чемберлена, которые были написаны сестрам до этого момента, с января регулярно повторяли эту же самую мысль. Хотя он описывал трудную отставку Хор-Белиши с поста главы военного министерства и выступление по этому поводу Галифакса, который спешил напомнить о еврейском происхождении министра и о том, что его не будут воспринимать из-за этого всерьез. Писал Чемберлен, как он регулярно сталкивался с трудностями в понимании с Черчиллем, и доходило до того, что он прямо говорил Черчиллю: «Или вы принимаете мою политику, или я принимаю вашу отставку», но после, по мнению премьер-министра, мир восстанавливался и их отношения с «избалованным и мрачным ребенком» быстро стабилизировались. В начале февраля Чемберлен проверял зрение, и доктор сказал ему, что с такими зоркими глазами его могли бы взять служить на флот. Но тем не менее увидеть, что в Кабинете не все столь же тепло относятся к нему, как относился он к своим коллегам и друзьям, Чемберлен не сумел.

Еще в 1939 году Марго Асквит, вдова премьер-министра, объявившего о начале Первой мировой войны, писала, что главным врагом теперь является — ненависть. И именно ненависть нашла свое отражение в тех знаменитых слушаниях в палате общин. В октябре Энни, миссис Чемберлен, писала сестре премьера об атмосфере, царящей там: «Я просто не знаю, как он сохраняет свое терпение и силы. Я прихожу иногда послушать вопросы и оппозицию лейбористской партии. Невероятно, но они, кажется, не понимают, что война продолжается. Большинство заднескамеечников ведут себя точно так же, как школьники, и вы видите, что они усмеваются друг дружке каждый раз, когда думают, что один из их лидеров заработал очко, — они пытаются доказать свое превосходство совершенно независимо от правды, просто чтобы предали гласности то, что они говорят»^[554]. И это было в относительно мирном октябре, но после Норвегии в палате творилось нечто невообразимое.

Кит Фейлинг отмечает, что ни Финляндия, ни Норвегия не стали действительными причинами всего произошедшего^[555]. Безусловно, с этим можно согласиться. Ключевой фигурой был премьер-министр, который коренным образом отличался от тех людей, которые превалировали в палате общин. Это были жадные до власти, говорившие, лишь бы одержать словесную победу и максимально изящно оскорбить, привыкшие к

вниманию в прессе и не склонные к тяжелой работе, но склонные к политическим интригам люди. Невилл Чемберлен с его популярностью, с его честностью и смелостью брать на себя ответственность, а также говорить твердое «да» и твердое «нет» без привычных в парламенте экивоков был у многих бельмом на глазу. И в мае 1940 года ему удалось то, чего не удавалось даже войне — сплотить подавляющее большинство в палате общин.

7 мая 1940 года премьер-министр открывал заседание палаты: «Я уже говорил, что преимущество тоталитарных государств заключается в том, что они готовились к войне, пока мы думали только о мире. <...> Я обязан сказать сегодня, что, пока последствия норвежской кампании были серьезно преувеличены, в то же время я сохраняю полную уверенность в нашей окончательной победе. Но я не думаю, что все люди нашей страны понимают степень угрозы, которая надвигается на нас. Если мы мудры, то извлечем много полезных уроков из этой кампании. <...> Давайте остерегаться соблазнов расколоть наши силы, это будет играть на руку врагу. Давайте также остерегаться препирательств и расхождений внутри нас, когда в настоящее время к нам может прийти война в самом своем ужасном обличье, надеясь сломить храбрость нашей страны. Сейчас не время для ссор. Сейчас, скорее, время для устранения наших расхождений, для урегулирования наших стратегий и для направления каждой унции нашей силы и энергии в вооружение армии, которая поможет нам победить. Наши военные советники говорили, что в очень трудных условиях проводить такие обсуждения нельзя. Они убеждали нас не проводить никаких дебатов вообще. Мы не могли принять этот совет. В демократической стране должна быть критика, и если эта критика есть, те, кто подвергнется ей, должны суметь защитить себя, независимо от того, какие опасности могут возникнуть. В этих дебатах должны выступать четыре члена Военного кабинета, все они непосредственно связаны с проведением войны. <...> Все они будут отвечать на критические замечания. Все они знают, что были предприняты попытки поссорить их друг с другом. Предполагается, что этот министр или тот министр более ответствен за наши действия, нежели его коллеги. Подобные предположения столь же недостойны, сколь и необоснованны. Среди нас нет никакого расхождения. Ни один из нас не пытался интриговать против другого. Все мы объединены одной мыслью, и именно так мы сможем сделать все возможное для вклада в нашу победу»^[556]. И опять Невилл Чемберлен не ошибся в своих опасениях. То, к чему он призывал — не устраивать свары, не искать персонально виновных, а продолжать

наращивать оборонные мощности и готовиться к близкой и настоящей войне после периода затишья, — было выполнено палатой общин с точностью до наоборот.

Выступавший после лидер оппозиции Клемент Эттли откровенно заявлял: «Я нисколько не удовлетворен, несмотря на все слова премьер-министра, существующим правительством военного времени, оно — неэффективный инструмент ведения войны. Мы подвергали критике его в этой палате много раз»^[557]. Это была чистая правда, лейбористы трепали нервы Чемберлену до этого момента достаточно. Любой повод использовался ими для того, чтобы обозначить свое неудовольствие и премьером лично, и Кабинетом, хотя сами лейбористы, несмотря на периодические предложения, войти в правительство отказывались. Эттли оправдывал Черчилля, который, по его мнению, был поставлен в невыносимое положение своим статусом первого лорда Адмиралтейства без расширенных функций всего военного командования. Выступавший позже Арчибальд Синклер^[558], включение в Кабинет которого регулярно лоббировал Черчилль, усомнился в том, что сказал премьер-министр о советах не проводить дебаты вообще, пытаясь выставить Чемберлена в свете желающего уклониться от своей решающей ответственности. Но если лидеры оппозиции хотя бы пока держали марку, заднескамеечники, вроде полковника Веджвуда, без обиняков заявляли: «Если бы я был в правительстве, я бы немедленно или убрал наши войска или установил связь с Россией»^[559]. Такие самоуверенные заявления сыпались со всех сторон. Основной претензией к Чемберлену у многих было то, что у власти был он, а не они.

Самым ярким, в том числе и визуально, стало выступление адмирала Роджера Кийса, который был при полном параде и в тот же день уходил на фронт. Сверкая орденами, он разбил все доводы правительства, показав нелепость, с которой была проведена норвежская кампания, но парадоксально исключая из ответственности за все это первого лорда Адмиралтейства. Во второй день защищал Кабинет сэр Самюэл Хор, министр авиации. После Уинстон Черчилль благородно принял на себя вину за провал операции^[560], прекрасно сознавая, чья же в итоге окажется «решающая ответственность», на что «бритва парламента» Дэвид Ллойд Джордж ответил своему старому другу: «Не превращайтесь в бомбоубежище для снарядов, которые летят в правительство!»^[561] Ллойд Джордж продолжил свою речь, в которой потребовал, чтобы премьер-министр, которого он ненавидел с 1916 года, принес себя в жертву: «Он

призвал к жертве. Страна подготовлена к каждой жертве, пока у нее есть лидер... Я говорю торжественно, что премьер-министр должен показать пример жертвы, потому что нет ничего, что может более способствовать победе в этой войне, чем то, что он должен пожертвовать своим постом»^[562]. Учитывая мастерство парламентской интриги, в котором и Уинстон Черчилль и Дэвид Ллойд Джордж поднаторели еще, когда опрокидывали правительство Асквита в далеком 1916 году, а также их тесные дружеские отношения, вряд ли можно сомневаться, что подобная демонстрация, особенно с прямыми словами Ллойд Джорджа, желающего обелить морского министра и очернить премьера, была абсолютной импровизацией.

Невилл Чемберлен вновь подчеркнул: «В качестве главы Кабинета я беру на себя основную ответственность за действия правительства»^[563]. Лейбористы ждали этого момента и вынесли вотум недоверия правительству военного времени. Это воодушевило премьер-министра, который все еще рассчитывал на поддержку. Он взметнулся к трибуне и сказал: «Никакое правительство не может вести войну эффективно, если у него нет поддержки общественности и поддержки парламента. Я принимаю ваш вызов! Я даже рад ему, по крайней мере, мы увидим, кто с нами, а кто против нас. И я призываю своих друзей, а они у меня еще есть в этой палате, поддержать нас во время голосования!»^[564]

И депутаты палаты, и позже исследователи обвиняли Чемберлена в этом столь личном призыве к друзьям. Премьер-министр перенес всё в плоскость личного отношения, но разве же не были эти дебаты абсолютным и очевидным выражением ненависти лично к Невиллу Чемберлену? На деле пока еще премьер-министр вторично процитировал Бенджамина Дизраэли, как процитировал его в 1938 году, когда говорил о «мире для нашего поколения». Дизраэли, чья политическая мудрость бесспорна, как-то заметил: «Единственное, о чем мне приходится заботиться, — это мои друзья. Если они меня поддержат, я все преодолею и добьюсь триумфальной победы. Но существует ли дружба в августе?» В августе обычно парламент распускают на каникулы и депутаты разъезжаются по своим округам или уезжают в отпуск.

И если во времена Дизраэли дружба в августе существовала, то во времена Чемберлена в мае ни о какой дружбе не могло идти и речи. Разумеется, для настоящих политиков интересы государства должны стоять выше личных отношений. Тем не менее то, что происходило тогда в мае, скорее напоминало персональный конфликт, нежели соответствовало

интересам страны. Правительство выстояло, но цифры были ошеломляющими — 281 голос «за» и 200 — «против», тогда как обычно вотумы недоверия отвергались большинством в две сотни голосов. Это было «технической победой и сокрушительным моральным поражением»^[565].

Против правительства были и многие консерваторы, которые раньше решительно поддерживали политику Чемберлена. Леди Астор или все тот же Леопольд Эмери. Именно он еще в первый день дебатов расписывался в комплиментах правительству военного времени Ллойд Джорджа, клеймил лично премьер-министра и, наконец, прокричал знаменитые слова: «Пришло время для создания действительно национального правительства. <...> Я процитирую сейчас, хоть и с большой неохотой, слова Кромвеля, обращенные к Долгому парламенту, когда Кромвель пришел к выводу, что этот парламент больше не способен управлять делами нации. Кромвель тогда сказал: «Вы сидели слишком долго, чтобы быть в состоянии творить добро. Уходите и пусть с вами будет покончено. Во имя Господа уходите!»»^[566]. Выслушать подобное от старого друга для Невилла Чемберлена, конечно, было откровением.

Дебаты завершать следовало Галифаксу в палате лордов. Его биограф, лорд Биркенхед, сын того самого Ф. Е. Смита, отмечал, что он был «странным и почти неземным образом отстранен»^[567], прося «не прессовать» его относительно технических деталей и туманно заявляя: «У нас есть одна цель. Если бы это имело место, и кто-то думал, что другие люди могли сделать работу лучше, то, конечно, никакой член правительства, насколько я знаю, не хотел бы быть освобожденным от ответственности, которая не может принести личное удовлетворение, но только бремя, которое время от времени должно быть почти невыносимо»^[568]. Лорд Галифакс вообще всегда очень витиевато выражался, нагромождая в своих предложениях бесконечные словесные конструкции. В основном речи ему писали секретари, редко когда он работал над ними сам, в отличие от Чемберлена, который к подобным услугам прибегал считанные по пальцам разы, хотя и занят был куда более своего друга.

Невилл Чемберлен с самого начала своей политической карьеры ненавидел само занятие политикой за то, каким грязным оно было в действительности. В том мае казалось, что вся грязь, которая была возможна, вылилась на его голову. Это очень сложный вопрос, возможно ли оставаться джентльменом в подобной ситуации и в политике в целом. На

момент мая 1940 года джентльменами оставались очень немногие. Например, сэр Хорас Уилсон, который поддерживал премьера во всех начинаниях, как поддерживал и весной 1940 года. Чехи без обиняков называли его «свиньей», а он в те дни мог уйти с ужина, чтобы побыть с премьер-министром. Как вспоминал лорд Уолтон: «Никто никогда не нуждался в непредубежденной преданности больше, чем Н. Ч., который, при его кажущейся идеальной семейной жизни, был одинокий человек по своей природе. Я помню, Уилсон после ужина оставил меня, сказав: «Я должен пойти и заботиться о своем руководителе: он чувствует себя очень одиноким сейчас»»^[569]. Кстати, после отставки премьер-министра Черчилль напрямую заявил Уилсону, что если тот еще раз сунет свой нос в политику, то «поедет губернатором в Гренландию».

Для Чемберлена произошедшее в парламенте, безусловно, стало неприятным сюрпризом, но премьер-министр никогда не стал бы премьер-министром, если бы стойко не переносил подобные неудачи. Правда, сюрпризы на этом не заканчивались. Мрачный, но не смирившийся, он думал, что еще не все потеряно. Дебаты, безусловно, огорчили его, но как отмечал Кэдоган, они были «ужасны, но не думаю, что фатальны. По моему мнению, Н. Чемберлен — лучший премьер в поле зрения. Единственная альтернатива — Г. (Галифакс. — М. Д.), и это было бы его концом»^[570]. Кэдоган же изумлялся поведению палаты общин: «Но какое скотское место эта п. о.! С каким восхищением они наскакивают на хорошего человека, когда он оступается! <...> Политика — действительно грязная вещь. Я не думаю, что они получают лучшего премьер-министра, чем Невилл. Но должна быть «умиротворена» вся их скотская ничтожная зависть и ревность»^[571]. Все произошедшее еще не казалось критическим, у Чемберлена были объективные шансы остаться. Усугубил все второй сюрприз, который подготовили своему премьеру министры в правительстве.

То, о чем говорил лорд Бивербрук, свершилось. Кабинет, собравшийся после слушаний в парламенте, буквально единогласно призвал премьера к отставке. Особенно в этом усердствовал Кингсли Вуд, бывший его парламентский секретарь, обязанный премьер-министру карьерой и старинный друг Чемберлена, который внезапно заговорил о том, что пора уступить дорогу молодым. Некоторые историки называют это «поцелуем Иуды»^[572]. Единственным человеком из правительства, который не предал премьер-министра и был возмущен поведением коллег, стал сэр Самюэл

Хор. Он храбро защищал премьера во время дебатов в палате общин и теперь защищал его в Кабинете. За это он также расплатился, в новом Кабинете Уинстона Черчилля для него портфеля не нашлось, а сам он был отправлен послом в Испанию, подальше от Лондона. Кэдоган, к Хору относящийся с открытой неприязнью, злорадствовал, что в Мадриде есть много немцев и итальянцев, которые вполне могли бы убить его. Сэр Алек пытался увлечь этой мыслью Галифакса, но живо на нее отреагировала только его жена Дороти^[573].

Понимая, что невозможно оставаться главой Кабинета, который тебя не поддерживает, Невилл Чемберлен решил уйти в отставку. Своим преемником он сам видел лорда Галифакса. Перспектива взять на себя решающую ответственность так испугала досточтимого министра иностранных дел, к тому же привыкшего к спокойной атмосфере палаты лордов, что у него разыгралась психосоматическая боль. Сам он писал в дневнике следующее: «Четверг, 9 мая. <...> Разговор и очевидный поворот его (Чемберлена. — М. Д.) сознания оставили меня с сильной болью в желудке. Я сказал ему снова, как сказал и накануне, что, если члены лейбористской партии подтвердят, что будут служить под моим началом, я должен буду им ответить, что не готов пойти на это»^[574]. Ссылка на лейбористов у Галифакса не случайна, именно от них зависела судьба Национального правительства, но теперь они уехали на партийную конференцию в Борнмут.

Перед ними стоял выбор, кого бы они хотели видеть главой правительства, Невилла Чемберлена (для этого еще оставалась возможность), Уинстона Черчилля или лорда Галифакса, который сам не рвался занимать этот пост: «Я тогда сказал, что по причинам уже приведенным премьер должен, вероятно, быть другим. Но я вообще не сомневался в моем собственном мнении, что для меня, если я стану премьером, это создаст невозможное положение. Кроме личных качеств Уинстона по сравнению с моими собственными в этом конкретном тандеме, каково на самом деле было бы мое положение? Уинстон управлял бы обороной, и в этой связи каждый не мог не помнить, как быстро такое же положение между Асквитом и Ллойдом Джорджем стало невыносимым. У меня не будет доступа к палате общин. Неизбежный результат состоял бы в том, что, будучи вне обоих этих существенных моментов, я должен быстро сделаться более или менее почетным премьер-министром, живущим в своего рода сумерках неподалеку от вещей, которые действительно имеют значение. Уинстон с подходящим выражением

смирения сказал, что не мог не чувствовать силу того, что я произнес, и премьер-министр неохотно принял мою точку зрения»^[575]. На этой примирительной ноте Галифакс и Черчилль отправились пить чай в сад, оставив пока еще премьер-министра принимать вернувшихся в Лондон лейбористов, которые должны были дать точный ответ, с кем бы они могли работать. Эттли и Гринвуд, судя по всему, не рвались работать в принципе, лидерами оппозиции оставаться неизменно проще, но они пообещали проконсультироваться еще раз с партией и дать свой окончательный и точный ответ на следующий день, 10 мая 1940 года.

В это самое утро возможного будущего премьер-министра лорда Галифакса разбудили в шесть часов, так как немецкие войска вторглись в Бельгию и Голландию. Воспользовавшись суетой, которая возникла после дебатов в палате общин, и подвешенным состоянием правительства Великобритании, Гитлер решил не терять времени, а начать полномасштабное наступление. Советники Чемберлена оказались правы, и лучше было бы отложить норвежские дебаты, сохраняя Кабинет в рабочем варианте. Пока министры были заняты внутренними распрями, очень трудно было выработать стратегию по отражению этих нападений. Единственное, что можно было сделать, и непосредственно сам Галифакс это и предпринял, — по полюбившейся ему традиции дал гарантии британской помощи тем странам. В это же время и лейбористы дали свой ответ, что работать с Чемберленом они не станут. «Премьер-министр тогда сказал нам, что он решил не ждать, и поедет к королю, чтобы посоветовать ему послать за Уинстоном»^[576], — продолжал бесстрастно фиксировать события в дневнике лорд Галифакс.

Случилось то, чего так жаждали оппозиция и некоторые другие члены Кабинета: Невилл Чемберлен принес себя в жертву. Несмотря на всю авторитарность его характера и, в принципе, имея возможности воспользоваться хотя бы чрезвычайным положением, вызванным новыми немецкими нападениями, он не стал настаивать на сохранении своей власти, он уступил дорогу. В тот же день в девять часов вечера он выступал по радио: «Я не сомневаюсь в своем мнении, что новые радикальные меры должны быть приняты... <...> чтобы война продолжилась с удвоенной энергией, столь важной для победы. Сегодня днем стало очевидно, что существенное единство может быть обеспечено только при другом премьер-министре. При этих обстоятельствах моя обязанность была проста. <...> Теперь наступил час, когда мы должны подвергнуться проверке, какой подвергаются невинные люди Голландии, Бельгии и

Франции. И вы, и я должны сплотиться за спиной нашего нового лидера и с нашей объединенной силой и с непоколебимой храбростью бороться и работать, пока дикий зверь, который прыгнул из своего логовища на нас, не был бы наконец разбит и низвергнут»^[577]. Как мы можем видеть, вопреки распространенному мнению, не только Уинстон Черчилль мог произносить ободряющие и жесткие речи.

Слушая это выступление, в Букингемском дворце плакала принцесса Лилибет, которой предстоит стать Ее Величеством Елизаветой II. Плакали многие, популярность среди простых людей у Чемберлена сохранялась на очень порядочном уровне. Даже рядовые консерваторы стали осознавать, что же они натворили, поэтому попросили бывшего премьера остаться лидером партии, факт небывалый в партийной практике.

Что чувствовал сам премьер-министр, он описал в письме своей сестре на следующий день 11 мая: «Моя дорогая Ида, все происходит в таком легкомысленном темпе, что твое письмо уже кажется устаревшим, и ты будешь знать из прессы, что произошло, с тех пор как ты писала мне. Дебаты стали очень болезненным делом для многих, помимо меня персонально, особенно с этими демонстрациями личной партийной страсти. Как и предполагалось, слушания были о Норвегии. Но, как ты и говорила, было признано, что правительство имело довольно неплохой успех там (речь идет об эвакуации британских войск, которая прошла очень успешно. — М. Д.), и, несомненно, впечатление было значительно усилено событиями, произошедшими с тех пор на континенте. Как удачно, что многочисленные солдаты, оружие и самолеты не остались запертыми в Тронхейме, когда теперь мы так нуждаемся в них здесь. Но длительный период ожидания... <...> а затем внезапное горькое разочарование в иллюзиях, так опрометчиво и незаконно которые лелеяла пресса, просто созрели вместе с массой обид и нашли свое выражение. Участники остро ощущали разочарование, не понимая, по-видимому, что, хотя мы можем удвоить свою территориальную армию росчерком пера, мы не сможем сделать то же самое с ее снаряжением. Эмери, Даффа Купера и других сознательно или подсознательно колеблет чувство разочарования, потому что они могут только наблюдать за происходящим, не входя в Кабинет. И, наконец, личная неприязнь к Саймону и Хору, которую мне трудно понять, но которая, несомненно, была подноготной в случившемся восстании, достигла кульминации.

Многие из тех, кто голосовал против правительства, с тех пор или сказали, или написали мне, что у них ничего не было против меня лично, за исключением того, что в моей команде находятся неправильные люди. Они

не видели команду в работе, но при этом они не знают, кого они хотели бы увидеть на тех местах. К тому же они ежедневно читают в прессе, что нынешний состав правительства отвращает нас от «того, чтобы брать на себя инициативу», противостоять планам врага и завоевывать поразительные успехи, которых все они так долго ждут. Они не хотят понимать, что настоящая причина произошедшего — наша слабость, потому что мы все еще имеем недостаточно сил, чтобы перехватить немецкую инициативу. Поскольку этот факт не изменится, боюсь, что и в новой администрации они будут в скором времени разочарованы.

У меня не заняло много времени решиться, что делать. Я видел, что настало время для Национального правительства в самом широком смысле этого слова. Я знал, что не смогу сформировать его, но было необходимо получить официальное подтверждение оппозиции, чтобы было чем оправдать мою отставку перед собственной партией. У меня были разговоры с Уинстоном и Галифаксом, которых я нашел согласными с моей точкой зрения, и я послал за Эттли и Гринвудом, задав определенный вопрос, присоединится ли лейбористская партия к правительству под моим началом или, если нет, под чьим-то еще. Я не назвал им имени, но я понял, что они одобрили бы Галифакса, а я его и имел в виду. Однако он объявил, что после тщательного обдумывания сочтет это слишком трудным, так как находится в палате лордов, тогда как проблемы всегда возникают в палате общин. Позже я услышал, что лейбористская партия передумала и склонилась к Уинстону. Я согласился с ним и Галифаксом, поэтому я назвал имя Уинстона королю.

Два члена лейбористской партии, с которыми мои личные отношения были довольно дружественными, были, как я ожидал, неспособны обещать поддержку их партии, хотя персонально свое мнение они высказали. Я поэтому попросил, чтобы они собрали голоса их исполнительного комитета в Борнмуте и вчера днем сообщили мне ответ. Это они сделали, тогда я немедленно пошел во Дворец и вручил свою отставку. Король был максимально добр и от своего имени и от имени королевы выразил мне подлинное сожаление, хотя также выразил и удовольствие тем, что я остался в новом правительстве. По возвращении я набросал текст своего выступления на радио, и как это бывает, вполне спонтанно озвучил то, что было у меня в голове. У меня не было времени на шлифовку и улучшение текста, и это, кажется, произвело на всех впечатление своей искренностью.

Я должен сказать, что Уинстон был самым красивым в своей оценке моей готовности помочь. Я знаю, что он полагается на Галифакса и на меня. Как он выразился в письме: «Моя судьба зависит в основном от Вас».

Он дал бы мне Казну (портфель канцлера Казначейства. — М. Д.), если бы я был готов взять ее. Но я видел, что это было невозможно. Лейбористской партии я буду казаться препятствием всему, что они хотят сделать, и из-за них мое положение будет ненадежным. Единственный шанс дать их страстям утихнуть — занять место, которое не вовлекает меня с ними в конфликт.

<...> В настоящее время все омрачено новыми актами агрессии, и пока мы не избавимся от этих неприятностей, все остальные проблемы отодвигаются, делаясь мелкими и ничтожными. Хотя основное бремя ответственности теперь снято с моих плеч, я не чувствую особенного облегчения. Уинстон лично лоялен к своим коллегам, и он очень тепло расписывался в своих выражениях дружбы. Но он окружен совсем другой толпой. Я помню истории о методах создания правительства, которые теперь неприятно напоминают о ллойд-джорджевском пути (речь идет о смещении Ллойд Джорджем Асквита в 1916 году и о формировании нового Кабинета. — М. Д.). <...> Речь Л. Д. вчера в палате общин, в которой он стремился оправдать Гитлера на том основании, что мы обманули Германию, сознательно сделана с тем расчетом, чтобы отделить себя от нового правительства и забронировать себе такое положение, из которого в конечном счете его можно было бы позвать для подписания мира. Это кажется мне столь характерным для Ллойд Джорджа, что я думаю, все именно так и обстоит. Я знаю, он думает, что мы проиграем войну.

Я получаю огромное количество писем, и Энни тоже. Многие из них содержат очень болезненные рассказы о бедствиях, но почти все без исключения содержат также полную и несломленную уверенность <в нашей победе>. Я полагаю, что так всегда происходит, когда известный министр уходит в отставку, и не придаю особенного значения этому. Но все это меня намного больше огорчает, чем если бы письма были злорадными. <...>

Но Чекере! Мне дадут некоторое время, чтобы собрать вещи и попрощаться. Как ужасно будет расставаться с местом, где я был так счастлив!»^[578]

В новом правительстве Черчилля Невилл Чемберлен получил пост лорда-президента, который фактически обычно означал заместителя премьер-министра. Галифакс остался министром иностранных дел. Жорж Бонне, «дерзновенный собрат по заговору» и Чемберлена и Галифакса, писал в своих мемуарах: «Лорд Галифакс, который участвовал во всех делах Невилла Чемберлена, стал главой Форин Оффиса в кабинете

Черчилля. <...> Как же счастлива и сильна Англия, где противники жмут друг друга руки и братски объединяют усилия в интересах родины, оказавшейся под угрозой, когда время дискуссий и полемики прошло!»^[579] Француз не иронизировал и не усмехался, политические интриги его страны были еще грязнее. Тот же Эмери распространял слух, что правительство Даладье пало вовсе не из-за Финляндии, а из-за того, что любовница премьера поссорилась с любовницей Рейно. Но и Бонне напрасно идеализировал поле политических игр Британской империи. Многие готовы были не останавливаться ни перед чем, лишь бы получить власть. Такая быстрая и легкая отставка Чемберлена была исключением из правил. К тому же он ни в коем случае не намеревался теперь заканчивать со своей политической активностью, он хотел продолжать работать для победы над гитлеризмом.

Для рядовых консерваторов избрание Черчилля премьером было вовсе не таким уж радужным событием. Когда впервые он вошел в палату общин в своем новом статусе, раздались лишь жидкие аплодисменты; Чемберлена же, сложившего с себя полномочия премьер-министра, встретили бурной овацией. Ключевым моментом стало то, что партийное лидерство практически до самой смерти за собой сохранял Невилл Чемберлен, это и предопределило его дальнейшую судьбу. Консерваторы знали, что Чемберлен в первую очередь — честный политик и действительно «вьючная лошадь», он зарекомендовал себя безупречным служащим, поэтому они не спешили с ним расстаться. «Вы прошли через огонь, о чем мы и говорили только две недели назад, но вышли из него чистым золотом»^[580], — утешал Чемберлена после отставки Стенли Болдуин.

Невилл Чемберлен оставался очень энергичным, в отличие от лорда Галифакса, который жаловался на ночные заседания Кабинета (а он имел привычку рано ложиться спать) и в итоге сказал новому премьер-министру: «Если хотите — заседайте ночью, но без меня»^[581]. Бывший премьер-министр на условия работы не жаловался. Жаловался он на другое. Несмотря на то, что после взятия Бельгии и Голландии Гитлер уже двинулся на Францию, британцы оставались беспечными: «Общественность ни в малейшей степени не понимает серьезности ситуации. Идя мимо озера сегодня, я видел душераздирающее зрелище, как люди наслаждаются солнечным светом, они сидели, развалившись на стульях, и наблюдали за небольшими утятами, барахтающимися в воде. Мы попытаемся привести их немного ближе к чувству реальности. <...> Весь наш мир разлетится вдребезги через мгновение. Национальная опасность

настолько перевесила все наши личные отношения, что никакой горечи не остается. Я раньше говорил Энни, еще до того как война началась, что такое время настанет и мне придется передать кому-то еще свои обязанности, ведь я знал, какие муки это будет означать для меня — отдавать приказы, которые принесут смерть, искореженные судьбы и страдание столь многим людям. Но война так отличалась от того, чего я ожидал, что я счел напряжение терпимым, и, возможно, даже неплохо, что революция, которая смела меня, совпала с началом реальной войны. Я, признаюсь, благодарен, что основная ответственность снята с моих плеч, и должен сказать, что Уинстон держится молодцом»^[582].

Уинстон Черчилль действительно пытался держаться молодцом. Хотя вольно или невольно он был ответствен за крах Норвегии, что запустило это дьявольское колесо, под которое моментально попали Бельгия и Голландия, а теперь должна была попасть Франция. И это не заставило себя ждать. Чемберлен горько сожалел о том, что у них не было еще одного года для подготовки к войне: «Но, так или иначе, безотносительно результата, ясно как божий день, что, если бы мы должны были воевать в 1938 году, итоги были бы намного хуже. Опрометчиво пророчить, каким будет вердикт истории, однако, если полный доступ ко всем отчетам будет получен, можно будет увидеть, что я с самого начала понял нашу военную слабость и приложил все усилия, чтобы отложить войну, если уж я не мог ее предотвратить. Но я должен был бороться против либеральной и лейбористской оппозиции, которые осуждали меня за попытки поддержать хорошие отношения с Италией и Японией, за отказ поддержать республиканскую Испанию против Франко и которые настаивали на том, чтобы «не противостоять Гитлеру» в каждом последовательном акте агрессии. Именно они должны считаться ответственными за эту войну, но они вряд ли допустят подобное суждение и, возможно, преуспеют в том, чтобы скрыть свои следы»^[583].

За период «странной войны» о каких наступательных операциях можно было говорить, если Британия не могла обеспечить себе достойную оборону. Франции, в которой ситуация была куда более катастрофичной, тоже об этом оставалось только мечтать. Вермахт завоевал ее в считанные дни, и британская армия ничего не смогла сделать. Уже 26 мая 1940 года Чемберлен отмечал в дневнике: «Самый черный день из всех. <...> Рейно приезжал... <...> впечатление от его отношения, будто он бросил идею серьезной борьбы, и если мы должны продолжать сражаться, то останемся совсем одни»^[584]. Начинали открываться глаза на то, что происходит и во

что все это выльется и у других членов военного Кабинета Черчилля. Лорд Галифакс, в очередное свободное от работы время гуляя по Йоркширу с Дороти и осматривая родных ему холмов вершины, вдруг прозрел: что будет, если «прусские ботфорты ступят на эту сельскую местность, чтобы растоптать ее? Сама мысль об этом показалась мне оскорблением и вызвала негодование, как будто любой был осужден наблюдать за тем, как насилуют его мать, жену или дочь»^[585].

Чтобы как-то отвлечь внимание страны от ужасающего хода событий и показать, что новое правительство работает, в конце мая 1940 года «вьючная лошадь» Чемберлен трудился над Актом о чрезвычайных оборонных полномочиях: «Удовлетворение для меня знать, что я еще могу сделать то, что, вероятно, никто больше не смог бы, и оправдание за то, что я еще нахожусь в правительстве»^[586]. Бывший премьер, как это ни парадоксально, своей отставкой только вернул себе доверие и расположение парламента. Доходило до того, что консерваторы демонстративно выказывали нынешнему премьеру свое пренебрежение. И тот же Невилл Чемберлен, насколько было велико его благородство, просил их поддержать Черчилля, для которого он оставался неудобной фигурой. Возможной попыткой избавиться от бывшего премьера стали движения Черчилля по включению в Военный кабинет Дэвида Ллойд Джорджа. Валлийский старик рвался в бой, Чемберлен писал сестре: «Я не сомневаюсь, что он использует свою возможность нанести мне смертельный удар, как только сможет»^[587]. Чемберлен чувствовал, что за его спиной разворачивается какая-то интрига, и честно предложил Черчиллю свою отставку, если он мешает ему в правительстве, а не помогает. Но Уинстон Черчилль в беседе с бывшим премьер-министром яростно возражал против этого, удивляясь, что Чемберлен вообще придает значение таким пустякам, как шумиха в прессе и недостойные слухи^[588].

Шумиха в прессе против Невилла Чемберлена между тем была развернута колоссальная с легкой руки все того же «несносного» Бивербрука, для которого, кстати, нашелся портфель в новом правительстве. При этом у него восстановились отношения с бывшим премьером, вплоть до того, что однажды он даже заявил Марджессону, что он «человек Чемберлена»^[589]. Но тем же летом Бивербрук санкционировал издание книги «Виновные люди», где коллектив авторов под псевдонимом К.А.Т.О., обыгрывая столь любимого Чемберленом «Гамлета», подвергал жесточайшей критике всю политику экс-премьер-министра. Эта книга способствовала формированию мнения о Невилле Чемберлене, как о

«проклятии» и «могильщике» Британской империи.

Как партийный лидер Чемберлен все еще представлял угрозу для главенствующего положения Черчилля. И хотя он не предпринимал попыток вернуть себе власть, а занимался своими обязанностями в новом правительстве, по парламенту поползли слухи, что Чемберлен должен окончательно уйти в отставку. И хорошо, если бы это случилось по болезни, что полностью соответствовало бы английскому духу. 16 июня Ллойд Джордж бросил вскользь замечание: «Он скоро исчезнет». По странному стечению обстоятельств именно в этот день у Чемберлена случился первый приступ острой боли. Но он не обратил на него особого внимания и только зафиксировал в дневнике, даже не написав о приступе сестрам, чтобы их не беспокоить.

Вскоре пала Франция. Ллойд Джордж намеревался «стать маршалом Петеном Великобритании»^[590], как издевательски заметил Чемберлен. Сам он ожидал вторжения на остров и работал, продолжая усиливать оборону. После захвата Франции, как и ожидалось, Гитлер сделал предложение о перемирии, по радио его отверг лорд Галифакс. Чемберлен же откладывал свое обследование у врача, несмотря на ставшие теперь уже частыми боли в желудке, и поехал инспектировать линии защиты на восточном побережье: «Я, конечно, не могу оценивать это профессиональным взглядом, но нахожу, что, если бы Гитлер решил здесь высадиться, ему пришлось бы туго»^[591]. Приблизительно в это время возник слух, пущенный, как предполагал сам Чемберлен, американскими изоляционистами, что он вместе все с тем же своим другом Галифаксом готовится к тому, чтобы заключить мир с Гитлером. «Хорошая история, разве нет? И, конечно, за нее нетерпеливо ухватились люди, которые пытаются изгнать меня из общественной жизни»^[592].

Но изгнать из общественной жизни Невилла Чемберлена было не так-то просто. Удалось это сделать только врачам, которые настояли на операции. Чемберлен вынужден был просить временной отставки. 23 июля 1940 года он перенес операцию, после которой казалось, что он пошел на поправку, и с оптимизмом писал Болдуину: «Я понимаю, что я — образцовый пациент. С профессиональной точки зрения мой успех совершенно удовлетворительный, но мое личное мнение, что я прошел через справедливый ад. Однако полагаю, я должен буду привыкать передвигаться теперь как двухлетний»^[593]. Ему какое-то время пришлось ходить с тростью. Август он посвятил заслуженному отпуску и восстановлению здоровья; врач говорил, что он мог бы вернуться к работе

в течение двух недель^[594].

Те, кто уже не ждал возвращения Невилла Чемберлена в правительство, были страшно разочарованы в сентябре 1940 года. Оставаясь лидером тори, он не мог отказаться от своей ответственности перед партией и перед страной и вновь возвратился в Кабинет и парламент, к неудовольствию многих своих коллег: «Я хотел бы продолжить работать, насколько мне будет позволено здоровьем, до конца войны. Затем я уйду из политики и попытаюсь провести остаток дней без какой-либо общественной деятельности»^[595]. 12 сентября, после возвращения Невилла Чемберлена в правительство, Кэдоган, всегда с большой симпатией относившийся к нему (он считал его наименее похожим на классический образ политиков, которых характеризовал обычно самыми крепкими выражениями вроде «эти скоты»), нашел, что Чемберлен «очень похудевший и немного хилый, но, кажется, довольно хорош»^[596]. Вернулся бывший премьер-министр не в самый подходящий момент. Лондон начали нещадно бомбить, сирены были похожи на крики ведьмы банши. И едва-едва расправивший старые крылья ворон, как Чемберлена продолжали называть лейбористы, снова почувствовал себя плохо.

В конце сентября он написал Галифаксу: «Увы! Я стал ненадежным человеком, как Вы, несомненно, видите. Если бы только я был физически здоров, я смог бы вынести этот постоянный «вой банши» и даже шумные ночи. Но состояние мое ухудшилось и становится все хуже, потому что эта проклятая язва, от которой я страдаю и которая, я предполагаю, в конечном счете убьет меня, проявила симптомы, которые требуют внимания каждый час. <...> Каждое утро я чувствую себя столь больным, что едва могу коснуться чего-либо до ланча»^[597]. 22 сентября 1940 года после череды новых приступов Невилл Чемберлен направил прошение об отставке Уинстону Черчиллю, но тот не спешил с ним расставаться. Он подписал его отставку только 30 сентября (до этого момента у бывшего премьера сохранялась надежда, что он еще восстановится).

После этих событий в Хетфилд, где жил теперь Чемберлен, 14 октября приехал король, чтобы навестить своего первого премьер-министра. Он предложил ему титул, но тот отказался. «Я хочу умереть так же, как мой отец. Просто мистером Чемберленом»^[598], — сказал он.

Ллойд Джордж, который хотел вовсе упразднить палату лордов, принял графский титул, принял его и защитник прав рабочих масс Клемент Эттли, и Стенли Болдуин, и Уинстон Черчилль в конце концов принял

орден Подвязки. Но Невилл Чемберлен ни в почестях, ни в оправданиях не нуждался. Это не было показной неприязнью к аристократической системе или монархии, он даже не думал в таком аспекте. Единственной его просьбой стало разрешение просматривать бумаги Кабинета, чтобы знать, что происходит в его Империи, проклятием которой его считали и ради сохранения которой были направлены все его искренние в своем желании помочь действия.

Бывшие коллеги и друзья теперь засыпали его сочувственными письмами. Сэру Джону Саймону, своему преданному министру финансов, он писал: «Особое удовольствие доставило мне, что... <...> Вы вспомнили мои усилия по социальному развитию... <...> ведь это было надеждой на исполнение чего-то, что улучшило бы условия жизни бедных людей, которые привели меня в политику. И это служит мне некоторым удовлетворением, ведь я смог выполнить хотя бы какую-то часть своих устремлений, даже притом, что им могут бросить вызов разрушения, вызванные войной. В остальном я не сожалею ни о чем из того, что я сделал. И я не вижу, чтобы что-либо из сделанного мною было отменено. Я поэтому доволен и принимаю свою судьбу, которая так внезапно настигла меня, и только надеюсь, что мне не придется переносить мои мучения слишком долго»^[599]. В этом отношении он отчаянно не хотел повторения судьбы своего великого отца, который несколько лет после разбившего его инсульта жил инвалидом.

В том же духе он писал Стенли Болдуину: «Я действительно сожалею, что выключен <из жизни> сейчас, когда чувствую себя способным выполнить намного больше задач, но физически я нетрудоспособен. Однако я принимаю это и надеюсь, что не стану слишком долго мешаться на этой земле»^[600]. Лейтмотивом его последнего лета и осени было то, что он не жалеет ни об одной из сделанных им вещей. Он верил, что придет время, когда историки вынесут свой справедливый вердикт, увидев, насколько искренне он старался и работал на благо Британской империи и всего мира, а также с какими невероятными препятствиями он сталкивался на этом пути. Его совесть была чиста, он не мог упрекнуть себя ни в чем, поэтому новости о том, что он не проживет следующий год, были для него «очень полезными и воодушевляющими, для меня было бы ужасной перспективой, если бы я ждал неопределенного конца, проходя через такие ежедневные страдания. Теперь я знаю, что меня ждет, и знаю что делать, и больше не буду терзаться сомнениями и вопросами»^[601].

Его сестра говорила, что только сейчас «он позволил себе ослабить

свою железную волю и вместо шести месяцев умер за шесть недель»^[602].
Последней встречей Невилла Чемберлена была встреча с лордом Галифаксом. В своих мемуарах тот туманно написал о «нескольких днях до смерти», на деле он прибыл в Хетфилд 7 ноября. Энни откровенно сказала ему, что конец теперь стал вопросом буквально нескольких дней; Чемберлен ничего не мог съесть вследствие тошноты, которая все время преследовала его, и слабел: «Я прошел в его комнату перед завтраком и нашел его лежащим в постели рядом с небольшим столом возле кровати, на котором стояла миска синих горечавок (лекарственное растение. — М. Д.) кем-то присланных. Я начал говорить что-то о том, что ему выдалось гнилое время болезни, на что он ответил, что был немного лучше в последний день или два. «Приближающийся конец, я предполагаю, принесет облегчение», сказал он с усмешкой. Потом он говорил о нашем сотрудничестве и что это значило для него так, что я был очень растроган. Затем он явно устал, к нам заглянула Энни, и тогда я сказал «прощайте». Он взял мою руку обеими своими и держал ее без лишних слов, но с полным пониманием дружбы между людьми, которые пойдут разными путями. Это все проходило довольно естественно, и у него не было никакой тени огорчения. Он был храбрым и довольно покорным судьбе. Он задавался вопросом и советовался <со мной> однажды, как лучше всего сказать обо всем Энни. Но она теперь знала о том, насколько он плох, и он был счастлив, что все прояснилось, хотя он боялся, что она будет одинока. Я оставил его с нею»^[603].

«А еще я жалею о том, что больше никогда не увижу Брам»^[604], — продолжал Чемберлен письмо Болдуину. То, что сделало с его родным городом люфтваффе Геринга, вряд ли добавило бы ему оптимизма. В советской историографии нередко можно встретить пассаж о том, как жестоко посмеялась история над Чемберленом, когда Бирмингем подвергся воздушной атаке: «Еще при жизни Н. Чемберлена, в начале октября 1940 г. ушедшего в отставку и доживавшего свои последние дни... <...> история жестоко посмеялась над неразумным политиком, ставшим политическим преступником по отношению не только к английскому народу, но и к другим поработоченным немецкими фашистами народам Европы. Немецкая авиация нанесла три последовательных удара по Бирмингему, причинив городу огромные разрушения. После этих варварских налетов на красивой площади города — Виктория-сквер близ памятника королеве Виктории в большой братской могиле было похоронено около 800 граждан города, в том числе и детей. Потери гражданского населения Англии от немецких

бомбардировок с июня 1940 по июль 1941 г., когда прекратилось немецкое воздушное наступление на Англию, составили 146 777 человек, из них 60 595 человек убитыми. По всей Англии от фашистских бомб погибло 7736 детей, не достигших 16-летнего возраста»^[605]. Подобные рассуждения дают представление о том, насколько Чемберлен был неприятной, априори неприемлемой для советских историков фигурой, чтобы разбираться в существе дела.

Сам Невилл Чемберлен резюмировал за несколько месяцев до смерти: «1940-й не был одним из моих самых счастливых годов, но он был гораздо хуже для многих других людей, нежели для меня»^[606]. И если его родной город оправился от ран, то Британская империя Второй мировой войной была вовлечена в свое смертельное приключение. Впрочем, «мистер Чемберлен» этого не увидел.

Невилл Чемберлен умер 9 ноября 1940 года во сне. Его тело было кремировано, а прах захоронен 14 ноября в Вестминстерском аббатстве рядом с его бывшим руководителем Бонаром Лоу. На церемонии погребения присутствовали те, за чьи ошибки расплатился Невилл Чемберлен. Его же роковой ошибкой стало то, что он посмел остаться человеком, занимаясь таким неблагодарным делом, как политика.

P. S.:

«Через нейтральные страны я получил сенсационное сообщение об обстоятельствах смерти Чемберлена. На английской стороне даже предполагают, что секретная служба по поручению Черчилля отравила Чемберлена. Хотя я и сомневаюсь в этом, тем не менее Черчилль был не слишком удручен его смертью.

Йозеф Пауль Геббельс. 12 марта 1945»^[607].

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕВИЛЛА ЧЕМБЕРЛЕНА

1869, 18 марта — родился в городе Бирмингеме, в семье местного фабриканта и начинающего политика Джозефа Чемберлена, женатого вторым браком на Флоренс Кенрик.

1875 — смерть матери Флоренс.

1876 — Джозеф Чемберлен проходит на выборах в палату общин.

1882–1887 — учеба в привилегированной школе Регби.

1887–1889 — учеба в Мейсоновском колледже.

1891 — отъезд на Багамы в качестве главы семейного бизнеса по производству и продаже растения сизаля.

1897— после серии неудач возвращение в Бирмингем.

Начинает карьеру бизнесмена в Бирмингеме, приобретает к фабрикам отца фирму «Хоскинс», специализирующуюся на производстве железных каркасов для кроватей.

1903 — Джозеф Чемберлен, будучи виднейшим политиком Британской империи, выходит из правительства, чтобы бороться за «тарифную реформу».

1906 — у Джозефа Чемберлена случается инсульт, который приковывает его к кровати на дальнейшие восемь лет.

1911, 5 января — Невилл женится на Энн де Вере Кол.

Входит в городской совет Бирмингема, начинает успешно заниматься муниципальной деятельностью.

25 декабря — становится отцом: рождается дочь Дороти.

1914, 23 января — рождение сына Френсиса (Фрэнка).

2 июля — смерть Джозефа Чемберлена.

1915 — Невилл Чемберлен избирается лорд-мэром Бирмингема.

1917 — по приглашению нового премьер-министра Великобритании Дэвида Ллойд Джорджа становится главой Национальной службы; через восемь месяцев, после череды неудач, покидает пост.

1918— проходит в палату общин от округа Ледивуд, начинает политическую карьеру.

1922 — получает портфель младшего министра почт в новом правительстве Эндрю Бонара Лоу.

1923, март — становится министром здравоохранения.

Август — получает пост министра финансов в новом правительстве Стенли Болдуина.

1924–1929 — становится министром здравоохранения в правительстве Болдуина, начинает масштабные проекты социального реформирования Британской империи.

1925–1926 — проводит пенсионную реформу.

1929 — проводит Закон о местном самоуправлении.

1929–1931 — после поражения консерваторов на Всеобщих выборах уходит в оппозицию, становится негласным преемником Стенли Болдуина.

1931, ноябрь — получает портфель министра финансов в Национальном правительстве Рэмзи МакДональда.

1932 — проводит «тарифную реформу».

Организует Имперскую экономическую конференцию стран Содружества в Оттаве.

1934 — создает внешнеполитический проект «международной полиции», но не находит поддержки у ФО.

1937, апрель — в качестве министра финансов представляет свой последний бюджет, на примере которого наглядно виден рост экономических показателей.

28 мая — становится премьер-министром Великобритании и лидером Консервативной партии.

Ноябрь — курирует неофициальный визит лорда Галифакса в Германию.

Декабрь — предоставляет конституцию Ирландии.

1938, февраль — подписывает отставку министра иностранных дел Энтони Идена, тормозившего англо-итальянские переговоры, назначает главой ФО лорда Галифакса, меняет курс на сближение с Италией.

Весна — лето — активно ищет пути выхода из европейского кризиса, вызванного чехословацким правительством и положением судетских немцев.

Сентябрь — трижды посещает Германию и ее канцлера Адольфа Гитлера, результатом чего становятся знаменитое Мюнхенское соглашение четырех держав и англо-германская декларация.

1939, 10 марта — получает гневное письмо от лорда Галифакса с намеком на то, чтобы премьер-министр отстранился от внешней политики.

Март — после падения правительства чехословацкого президента Эмиля Гахи и под давлением лорда Галифакса выдает военные гарантии Польше.

Апрель — официальный визит вместе с лордом Галифаксом в Италию.

3 сентября — объявляет о начале войны с Германией.

1940, 7–8 мая — дебаты в палате общин по Норвежской кампании, окончившиеся крахом правительства Невилла Чемберлена.

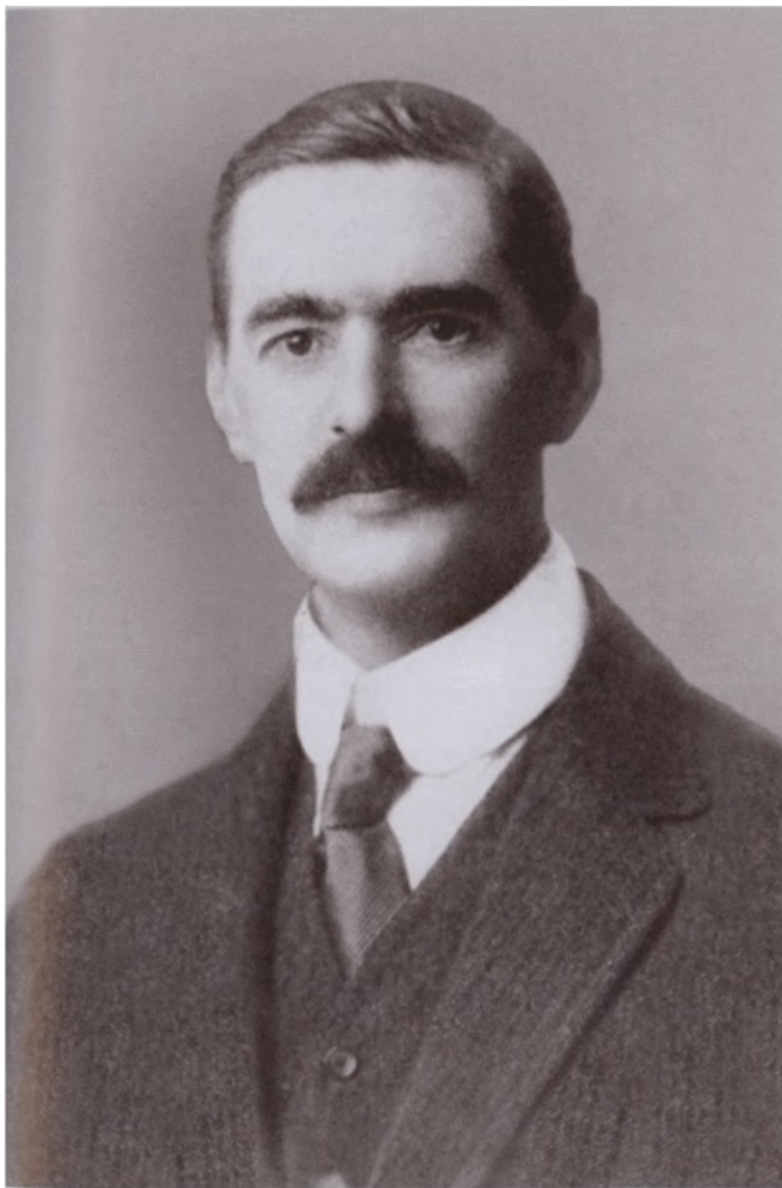
10 мая — уходит в отставку с поста премьер-министра, оставаясь в Национальном правительстве.

Лето — переносит операцию, готовится вернуться к работе в правительстве.

Осень — складывает с себя все полномочия по состоянию здоровья, не сумев оправиться от болезни.

9 ноября — смерть Невилла Чемберлена. Погребен в Вестминстерском аббатстве.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Benjamin Chamberlain

Джозеф Чемберлен, отец Невилла. Бирмингем. 1869 г.

Флоренс Чемберлен (Кенрик), мать Невилла. 1869 г.

Невилл с матерью. 1870 г.

Шестилетний Невилл. 1875 г.

Невилл Чемберлен с сестрами. 1870-е гг.

В верхнем ряду: Невилл, его брат Остин, отец Джозеф Чемберлен.

В нижнем ряду: сестра Беатрис и мачеха Мэри.

Бирмингем. 1890-е гг.

Невилл Чемберлен. 1891 г.

Невилл Чемберлен, лорд-мэр Бирмингема. 1915 г.

Невилл Чемберлен с семьей: жена Энни, дочь Дороти и сын Френсис. 1916 г.

Невилл Чемберлен и Стенли Болдуин. Лондон

Министр здравоохранения в трущобах Англии. 1920-е гг.

Вице-король Индии лорд Ирвин. Лондон. 1930-е гг.

Выступление Стенли Болдуина на съезде консерваторов.

Лондон. 1933 г.

«Джентльмен с зонтиком». 1930-е гг.

Рыбалка на Дону (река в Шотландии). 1935 г.

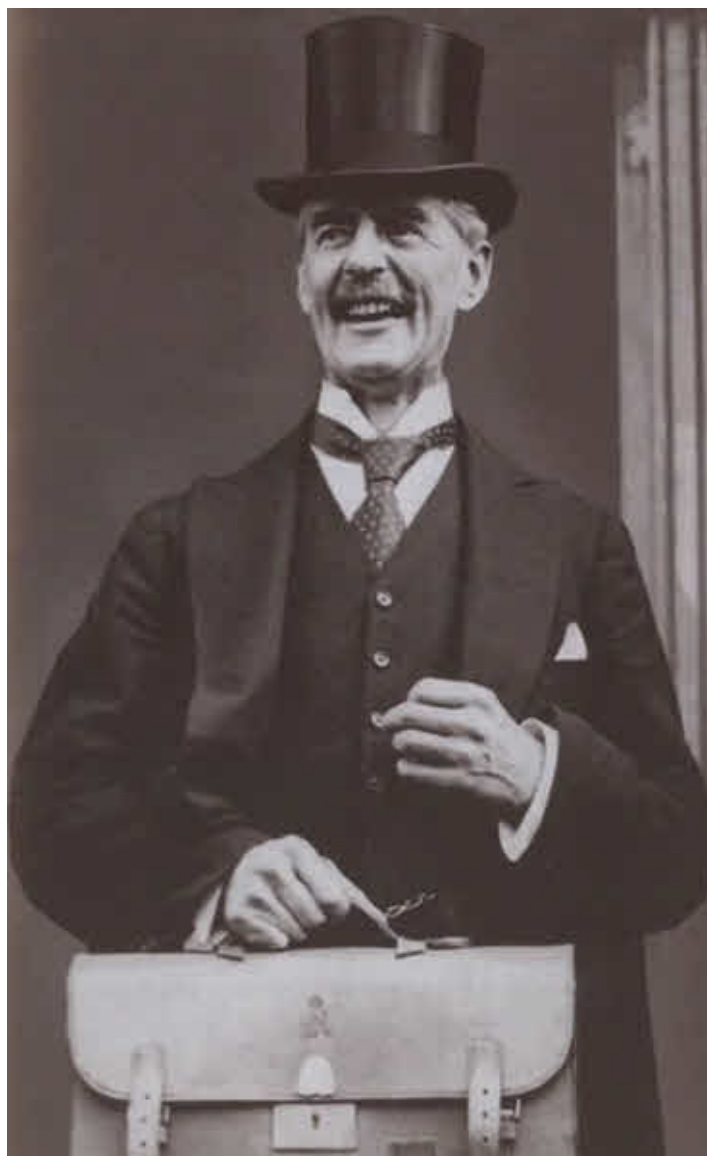

Национальное правительство Великобритании.

Верхний ряд: лорд Суинтон, Дж. Томас, лорд Ридинг, Н. Чемберлен и С. Хор. Нижний ряд: Ф. Сноуден, С. Болдуин, премьер-министр Р. Макдональд, Г. Самуэл и лорд Стенли. Лондон

Невилл с женой Энни. Лондон. 1930-е гг.

Невилл Чемберлен — канцлер Казначейства с бюджетом. Лондон. 1936 г.

Сэм Хор. Швейцария. 1936 г.

Посол Гендерсон с доктором Геббельсом. Берлин. 1937 г.

Визит лорда Галифакса в Третий рейх.

В первом ряду — переводчик П. Шмидт, лорд Галифакс, А. Гитлер.

Берхтесгаден. Ноябрь 1937 г.

Лорд Галифакс и Энтони Иден. Лондон. 1930-е гг.

Сэр Невилл Гендерсон и Герман Геринг. Берлин. 1937 г.

Невилл Чемберлен с сэром Хорасом Уилсоном. Лондон. 1938 г.

Чета Чемберлен. Лондон. 1930-е гг.

Н. Чемберлен с дочерью Дороти. 1935 г.

Невилл Чемберлен.

«Рыба с холодной головой», по определению Ллойд Джорджа;

«жалкий червь», по определению Гитлера;

«ворон», по определению лейбористов.

Рисунок автора книги М. А. Девлин. 2011 г.

Первый визит Невилла Чемберлена в Германию 15 сентября 1938 года

С рейхсминистром иностранных дел Йоахимом фон Риббентропом.

Фото из личного архива М. А. Девлин

Сэр Гендерсон и сэр Уилсон в Берлине. 1938 г.

Лорд Галифакс и сэр Алек Кэдоган в Лондоне. 1938 г.

Лорд Галифакс и министр иностранных дел Франции — «дерзновенный собрат по заговору» — Жорж Бонне.

Сентябрь 1938 г. Фото из личного архива М. А. Девлин

Вторая встреча Н. Чемберлена с А. Гитлером.

Германия, Бад-Годесберг. 23 сентября 1938 г.

Мюнхенская конференция:

Х. Уилсон, А. Гитлер, Н. Чемберлен и другие.

Германия. 29 сентября 1938 г.

Невилл Чемберлен проезжает по улицам Берлина.

Сентябрь 1938 г.

Лорд Галифакс встречает премьер-министра Чемберлена на аэродроме Хестон.

Осень 1938 г.

Невилл Чемберлен зачитывает англо-германскую декларацию — «мир для нашего поколения».

Хестон. 30 сентября 1938 г.

Возвращение Н. Чемберлена из Мюнхена.

Лондон, аэродром Хестон. 30 сентября 1938 г.

Министр иностранных дел Италии Галеаццо Чиано, лорд Галифакс, Невилл Чемберлен, Бенито Муссолини в Риме. Январь 1939 г.

Вечер в итальянской опере. 1939 г.

Британский премьер-министр в советском полпредстве. 1 марта 1939 г.

Лорд Галифакс, министр иностранных дел Британской империи. 1930-е гг.

«Черт дергает Чемберлена дать гарантии Польше».

Рисунок М. А. Девлин. 2012 г.

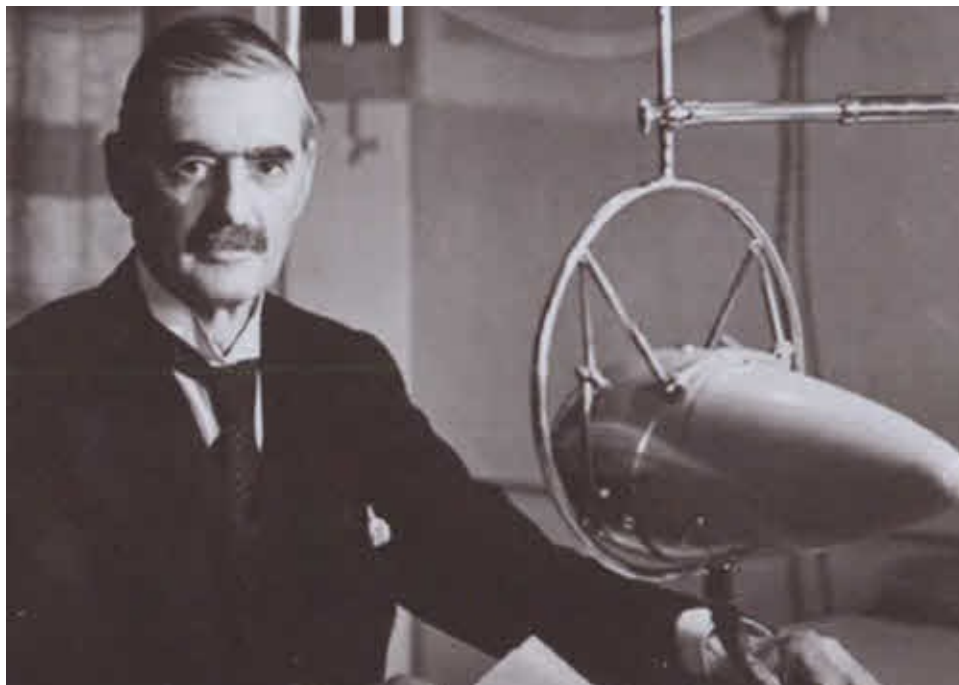

Лорд Галифакс встречает полковника Бека, министра иностранных дел Польши.

Лондон. Март 1939 г.

Невилл Чемберлен и Энни с противогазами на случай внезапной военной атаки. Лондон. Лето 1939 г.

Премьер-министр объявляет о вступлении Великобритании в войну с Германией, таким образом превращая германо-польский конфликт во Вторую мировую войну. Лондон. 3 сентября 1939 г.

«Джентльмен, потерявший зонтик».

Фото из личного архива М. А. Девлин. 1939 г.

Н. Чемберлен с другом и коллегой Кингсли Вудом

Невилл Чемберлен. 1939 г.

«Алиса в Зазеркалье». Рисунок М. А. Девлин. 2015

Автор книги в своем рабочем кабинете

«Два капитана» Британской империи лорд Галифакс и Невилл Чемберлен. Зима 1940 г.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Сборники документов

- Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. Third Series. L., 1955.
House of Commons Hansard archives. Historic Hansard: 1803–2005.
In search of peace: speeches (1937–1938) by the Rt. Hon. Neville Chamberlain, M. P. Edited by A. Bryant. L., 1939.
The British War Bluebook. L., 1939.
Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1–2. М.: Политиздат, 1990.
Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939. Т. 1–2. М.: Политиздат, 1981.

Исследования

- Addison P.* The road to 1945: British Politics and the Second World War. L., 1975.
Ball S. Baldwin and Conservative party: the crisis of 1929–1931. L., 1988.
Earl of Birkenhead. The life of Lord Halifax. L., 1965.
Charmley J. Chamberlain and the Lost Peace. Chicago, 1989.
Charmley J. Churchill: The End of Glory. L., 1993.
Charmley J. Lord Lloyd and the Decline of the British Empire. L., 1987.
Churchill R., Gilbert M. Winston S. Churchill. L., 1966–1988.
Crosby T. L. Joseph Chamberlain: A Most Radical Imperialist. L., 2011.
Crozier A. J. Neville Chamberlain. Oxford, 2004.
Dilks D. Neville Chamberlain. V. 1. Pioneering and reform, 1869–1929. Cambridge University Press, 1984.
Dutton D. Neville Chamberlain. L., 2001.
Faber D. Munich, 1938: appeasement and World War II. NY., 2008.
Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970.
Gilbert B. British Social Policy (1914–1939). L., 1970.
Gilbert M., Gott R. The Appeasers. L., 1963.
Hodgson S. The Man Who Made the Peace: Neville Chamberlain, A Study. L., 1938.

- Hoggan D.* The Forced War: When Peaceful Revision Failed. NY., 1989.
- Irving D.* Churchill's War. V. 1–4. L., 2003.
- Irving D.* The War Path. L., 2013.
- Liddell Hart B. H.* History of the Second World War. L., 1970.
- Macleod I.* Neville Chamberlain. NY., 1962.
- Marsh P* Joseph Chamberlain: entrepreneur in politics. New Haven: Yale University Press, 1994.
- Marwick A.* The Deluge: British society and the first world war. L., 1965.
- Mason D.* The Phoney War. History of The Second World War. L., 1966.
- Middlemas K., Barnes J.* Baldwin: a biography. L., 1969.
- Neville P* Appeasing Hitler. The Diplomacy of Sir Neville Henderson, 1937–1939. L., 1999.
- Newton D.* The Darkest Days: The Truth Behind Britains Rush to War, 1914. L., 2014.
- Parker R.* Chamberlain and Appeasement: British Policy and the Coming of the Second World War. L., 1993.
- Petrie Ch.* Joseph Chamberlain. L., 1940.
- Quigley C.* Tragedy and Hope: A History of the World in Our Time. NY., 1966.
- Quigley C.* The Anglo-American Establishment: From Rhodes to Cliveden. NY., 1981.
- Ramsden J.* The age of Balfour and Baldwin, 1902–1940. V. 2. NY, 1978.
- Rothwell V.* Anthony Eden; a political biography, 1931–1957. NY., 1992.
- coll_0* Post-Victorian Britain 1902–1951. L., 1966.
- Self R.* Neville Chamberlain: a biography. NY, 2006.
- Taylor A. J. P* English history, 1914–1945. L., 1975.
- Thorpe A.* Britain in the 1930s: The deceptive Decade. Oxford. 1992.
- Бедарида Ф.* Черчилль. 4-е изд. М.: Молодая гвардия, 2011.
- Волков Ф. Д.* За кулисами Второй мировой войны. М.: Мысль, 1985.
- Кертман Л. Е.* Джозеф Чемберлен и сыновья. М., 1990.
- Крал В.* Дни, которые потрясли Чехословакию. М.: Прогресс, 1980.
- Кретинин С. В.* Судетские немцы: Народ без родины. 1918–1945 гг. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000.
- Молодяков В. Э.* Вторая мировая: война, которой не могло не быть. М.: Просвещение, 2012.
- Молодяков В. Э.* Несостоявшаяся ось: Берлин — Москва — Токио. М.: Вече, 2004.
- Молодяков В. Э.* Первая мировая: война, которой могло не быть. М.:

Просвещение, 2012.

Молодяков В. Э. Риббентроп. Упрямый советник фюрера. М.: АСТ-Пресс Книга, 2008.

Ридли Дж. Муссолини. М., 1999.

Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. М., 1982.

Мемуары, письма, дневники

Amery L. S. My political life. L., 1955.

Earl of Avon. The Eden Memoirs: Facing the Dictators. L., 1962.

Bonnet G. Défence de la paix. De Washington au Quai d'Orsay. Genève, 1948.

Churchill W. The gathering storm. L., 1948.

Churchill W. The second world war. NY., 1989.

Dalton H. The Fateful Years. L., 1957.

Dilks D. The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945. L., 1971.

Earl of Halifax. Fulness of days. L., 1957.

Gafencu G. Last Days of Europe. A Diplomatic Journey in 1939.

New Haven: Yale University Press, 1948.

Henderson N. Failure of a Mission. NY., 1940.

Henderson N. Water under the bridges. L., 1945.

Joyce W. Twilight over England. Berlin, 1940.

Lloyd George D. War Memoirs. L., 1934.

Macmillan H. Wings of Change. L., 1966.

Mosley O. My life. L., 1968.

The Neville Chamberlain Diary Letters. V. 1–4: 1915–1940.

Edited by Robert C. Self. L., 2000.

Parliament and politics in the age of Baldwin and MacDonald; Headlam diaries 1923–1935. L., 1992.

Viscount Rothermere. Warning and Predictions. L., 1939.

Simon J. Retrospect: the Memoirs of the Rt. Hon. Viscount Simon G.C.S.I., G.C.V.O. L., 1952.

Lord Strang. Home and Abroad. L., 1956.

Viscount Templewood. Nine troubled years. L., 1954.

Lord Woolton. Memoirs. L., 1959.

Гebbельс Й. Дневники 1945 года. Последние записи. Смоленск: Русич, 1993.

Дирксен Г. фон. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. М.: ОЛМА-Пресс, 2001.

Додд У. Э. Дневник посла Додда. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1961.

Майский И. М. Воспоминания советского дипломата. 1925–1945. М., 1971.

Майский И. М. Воспоминания советского посла. В 2 кн. М., 1964.

Майский И. М. Дневник дипломата. Лондон: 1934–1943. В 3 ч. М., 2006.

Майский И. М. Кто помогал Гитлеру. Из воспоминаний советского посла. М., 1962.

Майский И. М. Люди. События. Факты. М., 1973.

Майский И. М. Перед бурей. М., 1945.

Риббентрон И. фон. Между Лондоном и Москвой. М.: Мысль, 1996.

Ширер У. Берлинский дневник. Европа накануне Второй мировой войны глазами американского корреспондента. М.: Центр-полиграф, 2002.

Эмери Л. С. Моя политическая жизнь. М., 1960.

Эррио Э. Из прошлого: Между двумя войнами. 1914–1936. М.: Издательство иностранной литературы, 1958.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аддисон (*Addison*) Кристофер (1869–1951) — либерал, затем лейборист, член парламента Великобритании. Министр боеприпасов в 1916–1917 гг., министр восстановления в 1917–1919 гг.

Айронсайд (*Ironside*) Уильям Эдмунд (1880–1959) — главнокомандующий британскими силами на Ближнем Востоке и губернатор Гибралтара в 1938–1939 гг., начальник имперского Генерального штаба в 1939-м — мае 1940 г.

Асквит (*Asquith*) Герберт Генри, граф Оксфорд (1852–1928) — британский государственный и политический деятель, 52-й премьер-министр Великобритании от Либеральной партии в 1908–1916 гг.

Астор (*Astor*) леди Нэнси (1879–1964) — консерватор, первая женщина-депутат палаты общин Великобритании.

Аттолико (*Attolico*) Бернардо (1880–1942) — итальянский дипломат, с июля 1935 г. по октябрь 1939 г. — посол Италии в Германии.

Барту (*Barthou*) Жан Луи (1862–1934) — министр иностранных дел Франции в феврале — октябре 1934 г., инициатор заключения Восточного пакта и приглашения СССР в Лигу Наций. Убит в Марселе в октябре 1934 г.

Бек (*Beek*) Юзеф (1894–1944) — заместитель министра иностранных дел Польши в 1930–1932 гг., министр иностранных дел и представитель Польши в Совете Лиги Наций в 1932–1939 гг.

Беннетт (*Bennett*) Ричард Бедфорд (1870–1947) — премьер-министр и министр иностранных дел Канады в 1930–1935 гг., лидер Консервативной партии Канады с 1927 г.

Бенеш (*Benes*) Эдвард (1884–1948) — президент Чехословацкой республики с 1935 г. В октябре 1938 г. оставил этот пост в знак протеста против Мюнхенского соглашения, выехал в США. С июля 1939 г. поселился в Лондоне.

Блюм (*Blum*) Леон (1872–1950) — председатель Социалистической партии Франции, глава правительства Народного фронта в июне 1936-го — июне 1937 г., зам. премьер-министра в июле 1937-го — марте 1938 г., премьер-министр и министр финансов в марте — апреле 1938 г.

Болдуин (*Baldwin*) Стенли (1867–1947) — консерватор, член парламента. Лорд-председатель Совета в 1931-м — июне 1935 г., премьер-

министр Великобритании в 1923–1924 гг., 1924–1929 гг., в июне 1935-го — мае 1937 г.

Бонар Лоу (*Bonar Law*) Эндрю (1858–1923) — премьер-министр и лидер Консервативной (юнионистской) партии Великобритании в 1922–1923 гг.

Бонне (*Bonnet*) Жорж Этьенн (1889–1973) — посол Франции в США в 1936–1937 гг., министр финансов и национальной экономики в 1937 г., министр иностранных дел в апреле 1938-го — сентябре 1939 г.

Бриан (*Briand*) Аристид (1862–1932) — французский политический деятель Третьей республики, неоднократно премьер-министр Франции, министр иностранных дел, внутренних дел, юстиции, а также и военный министр. Лауреат Нобелевской премии мира (вместе с Густавом Штреземанном и Остином Чемберленом) за заключение Локарнских соглашений.

Брекен (*Bracken*) Брендан Рендал (1901–1958) — член парламента Великобритании в 1929–1945 гг., консерватор, редактор «Financial news» и других газет, управляющий директор «The Economist».

Бутби (*Boothby*) Роберт (1900–1986) — консерватор, член парламента Великобритании.

Вайо дель Альварес (*Alvarez del Vayo*) Хулио (1891–1975) — министр иностранных дел Испанской республики в 1936–1939 гг.

Ванситтарт (*Vansittart*) сэр Роберт (1881–1957) — постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании в 1930–1938 гг., в 1938–1941 гг. — главный дипломатический советник Форин Оффиса.

Видеманн (*Wiedemann*) Фриц (1891–1970) — дипломат, адъютант Гитлера в 1935–1939 гг.

Вилсон (*Wilson*) Томас Вудро (1856–1924) — 28-й президент США в 1913–1921 гг. Один из авторов Версальской системы. Лауреат Нобелевской премии мира 1919 г.

Вольтат (*Wohlthat*) Гельмут (1893–1982) — высокопоставленный немецкий чиновник в Третьем рейхе, доверенное лицо Германа Геринга.

Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969) — Маршал Советского Союза, с 1925 г. — нарком по военным и морским делам, в 1934–1940 гг. — нарком обороны СССР.

Вуд (*Wood*) сэр Кингсли (1881–1943) — консерватор, парламентский секретарь Н. Чемберлена, министр здравоохранения в 1935–1938 гг., министр авиации в 1938–1940 гг.

Вуд (*Wood*) Эдвард Фредерик Линдли (1881–1959), лорд Ирвин с 1926

г., лорд Галифакс с 1934 г., граф Галифакс с 1944 г. — консерватор, вице-король Индии в 1926–1931 гг.; министр просвещения в 1932–1935 гг., военный министр в 1935 г.; лорд-хранитель печати и лидер палаты лордов в 1935–1937 гг.; лорд-председатель Совета в 1937 г.; министр иностранных дел Великобритании в феврале 1938-го — декабре 1940 г.

Гамелен (*Gamelin*) Морис Гюстав (1872–1958) — генерал, начальник Генерального штаба Франции в 1931–1935 и 1938–1939 гг.; главнокомандующий сухопутными войсками в 1939-м — мае 1940 г.

Ганди (*Gandhi*) Мохандас Карамчанд (1869–1948) — лидер и идеолог национально-освободительного движения Индии.

Гафенку (*Gafencu*) Григоре (1892–1957) — румынский государственный и общественно-политический деятель, министр иностранных дел Румынии в 1939–1940 гг.

Гаха (*Hacha*) Эмиль (1872–1945) — президент Чехословацкой Республики с 30 ноября 1938-го до 15 марта 1939 г.; затем — «государственный президент Протектората Чехии и Моравии» (до апреля 1945 г.).

Геббельс (*Goebbels*) Йозеф Пауль (1897–1945) — немецкий политик, один из ближайших сподвижников и верных последователей Адольфа Гитлера. С 1926 г. гауляйтер Берлина и с 1930 г. начальник управления пропаганды НСДАП, рейхсминистр пропаганды с 1933 г.

Геддес (*Geddes*) Окленд (1879–1954) — юнионист, член парламента Великобритании. Директор Национальной службы в 1917–1918 гг.

Гендерсон (*Henderson*) сэръ Невил (1882–1942) — полномочный представитель Великобритании в Югославии в 1929–1935 гг., посол в Аргентине в 1935–1937 гг., посол в Германии в 1937–1939 гг.

Генлейн (*Henlein*) Конрад (1898–1945) — лидер судето-немецкой партии Чехословакии с 1935 г.

Георг V (*George V*) (1865–1936) — король Великобритании и Ирландии в 1910–1936 гг., внук королевы Виктории.

Георг VI (*George VI*) (1895–1952) — король Великобритании и Ирландии (с декабря 1936-го по февраль 1952 г.).

Геринг (*Goring*) Герман (1893–1946) — политический, государственный и военный деятель нацистской Германии, рейхсминистр Имперского министерства авиации, рейхсмаршал Великогерманского рейха (19 июня 1940 г.), группенфюрер СА.

Гитлер (*Hitler*) Адольф (1889–1945) — основоположник и центральная фигура национал-социализма, основатель Третьего рейха, вождь (фюрер)

Национал-социалистической немецкой рабочей партии в 1921–1945 гг., рейхсканцлер в 1933–1945 гг. и фюрер Германии в 1934–1945 гг.

Гранди (*Grandi*) граф Дино (1895–1988) — член фашистского Большого совета, депутат I парламента, посол Италии в Великобритании в 1932–1939 гг., член Комитета по невмешательству в испанские дела в 1936–1939 гг., министр юстиции Италии в 1939–1943 гг.

Гринвуд (*Greenwood*) Артур (1880–1954) — член палаты общин Великобритании, лейборист, заместитель лидера Лейбористской партии в 1935–1954 гг.

Гудериан (*Guderian*) Гейнц (1888–1954) — генерал-полковник германской армии с 1940 г., генерал-инспектор бронетанковых войск с 1943 г., начальник Генерального штаба сухопутных войск в 1945 г.

Даладье (*Daladier*) Эдуар (1884–1970) — один из лидеров французской партии радикал-социалистов, премьер-министр Франции в 1933–1934 гг., в апреле 1938-го — марте 1940 г., министр иностранных дел в январе-феврале 1934 г., министр национальной обороны в 1937 г.

Далерус (*Dahlerus*) Йохан Биргер (1891–1957) — шведский бизнесмен, дипломат, друг и доверенное лицо Германа Геринга.

Дафф Купер (*Duff Cooper*) Альфред (1890–1954), виконт Норвич — член палаты общин Великобритании, консерватор. Военный министр в 1935–1937 гг., первый лорд Адмиралтейства (морской министр) в мае 1937-го — октябре 1938 г.

Де Валера (*De Valera*) Имон (1882–1975) — премьер-министр и министр иностранных дел Ирландского Свободного государства (с 1948 г. — Ирландской республики) в 1932–1948 гг.

Дельбос (*Delbos*) Ивон (1885–1956) — министр иностранных дел Франции в июне 1936-го — марте 1938 г., министр просвещения в 1939–1940 гг. Один из лидеров партии радикалов.

Дирксен (*Dirksen*) Герберт фон (1882–1955) — германский посол в Великобритании в мае 1938-го — сентябре 1939 г.

Дольфус (*Dollfuss*) Энгельберт (1892–1934) — австрийский политический деятель, лидер Христианско-социальной партии, позднее Отечественного фронта. Канцлер Австрии в 1932–1934 гг. Убит путчистами.

Драммонд (*Drummond*) Джеймс Эрик, лорд Перт (1876–1951) — первый генеральный секретарь Лиги Наций в 1919–1933 гг.; посол Великобритании в Италии в 1933–1939 гг.

Ёсида (*Yoshida*) Сигэру (1887–1967) — перед Второй мировой войной сотрудник МИД Японии, в том числе посол в Великобритании в 1936–1938 гг.

Зееланд ван (*Van Zeeland*) Поль (1893–1973) — экономист и бизнесмен, премьер-министр Бельгии в марте 1935-го — ноябре 1937 г.

Зейсс-Инкварт (*Seyss-Inquart*) Артур (1892–1946) — австрийский и немецкий политик и юрист. Член НСДАП с 1938 г. В Австрии занимал посты министра внутренних дел в феврале — марте 1938 г., федерального канцлера и министра обороны 11–13 марта 1938 г., а также и.о. федерального президента 13 марта 1938 г. После аншлюса поступил на государственную службу Третьего рейха, где занимал посты рейхсштатгальтера рейхсгау Остмарк в 1938–1939 гг., министра без портфеля в правительстве Гитлера в 1939–1945 гг.

Иден (*Eden*) Роберт Энтони (1897–1977), граф Эйвон — член палаты общин Великобритании, консерватор, лорд — хранитель печати в 1934–1935 гг., министр без портфеля по делам Лиги Наций в 1935 г., министр иностранных дел Великобритании в декабре 1935-го — феврале 1938 г., министр по делам доминионов в сентябре 1939-го — мае 1940 г., военный министр в мае — декабре 1940 г.; министр иностранных дел в декабре 1940-го — июле 1945 г., премьер-министр Великобритании в 1955–1957 гг.

Инскип (*Inskip*) Томас Уолкер Хобарт (1896–1947), виконт Колдекоут — член палаты общин Великобритании, консерватор, генеральный прокурор в 1932–1936 гг.; министр по координации обороны в 1936-м — январе 1939 г., министр по делам доминионов (январь — сентябрь 1939 г.).

Канлифф-Листер (*Cunliffe-Lister*) Филип (1884–1972), с 1935 г. — лорд Суинтон — консерватор, министр колоний Великобритании в 1931–1935 гг., министр авиации в июне 1935-го — мае 1938 г.

Картленд (*Cartland*) Рональд (1907–1940) — британский военный и политик, консерватор, член палаты общин Великобритании.

Кейнс (*Keynes*) Джон Мейнард (1883–1946) — английский экономист, основатель кейнсианского направления в экономической теории.

Керзон (*Curzon*) лорд Джордж Натаниэл (1859–1925) — консерватор, вице-король Индии в 1899–1905 гг., министр иностранных дел Великобритании в 1919–1924 гг.

Кийс (*Keyes*) Роджер (1872–1945) — британский военный и политик, консерватор, член палаты общин Великобритании, адмирал Королевского

флота.

Китченер (*Kitchener*) Горацио Герберт (1850–1916) — выдающийся британский военный деятель, в 1902–1909 гг. — главнокомандующий британскими войсками в Индии, военный министр в 1914–1916 гг.

Корбен (*Corbin*) Андре Шарль (1881–1970) — посол Франции в Великобритании в 1933–1940 гг.

Кэдоган (*Cadogan*) сэра Александр Джордж Монтегю (1884–1968) — дипломат, посол Великобритании в Китае в 1933–1936 гг., помощник заместителя министра иностранных дел в 1936–1937 гг., постоянный заместитель министра иностранных дел в 1938–1946 гг.

Лаваль (*Laval*) Пьер (1883–1945) — премьер-министр Франции в январе 1931-го — феврале 1932 г., июне 1935-го — январе 1936 г., министр колоний в феврале — октябре 1934 г., министр иностранных дел в октябре 1934-го — 1936 г. (с перерывами).

Литвинов Максим Максимович (1876–1951) — нарком по иностранным делам СССР (с 1936 г. — иностранных дел) в июле 1930-го — мае 1939 г., представитель СССР в Лиге Наций в 1934–1938 гг.

Ллойд (*Lloyd*) лорд Джордж Эмброуз (1879–1941) — консерватор, директор «Ллойдс бэнк» в 1911–1918 гг., видный имперский деятель, губернатор Бомбея в 1918–1923 гг. Председатель Британского совета (1937–1940).

Ллойд Джордж (*Lloyd George*) Дэвид (1863–1945) — политический и государственный деятель Великобритании, член парламента в 1890–1945 гг., премьер-министр в 1916–1922 гг., лидер Либеральной партии в 1926–1931 гг.

МакДональд (*MacDonald*) Малколм Джеймс (1901–1981) — сын Р. МакДональда, национал-лейборист, министр по делам колоний в 1931–1935 гг., по делам доминионов в июне 1935-го — мае 1938 г., в октябре 1938-го — сентябре 1939 г.

МакДональд (*MacDonald*) Джеймс Рэмзи (1866–1937) — председатель Независимой рабочей партии в 1906–1909 гг., лидер Лейбористской партии в 1922–1931 гг., после — лидер национал — лейбористской партии, премьер-министр лейбористских правительств в 1924 и 1929–1931 гг., Национального правительства в 1931–1935 гг., лорд-председатель Совета в 1935–1937 гг.

МакМиллан (*Macmillan*) Гарольд (1894–1986) — член палаты общин Великобритании с 1924 г., консерватор, премьер-министр Великобритании

в 1957–1963 гг.

Майский (Ляховецкий) Иван Михайлович (1884–1975) — советский дипломат, историк, публицист. С 1922 г. — на дипломатической работе. В 1929–1932 гг. — полпред в Финляндии, в 1932–1943 гг. — посол в Великобритании.

Марджессон (*Margesson*) Генри Дэвид (1890–1965) — главный парламентский организатор Консервативной партии в ноябре 1931-го — декабре 1940 г.

Масарик (*Masaryk*) Ян (1886–1948) — посол Чехословацкой Республики в Великобритании в 1925–1938 гг.

Милнер (*Milner*) лорд Альфред (1854–1925) — британский государственный деятель, губернатор Трансвааля в 1902–1905 гг., военный министр в 1918–1919 гг., министр по делам колоний в 1919–1921 гг.

Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986) — член Политбюро (Президиума) ЦК ВКП(б)/КПСС в 1926–1957 гг., председатель СНКв 1930–1941 гг.

Моррисон (*Morrison*) Герберт Стенли (1888–1965) — член парламента, председатель Лейбористской партии в 1928–1929 гг., лидер оппозиции в 1931-м — мае 1940 г.

Мосли (*Mosley*) сэръ Освальд (1896–1980) — политик, основатель Британского союза фашистов.

Муссолини (*Mussolini*) Бенито (1883–1945) — основатель фашистской партии Италии в 1919 г.; после прихода к власти в 1922 г. — дуче, премьер-министр, военный министр, министр внутренних дел.

Нейрат (*Neurath*) Константин фон (1873–1956) — посланник Германии в Великобритании в 1930–1932 гг., министр иностранных дел Германии в 1932–1938 гг., рейхспротектор Чехии и Моравии в 1939–1943 гг.

Ньютон (*Newton*) Бэзил (1889–1965) — британский дипломат, посланник в Праге в 1937–1939 гг.

Рансимен (*Runciman*) лорд Уолтер (1870–1949) — член парламента Великобритании, либерал, министр торговли в ноябре 1931-го — мае 1937 г., глава британской посреднической миссии в Чехословакии 3—15 августа 1938 г., лорд-председатель Совета в октябре 1938-го — сентябре 1939 г.

Рачиньский (*Raczyriski*) граф Эдвард (1891–1993) — польский дипломат, посол Польши в Великобритании в 1934–1945 гг.

Рейно (*Reynaud*) Поль (1878–1966) — министр юстиции Франции в апреле — ноябре 1938 г., министр финансов в ноябре 1938-го — марте 1940

г., премьер-министр Франции в марте — июне 1940 г.

Риббентроп (*Ribbentrop*) Иоахим фон (1893–1946) — государственный деятель и дипломат Германии, начальник внешнеполитического отдела НСДАП с 1934 г., посол Германии в Великобритании в 1936–1938 гг., министр иностранных дел Германии в 1938–1945 гг.

Ротермир (*Rothermere*) лорд Гарольд Сидни Хармсуорт (1868–1940) — консерватор. Основатель крупного газетного объединения «Associated Newspapers Ltd.», куда входили газеты «Daily Mirror», «Daily Mail» и другие органы печати.

Рузвельт (*Roosevelt*) Франклин Делано (1882–1945) — член Демократической партии, 32-й президент США. Четыре раза в 1933–1945 гг. избирался на пост президента страны.

Саймон (*Simon*) лорд Джон Олсбрук (1873–1954) — министр иностранных дел Великобритании в 1931–1935 гг., министр внутренних дел в 1935–1937 гг., министр финансов в 1937–1940 гг.

Самюэл (*Samuel*) лорд Герберт (1870–1963) — министр внутренних дел Великобритании в 1931–1932 гг., лидер парламентской фракции либералов (1931–1935).

Сарро (*Sarraut*) Альбер Пьер (1872–1962) — французский политический деятель, радикал. Премьер-министр Франции в период Третьей республики с 26 октября по 26 ноября 1933 г. и с 24 января по 4 июня 1936 г.

Симпсон (*Simpson*) Уоллис, урожденная Уорфилд (1896–1986) — герцогиня Виндзорская, с 1937 г. — супруга герцога Виндзорского, бывшего короля Великобритании Эдуарда VIII.

Синклер (*Sinclair*) сэръ Арчибальд (1890–1970) — член палаты общин, либерал, лидер либеральной оппозиции и партии в 1935–1945 гг.

Смит (*Smith*) Ф. Е., лорд Биркенхед (1872–1930) — консерватор, лорд-канцлер Великобритании в 1919–1922 гг., министр по делам Индии в 1924–1928 гг.

Сноуден (*Snowden*) Филип (1864–1937) — лейборист, активный сторонник фритредерства, министр финансов в правительствах Рэмзи МакДональда в 1924 и 1929–1931 гг.

Солтер (*Salter*) Джеймс Артур (1881–1975) — британский политический деятель, экономист. Директор экономического и финансового отдела Лиги Наций в 1922–1931 гг., парламентский секретарь министра судоходства в 1939–1941 гг.

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879–1953) —

Генеральный секретарь ЦК ВКП(б)/КПСС с апреля 1922 г.; член Политбюро (Президиума) ЦК РКП(б), ВКП(б)/КПСС в 1919–1953 гг.

Странг (*Strang*) лорд Уильям (1893–1978) — сотрудник посольства Великобритании в Москве в 1930–1933 гг., директор отдела Лиги Наций и Центрального департамента МИД Великобритании (1937–1939), участник московских переговоров 1939 г.

Томас (*Thomas*) Джеймс Генри (1874–1949) — член парламента Великобритании, лейборист, с 1931 г. — национал-лейборист, министр по делам колоний (1935–1936), по делам доминионов в 1930–1935 гг., генеральный секретарь Национального союза железнодорожников.

Уилкинсон (*Wilkinson*) Эллен (1891–1947) — депутат палаты общин Великобритании, лейборист, профсоюзный деятель.

Уилсон (*Wilson*) сэр Лесли (1876–1955) — британский военный и политический деятель, юнионист, губернатор Бомбея в 1923–1926 гг.

Уилсон (*Wilson*) сэр Хорас Джон (1882–1972) — британский политический деятель. С 1921 г. — на государственной службе. В 1930–1939 гг. — главный советник правительства по индустриальным вопросам. В 1935–1940 гг. — постоянный советник премьер-министра.

Уолтон (*Woolton*) лорд Фредерик Джеймс (1883–1964) — британский бизнесмен, государственный деятель и политик, консерватор.

Уэллс (*Welles*) Самнер (1892–1961) — американский дипломат, советник и доверенное лицо президента Ф. Рузвельта.

Фиппс (*Phipps*) сэр Эрик Клэр Эдмунд (1875–1945) — посол Великобритании в Германии в апреле 1933-го — апреле 1937 г., во Франции в апреле 1937-го — октябре 1939 г.

Фланден (*Flandin*) Пьер Этьенн (1889–1958) — председатель Совета министров Франции в ноябре 1934-го — июне 1935 г., государственный министр в июне 1935-го — январе 1936 г., министр иностранных дел в январе-июне 1936 г.

Франко (*Franko Bahamonde*) Франсиско (1892–1975) — организатор военного мятежа в Испании 1936 г., глава испанского государства в 1939–1975 гг.

Хадсон (*Hudson*) Роберт Спир (1886–1957) — консерватор, парламентский секретарь министра труда в 1931–1935 гг., министр пенсий в 1935–1936 гг., секретарь (глава) департамента по делам заморской

торговли в 1937–1940 гг., министр младшего ранга.

Хайле Селассие I (1892–1975) — император Эфиопии в 1930–1974 гг. Возглавлял борьбу против итальянской агрессии в 1935–1936 гг., находился за границей в 1936–1941 гг.

Хау-Хау лорд Джойс (*Joys*) Уильям (1906–1946) — нацистский пропагандист, ведущий англоязычных передач германского радио, прозванный в Британии «лорд Хау-Хау» за аффектированное британское произношение, свойственное аристократическим английским кругам, и за «лающий» («гав-гав») тон своих передач.

Хейлишем (*Hailsham*) лорд Дуглас (1872–1950) — лидер консервативной фракции в палате лордов Великобритании в 1930–1931 гг., военный министр и лидер палаты лордов в 1931–1935 гг.; лорд-канцлер в 1935–1938 гг.; лорд-председатель Совета в феврале-октябре 1938 г.

Хор (*Hoare*) сэръ Самюэл, лорд Темплвуд (1880–1959) — консерватор, член парламента, министр по делам Индии в 1931–1935 гг., министр иностранных дел Великобритании в 1935 г., министр внутренних дел в 1937–1939 гг., министр авиации в 1940 г.

Хор-Белиша (*Hore-Belisha*) Лесли (1894–1957) — либерал, член палаты общин Великобритании. Министр транспорта в 1934–1937 гг., военный министр в 1937–1940 гг.

Чемберлен (*Chamberlain*) Айви, урожденная Дунстан (1878–1941) — жена О. Чемберлена.

Чемберлен (*Chamberlain*) Беатрис (1862–1918) — старшая сводная сестра Н. Чемберлена.

Чемберлен (*Chamberlain*) Гарриетт, урожденная Кенрик (1835–1863) — первая жена Дж. Чемберлена, мать Остина.

Чемберлен (*Chamberlain*) Джозеф (1836–1914) — отец Н. Чемберлена, выдающийся государственный и политический деятель Британской империи, либерал, затем — либерал-юнионист, министр по делам колоний в 1895–1903 гг.

Чемберлен (*Chamberlain*) Дороти (1911–1992) — дочь Н. Чемберлена.

Чемберлен (*Chamberlain*) Ида (1870–1943) — младшая родная сестра Н. Чемберлена.

Чемберлен (*Chamberlain*) Норман (1884–1917) — кузен Н. Чемберлена.

Чемберлен (*Chamberlain*) Мэри, урожденная Эндикотт (1864–1957) — третья жена Дж. Чемберлена, мачеха Невилла.

Чемберлен (*Chamberlain*) Остин (1863–1937) — брат Н. Чемберлена. Консерватор, член парламента Великобритании. В 1924–1929 гг. —

министр иностранных дел, лауреат Нобелевской премии мира 1926 г. за Локарнские соглашения.

Чемберлен (*Chamberlain*) Флоренс, урожденная Кенрик (1847–1875) — мать Н. Чемберлена, вторая жена Джозефа.

Чемберлен (*Chamberlain*) Френсис (1914–1965) — сын Н. Чемберлена.

Чемберлен (*Chamberlain*) Хильда (1872–1967) — также младшая родная сестра Н. Чемберлена.

Чемберлен (*Chamberlain*) Энни, урожденная Кол (1883–1967) — жена Н. Чемберлена.

Чемберлен (*Chamberlain*) Этель (1873–1905) — младшая родная сестра Н. Чемберлена.

Черчилль (*Churchill*) Рандольф (1911–1968) — британский государственный деятель, сын Уинстона Черчилля, журналист, депутат парламента в 1940–1945 гг.

Черчилль (*Churchill*) Уинстон Леонард Спенсер (1874–1965) — член парламента Великобритании, до 1904 г. — консерватор, затем либерал, с начала 1920-х гг. — снова консерватор. С 1908 г. — неоднократно министр, в 1924–1929 гг. — министр финансов, в 1939–1940 гг. — первый лорд Адмиралтейства, премьер-министр Великобритании в 1940–1945 и 1951–1955 гг.

Чиано (*Ciano*) Галеаццо (1903–1944) — итальянский политик и дипломат, зять Б. Муссолини. Министр иностранных дел в 1936–1943 гг.

Шмидт (*Shmidt*) Пауль (1899–1970) — переводчик рейхсминистерства иностранных дел в 1924–1945 гг., с 1935 г. — официальный личный переводчик Адольфа Гитлера.

Шотан (*Chautemns*) Камиль (1885–1963) — один из лидеров партии радикалов, премьер-министр Франции в ноябре 1933-го — январе 1934 г., июне 1937-го — марте 1938 г.

Штреземанн (*Stresemann*) Густав (1878–1929) — немецкий политик (Немецкая народная партия), рейхсканцлер и министр иностранных дел Веймарской республики в 1923–1929 гг. Лауреат Нобелевской премии мира (вместе с Аристидом Брианом и Остином Чемберленом) за заключение Локарнских соглашений.

Шушниг (*Schuschnigg*) Курт фон (1897–1977) — австрийский государственный и политический деятель. Федеральный канцлер Австрии в 1934–1938 гг.; также в 1932–1938 гг. занимал ряд министерских постов в австрийском правительстве.

Эдуард VIII (*Edward VIII*) (1894–1972) — король Великобритании с 20 января по 11 декабря 1936 г. После отречения от престола получил титул герцога Виндзорского.

Эйткен (*Aitken*) Макс (барон Бивербрук) (1879–1964) — консерватор канадского происхождения, член палаты общин, «барон прессы», владелец таких изданий, как «Daily Express» и «Evening Standard».

Эмери (*Amery*) Леопольд Стеннет (1873–1955) — консерватор, член парламента Великобритании.

Эррио (*Herriot*) Эдуар (1872–1957) — один из лидеров французской партии радикалов и радикал-социалистов. Премьер-министр и министр иностранных дел Франции в 1932 г., государственный министр в 1934–1936 гг., председатель палаты депутатов в 1936–1940 гг.

Эттли (*Attlee*) Клемент Ричард (1883–1967) — член палаты общин Великобритании, зам. лидера Лейбористской партии (1931–1935), лидер этой партии в 1935–1955 гг., лорд — хранитель печати в 1940–1942 гг., премьер-министр Великобритании в 1945–1951 гг.

Янг (*Young*) Хилтон (1879–1960) — министр здравоохранения в Национальном правительстве Великобритании в 1931–1935 гг.

INFO

Девлин М. А.

Д26 Невилл Чемберлен: Джентльмен с зонтиком / Моргана Девлин. — М.: Молодая гвардия, 2019. — 307[13] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1776).

ISBN 978-5-235-04247-6

УДК 94(410)(092)

ББК 63.3(4Вел)6

знак информационной продукции 16 +

Девлин Моргана Андреевна

НЕВИЛЛ ЧЕМБЕРЛЕН: ДЖЕНТЛЬМЕН С ЗОНТИКОМ

Редактор *Л. С. Калюжная*

Художественный редактор *И. И. Суслов*

Технический редактор *М. П. Качурина*

Корректоры *Т. И. Маляренко, Г. В. Платова*

Сдано в набор 12.10.2018. Подписано в печать 23.01.2019.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 16,8+1,68. Тираж 2000 экз. Заказ
№ 1904110.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127055, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

arvato BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ООО «Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Ярославль,

ул. Свободы, 97

СЕРИЯ

«ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Митрополит Иларион ИИСУС ХРИСТОС

Книга, предлагаемая вниманию читателей, необычна. Она посвящена не просто одному из великих героев древности, но Человеку, Которого в течение вот уже двух тысяч лет почитают воплотившимся Богом. В истории человечества нет и не было никого, кто оказал бы столь глубокое, всеобъемлющее и оплодотворяющее влияние на развитие человеческой культуры, ибо именно Иисус Христос на долгие века задал вектор культурного развития нескольких континентов. Но, признавая Иисуса Богом, можно ли издавать книгу о Нем в светской серии, посвященной «жизни замечательных людей»? Да, объясняет нам автор книги, ибо Церковь всегда заявляла твердо и однозначно: Он является полноценным Богом, но одновременно является и полноценным человеком, во всем — кроме греха — подобным нам. Земная история Иисуса Христа прослеживается автором на основании всех имеющихся в нашем распоряжении источников; проведен сравнительный анализ всех четырех Евангелий, выявлены причины содержащихся в них различий, степень их достоверности. При этом книга написана живым, доступным языком и обращена к самому широкому кругу читателей.

В. В. Бондаренко ОТЕЦ ИОАНН (КРЕСТЬЯНКИН)

«Добрый пастырь», «земной ангел и небесный человек», «духовник всея Руси» — так называли великого старца Русской Православной Церкви архимандрита Иоанна (Крестьянкина, 1910–2006). Почти столетняя жизнь отца Иоанна была посвящена беззаветному служению Богу и людям. Он оставил по себе настолько светлый след, что и после кончины по-прежнему остается нравственным камертоном, по которому сверяют себя тысячи православных по всему миру. Новая книга историка и писателя Вячеслава Бондаренко основана на архивных материалах и воспоминаниях людей,

лично знавших старца, и содержит множество ранее неизвестных подробностей его биографии.

И. З. Фаликов

БОРИС СЛУЦКИЙ

Борис Слуцкий (1919–1986), один из крупнейших поэтов военного поколения, прожил значительную и трагическую жизнь. Знаковую, как видится сегодня, — не случайно сказал о себе: «Я историю излагаю». Уроженец донецкого Славянска, проведший детство и юность в Харькове, к началу Великой Отечественной войны в Москве окончил два вуза. Образование дополнил суровым опытом фронта, пройдя всю войну — от Подмосковья до Австрии. Раны и контузии, послевоенные хвори и бездомность... — много испытаний досталось гвардии майору в отставке Слуцкому. И счастьем, и горем стала женщина его судьбы, ее болезнь и смерть. Бесстрашные стихи поэта долго не печатались, ходили по рукам в списках; первый сборник «Память» вышел в 1957-м. Предшественник громких шестидесятников, признанный ими мэтр, Слуцкий воспитал много учеников. Крушение идеалов, одиночество и безумие до времени свели его в могилу. Илья Фаликов, автор жизнеописаний Евг. Евтушенко, Б. Рыжего, М. Цветаевой («ЖЗЛ»), книгу о Слуцком писал долгие годы, и вот, в канун 100-летия поэта, она сложилась. Вольно или невольно, строки Слуцкого — «Мелкие пожизненные хлопоты / По добыче славы и деньжат / К жизненному опыту / Не принадлежат» — стали и лейтмотивом книги и звучат как завещание поэта.

В. А. Лопатников

ДАНИИЛ ГРАНИН

В почти столетнюю биографию писателя, публициста, общественного деятеля Даниила Гранина уместилось множество событий — первые пятилетки и Великая Отечественная война, хрущевская оттепель и горбачевская перестройка, споры «физиков» и «лириков», распад Советского Союза и трудное рождение новой России. Все это Даниил Александрович сумел осмыслить, прочувствовать и воплотить в своих произведениях. О чем бы он ни писал — о жизни и труде ученых, о пережитых им трагических годах войны и блокады или о далеком прошлом — в центре его внимания всегда оставались проблемы морали, нравственный выбор, стоящий перед каждым человеком. Сам он не раз делал этот выбор, выступая за справедливость и милосердие, за сохранение исторического облика своего родного Ленинграда-Петербурга. Первая

книга о Гранине в серии «ЖЗЛ» выходит к 100-летию писателя и составлена из его собственных воспоминаний (он называл их «причудами памяти»), документов и свидетельств современников.

Л. В. Кириллина
ГЛЮК

Кристоф Виллибальд Пиок (1714–1787) — один из гениев, определивших пути развития музыкального искусства второй половины XVIII века. Современники полагали, что он совершил революцию в музыке. Глюковская реформа оперного жанра была начата трогательной историей любви — «Орфей и Эвридика» (1762) и завершена грозной и страстной трагедией «Ифигения в Тавриде» (1779). Но путь к реформе был долгим и тернистым: в молодости Елюк служил в княжеских капеллах, работал в кочующих антрепризах, писал музыку для празднеств венского двора. Его творчеством восхищались императоры и князья, философы и поэты, светские дамы и ученые-энциклопедисты. Книга профессора Московской консерватории Ларисы Кириллиной рассказывает о том, как сын лесника из глухой баварской деревни, неуклонно следуя своему призванию, покорил Италию, Австрию и Францию, а в конце жизни стал кумиром всей просвещенной Европы.

Е. В. Лобанкова
ГЛИНКА

Михаил Иванович Глинка (1804–1857) — одна из ключевых фигур в музыке и подлинный герой русской культуры. Невероятная, еще прижизненная, слава композитора способствовала возникновению вокруг него многочисленных мифов и домыслов. В представленной биографии воссоздается реальная, порой противоречивая личность Глинки. Впервые показано, как на его мировоззрение и творчество влияла принадлежность к русскому дворянству и европейскому высшему свету. Жизнь композитора рассмотрена в широком историческом контексте, дополненном рассказами о путешествиях, медицине, моде, семейном праве, издательском процессе, домашнем музицировании и др. Жизнь Глинки связана с царствованием трех императоров — Александра I, Николая I, Александра II — и национально-патриотической составляющей их политики, в частности с идеологией «официальной народности» в рамках Российской империи. Автор биографии — Екатерина Лобанкова (Ключникова), кандидат искусствоведения, специалист по истории русской музыки — опирается на современные исследования по истории культуры и искусства, включая

зарубежных авторов, и предлагает свою интерпретацию исторических фактов и свидетельств времени.

Ю. Г. Фельштинский, Г. И. Чернявский ОРУЭЛЛ

Далеко не все, произносящие афоризм «все равны, но некоторые равнее», знают, что цитируют Джорджа Оруэлла. Его собственная жизнь могла бы послужить основой для романа. Он родился в Индии, служил в колониальной полиции в Бирме, скитался по трущобам Парижа, сражался против франкистов в Испании и при этом оставался истинным англичанином. Известный прежде всего как автор притчи «Скотный двор» и романа-утопии «1984», он работал редактором и ведущим радиопрограмм Би-би-си, анализировал в печати творчество не только современников, но и своих великих предшественников Шекспира, Свифта, Диккенса и Льва Толстого. Как в его мировоззрении уживались консерватизм и левые идеи? Почему местом действия романа о тоталитаризме он выбрал родную Англию? Почему, считая себя социалистом, подвергал жесточайшей критике британских лейбористов, ненавидел сталинский режим и представил британским властям «черный список» неблагонадежных деятелей культуры? На эти вопросы отвечают авторы биографии Джорджа Оруэлла, названного его коллегой и земляком Виктором Притчеттом самым оригинальным из современников.

Е. В. Матонин СИДНЕЙ РЕЙЛИ

Сидней Рейли до сих пор остается человеком-загадкой. Вся его жизнь окружена мифами, часть из которых придумал он сам. Иногда его называют «человеком ниоткуда» — даже сегодня еще на все сто процентов неизвестно, где он родился. Он мог считаться «эталонным врагом» советской власти, но его жизнь не ограничивалась только шпионажем и политическими заговорами: он проворачивал авантурные коммерческие комбинации, зарабатывал большие деньги и быстро тратил их на новые авантюры, собрал одну из самых больших и уникальных в мире коллекций предметов, связанных с Наполеоном, страстно любил авиацию... В своей новой книге Е. В. Матонин, наконец, ответит на вопрос, вот уже сто лет волнующий историков: «Кто вы, мистер Рейли?» Книга предназначена широкому кругу читателей, интересующихся историей России начала XX века, а также историей разведки и шпионажа.

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

- С. Михеенков «МАРГЕЛОВ»
- В. Лопатников «ДАНИИЛ ГРАНИН»
- Е. Матонин «СИДНЕЙ РЕЙЛИ»
- Митрополит Иларион «ИИСУС ХРИСТОС»
- И. Фаликов «БОРИС СЛУЦКИЙ»
- В. Бондаренко «ОТЕЦ ИОАНН (КРЕСТЬЯНКИН)»
- А. Горбунов «ВИКТОР МАСЛОВ»
- В. Антонов «КЕМБРИДЖСКАЯ ПЯТЕРКА»
- Н. Михайлова «БАРКОВ»
- А. Бондаренко «ГЕРОИ «СМЕРШ»»
- Н. Бодрихин «АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВ»
- С. Михеенков «БЕРЛИН-45»

---

notes

Примечания

Остин Чемберлен (Chamberlain; 1863–1937) — консерватор, член парламента; в 1924–1929 годах — министр иностранных дел Великобритании, лауреат Нобелевской премии мира (1925) за Локарнские соглашения.

Hodgson S. The Man Who Made the Peace: Neville Chamberlain, A Study. L., 1938; *Shaw D. K.* Prime Minister Neville Chamberlain. L., 1939; *Felling K.* Life of Neville Chamberlain. L., 1946; *Macleod I.* Neville Chamberlain. NY., 1962; *Dilks D.* Neville Chamberlain. V. 1 Pioneering and reform, 1869–1929. Cambridge University Press, 1984; *Dutton D.* Neville Chamberlain. L., 2001; *Self R.* Neville Chamberlain: a biography. NY., 2006; *Macklin G.* Chamberlain (British Prime Ministers of the 20th Century). L., 2006; *Smart N.* Neville Chamberlain. L., 2010.

Кертман Л. Е. Джозеф Чемберлен и сыновья. М., 1990.

Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. М., 1982.

Бедарида Ф. Черчилль. 4-е изд. М.: Молодая гвардия, 2011.

Мартirosян А. Б. Заговор маршалов. Британская разведка против СССР. М.: Вече, 2003.

Иван Михайлович Майский (Ляховецкий; 1884–1975) — советский дипломат, историк, публицист. С 1922 года на дипломатической работе: в 1929–1932 годах — полпред в Финляндии, в 1932–1943 годах — посол в Великобритании.

Майский И. М. Перед бурей. М., 1945; *Майский И. М.* Воспоминания советского посла в Англии. М., 1960; *Майский И. М.* Кто помогал Гитлеру. Из воспоминаний советского посла. М., 1962; *Майский И. М.* Воспоминания советского посла: В 2 кн. М., 1964; *Майский И. М.* Б. Шоу и другие. Воспоминания. М., 1967; *Майский И. М.* Воспоминания советского дипломата. 1925–1945. М., 1971; *Майский И. М.* Люди. События. Факты. М., 1973.

Майский И. М. Дневник дипломата. Лондон: 1934–1943: В 3 ч. М., 2006.

Self R. Neville Chamberlain: a biography. NY., 2006; *Macklin G.* Chamberlain (British Prime Ministers of the 20th Century). L., 2006; *Smart N.* Neville Chamberlain. L., 2010.

Hodgson S. The Man Who Made the Peace: Neville Chamberlain, A Study.
L., 1938.

Henderson N. Failure of a Mission. L., 1940. P. 239.

Lloyd George D. War Memoirs. L., 1934; *Henderson N. Failure of a Mission.* L., 1940; *Henderson N. Water under the bridges.* L., 1945; *Lord Chatfield. It might happen.* L., 1947; *Churchill W. The gathering storm.* L., 1948; *Churchill W. The second world war.* L., 1959; *Duff Cooper A. Id men forget.* L., 1953; *Simon J. Retrospect: the Memoirs of the Rt. Hon. Viscount col1_3I., G.C.V.O.* L., 1952; *Viscount Templewood. Nine troubled years.* L., 1954; *Lord Strang. Home and Abroad.* L., 1956; *Earl of Halifax. Fulness of days.* L., 1957; *Lord Vansittart The mist procession.* L., 1958; *Earl of Avon. The Eden Memoirs: Full Circle.* L., 1960; *Earl of Avon. The Eden Memoirs: Facing the Dictators.* L., 1962; *Earl of Avon. The Eden Memoirs: the Reckoning.* L., 1965; *Macmillan H. Wings of Change.* L. 1966; *Mosley O. My life.* L., 1968; *Lord Butler. The art of the Possible.* L., 1971; *etc.*

Сэр Хорас Джон Уилсон (Wilson\ 1882–1972) — британский политический деятель. С 1921 года — на государственной службе. В 1930–1939 годах — главный советник правительства по индустриальным вопросам. В 1935–1940 годах — постоянный советник премьер-министра.

Кингсли Вуд (*Wood*; 1881–1943) — консерватор, парламентный секретарь Н. Чемберлена, министр здравоохранения в 1935–1938 годах, министр авиации в 1938–1940 годах.

Dilks D. The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945. L., 1971.

Сэр Александр Джордж Монтегю Кэдоган (Cadoxton; 1884–1968) — посланник, посол Великобритании в Китае в 1933–1936 годах, помощник заместителя министра иностранных дел в 1936–1937 годах, постоянный заместитель министра иностранных дел в 1938–1946 годах.

Леопольд Стеннет Эмери (Amery; 1873–1955) — консерватор, член парламента Великобритании.

Эмери Л. С. Моя политическая жизнь. М., 1960.

Cato. Guilty men. L., 1940.

The Neville Chamberlain Diary Letters. V. 1–4: 1915–1940. Edited by Robert C. Self. L., 2000.

The Neville Chamberlain Diary Letters. V. 4: Volume 4: The Downing Street Years, 1934–1940. Edited by Robert C. Self. L., 2000. P. 48.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1946; reissued with a new Preface and Bibliography 1970.

См., к примеру: <http://www.svoboda.Org/a/2343398.html>

17 September 1891 from Joseph Chamberlain.

Marsh P. Joseph Chamberlain: entrepreneur in politics. New Haven: Yale University Press, 1994. P. 34–55.

Crosby T. L. Joseph Chamberlain: A Most Radical Imperialist. L., 2011.

Petrie Ch. Joseph Chamberlain. L., 1940. P. 61.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1946. P. 3.

Брам (*Brum*) — сокращенное название города Бирмингема (Birmingham).

Hamer D. A. Liberal Politics in the Age of Gladstone and Roseberry.
Oxford, 1972. P. 44–45.

Petrie Ch. Joseph Chamberlain. L., 1940. P. 20.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 2.

Crozier A. J. Neville Chamberlain. Oxford, 2004.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 7.

Для упрощения понимания сегодняшних эквивалентов приводимых в тексте сумм читатели могут смело умножать их на 50, чтобы получить приблизительный современный аналог в долларах США.

The Neville Chamberlain Diary Letters. V. 1: Making of a politician, 1915–1920. Edited by Robert C. Self. L., 2000. P. 41.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 10.

Горацио Герберт Китченер (Kitchener; 1850–1916) — выдающийся британский военный деятель, в 1902–1909 годах — главнокомандующий британскими войсками в Индии; военный министр в 1914–1916 годах.

Felling K Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 15.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 17.

6 June 1891 to Joseph Chamberlain.

18 July 1891; diary.

17 September 1891 from Joseph Chamberlain.

1 July 1891 to Beatrice Chamberlain.

9 September 1891 to Beatrice Chamberlain.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 26.

Ibid. P. 25.

Marsh P. T. Joseph Chamberlain, entrepreneur in politics. New Haven, 1994.

30 October 1897 to Alfred Greenwood.

51

7 October 1900 to Alfred Greenwood.

11 February 1906 to Alfred Greenwood.

Аналогия с так называемыми «кораблями пятого ранга» в британской системе рейтинга судов: то есть слабый парусный корабль, непригодный к эскадренному бою.

Birmingham Daily Post. 10 July 1906.

5 June 1910 to Alfred Greenwood.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 52.

См.: *Felling K.* Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 48.

Ibid. P. 52.

Churchill R., Gilbert M. Winston S. Churchill. L., 1966–1988. V. 2. P. 710.

3 June 1915 to mrs. Chamberlain.

Marwick A. The Deluge: British society and the first world war. L., 1965.

31 October 1915 to Hilda Chamberlain.

26 February 1916 to Hilda Chamberlain.

26 February 1916 to Hilda Chamberlain.

14 May 1916 to Hilda Chamberlain.

22 July 1916 to Hilda Chamberlain.

12 November 1916 to Ida Chamberlain.

17 December 1916 to Hilda Chamberlain.

2 August 1915 to Hilda Chamberlain.

По традиции лорд-мэр с супругой устраивают благотворительные мероприятия и посещают больницы и приюты в праздничные дни.

9 December 1916 to Ida Chamberlain.

Лорд Джордж Натаниэл Керзон (Curzon; 1859–1925) — консерватор, вице-король Индии в 1899–1905 годах, министр иностранных дел Великобритании в 1919–1924 годах.

Лорд Альфред Милнер (Milner; 1854–1925) — британский государственный деятель, губернатор Трансвааля в 1902–1905 годах, военный министр в 1918–1919 годах, министр по делам колоний в 1919–1921 годах.

24 December 1916; diary.

24 December 1916 to Ida Chamberlain.

Addison C. Politics from within. L., 1924. V. 2. P. 119.

24 December 1916 to Ida Chamberlain.

Amery L. S. My political life. L.,1955. V. 2. P. 100.

Lloyd George D. War Memoirs. L., 1934. V. 3. P. 1368.

Macleod I. Neville Chamberlain. NY., 1962. P. 62–63.

81

22 July 1917 to Hilda Chamberlain.

The Neville Chamberlain Diary Letters. V. 1: Making of a politician, 1915–1920. Edited by Robert C. Self. L., 2000. P. 69.

Addison C. Politics from within. L., 1924. V. 2. P. 119.

9 August 1917; diary.

30 April 1918; diary.

Turner J. British politics and the great war. Yale University Press, 1992. P. 166.

1 July 1917 to Hilda Chamberlain.

12 August 1917 to Hilda Chamberlain.

Macleod L. Neville Chamberlain. NY., 1962. P. 64.

22 August 1917 to C. A. Vince.

91

21 October 1917 to Hilda Chamberlain.

Earl of Halifax. Fulness of days. L., 1957. P. 226.

15 December 1917 to Hilda Chamberlain.

The Neville Chamberlain Diary Letters. V. 1: Making of a politician, 1915–1920. Edited by Robert C. Self. L., 2000. P. 78.

1 December 1918 to Ida Chamberlain.

23 February 1918 to Hilda Chamberlain.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 77.

17 December 1917; diary.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 78.

100

Главная площадь Бирмингема.

101

16 November 1918 to Ida Chamberlain.

Ibid.

Somervell D. British Politics since. L., 1953. P. 123.

4 January 1919 to Hilda Chamberlain.

Petrie Ch. Joseph Chamberlain. L., 1940. P. 24.

Walker-Smith D. Neville Chamberlain: man of peace. L., 1986. P. 254.

Home A. Macmillan 1894–1956: Vol. 1 of the original biography. L., 1988.
P. 80.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 84.

Сэр Самуэл Хор (Hoare) (лорд Темплвуд) (1880–1959) — консерватор, член парламента, министр по делам Индии в 1931–1935 годах, министр иностранных дел Великобритании в 1935 году, министр внутренних дел в 1937–1939 годах, министр авиации в 1940 году.

110

26 April 1919 to Hilda Chamberlain.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 84.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 86.

Ibid. P. 85–86.

20 November 1920 to Ida Chamberlain.

18 December 1920 to Ida Chamberlain.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 92.

7 January 1922 to Ida Chamberlain.

15 July 1922 to Hilda Chamberlain.

Ibid.

Эмери Л. Моя политическая жизнь. М., 1960. С. 75.

121

31 October 1922 to Hilda Chamberlain.

19 November 1922 to Hilda Chamberlain.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 101.

9 December 1922 to Ida Chamberlain.

17 December 1922 to Hilda Chamberlain.

Harold Nicolson diaries and letters, 1945–1962. L., 1968. P. 260.

Леди Нэнси Астор (Astor; 1879–1964) — консерватор, первая женщина-депутат палаты общин Великобритании.

25 November 1922 to Hilda (or Ida) Chamberlain.

8 December 1935 to Ida Chamberlain.

11 March 1923 to Hilda Chamberlain.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 106.

Ф. Е. Смит (Smith) (лорд Биркенхед; 1872–1930) — консерватор, лорд-канцлер Великобритании в 1919–1922 годах, министр по делам Индии в 1924–1928 годах.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 107.

26 May 1923 to Ida Chamberlain.

Речь идет об Эдварде Вуде, на тот момент министре образования в правительстве Болдуина и сыне лорда Чарлза Галифакса, который в случае возможной смерти отца наследовал бы его титул и, таким образом, покинул бы палату общин, перейдя в палату лордов, что для канцлера Казначейства, конечно, крайне неудобно.

26 August 1923 to Hilda Chamberlain.

17 November 1923 to Hilda Chamberlain.

Marchioness Curzon. Reminiscences. L., 1955. P. 191.

17 November 1923 to Hilda Chamberlain.

2 December 1923 to Hilda Chamberlain.

141

9 February 1924 to Hilda Chamberlain.

7 April 1924; diary.

143

23 February 1924 to Hilda Chamberlain.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 115.

9 March 1924 to Hilda Chamberlain.

7 September 1924 to Hilda Chamberlain.

Сэр Освальд Мосли (Mosley; 1896–1980) — политик, основатель Британского союза фашистов.

Felling K. 'Life of Neville Chamberlain'. L., 1970. P. 116–117.

21 March 1925 to Hilda Chamberlain.

26 October 1924 to Ida Chamberlain.

151

6 November 1924 to Hilda Chamberlain.

col1_0 English history, 1914–1945. L., 1975. P. 303.

Parliament and politics in the age of Baldwin and MacDonald; Headlam diaries 1923–1935. L., 1992. P. 78.

16 May 1925 to Hilda Chamberlain.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 135.

Parliament and politics in the age of Baldwin and MacDonald; Headlam diaries 1923–1935. L., 1992. P. 262.

Grigg P. J. Prejudice and judgment. L., 1948. P. 174.

18 March 1928; diary.

159

18 April 1926 to Hilda Chamberlain.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 150.

161

25 May 1926 to Ida Chamberlain.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 157.

17 July 1926 to Ida Chamberlain.

16 June 1927; diary.

12 August 1928 to Irwin.

Churchill IK The world crisis. L., 1923–1931.

167

26 March 1927 to Ida Chamberlain.

Нэнси Астор — первая женщина-депутат, появившаяся в 1919 году в палате общин британского парламента; история касалась некоей дамы, которая рассказывала Астор о том, что молит Господа научить ее любить богатых людей вроде миссис Гревилл, обеспеченной офицерской вдовы. Возможно, в изложении Вуда история была и забавна, но Чемберлен описал ее скомканно, и переводить ее нет смысла.

20 March 1926 to Hilda Chamberlain.

Ramsden J. The age of Balfour and Baldwin, 1902–1940. V. 2. NY., 1978.
P. 305.

Локарнские соглашения — семь договоров, ставших итогом переговоров, проходивших в швейцарском Локарно с 5 по 16 октября 1925 года и подписанных 1 декабря в Лондоне. Они вступили в действие 10 сентября 1926 года, когда Германия стала членом Лиги Наций. Локарнские договоры эффективно разделили германские границы на два типа: западные границы, которые по договору были незыблемыми и гарантированными Францией, Бельгией, Великобританией и Италией, и восточные, в отношении которых никаких гарантий выдано не было. В дополнение Германская империя заключила арбитражные договоры с Польшей и Чехословакией, в которых отказалась от военного решения территориальных споров.

28 November 1925 to Hilda Chamberlain.

12 February 1927 to Hilda Chamberlain.

6 January 1929 to Hilda Chamberlain.

175

28 July 1929 to Ida Chamberlain.

Элен Уилкинсон (Wilkinson; 1891–1947) — депутат палаты общин Великобритании, лейборист, профсоюзный деятель.

Игра слов: «Carpious» (*англ*, каверзный, придирчивый) и «Cats» (*англ*, кошачий).

26 January 1929 to Ida Chamberlain.

17 November 1929 to Ida Chamberlain.

4 April 1928; diary.

181

26 October 1928 to Hilda Chamberlain.

1 December 1928; diary.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 148.

Ibid. P. 128.

28 March 1928; diary.

26 January 1929 to Ida Chamberlain.

28 November 1925 to Hilda Chamberlain.

1 February 1927 to Hilda Chamberlain.

2 June 1929 to Ida Chamberlain.

8-9 June 1929; diary.

Макс (барон Бивербрук) Эйткен (*Aitken*; 1879–1964) — консерватор канадского происхождения, член палаты общин, «барон прессы», владелец таких изданий, как *Daily Express* и *Evening Standard*.

26 July 1929; diary.

17 November 1929 to Ida Chamberlain.

22 October 1929 to Ida Chamberlain.

26 October 1929 to Hilda Chamberlain.

26 October 1929; diary.

197

24 February 1930 to Ida Chamberlain.

Middlemas K., Barnes J. Baldwin: a biography. L., 1969. P. 590.

11 March 1931; diary.

Эмери Л. Моя политическая жизнь. М., 1960. С. 258.

«Соляной поход» — один из эпизодов борьбы за независимость Индии, когда 12 марта — 5 апреля 1930 года Махатма Ганди с 79 своими последователями дошел пешком до побережья Аравийского моря, близ селения Данди. После окончания 390-километрового похода, в ходе которого к группе протестующих присоединялись все новые и новые последователи, Ганди демонстративно поднял пригоршню соли — в знак нарушения колониальной соляной монополии.

202

10 October 1930 to Austen Chamberlain.

203

11 October 1930; diary.

Филип Сноуден (Snowden; 1864–1937) — лейборист, активный сторонник фритредерства, министр финансов в правительстве Рэмзи МакДональда в 1924 и 1929–1931 годах.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 190.

25 July 1931 to Ida Chamberlain.

col1_0 Post-Victorian Britain 1902–1951. L., 1966. P. 233; *Gilbert B.* British Social Policy (1914–1939). L., 1970. P. 174–176.

Thorpe A. Britain in the 1930s: The deceptive Decade. Oxford, 1992. P. 10;
Ball S. Baldwin and Conservative party: the crisis of 1929–1931. L., 1988. P.
151–197.

27 August 1931 to Hilda Chamberlain.

Ibid.

211

19 September 1931 to Ida Chamberlain.

212

24 September 1931; diary.

Даунинг-стрит, 11 — резиденция министра финансов Великобритании.

214

8 January 1932 to sir Francis Humphrys.

Джон *Мейнард Кейнс* (*Keynes*; 1883–1946) — английский экономист, основатель кейнсианского направления в экономической теории.

216

29 November 1931 to Ida Chamberlain.

H. C. Debs. 5s., 261, col. 296, 4 February 1932.

Morrison H. An Autobiography. L., 1960. P. 175–176.

219

29 November 1931 to Ida Chamberlain.

220

21 August 1932 to Ida Chamberlain.

221

3 August 1932 to Ida Chamberlain.

222

10 August 1932 to mrs. Chamberlain.

223

3 August 1932 to Ida Chamberlain.

Эррио Э. Из прошлого: Между двумя войнами. 1914–1936. М.:
Издательство иностранной литературы, 1958.

225

26 November 1932 to Hilda Chamberlain.

4 December 1932 to Ida Chamberlain.

19 November 1932 to Ida Chamberlain.

9 June 1933 CAB 23/77.

229

4 February 1933 to Hilda Chamberlain.

230

27 June 1933; diary.

The Neville Chamberlain Diary Letters. V. 3: The heir apparent, 1928–1933. Edited by Robert C. Self. L., 2000. P. 56.

Ibid. P. 62.

233

29 November 1931 to Ida Chamberlain.

234

21 April 1934 to Hilda Chamberlain.

235

12 May 1934 to Ida Chamberlain.

236

4 December 1934; diary.

237

8 March 1935; diary.

238

15 December 1934 to Hilda Chamberlain.

239

6 January 1935 to Ida Chamberlain.

Jones T A diary with letters, 1931–1950. L., 1954. P. 138–139.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 260.

242

9 March 1935 to Hilda Chamberlain.

243

8 December 1935 to Ida Chamberlain.

244

25 January 1936 to Hilda Chamberlain.

13 December 1936 to Hilda Chamberlain (это письмо было изъято Дворцом из архива Бирмингемского университета, где хранятся бумаги Н. Чемберлена, и возвращено лишь в 2003 году, после смерти королевы-матери).

8 December 1936; diary.

247

13 December 1936 to Hilda Chamberlain.

248

28 March 1936 to Ida Chamberlain.

249

10 April 1937 to Hilda Chamberlain.

250

21 March 1937 to Ida Chamberlain.

251

16 April 1933 to Hilda Chamberlain.

252

5 January 1936 to Ida Chamberlain.

253

28 March 1936 to Ida Chamberlain.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 290.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 291.

Dalton H. The Fateful Years. L., 1957. P. 162.

In search of peace: speeches (1937–1938) by the Rt. Hon. Neville Chamberlain, M. P. Edited by A. Bryant. L., 1939. P. 9.

Earl of Onslow. Sixty-Three Years: Diplomacy, the Great War and Politics.
L., 1945. P. 181.

Cockett R. My Dear Max: the letters of Brendan Bracken to Lord Beaverbrook, 1925–1958. L., 1990. P. 45.

Lloyd George D. War Memoirs. L., 1934.

Ibid. VIII. P. 1367.

In search of peace: speeches (1937–1938) by the Rt. Hon. Neville Chamberlain, M. P. Edited by A. Bryant. L., 1939. P. 9.

Ibid. P. 9–10.

Dalton H. The Fateful Years. L., 1957. P. 162.

Viscount Templewood. *Nine troubled years*. L., 1954. P. 26–27.

Simon J. Retrospect: the Memoirs of the Rt. Hon. Viscount Simon G. C. S.I., G.C.V.O. L., 1952. P. 275.

In search of peace: speeches (1937–1938) by the Rt. Hon. Neville Chamberlain, M. P. Edited by A. Bryant. L., 1939. P. 11.

8 December 1935 to Ida Chamberlain.

269

2 August 1935; diary.

<https://www.ipsos-mori.com/researchpublications/researcharchive/661/Rating-British-Prime-Ministers.aspx>

Gilbert M., Gott R. The Appeaser. L., 1963. P. 47.

272

24 March 1934 to Hilda Chamberlain.

273

28 July 1934 to Hilda Chamberlain.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 256.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 253–254.

276

21 October 1933 to Hilda Chamberlain.

277

21 April 1934 to Hilda Chamberlain.

Kennedy P Strategy and Diplomacy 1870–1945. L., 1984. P. 38.

279

12 May 1935; diary.

280

18 May 1935; diary.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 264.

Rothwell V. Anthony Eden; a political biography, 1931–1957. NY., 1992. P. 22.

Цит. по: *Ридли Дж.* Муссолини. М., 1999.

284

5 July 1935; diary.

285

20 July 1935 to Ida Chamberlain.

286

17 November 1935 to Ida Chamberlain.

29 November 1935; diary.

15 December 1935 to Hilda Chamberlain.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 275.

290

16 February 1936 to Ida Chamberlain.

291

14 March 1936 to Ida Chamberlain.

Earl of Avon. The Eden Memoirs: Facing the Dictators. L., 1962. P. 324.

293

14 March 1936 to Ida Chamberlain.

Ibid.

295

21 March 1936 to Hilda Chamberlain.

296

28 March 1936 to Ida Chamberlain.

Toumoux J. R. Petain et de Gaulle. P., 1964. P. 159.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 320.

Императора Хайле Селассие I, или Раса Тафари, в 1930-х годах группа товарищей из Ямайки признала воплощением верховного божества Джа, с которого и берет начало культ «растафарианства».

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 296.

301

21 March 1936 to Hilda Chamberlain.

302

27 April 1936; diary.

303

14 June 1936 to Hilda Chamberlain.

304

23 February 1935 to Hilda Chamberlain.

305

19 July 1936 to Ida Chamberlain.

306

2 August 1936 to Ida Chamberlain.

307

24 October 1936 to Ida Chamberlain.

308

17 October 1936 to Hilda Chamberlain.

Yoshida Sh. Yoshida Shigeru Last Meiji Man. NY., 2007.

Ibid. P. 287.

Yoshida Sh. Yoshida Shigeru Last Meiji Man. NY., 2007. P. 266.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 301.

Антикоминтерновский пакт (25 ноября 1936 года) — международный договор, заключенный между Германией и Японией, создавший двусторонний блок этих государств, направленный против Коммунистического интернационала (Коминтерна, откуда и название пакта) с целью не допустить дальнейшего распространение коммунистической идеологии.

314

28 November 1936 to Hilda Chamberlain.

Earl of Avon. The Eden Memoirs: Facing the Dictators. L., 1962. P. 421.

Earl of Avon. The Eden Memoirs: Facing the Dictators. L., 1962. P. 433.

Ibid. P. 436.

318

30 January 1937 to Hilda Chamberlain.

319

8 December 1936 to Ida Chamberlain.

Имеется в виду коробка (ящик) с документами, требующими срочного рассмотрения, которые существуют у ключевых министров и премьер-министра Великобритании.

321

28 November 1936 to Hilda Chamberlain.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 287.

323

21 March 1936 to Hilda Chamberlain.

Earl of Avon. The Eden Memoirs: Facing the Dictators. L., 1962. P. 445.

Gilbert M» Gott R. The Appeasers. L., 1963. P. 346–347.

326

30 May 1937 to Hilda Chamberlain.

327

26 June 1937 to Hilda Chamberlain.

328

4 July 1937 to Ida Chamberlain.

329

18 June 1938 to Ida Chamberlain.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 304.

Ibid. P. 308.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 311.

333

4 July 1937 to Ida Chamberlain.

334

1 August 1937 to Hilda Chamberlain.

Сэр Роберт Ванситтарт (Vansittart; 1881–1957) — постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании в 1930–1938 годах, в 1938–1941 годах — главный дипломатический советник Форин Оффиса.

336

29 August 1937 to Hilda Chamberlain.

Артур Гринвуд (Greenwood; 1880–1954) — член палаты общин Великобритании, лейборист, заместитель лидера Лейбористской партии в 1935–1954 годах.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 305.

339

19 September 1937 to Ida Chamberlain.

340

12 September 1937 to Hilda Chamberlain.

341

6 November 1937 to Hilda Chamberlain.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 324–325; In search of peace: speeches (1937–1938) by the Rt. Hon. Neville Chamberlain, M. P. Edited by A. Bryant. L., 1939. P. 34–35.

343

30 October 1937 to Ida Chamberlain.

Henderson N. Failure of a Mission. L., 1940. P. 23.

Earl of Avon. The Eden Memoirs: Facing the Dictators. L., 1962. P. 503.

Earl of Avon. The Eden Memoirs: Facing the Dictators. L. 1962. P. 503.

347

27 April 1936; diary.

Henderson N. Failure of a Mission. L., 1940. P. VIII.

Henderson N. Failure of a Mission. L., 1940. P. 7.

Earl of Avon. The Eden Memoirs: Facing the Dictators. L., 1962. P. 504.

351

9 March 1935 to Hilda Chamberlain.

352

15 December 1934 to Hilda Chamberlain.

353

18 January 1936 to Ida Chamberlain.

In search of peace: speeches (1937–1938) by the Rt. Hon. Neville Chamberlain, M. P. Edited by A. Bryant. L., 1939. P. 20–21.

In search of peace: speeches (1937–1938) by the Rt. Hon. Neville Chamberlain, M. P. Edited by A. Bryant. L., 1939. P. 238–239.

356

4 July 1937 to Ida Chamberlain.

Майский И. М. Дневник дипломата, Лондон: 1934–1943: В 3 ч. М., 2006. Т. 1.С. 177.

Henderson N. Failure of a Mission. L., 1940. P. 88.

359

24 October 1937 to Hilda Chamberlain.

Earl of Birkenhead. The life of Lord Halifax. L., 1965. P. 365.

Henderson N. Failure of a Mission. L., 1940. P. 35.

Earl of Halifax. Fulness of days. L., 1957. P. 184.

363

21 November 1937 to Hilda Chamberlain.

Earl of Halifax. Fulness of days. L., 1957. P. 184–185.

И Н К — Индийский национальный конгресс.

Earl of Halifax. Fulness of days. L., 1957. P. 191.

Henderson N. Failure of a Mission. L., 1940; *Ribbentrop J. v.* Zwischen London und Moskau. Druffel-Verlag, 1953.

368

26 November 1937 to Ida Chamberlain.

Договор о неприменении силы между Германией и Польшей (26 января 1934 года) — совместная декларация о ненападении, подписанная Германией и Польшей сроком на десять лет. В декларации было особо указано, что она не аннулирует обязательства, данные ранее правительствами Германии и Польши третьим странам.

Bonnet G. Défense de la paix. De Washington au Quai d'Orsay. Genève, 1948. P. 49–50.

Мария Луиза (Princess Marie Louise of Schleswig-Holstein } 1872–1956)
— принцесса Шлезвиг-Гольштейнская, член британской королевской семьи, внучка королевы Виктории.

372

21 November 1937 to Hilda Chamberlain.

373

19 February 1938; diary.

Earl of Avon. *The Eden Memoirs: Facing the Dictators*. L., 1962. P. 521.

375

12 December 1937 to Ida Chamberlain.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 335.

Earl of Birkenhead. The life of Lord Halifax. L., 1965. P. 376.

Earl of Avon. The Eden Memoirs: Facing the Dictators. L., 1962. P. 556–557.

379

16 October 1937 to Ida Chamberlain.

Earl of Avon. The Eden Memoirs: Facing the Dictators. L., 1962. P. 573.

381

30 January 1938 to Hilda Chamberlain.

Для более близкого знакомства с этой интереснейшей и очень спорной исторической фигурой рекомендую читателям книгу В. Э. Молодякова «Риббентроп. Упрямый советник фюрера» (М.: АСТ-Пресс Книга, 2008), без сомнения, лучшую из имеющихся биографий казненного рейхсминистра.

383

6 February 1938 to Hilda Chamberlain.

384

19 February 1938; diary.

Earl of Avon. The Eden Memoirs: Facing the Dictators. L., 1962. P. 578.

Earl of Birkenhead. The life of Lord Halifax. L., 1965. P. 379 (Hickleton papers).

387

27 February 1938 to Hilda Chamberlain.

Champeaux G. La croisade des démocraties. V. I. P., 1941. P. 264.

Earl of Halifax. Fulness of days. L., 1957. P. 195.

Earl of Halifax. Fulness of days. L., 1957. P. 196.

Earl of Avon. The Eden Memoirs: Facing the Dictators. L., 1962. P. 447–448.

Ibid. P. 513.

Ibid. P. 556.

Earl of Avon. The Eden Memoirs: Facing the Dictators. L., 1962. P. 445.

395

26 February 1938 to Anthony Eden.

396

16 October 1937 to Ida Chamberlain.

Earl of Birkenhead. The life of Lord Halifax. L., 1965. P. 380 (Hickleton papers).

Dilks D. The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945. L., 1971. P. 58
(7 March 1938).

399

13 March 1938 to Hilda Chamberlain.

400

13 March 1938 to Hilda Chamberlain.

401

16 April 1938 to Ida Chamberlain.

402

20 March 1938 to Ida Chamberlain.

403

20 March 1938 to Ida Chamberlain.

Bonnet G. Ddfence de la paix. De Washington au Quai d'Orsay. Genfcve, 1948. P. 107–108.

Earl of Birkenhead. The life of Lord Halifax. L., 1965. P. 385.

406

1 May 1938 to Ida Chamberlain.

407

22 May 1938 to Hilda Chamberlain.

408

28 May 1938 to Ida Chamberlain.

409

18 June 1938 to Ida Chamberlain.

In search of peace: speeches (1937–1938) by the Rt. Hon. Neville Chamberlain, M. P. Edited by A. Bryant. L., 1939. P. 237–243.

Faber D. Munich, 1938: appeasement and World War II. NY., 2008. P. 427.

412

16 July 1938 to Ida Chamberlain.

413

6 August 1938 to Ida Chamberlain.

414

13 August 1938 to Hilda Chamberlain.

415

3 September 1938 to Ida Chamberlain.

416

11 September 1938 to Ida Chamberlain.

Dutton D. Neville Chamberlain. L., 2001. P. 7.

Aster S. Guilty Men: The Case of Neville Chamberlain. L., 1989. P. 184–185.

Кертман Л. Е. Джозеф Чемберлен и сыновья. М., 1990. С. 509–510.

Rudman S. Lloyd George and the Appeasement of Germany, 1919–1945.
Cambridge, 2011. P. 224.

Dilks D. The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945. L., 1971. P. 95–96 (8 September 1938).

Ibid. P. 98 (15 September 1938).

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 361–362.

Крал В. Дни, которые потрясли Чехословакию. М.: Прогресс, 1980. С. 23.

Henderson N. Failure of a Mission. L., 1940. P. 10.

Ширер У. Берлинский дневник. Европа накануне Второй мировой войны глазами американского корреспондента. М.: Центрпо-лиграф, 2002. С. 115.

Уильям Лоуренс Ширер (Shirer; 1904–1993) — американский журналист, военный корреспондент. В 1934–1940 годах жил и работал в нацистской Германии.

Пауль Шмидт (Shmidt; 1899–1970) — переводчик рейхсминистерства иностранных дел в 1924–1945 годах, с 1935 года — официальный личный переводчик Адольфа Гитлера.

Кабинет Чемберлена в мемуарах описывал Жорж Бонне, и по его впечатлению был он таким: «Кабинет премьер-министра представлял собой большую прямоугольную комнату. Никаких полотен известных мастеров или исторических гобеленов; большой письменный стол, несколько кресел — такова была сознательно скромная обстановка этого кабинета» (*Bonnet G. Defence de la paix. De Washington au Quai d'Orsay. Genève, 1948. P. 106–107*).

Шмидт П. Переводчик Гитлера. Смоленск: Русич, 2001. С. 152–153.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 322.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 321.

Henderson N. Failure of a Mission. L., 1940. P. 152.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 368.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 364.

Henderson N. Failure of a Mission. L., 1940. P. 156.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 321.

Dilks D. The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945. L., 1971. P. 102 (21 September 1938).

Желающие могут ознакомиться с этой композицией на популярном сервисе [youtube.com](https://www.youtube.com), набрав в его поисковой строке Harry Roy «God bless you, mr. Chamberlain».

Dilks D. The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945. L., 1971. P. 102 (22–23 September 1938).

Шмидт П. Переводчик Гитлера. Смоленск: Русич, 2001. С. 131–132.

Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. Third Series. L., 1955. V.
II. P. 490.

Dilks D. The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945. L., 1971. P. 103–105 (24 September 1938).

Earl of Birkenhead. The life of Lord Halifax. L., 1965. P. 400.

Майский И. М. Дневник дипломата, Лондон: 1934–1943. М., 2006. Ч. 1.С. 273.

Dilks D. The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945. L., 1971. P. 103–105 (24 September 1938).

Earl of Birkenhead. The life of Lord Halifax. L., 1965. P. 401–402.

Dilks D. The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945. L., 1971. P. 103–105 (24 September 1938).

Bonnet G. Defence de la paix. De Washington au Quai d'Orsay. Genève, 1948. P. 269.

Ibid. P. 321.

Майский И. М. Дневник дипломата, Лондон: 1934–1943. М., 2006. Ч. 1.С. 291.

Gilbert M., Gott R. The Appeasers. L., 1963. P. 377.

Henderson N. Failure of a Mission. L., 1940. P. 170–171.

Earl of Birkenhead. The life of Lord Halifax. L., 1965. P. 405.

col1_0 The Origins of the Second World War. L., 1984. P. 235.

456

2 October 1938 to the Archbishop of Canterbury.

Шмидт П. Переводчик Гитлера. Смоленск: Русич, 2001. С. 146.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 382; *Earl of Halifax.*
Fulness of days. L., 1957. P. 199.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 380.

460

В оригинале телеграммы слова было два: «good man».

Henderson N. Failure of a Mission. L., 1940. P. 173.

462

2 October 1938 to Hilda Chamberlain.

Earl of Birkenhead. The life of Lord Halifax. L., 1965. P. 380 (Hickleton papers).

464

9 October 1938 to Ida Chamberlain.

465

4 July 1938 to Ida Chamberlain.

Parker R. Chamberlain and Appeasement: British Policy and the Coming of the Second World War. L., 1993. P. 205.

467

9 October 1938 to Ida Chamberlain.

Irving D. Churchill's War. V. 1. The Struggle for Power. L., 2003. P. 133–153.

469

15 October 1938 to Hilda Chamberlain.

470

9 October 1938 to Ida Chamberlain.

471

6 November 1938 to Hilda Chamberlain.

472

13 November 1938 to Ida Chamberlain.

473

27 November 1938 to Hilda Chamberlain.

Франко-германская декларация — декларация, подписанная 6 декабря 1938 года в Париже министрами иностранных дел Франции и Германии Ж. Бонне и И. Риббентропом. Согласно декларации, оба правительства обязывались приложить все усилия для развития мирных и добрососедских отношений между своими странами. Указывалось, что между Францией и Германией нет никаких территориальных споров и что существующая граница между ними является окончательной. Было решено «поддерживать контакт друг с другом по всем вопросам, касающимся их стран, и совещаться между собой в случае, если бы эти вопросы в своем дальнейшем развитии могли привести к международным осложнениям».

475

11 December 1938 to Hilda Chamberlain.

476

4 December 1938 to Ida Chamberlain.

477

17 December 1938 to Ida Chamberlain.

478

4 December 1938 to Ida Chamberlain.

479

8 January 1939 to Ida Chamberlain.

Earl of Halifax. Fulness of days. L., 1957. P. 201.

Цит. по: *Ридли Дж.* Муссолини. М., 1999.

482

15 January 1939 to Hilda Chamberlain.

483

5 February 1939 to Hilda Chamberlain.

484

19 February 1939 to Hilda Chamberlain.

Dilks D. The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945. L., 1971. P. 151–153 (24 February 1939).

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 396–397.

Earl of Halifax. Fulness of days. L., 1957. P. 232.

488

19 March 1939 to Hilda Chamberlain.

489

12 March 1939 to Ida Chamberlain.

Henderson N. Failure of a Mission. L., 1940. P. 152.

491

1—2 April 1939 to Hilda Chamberlain.

492

26 March 1939 to Ida Chamberlain.

Bonnet G. Fin d'une Europe. De Munich & la guerre. Genève, 1948. P. 162.

Earl of Halifax. Fulness of days. L., 1957. P. 204.

495

9 October 1937 to Hilda Chamberlain.

Майский И. М. Дневник дипломата, Лондон: 1934–1943. М., 2006. Ч. 1.С. 341–344.

497

15 April 1939 to Hilda Chamberlain.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 403–404.

Григоре Гафенку (Gafencu; 1892–1957) — румынский государственный и общественно-политический деятель, министр иностранных дел Румынии в 1939–1940 годах.

Френсис Нейлсон (*Neilson*; 1867–1961) — британский общественный и политический деятель, член палаты общин, автор многочисленных работ, в том числе и по истории британской внешней политики.

Молодяков В. Э. Несостоявшаяся ось: Берлин — Москва — Токио. М.: Вече, 2004.

502

29 April 1939 to Hilda Chamberlain.

Германо-итальянский договор о союзе и дружбе — международный пакт, подписанный Германией и Италией с целью еще раз подтвердить действие положений Антикоминтерновского пакта и двусторонне оговорить взаимные союзнические обязательства сторон о взаимопомощи в случае военных действий с любой третьей страной, договоренности о широком сотрудничестве в военной и экономической сферах.

Earl of Birkenhead. The life of Lord Halifax. L., 1965. P. 440.

505

29 April 1939 to Hilda Chamberlain.

506

17 June 1939 to Hilda Chamberlain.

Earl of Birkenhead. The life of Lord Halifax. L., 1965. P. 441.

508

15 July 1939 to Hilda Chamberlain.

509

23 July 1939 to Ida Chamberlain.

510

23 July 1939 to Ida Chamberlain.

Henderson N. Failure of a Mission. L., 1940. P. 270.

The British War Bluebook. L., 1939. P. 37–39.

513

27 August 1939 to Hilda Chamberlain.

Henderson N. Failure of a Mission. L., 1940. P. 85.

Hansard Parliamentary Debates. Vol. 351. 1939. Cc. 125-39.

Earl of Birkenhead. The life of Lord Halifax. L., 1965. P. 446 (Hickleton papers).

517

Sir Reginald Dorman-Smith. Sunday Times. 6 September 1964.

Dilks D. The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945. L., 1971. P. 277–280 (9 May 1940).

519

15 October 1939 to Hilda Chamberlain.

Henderson N. Failure of a Mission. L., 1940. P. 303.

Earl of Birkenhead. The life of Lord Halifax. L., 1965. P. 449.

Lord Strang. Home and Abroad. L., 1956. P. 70.

5 September 1939 to the Archbishop of Canterbury.

524

10 September 1939 to Ida Chamberlain.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 420.

526

17 September 1939 to Hilda Chamberlain.

527

17 September 1939 to Hilda Chamberlain.

Ibid.

529

23 September 1939 to Ida Chamberlain.

530

8 October 1939 to Ida Chamberlain.

Ibid.

Earl of Birkenhead. The life of Lord Halifax. L., 1965. P. 450.

533

8 October 1939 to Ida Chamberlain.

534

15 October 1939 to Hilda Chamberlain.

535

22 October 1939 to Ida Chamberlain.

536

12 November 1939 to Hilda Chamberlain.

537

3 December 1939 to Ida Chamberlain.

538

1 January 1940 to Francis Lindley.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 430.

Mason D. The Phoney War. History of The Second World War. L.,1966. V. I.P. 85–89.

541

27 January 1940 to Ida Chamberlain.

Ibid.

543

25 February 1940 to Hilda Chamberlain.

The Neville Chamberlain Diary Letters. V. 1: The making of a politician, 1915–1920. Edited by Robert C. Self. L., 2000. P. 13.

545

30 March 1940 to Ida Chamberlain.

546

17 February 1940 to Ida Chamberlain.

Liddell Hart B. H. History of the Second World War. L., 1970.

Уильям Джойс (Joyce; 1906–1946) — нацистский пропагандист, ведущий англоязычных передач германского радио, прозванный в Британии «Лорд Хау-Хау» (Lord Haw-Haw) за аффектированное британское произношение, свойственное аристократическим английским кругам и за «лающий» («гав-гав») тон своих передач.

Под «мешающими вещами» имелся в виду недостаток полномочий первого лорда Адмиралтейства, Чемберлен был полон решимости их расширить, но против этого выступали некоторые сервисные министры, которым проще было бы уйти в отставку, нежели работать под непосредственным началом Уинстона Черчилля.

550

4 May 1940 to Hilda Chamberlain.

Эмери Л. С. Моя политическая жизнь. М., 1960. С. 622.

552

3 February 1940 to Ida Chamberlain.

553

4 May 1940 to Hilda Chamberlain.

554

24 October 1939 Mrs. Chamberlain to Hilda Chamberlain.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 432.

Hansard Parliamentary Debates. 5C. Vol. 360. 1940. Col. 1082–1083.

Ibid. Col. 1092.

Сэр Арчибальд Синклер (Sinclair; 1890–1970) — член палаты общин, либерал, лидер либеральной оппозиции и партии в 1935–1945 годах.

Hansard Parliamentary Debates. 5C. Vol. 360. 1940. Col. 1122.

Ibid. Col. 1283.

Ibid.

Ibid.

Hansard Parliamentary Debates. 5C. Vol. 360. 1940. Col. 1265.

Ibid. Col. 1266.

Addison P. The road to 1945: British Politics and the Second World War. L., 1975. P. 97–98.

Hansard Parliamentary Debates. 5C. Vol. 360. 1940. Col. 1150.

Earl of Birkenhead. The life of Lord Halifax. L., 1965. P. 452.

Hansard Parliamentary Debates. 5C. Vol. 116. 1940. Col. 351.

Lord Woolton. Memoirs. L., 1959. P. 140.

Dilks D. The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945. L., 1971. P. 277 (8 May 1940).

Ibid. P. 277–280 (9 May 1940).

Gilbert M., Gott R. The Appeasers. L., 1963. P. 351.

Dilks D. The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945. L., 1971. P. 287 (20 May 1940).

Earl of Birkenhead. The life of Lord Halifax. L., 1965. P. 453–455 (Hickleton papers).

Earl of Birkenhead. The life of Lord Halifax. L., 1965. P. 453–455 (Hickleton papers).

Earl of Birkenhead. The life of Lord Halifax. L., 1965. P. 453–455
(Hickleton papers).

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 441.

578

11 May 1940 to Ida Chamberlain.

Bonnet G. Défence de la paix. De Washington au Quai d'Orsay. Genève, 1948. P. 325.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 442.

Earl of Birkenhead. The life of Lord Halifax. L., 1965. P. 457 (Hickleton papers).

582

17 May 1940 to Hilda Chamberlain.

583

25 May 1940 to Ida Chamberlain.

584

26 May 1940; diary.

Earl of Halifax. Fulness of days. L., 1957. P. 215.

586

25 May 1940 to Ida Chamberlain.

587

1 June 1940 to Hilda Chamberlain.

588

8 June 1940 to Ida Chamberlain.

Ibid.

590

21 June 1940 to Ida Chamberlain.

591

27 July 1940 to Hilda Chamberlain.

592

29 June 1940 to Hilda Chamberlain.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 450.

594

3 August 1940 Winston Churchill to Neville Chamberlain NC7/9/92.

595

9 September 1940; diary.

Dilks D. The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945. L., 1971. P. 326 (12 September 1940).

Earl of Birkenhead. The life of Lord Halifax. L., 1965. P. 462 (Hickleton papers. Diary).

The Neville Chamberlain Diary Letters. V. 4: The Downing-street years, 1934–1940. Edited by Robert C. Self. L., 2000. P. 47.

599

5 October 1940 to John Simon.

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 455–456.

601

October 1940; diary.

The Neville Chamberlain Diary Letters. V. 4: The Downing-street years, 1934–1940. Edited by Robert C. Self. L., 2000. P. 48.

Earl of Birkenhead. The life of Lord Halifax. L., 1965. P. 463–464
(Hickleton papers. Diary).

Felling K. Life of Neville Chamberlain. L., 1970. P. 456.

Волков Ф. Д. За кулисами Второй мировой войны. М.: Мысль, 1985. С. 167–168.

606

27 July 1940 to Hilda Chamberlain.

Гebbельс Й. Дневники 1945 года. Последние записи. Смоленск: Русич, 1993. С. 171.